

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

天
子
之
口
舌
也
天
子
之
口
舌
也

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

XI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МАТЕРИАЛЫ

Москва, 25–26 июня 2002 г.

Москва 2002

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект №02-04-14016г

Редакционная коллегия

Н. В. Солнцева (отв. редактор)
И. Н. Комарова (отв. секретарь)
К. В. Антонян

Редактор

Е. А. Дмитренко

Художник

Н. Г. Иванова

В книге представлены исследования по современному китайскому языку, диалектам китайского языка, языкам национальных меньшинств Китая, а также ряду других изолирующих языков. Значительное место в книге занимают проблемы лексикологии, грамматики, рассматриваются вопросы фонетики, истории языка и методики преподавания китайского языка.

The book presents studies in modern Chinese, its dialects as well as in the languages of ethnic minorities of China and also studies in other isolating languages. The book contains materials on theoretical description of the grammar, lexis and phonetics of the Chinese language, some papers deal with the history of language and methods of teaching Chinese.

© Институт языкознания РАН, 2002

В.А. Андреева, г. Москва

К ВОПРОСУ О НЕОЛОГИЗМАХ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА

Пополнение словарного состава языка неологизмами происходит постоянно вследствие динамизма и открытости лексической системы языка, её свойства наиболее активно по сравнению с другими языковыми уровнями реагировать на все изменения, происходящие во внеязыковой действительности, отражать складывающуюся новую общественно-политическую и экономическую реальность. В последние десятилетия XX века во вьетнамском языке процесс появления неологизмов, как нам представляется, происходит с необыкновенно высокой интенсивностью (хотя сходные явления отмечаются исследователями и в других языках, в частности русском, китайском и других), что позволяет говорить о своего рода неологическом буме. Попробуем обратиться к причинам данного явления. Прежде всего, это бурный научно-технический прогресс, происходящий в мире, возникновение – особенно с появлением всемирной компьютерной сети Интернет – единого мирового информационного пространства, интенсивное развитие промышленности, торговли, внедрение новых технологий, появление огромного количества новых реалий и понятий, требующих своего отражения в языке. Следующим фактором, определившим резкое обновление лексического состава вьетнамского языка, представляется прекращение раздельного существования в течение нескольких десятков лет двух вариантов вьетнамского языка Севера и Юга Вьетнама, причём следует отметить, что при исконном наличии во вьетнамском языке

определенного числа диалектных различий в лексике северян и южан, один вьетнамский язык еще и обслуживал две различные общественно-политические системы, что, конечно же, не могло не найти своего отражения в языковой действительности. Третьим фактором, приведшим к неологическому буму во вьетнамском языке, следует назвать изменения во внутренней и внешней политике Вьетнама, начало которым положил взятый в середине восьмидесятых годов курс на обновление страны, следствием чего стала политика рыночных реформ, бурный экономический рост, открытость и демократизация вьетнамского общества, расширение и многообразие международных контактов, возросшая роль средств массовой информации, миграционная активность населения.

Наряду с этим, как и в любом другом языке, появление неологизмов во вьетнамском языке обусловлено также и внутриязыковыми факторами – тенденциями к экономии, системности, семантической и стилистической дифференциации слов и их значений, достижению наибольшей экспрессивно-эмоциональной выразительности. Совокупность всех этих факторов способствует продолжающемуся интенсивному обновлению и расширению словарного состава вьетнамского языка.

Не претендуя в данной работе на полноту охвата и осмысления всего огромного массива новой лексики, попытаемся тем не менее высказать некоторые соображения относительно наблюдающихся тенденций и способов обновления лексического состава вьетнамского языка. Данное исследование предпринято нами на материалах вьетнамской периодической печати последнего времени, в основном 2000 и частично 1999 гг. издания: “Nhân dân” (“Народ”), “Tiền phong” (“Авангард”), “Lao động” (“Труд”), “Tuổi trẻ” (“Молодежь”), “An ninh thế giới” (“Безопасность в мире”), “Quốc tế” (“Международная газета”), “Công an nhân dân” (“Народная милиция”) и др., всего 15 наименований.

Как нам представляется, все неологизмы можно разделить на две большие группы: неологизмы-новообразования и т.н. неологизмы вхождения. Рассмотрим вначале вторую группу, внутри которой, в свою очередь, можно выделить следующие подгруппы: а) собственно иностранные заимствования, к которым примыкают переводы и кальки; б) актуализация устаревших слов (слов, известных в прошлом, но на каком-то этапе вышедших из активного употребления); в) т.н. семантические неологизмы, т.е. новые значения ранее известных слов.

Лексические заимствования новейшего времени во вьетнамском языке представлены в основном заимствованиями из английского и китайского языков. Заимствование англоязычной лексики в последние годы характерно и для подавляющего большинства других языков мира, в большей или меньшей степени успешно пытающихся противостоять данному явлению. Проникновение англоязычной лексики во вьетнамский язык наблюдается прежде всего в сфере информационных, компьютерных и коммуникационных технологий, а также в области общественной жизни, массовой культуры, искусства, спорта, что связано с необходимостью именования многих новых реалий и понятий, появившихся в мире в последние годы либо проникших во Вьетнам в связи с развитием международных контактов и политикой открытых дверей. Приведем некоторые примеры: đĩa CD «компакт-диск», file «файл», máy scaner «сканер», mạng Internet «сеть Интернет», modem «модем», fax, fãc «факс», multimedia «мультимедия», camera «камера» (quay camera – снимать на камеру), e-mail «электронная почта», inch «дюйм», nạn dịch AIDS / HIV «эпидемия СПИДа / ВИЧ», xìcãngđan «скандал» (vụ xìcãngđan tài chính – финансовый скандал), top ten «первая десятка, десять лучших» (top ten sản phẩm phần mềm Việt Nam – десятка лучших программных продуктов Вьетнама), dòng nhạc pop «поп-музыка», thể loại rock «жанр «рок», sân nhảy disco «дискотека»,

gôn, golf “гольф”. Проникая во вьетнамский язык, англоязычные заимствования претерпевают фонетические изменения, приспосабливаясь к произносительным нормам вьетнамского языка, нередко приобретают тоновую характеристику. Что же касается орфографии, норм написания иностранных заимствований, то здесь нередко отсутствует всякое единообразие, поэтому вьетнамскому обществу ещё предстоит выработать единые орфографические нормы написания иноязычных и в частности англоязычных заимствований.

Следует также отметить, что в русле широко распространенной в последнее время во вьетнамском языке тенденции использования в письменной речи различного рода аббревиатур и сокращений, зачастую непонятных даже для носителей языка, заимствованные лексические единицы также встречаются в виде буквенных аббревиатур, иногда без какого-либо пояснения, например: EU (European Union «Европейский Союз»: thị trường EU “рынок стран Европейского Союза”, hàng xuất khẩu sang EU “товары, экспортирующиеся в страны Европейского Союза”; FAO (Food and Agriculture Organization) “ФАО, Продовольственная и Сельскохозяйственная Организация ООН” (FAO khuyến khích trồng cây ăn quả “ФАО поощряет возделывание плодовых деревьев”).

Что касается такого способа словообразования, как словообразовательное и семантическое калькирование, то не останавливаясь подробно на этом вопросе, приведем лишь несколько примеров: siêu thị «супермаркет, универсам» (supermarket; siêu “супер”, thị “рынок”); siêu người mẫu “супермодель” (siêu “супер”, người “человек”, mẫu “модель, образец”); một nửa thứ hai [tuyệt vời] “вторая половина, прекрасная половина”, câu lạc bộ “клуб, спортивная команда”, đảng Xanh “Партия зеленых” (Greens Party), những đồng tiền bẩn “грязные деньги” (dirty money).

Вопрос о лексических заимствованиях из китайского языка представляет немалую трудность, так как в силу длительных и

многообразных языковых контактов между китайским и вьетнамским языками в последнем существует весьма значительное число ханьвьетских лексических единиц, являющихся на современном этапе развития вьетнамского языка неотъемлемой частью его лексической системы и активно участвующих в образовании неологизмов. Многие из этих ханьвьетских слов, морфем и словосочетаний сохранились и продолжают активно функционировать во вьетнамском языке в то время как в современном китайском языке они уже не используются либо имеют иное семантическое содержание. Проблема, таким образом, состоит в том, считать ли процесс образования неологизмов с участием ханьвьетских лексических единиц процессом лексического или семантического заимствования либо процессом словообразовательным. Представляется, что данная проблема могла бы быть решена следующим образом: считать заимствованиями неологизмы, образованные по методу семантического калькирования с участием ханьвьетских элементов, продолжающих активно употребляться в китайском языке и образующих аналогичные лексические единицы, и считать результатом процесса словообразования неологизмы, образованные с участием ханьвьетских единиц, хотя бы одна из которых либо уже не употребляется в китайском языке, либо имеет в нем иное семантическое содержание, либо является исконно вьетнамской лексической единицей. Разумеется, такое решение носит весьма условный характер и нуждается в дополнительной проработке. По мнению вьетнамского ученого Нгуен Нгок Чам, на современном этапе заимствование из китайского языка происходит двумя путями: путем стихийного заимствования новой лексики из книг, фильмов и т.п., причем при заимствовании не требуется никакой фонетической ассимиляции, так как китайские лексические единицы уже имеют свои фонетические соответствия во вьетнамском языке, а также путем целенаправленного поиска учеными, особенно знающими китайский

язык, соответствующего лексического материала с целью создания научной терминологии для обозначения новых понятий специальных областей знания и деятельности, которых не было во вьетнамском языке. Некоторые примеры заимствований первого типа: *biên mậu* «пограничная торговля», *khủng long* «динозавр», *cao tốc* «высокоскоростной», *siêu tốc* «сверхскоростной», *á quân* «вице-чемпион, второй призер»; заимствований второго типа: *nội hướng* «интровертный», *ngoại hướng* «экстравертный», *ngoại cảm* «сверхчувственный, экстрасенсорный», *quang năng* «световая энергия».

Вопрос заимствований из современного китайского языка вплотную смыкается со следующим отмеченным нами источником возникновения неологизмов – актуализацией уже известных в прошлом лексических единиц. На периферии вьетнамского языка существует весьма значительное количество ханвьетской лексики, оказавшейся там в силу ряда причин: а) в результате кампании за чистоту вьетнамского языка, проводившейся в течение нескольких десятков лет в ДРВ, при существовании исконно вьетнамского и ханвьетского синонимов предпочтение однозначно отдавалось первому (заметим, что на Юге Вьетнама подобной кампании не было); б) значительное число подобной лексики носило книжный характер или являлось принадлежностью какой-то определенной области деятельности: классическая литература, высокая политика, религия, юриспруденция и т. п. В настоящее время многие ханвьетские единицы возвращаются с периферии вьетнамского языка в центр его лексической системы, входят в активное употребление, применяются к новым реалиям как их обозначение, приобретают новые значения или стилистические оттенки, создают более короткие по сравнению с существовавшими структурами номинации. Многие из этих слов, зафиксированные в относительно старых толковых словарях вьетнамского языка (Đào Văn Tập, 1951;

Thanh Nghị, 1952; Lê Văn Đức, 1970) и не включенные в Словарь вьетнамского языка под редакцией Хоанг Фе 1988, 1994, 1998 гг. издания или имевшие в нем пометы *устаревшее*, *малоупотребительное*, ныне либо включены составителями в новое переиздание данного словаря 2000 года, либо лишились в нем помет о принадлежности к старой, малоупотребительной лексике. Например, слово *du học* «учиться за границей», ранее толковавшееся как устарелое, ныне широко употребляется в языке вместо более длинного сочетания *học ở nước ngoài* и имеет более «престижный» характер по сравнению со старой единицей (*sang Nhật du học* – поехать на учебу в Японию); *du khách* «иностранный турист» (вместо более длинного *khách du lịch*); *báo giới* “журналистские круги, пресса” (вместо *giới báo chí*); *gia đình* “употребляющийся в быту, домашнего обихода”; *đạ yến* “банкет, прием”; *chính trường* “политическое поприще, политическая арена”, *công cán* “отправиться в деловую поездку (командировку)”. Иногда наблюдаются семантические сдвиги по сравнению с исходным значением ханьвьетской единицы. Так, слово *giảm thiểu* в свое время было заимствовано из китайского языка со значением «уменьшать, сокращать», сейчас же оно вернулось в употребление в значении «сокращать до минимума, сводить к минимуму, минимизировать»: *giảm thiểu chi phí* “свести к минимуму расходы”, *giảm thiểu thời gian phải chờ đợi* “сократить до минимума сроки ожидания”. Представляется, что возвращение ханьвьетских единиц, так же как и их активное участие в словообразовании становится возможным потому, что эти лексические единицы существуют во вьетнамском языке на протяжении длительного исторического отрезка времени и в большей или меньшей степени знакомы среднему носителю языка, который может, даже не зная слова или не понимая словосочетания, догадаться о его значении исходя из семантики первичных значимых лексем, поскольку лексические единицы вьетнамского языка вообще

и неологизмы в частности в основном обладают структурной прозрачностью. Ханьвьетские слова, возвращаясь в язык, обогащают лексику вьетнамского языка семантическими и стилистическими оттенками, помогают именовать новые понятия, не прибегая к “чистым” иностранным заимствованиям, что характерно для многих других языков.

Еще один источник неологизмов – образование новых значений у уже известных и употребительных слов, возникновение многозначности, терминологизация и ретерминологизация и т.п. Так, слово *nhân bản* «размножать, копировать» стало употребляться в значении «клонировать» (*tao ra con người bằng phương pháp nhân bản* – создать человека путем клонирования), слово *phiên bản* “копия” стало употребляться в информатике в значении “версия”. (*phiên bản MS-DOS 6.2*). Слово сочетание *phim nhựa* в последнее время используется для обозначения собственно кинофильмов (предназначенных для показа в кинотеатрах) в отличие от телевизионных и видеофильмов (видимо, от значения *nhựa* «пластмасса, полиэтилен» – фильмы, снятые на полимерной пленке; *phim truyện nhựa* “художественный кинофильм», *sự cạnh tranh giữa phim nhựa và phim truyện hình* “конкуренция между кино- и телефильмами”). Множество неологизмов-значений возникает в разговорной речи: например, слово *đón* «подставка под вазу» приобрело значение «незаслуженно продвигать по службе, повышать в должности», прочно вошло в язык лексикализованное сочетание *xe ôm*, которое условно можно перевести как “мотоцикл-такси” (букв. машина + обнимать).

Вторая большая группа неологизмов – собственно новообразования, продукт словообразования. Не имея возможности осветить в данной работе достаточно подробно такой сложный и многоплановый вопрос, как модели и способы словообразования во вьетнамском языке, остановимся лишь на некоторых моментах.

Словообразование во вьетнамском языке как языке изолирующего типа осуществляется в основном путем словосложения, аффиксации, повторов, конверсии, лексического сокращения, инверсии составляющих морфем. Обращает на себя внимание широкое участие в словообразовании ханьвьетских морфем, которые вступают в сочетания друг с другом либо с исконно вьетнамскими элементами. В последние годы с участием ханьвьетских лексем образовалось много неологизмов в сфере экономической, политической лексики, терминологии. Например: *đồng tác* «партнер», *doanh nhân* «предприниматель, бизнесмен», *hội nhập* «интегрироваться, интеграция», *tăng trưởng* «рост (экономический)», *kiểm toán* «аудировать, аудит», *tái xuất* «реэкспортировать, реэкспорт», *thị phần* «доля рынка», *quản trị kinh doanh* «менеджмент», *cấu hình* «конфигурация (компьютера)», *lò vi ba* «микроволновая печь» и т.д. В последнее время активизировалась ханьвьетская словообразовательная морфема *đa* «много-, мульти-, поли-»: *đa năng* «многофункциональный, универсальный» (*máy điện thoại đa năng* «многофункциональный телефон», *cầu thủ đa năng* «универсальный игрок»), *đa hệ* «мультисистемный» (*tivi đa hệ* «мультисистемный телевизор»), *đa phương* «многосторонний» (*quan hệ đa phương* «многосторонние связи»). Интересное явление происходит с ханьвьетской словообразовательной морфемой *siêu*. Изначально являясь во вьетнамском языке связанной словообразовательной морфемой со значением «сверх-, супер-, транс-» и продолжая активно функционировать в этом качестве, в настоящее время она постепенно переходит в разряд самостоятельных односложных единиц в значении «превосходный, великолепный, наивысшего качества»: *trình độ rất siêu* «высочайший уровень, уровень «супер», *ăn mặc rất siêu* «великолепно (с иголочки) одетый». Высокую словообразовательную продуктивность проявляет в последнее время исконно вьетнамская деривационная морфема *nhà* со значением деятеля, она значительно

расширила сферу своего действия и часто вытесняет вьетнамскую же единицу người «человек», имеющую словообразовательную семантику «тот, кто»: nhà doanh nghiệp «предприниматель», nhà đầu tư «инвестор», nhà thầu «подрядчик», nhà lập trình «программист», nhà vườn «садовод», nhà ngoại cảm «экстрасенс», nhà sản xuất bộ vi xử lý «производитель микропроцессоров», các nhà hoạch định chiến lược kinh tế đối ngoại «определяющие (те, кто определяет) внешне-экономическую стратегию». Процессы и тенденции словообразования в современном вьетнамском языке заслуживают отдельного большого исследования.

Таким образом, во вьетнамском языке в последние годы мы наблюдаем появление большого числа неологизмов, осуществляющееся небывало высокими темпами в русле общей тенденции ускорения процессов языкового развития в нынешний период технологических революций и социальных перемен. Основные пути появления неологизмов – заимствования из английского и китайского языков, возрождение периферийной лексики, появление новых значений и стилистические сдвиги у старых лексических единиц, образование новых слов и устойчивых словосочетаний. Как нам представляется, при значительном количестве иностранных, в частности англоязычных заимствований, это количество все же далеко не так велико, как, к примеру, в русском языке в последние годы. Вероятно, это связано в первую очередь с типологическими особенностями вьетнамского языка как изолирующего, в котором наблюдается высокая продуктивность моделей словообразования, где свободные и связанные морфемы, особенно китайского происхождения, легко комбинируются между собой и создают новые единицы. Данные единицы не воспринимаются как нечто инородное языковым сознанием носителя вьетнамского языка, поскольку они уже давно фонетически ассимилированы, семантически прозрачны для носителя, часто отличаются краткостью и выразительностью.

Неологизмы обогащают лексический состав языка, выразительность и образность устной и письменной речи. Конечно, не все из появившихся в последнее время неологизмов станут общеупотребительными и найдут свое место в лексической системе вьетнамского языка, часть из них, безусловно, будет отодвинута на периферию языка либо вообще исчезнет. Думается, что перед вьетнамскими лингвистами сейчас остро стоит проблема стандартизации вьетнамского языка, установления тенденций языкового развития и возможности влиять на него.

ЛИТЕРАТУРА

- Nguyễn Ngọc Trâm.* Từ Hán-Việt trong sự phát triển từ vựng tiếng Việt giai đoạn hiện nay. Tạp chí “Ngôn ngữ”, Hà Nội, 2000, số 5, tr. 16 – 29.
- Nguyễn Văn Khang.* Từ Hán-Việt và vấn đề dạy – học từ Hán-Việt trong trường phổ thông. – trong Tiếng Việt trong trường học, Nxb KHXH, H., 1995.
- Giữ gìn sự trong sáng của tiếng Việt, Nxb KHXH, H., 1981.
- Hoàng Phê* (chủ biên), Từ điển tiếng Việt, H., 1988; tái bản, H., 1997, 2000.
- Đào Văn Tập.* Tự điển Việt Nam phổ thông, S., 1951.
- Lê Văn Đức.* Tự điển Việt Nam, S., 1970.

K.V. Antonian, Moscow

COMPLEMENTS OF DIRECTION IN CHINESE:

PROBLEMS OF CATEGORIZATION

The verb-complement construction plays an important role in the grammatical system of Chinese. It is on the basis of this construction that aspectual particles (*le, guo, zhe*) were developed. As for contemporary Chinese, it represents a rich system of complements of result and direction. A certain number of them can convey, apart from their literal meanings, also the grammatical ones: resultative, inchoative and durative. Actually,

such complements represent the phenomenon of grammaticalization – “a process whereby lexical items assume grammatical meanings” (Heine et al. 1991, Hopper and Traugott 1993).

Complements of direction in Mandarin Chinese (henceforth called CDs) form a closed class consisting of 26 elements. At least 11 of them, apart from original directional meanings, also have grammatical (namely, aspectual) meanings, e.g. resultative (*dao, shang, xia*), inchoative (*shang, qi, qilai*), durative (*xialai, xiaqu*).

CDs have different types of uses. In some of them they still retain their original lexical (i.e. directional) meaning, cf. *fei-shang lantian* ‘fly’ + ‘up’ + ‘the sky’ – ‘fly up in the sky’, *hui-dao Beijing* ‘come back’ + ‘reach’ + ‘Peking’ – ‘return to Peking’. In other uses these CDs can be more or less bleached, cf. *xie-shang liang ge zi* ‘write’ + *shang* + ‘two words’ – ‘write down two words’, *kan-dao ta* ‘look’ + *dao* + ‘him’ – ‘see him’.

It’s a notable fact that certain CDs, being antonymous in their original lexical meaning, can be synonymous as abstract morphemes denoting the resultative completion of an action (cf. *mai-shang* and *mai-xia* ‘to buy’, *bao-shang* and *bao-xia* ‘to rent’, *li-shang* and *li-xia* ‘to conclude (a treaty etc.)’).

The peculiarity of complements of direction is that their different uses coexist synchronically. This poses a problem of their linguistic categorization.

The first purpose of my paper is to give an overview of different approaches to the problem of their categorization and, particularly, to the formal criteria used by different linguists for differentiation of types of uses of CDs.

Teng Shou-hsin (1977) specifies the semantic properties of a set of CDs (in his terms – verb-particles) in the framework of the various movements of a theme (term introduced by J.Gruber in 1965).

Liu Yuehua (1988; quoted from Liu Yuehua 1989) attempts to relate different meanings of CDs to each other and to demonstrate the systematic nature of metaphorical extensions of spatial meanings. Liu Yuehua divides the uses of CDs into three types: (1) directional (*quxiang yiyi*), (2) resultative (*jiieguo yiyi*), (3) aspectual (*zhuangtai yiyi*). To do this, she uses the following criteria:

- (1) whether the sentence contains (or can contain) an adverbial modifier denoting the starting point of the movement or not;
- (2) whether the sentence contains (or can contain) an object denoting the target of the movement or not;
- (3) whether the sentence can be transformed into *ba*-sentence or not;
- (4) whether the construction 'verb + complement' can be transformed into potential form or not;
- (5) whether there are any constraints on the semantic type of the main verb in the construction 'verb + complement' or not.

K. Antonian (1994a, 1994b: 14-16, see also Antonian 1998 and Antonian 2001) uses the following set of eight formal criteria formulated as yes/no questions to investigate different (according to the type of object nominal phrase) uses of postverbal *dao* and to verify whether *dao* still retains its original directional meaning and is syntactically related to the object nominal phrase or not:

- (1) Is it possible to add morphemes *lai/qu* to the complex V + *dao* or not.
- (2) Is the phrase *dao* + NP grammatically correct or not.
- (3) Is it possible to insert in the sentence an adverbial modifier denoting the starting point of a movement or not.
- (4) Is it possible to place the NP before the verbal complex or not.
- (5) Is it possible to omit the NP or not.
- (6) Is the *ba*-transformation possible or not.

(7) Can the complex *V + dao* be transformed to the potential mode or not.

(8) Is the phrase *V + NP* grammatically correct or not.

Positive answers to points 1-3 imply that *dao* still retains its original lexical meaning. Positive answers to points 4-8 imply that *dao* has lost its directional meaning and, hence, the syntactic relation between *dao* and the nominal phrase has become loose.

These criteria were applied to the following types of uses of postverbal *dao*.

1. *V + dao + NP-place*

Ta cong Shanghai hui-dao le Beijing.

He returned from Shanghai to Peking.

2. *V + dao + NP-time*

Ta cong zaoshang 7 dian gan-dao wanshang 10 dian.

He worked from 7 o'clock in the morning until 10 o'clock in the evening.

3. *V + dao + NP-quantity*

Hao mei liang cong 50 dun jiangdi-dao 38 dun.

The consumption of coal reduced from 50 tons to 38 tons.

4. *V + dao + NP-topic of speech*

Cong Wu si yundong jiang-dao "Yi er jiu".

[The lecturer] proceeded from "the Fourth of May" to "the Ninth of December".

5. *V + dao + NP-object of influence*

Laoshi ba xiao Wang ye piping-dao le.

The teacher criticized Xiao Wang, too.

6. *V + dao + NP-object of getting*

Cai-dao bu shao yeguo le.

[They] gathered a lot of wild fruit.

This investigation gives evidence that, apart from "pure" directional uses (type 1) and "pure" aspectual uses of postverbal *dao* (type 6), there

exist other types of uses which demonstrate some “directional” and some “aspectual” features as well. This entails that the transition from “directional” to “aspectual” meaning is gradual. Different features of lexicality disappear at different stages. Table 1 shows that features of directionality of *dao* disappear at different stages while moving from the lexical (i.e., directional) to the grammatical pole.

Table 1

Types of uses	lai/qu	dao + NP	cong	preposed NP	NP omitted	Ba-transformation	Infixation of de/bu	V + NP
	1	2	3	4	5	6	7	8
1 NP-place	+	+	+	(+)	+ rare	-	+ rare	depends on V
2 NP-time	+ (rare)	+	+	-	-	-	+ (rare)	-
3 NP-quantity	-	+	+	(+)	-	-	+	-
4 NP-topic of speech	-	-	+	+	(+)	depends on V	+	+
5 NP-object of influence	-	-	-	+	+	+	+	+
6 NP-object of getting	-	-	-	+	+	+	+	+

Plus or minus in brackets denote that the corresponding structures were produced artificially and accepted by the informants as possible.

The intermediary status of *dao* is especially obvious in the uses where the object nominal phrase denotes the topic of speaking or thinking and is related to the verbs like *xiang* ‘think’, *shuo* ‘speak’, *jiang* ‘explain’, *xie* ‘write about’.

On the one hand, in these uses *dao* displays all the features of an aspectual marker. That is,

- (1) the main verb can be combined with the nominal phrase directly, without *dao*;
- (2) nominal phrase can be preposed to the verb-complement compound and, therefore, detached from *dao*;
- (3) potential forms are quite acceptable.

On the other hand, in sentences of this type it is usually possible to insert an adverbial modifier denoting starting point of a movement; this fact gives evidence that *dao* still retains its directional meaning.

Tan Aoshuang (1996) differentiates the following four types of uses of CDs depending on semantic the type of the main verb in 'verb + complement' construction:

- (1) the main verb is a verb of motion and has an autonomous subject;
- (2) the main verb is a transitive verb and has a subject that causes the movement;
- (3) the main verb does not imply any movement;
- (4) the main verb denotes some process.

Tan Aoshuang argues that these types of uses demonstrate different stages of grammaticalization of CDs: the first type is the less grammaticalized uses and the fourth type – the most grammaticalized ones. She also claims that the metaphorization of the meaning of CDs is triggered by the transformation of their valencies (see also Tan Aoshuang 1995: 16-20).

The second purpose of my paper is to discuss some typological aspects of the development of verb-complement construction, namely, the interrelation of *grammaticalization* and *reanalysis*.

Reanalysis is a concept introduced by R.Langacker in 1977. "Reanalysis is a change in the structure of an expression or class of expressions that does not involve any immediate or intrinsic modification of its surface manifestation" (Langacker 1977: 57). There is one specific form of reanalysis called constituent-internal reanalysis which has the effect of re-defining of constituent boundaries. This process turns a structure like A + (B + C) into a new structure (A + B) + C.

In this paper I claim that some contradictions in the grammatical analysis of the sentences which incorporate complements of direction and some controversies in the categorization of the complements of direction

can be accounted for by the fact that these complements are undergoing the process of grammaticalization and that the syntactic structures including them are being syntactically reanalyzed.

I claim that the desemanticization of a CD is followed by weakening of its syntactical relations to the nominal phrase (NP) in the sentence. The construction $V + CD + NP$ undergoes the process of syntactic reanalysis: the constituent boundaries in this construction are redefined. At the lexical pole of the scale it is analyzed as $V + (CD + NP)$, and at the grammatical pole – as $(V + CD) + NP$. Actually, desemanticization of a complement of direction and reanalysis of a 'verb + complement + NP' construction are two sides of one and the same process.

REFERENCES

- Антонян К.В.* Морфема *dao* в постпозиции к глаголу: непрерывность перехода от пространственного значения к видовому // Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всероссийской конференции. – М., 1994. – С. 8–12. (*Antonian K.* Postverbal *dao*: A Continuum of Uses Spanning from Spatial to Aspectual // Problems of Chinese Linguistics. Materials of the 7th All-Russian Conference. Moscow, 1994 (a). P. 8–12).
- Антонян К.В.* Результативные конструкции в современном китайском языке: процессы грамматикализации и лексикализации. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. (*Antonian K.* Resultative Verb Compounds in Mandarin Chinese: Grammaticalization and Lexicalization. Abstract of Ph.D. Thesis. Moscow, 1994 (b)).
- Тань Аошун.* Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1995. (*Tan Aoshuang.* Problems of Hidden Grammar (based on the Material of Chinese). Abstract of the Thesis. Moscow, 1995).
- Тань Аошун.* Проблема грамматикализации в изолирующем строе // Китайское языкознание. Материалы VIII Международной конференции. – М., 1996. – С. 141–146. (*Tan Aoshuang.* Problem of Grammaticalization in an Isolating Language // Chinese Linguistics. Materials of the 8th International Conference. Moscow, 1996. P. 141–146).
- Яхонтов С.Е.* Категория глагола в китайском языке. – Л., 1957.

- Antonian K.* Resultative Verb Compounds in Mandarin Chinese: Grammaticalization and Lexicalization. Abstract of Ph.D. Thesis // *Cahiers de Linguistique – Asie Orientale*. – P., 1998. – Vol. 27, No. 2. – P. 255–265.
- Antonian K.* Diachronic Analysis of the Grammaticalization of the Complements of Direction in Chinese // *Collected Essays in Ancient Chinese Grammar*. / Ed. by R.Djamouri. – P., 2001. – P. 383–403.
- Heine B., Claudi U. Huennemeyer F.* Grammaticalization: A Conceptual Framework. – Chicago, 1991.
- Hopper P., Traugott E.* Grammaticalization. – Cambridge, 1993.
- Langacker R.W.* Syntactic Reanalysis // *Mechanisms of Syntactic Change*. – Austin, 1977.
- Teng Shou-hsin.* A Grammar of Verb-Particles in Chinese // *Journal of Chinese Linguistics*. Vol. 5, No. 1. 1977. P. 1–23.
- Liu Yuehua.* Quxiang buyu de yufa yiyi // *Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji (Liu Yuehua. Grammatical Meanings of the Complements of Direction // Liu Yuehua. Papers on Chinese Grammar)*. – Beijing, 1989. – P. 29–47.
- Liu Yuehua.* Ji zu yuyi xiangguan de quxiang buyu yuyi fenxi // *Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji (Liu Yuehua. A Semantic Analysis of Several Groups of Semantically Interrelated Complements of Direction // Liu Yuehua. Papers on Chinese Grammar)*. – Beijing, 1989. – P. 48–76.

Ю.В. Баландюк, г. Москва

К ПРОБЛЕМЕ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Физическими коррелятами словесного ударения – выделения ударного слога на фоне другого (других) – являются, как известно, энергетические, временные и частотные характеристики. Об этом свидетельствует весь опыт языкознания, в том числе, и опыт экспериментальных исследований. Ударный слог по сравнению с безударным (менее ударным) характеризуется большей частотой основного тона, большими амплитудами и временем звучания, либо

полным набором этих характеристик, либо усеченно, когда на лицо только две из них или даже одна.

Поскольку проблема словесного ударения в современном корейском языке по существу до сих пор является нерешенной, мы поставили своей целью провести психолингвистический эксперимент, а именно: проверить, реагируют ли современные корейцы на превалирование вышеуказанных характеристик в тех или иных слогах двусложных корейских слов.

Для этого были отобраны двусложные слова (всего 10 слов) с одинаковой или близкой гласной частью в обоих слогах. Эти слова были произнесены (начитаны) диктором-носителем сеульской нормы с обычной (нейтральной) назывной интонацией. Затем все эти слова были подвергнуты интонографическому анализу с целью получить достоверные физические характеристики слогов, представленных в количественных мерах и графиках.

Психолингвистический эксперимент с указанными словами заключался в том, что мы предъявили их девяти аудиторам – студентам сеульских университетов и попросили их при прослушивании слов отметить выделенные (более сильные) слоги, если таковые они слышат.

Далее свою задачу мы видели в том, чтобы соотнести аудиторские показания с данными интонограмм, на которых представлены физические параметры слогов анализируемых слов¹.

Результаты оказались следующими.

Слово kaga (家家) – “дом”. Время звучания гласного первого слога, примерно, в 1,5 раза больше, чем второго: в первом слоге – 240 мс, во втором – 144 мс. Первый слог, в целом, звучит интенсивнее

¹ Анализ осуществлялся по программе WinSnoogi 1.3. Интенсивность представлена в условных единицах (в работе использовался способ измерения амплитуды по площади сечения), частота основного тона в герцах, а длительность – в миллисекундах.

второго (1,5:1). Частота основного тона гласного первого слога несколько выше второго: в первом слоге – 209 Гц, во втором – 182 Гц.

Именно этот первый слог 8 из 9 аудиторов отметили как выделенный, “ударный”. Ясно при этом, что выделенность первого слога на фоне второго обусловлена превалированием всех трех физических характеристик первого слога. Только один аудитор посчитал оба слога равными по выделенности.

Слово *kyokpyok* (隔壁) – “перемычка, надстройка”. Длительность гласного первого слога (74 мс) почти в 2,5 раза меньше длительности гласного второго слога (178 мс). Второй слог звучит интенсивнее первого (1,1:1). Частота основного тона первого слога составляет 201.5 Гц, второго – 183 Гц.

Все аудиторы, за исключением одного, который оба слога воспринял как равные, посчитали ударным второй слог.

Данные по восприятию всех других слов, включенных в эксперимент, дали такие же результаты. Это позволяет с вполне достаточной долей достоверности сделать основной вывод: аудиторы сеульской произносительной нормы современного корейского языка воспринимают превалирование основных физических характеристик в гласной части слога как его выделенность на фоне другого слога. И, следовательно, в общетеоретическом плане, мы имеем основание интерпретировать просодическое устройство корейского слова в терминах ударения, т.е. некоторой выделенности одного слога на фоне другого.

Проблема, однако, заключается в том, что каждый язык со словесным ударением обрабатывает свою меру выделенности ударного слога, свои пропорции взаимоотношений между слогами слова. Л.В. Златоустова считает, например, что “ударный слог в корейском языке отмечен лишь слабым увеличением частоты основного тона и времени звучания” (2, с.308). Другие лингвисты в

связи с этим говорят о “неуловимости корейского словесного ударения” (1, с.50).

Чтобы приступить к выяснению пропорций, характеризующих взаимоотношения слогов корейского слова по выделенности, нами был предпринят другой психолингвистический эксперимент. Корейские слова, используемые в первом эксперименте (10 слов) были начитаны русским диктором – с русским ударением на тех же слогах, которые корейские аудиторы отметили ударными. Затем все слова были подвергнуты интонографическому анализу.

Задача состояла в том, чтобы сравнить просодические модели, характеризующие русское и корейское ударение.

В результате анализа русской просодической реализации корейских слов с помощью той же программы было получено визуальное и цифровое представление акустических характеристик частоты основного тона, интенсивности и времени звучания.

Выявленные пропорции представляются следующими соотношениями.

Слово *taidai* (代代) – “поколение за поколением”. В корейской и русской реализации оно прочитано с ударением на первом слоге. В русской реализации время звучания гласного первого слога – 200 мс, второго – 128 мс (1,6:1). Интенсивность – 3,3:1. ЧОТ первого слога – 184 Гц, второго – 153 Гц (1,2:1). В корейской реализации длительность гласного первого слога – 209 мс, второго – 225 мс (1:1,1). Первый слог звучит интенсивнее второго (1,2:1). Частота основного тона первого слога – 218 Гц, второго – 183 Гц (1,2:1).

Сравнение количественных показателей свидетельствует о том, что ударный слог обеих реализаций отмечен увеличением интенсивности. Однако в русской реализации ударный слог звучит намного контрастнее безударного. Соотношение ударного и безударного слога по интенсивности составляет 3,3:1, в то время как в корейской реализации это соотношение равно лишь 1,2:1.

Ударный слог русской реализации характеризуется заметным увеличением времени звучания гласного ударного слога. Ударный гласный в полтора раза длиннее безударного (1,6:1). В корейской же реализации время звучания ударного гласного, наоборот, меньше времени звучания безударного. Хотя в целом соотношение по длительности между ударным и безударным гласным не велико, составляет лишь 1:1,1.

И в русской, и в корейской реализации частота основного тона ударного слога превышает частоту основного тона безударного слога. Соотношение ударного и безударного слога в обеих реализациях составляет 1,2:1.

Ударный слог русской реализации характеризуется увеличением всех трех акустических показателей. Наблюдается очень сильный контраст в выделении ударного слога по интенсивности и длительности гласного. В то же время частота основного тона, хотя и выделяет ударный слог, не имеет такой сильной контрастности, как интенсивность или время звучания гласного. Для корейской реализации характерно слабое увеличение интенсивности и частоты основного тона. Длительность гласного вообще не работает на ударение в данном слове.

Сопоставительный анализ просодических средств выделения ударного слога показывает различие в использовании их русским и корейским дикторами. Так, ударный слог русских реализаций отмечен увеличением всех трех акустических показателей, причем два из них являются определяющими акустическими коррелятами словесного ударения. В ударном слоге корейских реализаций наблюдаем увеличение двух акустических показателей.

В русском и корейском языках акустические характеристики словесного ударения и его воспринимаемые качества сочетаются по-разному. Интенсивность и время звучания гласного акцентируемых слогов в реализациях русского диктора является доминирующим

акустическим коррелятом, в то время как в корейских реализациях роль доминирующего акустического коррелята словесного ударения выполняют частота основного тона и интенсивность. В девяти из десяти примеров русских реализаций интенсивность и длительность гласного являются основными физическими параметрами, характеризующими ударный слог. В корейских реализациях интенсивность выделяет ударный слог в шести из десяти примеров, увеличение частоты основного тона характерно для семи примеров.

Как видим, интенсивность является общим акустическим коррелятом выделенности ударного слога, как в реализации русского диктора, так и в реализации корейского. Однако русские реализации характеризуются большей выделенностью ударного слога. Если в русских реализациях наблюдается яркий контраст в выделении ударного слога, то в корейских реализациях ударный слог выделен не так сильно на фоне безударного. Так почти во всех анализируемых словах в русском произнесении интенсивность ударного слога в два-три раза превышала интенсивность безударного. В то время как в реализациях корейского диктора ударный слог незначительно отличался по интенсивности от безударного, в таком соотношении как 1,3:1, 1,2:1.

В русских реализациях длительность ударного гласного чаще всего превышает длительность безударного. Длительность гласных в русских реализациях очень существенна для восприятия слога как ударного. В девяти из десяти примеров ударный слог характеризуется большей длительностью гласной части слога. Как правило, наблюдается сильный контраст в выделении ударного слога, и длительность ударного гласного превышает длительность безударного в два-три раза. В реализациях корейского диктора длительность гласного не имеет определяющего значения в выделении слога. Лишь в четырех из десяти случаев акцентированный слог характеризуется большей длительностью гласного, а зачастую,

длительность гласного ударного слога меньше длительности безударного. Притом, что всего лишь в двух случаях ударный по времени звучания слог больше безударного в два раза. Как видим, время звучания гласного не является самостоятельным просодическим параметром в корейском языке, а лишь дополняет другие.

Во всех примерах ударный слог в реализации русского диктора характеризуется большей частотой основного тона. В семи из десяти случаев ударный слог характеризуется большей частотой. Однако соотношение ударного и безударного слога по частоте основного тона не такое сильное, как по интенсивности или времени звучания гласного. В реализациях же корейского диктора частота основного тона ударного слога играет более заметную роль в его выделении. В семи из десяти примеров ударный слог корейского слова отмечен увеличением частоты основного тона.

Как показывает анализ инструментальных данных нашего экспериментального материала, ударный слог русской реализации отмечен увеличением всех трех акустических параметров, причем два из них являются доминирующими. В корейских реализациях мы наблюдаем выделение ударного слога по двум параметрам. Степень выделенности акцентуемого слога в русской и корейской реализации разная. В русском языке соотношение ударного и безударного слога более контрастно. Таким образом, на нашем экспериментальном материале подтверждается гипотеза, высказанная уже в лингвистической литературе о слабоконтрастном характере корейского словесного ударения.

В общелингвистическом плане современные корейские слова китайского пласта лексики (бывшие китайские слова со слоговыми тонами), использованные в нашем эксперименте, интересны своей просодической эволюцией, а именно тем, что в современном корейском языке слоговые тоны в них утрачены. И не только в

фонологическом (смыслоразличительном) аспекте, но и в аспекте нормативно-фонетическом. Просодическая структура корейских слов китайского происхождения ушла от тоноритмики и стала подобна ритмике слов индоевропейских.

ЛИТЕРАТУРА

Ben Eng Suk. Просодическая организация фонетического слова и синтагмы в русском и корейском языках. Автореф. Дис. канд. филол. наук. – М., 2000.

Zlatoustova L.V., Ben Yeng Suk. Phonetic word in Korean // Материалы VI международной конференции по языкам ДВ, ЮВА и ЗП. – М., 2001.

Э.С. Бауман, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА У ПЕКИНСКИХ МАНЬЧЖУРОВ

С 1644 г. в Пекине установилась власть маньчжурской династии Цин. Общая численность маньчжуров, вступивших в Пекин, составила несколько сотен тысяч человек, включая военных и членов их семей, что сопоставимо с численностью всего населения ослабленного войнами города. В состав маньчжурской армии входили не только потомки чжурчжэней маньчжуры и сибинь, но и монголы, корейцы, а также северо-восточные ханьцы. Все они в достаточной степени умели говорить по-маньчжурски, поскольку владение маньчжурским языком было обязательным условием для вступления в армию “восьми знамён”. Большая часть маньчжуров в тот период, напротив, была одноязычна.

В 1648 г. Пекин был поделен на маньчжурский район (“внутренний город”, центральная его часть) и ханьский район (“внешний город”), всё ханьское мирное население, за исключением

монахов и чиновников, постоянно проживавших при присутственных местах, было выселено за пределы “внутреннего города”, превратившегося в своеобразный маньчжурский военный лагерь. Преобладающим языком “внутреннего города” стал маньчжурский. Этнические ханьцы, входившие в маньчжурскую армию вынуждены были продолжать активно использовать маньчжурский язык. О многом говорит хотя бы тот факт, что автор “Собрания цинских документов” Шэнь Цилян был ханьцем. Однако в политических целях изучение китайского языка и письменности поощрялось цинскими императорами, одобрялись также смешанные браки, ср. указ, изданный в том же году, в котором, в частности, говорилось следующее: *“Как маньчжурские, так и ханьские чиновники и народ – наши подданные. Мы желаем добрососедских, родственных отношений, не возражая заключению браков между ними”*. Китайский язык входил в обязательную программу обучения маньчжурских детей. Все это привело к тому, что уже к началу правления императора Юн Чжэна (1723-1736 гг.) двуязычие среди маньчжуров стало повсеместным явлением. Более того, китайский язык приобрёл доминирующий статус при общении среди “восьми знамён”. Положение маньчжурского языка настолько ухудшилось, что всерьёз обеспокоенный Юн Чжэн издал указ об организации отдельного военного лагеря для молодых маньчжуров, монголов и ханьцев из числа “восьми знамён”, внутри которого было разрешено использование исключительно маньчжурского и монгольского языков. Лица, не знающие этих языков, объявлялись людьми *“ни на что не пригодными”*. Однако процесс языковой ассимиляции к тому времени стал уже необратимым. Влиянию подвергался даже письменный маньчжурский язык, в котором к периоду правления императора Цянь Луна (1736-1796 гг.) появилось огромное количество китайских заимствований, в том числе и вытеснявших исконные слова. Цянь Лун собственноручно провёл нормализацию

письменного языка, запретил употребление заимствований в официальных документах. Ему также принадлежит попытка создания маньчжурских эквивалентов для ряда китайских слов, по большей части эти неологизмы не смогли прижиться. Объявлялось, что придворные, не знающие маньчжурского языка, будут строго наказываться. Очевидно, языковой сдвиг к тому времени достиг значительных масштабов. К середине правления Цянь Луна владение маньчжурским языком носило уже исключительно пассивный характер, его изучали в учебных заведениях, в семье дети говорили только по-китайски.

С началом правления императора Цзя Цина (1796-1821 гг.) граница между “внутренним” и “внешним” городом начала размываться, начались регулярные языковые контакты между маньчжурами и гражданским населением. Тем не менее различия между языком “внутреннего” и “внешнего” города сохранялись вплоть до начала 20-го века, а фонетика старшего поколения этнических маньчжуров в Пекине до сих пор обладает определёнными особенностями.

И.Е. Бобрышева, г. Москва

ТРАДИЦИИ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Своеобразным итогом исследовательской работы автора, посвященной изучению специфики учебно-познавательной сферы китайского этнотипа, явилась недавно вышедшая монография “Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая)”. – М., 2001. – 112 с.

В ходе исследования была сделана попытка: формализовать древнюю и современную модели процесса обучения/овладения

языками в Китае; сопоставить данные модели и выявить национальные лингвометодические традиции; сформулировать методические рекомендации по учету этноспецифики китайских учащихся в практике преподавания русского языка как иностранного в условиях русской языковой среды.

Традиционно первая часть монографии посвящена этно-методическому и деятельностному обоснованию понятия “национальные лингвометодические традиции” (НЛМТ), и в частности, речь идет о том, что они являются частью культурной традиции, выступая в виде формальной и содержательной целостности. Под содержанием НЛМТ подразумевается познавательная установка этноса, его стереотипы в сфере образования и социальные нормы поведения, причем познавательная установка, представленная в педагогических постулатах, является наиболее важным компонентом в структуре НЛМТ, предопределяющим формирование стереотипов и норм.

НЛМТ сгруппировываются в постоянное ядро, что свидетельствует об их устойчивости, даже инерционности и позволяет рассматривать их как систему, аккумулирующую, хранящую, транслирующую и воспроизводящую ценностно-значимую образовательную информацию.

Изначально был намечен путь комплексного (трехуровневого) исследования этноспецифики китайской лингводидактической системы: собственно технологии обучения иностранным языкам, когнитивного стиля познавательной деятельности учащихся и учебно-педагогического общения.

Определены функциональные единицы технологии обучения иностранным языкам – методы и приемы (тактики и стратегии), а также учебно-познавательной деятельности учащихся – методы и приемы учения (учебные стратегии). Они соотносимы с понятиями “действия” и “операции” деятельностной концепции. Учебно-

познавательная деятельность учащихся в данном исследовании также сопряжена с понятием когнитивного стиля, под которым автор подразумевает способы осмысления и категоризации абстрактных и предметных сфер, существующие в культуре этноса, опосредованные характером его этногенеза, включающего как социальные, так и природные аспекты.

Исходя из всего сказанного, автор определяет национальные лингвометодические традиции как механизм аккумуляции, хранения, трансмиссии и воспроизводства традиционных методов и приемов технологии обучения языкам, когнитивного стиля познавательной деятельности учащихся и способов организации учебно-педагогического взаимодействия.

В теоретической части представляемой публикации также делается попытка (на основе письменных источников) реконструкции древнекитайской технологии обучения языку, которая помогла не только выявить традиционные методы и приемы обучения (приоритет чтения и письма, системный контроль, использование фонологических таблиц, текстов, словарей; толкование и заучивание), но и установить истоки современной педагогической концепции Китая, восходящей к конфуцианской теории “цзюньцзы”.

Исследование же китайского мышления свидетельствует о том, что его “логика” стремится функционировать не по принципу “исходное положение – вывод” (линейное мышление), а путем выделения центрального понятия и подстановки к нему ряда сопоставлений (концентрическое мышление). Для него характерны интуитивность, ассоциативность, холизм, ориентация на аналогию. Это, скорее всего, синтетическое (целостное) мышление, диктующее необходимость учета его при обучении китайских учащихся. Поскольку этническому мышлению свойственна вариативность, есть основания говорить о вариативности и когнитивного стиля этнотипа.

Литературные памятники свидетельствуют также о том, что китайское учебно-педагогическое общение традиционно базируется на поведенческом блоке “ли”, согласно которому табуируется эмоциональная сфера, строго соблюдается учебная иерархия, подчеркивается важность волевых импульсов в познании (ориентация на самостоятельность).

Вторая часть монографии посвящена собственно экспериментальным исследованиям. В ней представлен процесс выявления современной технологии обучения иностранным языкам и лингвометодических традиций Китая, продолжающих существовать в китайском обществе.

В частности, своеобразие китайской технологии обучения языкам сведено к следующему: метод показа базируется на чтении и письме (предпочтение зрительной модальности); в основе метода объяснения лежит инструктирование, не исключается и сопоставление (сравнение) двух языковых систем; преобладает дедуктивный способ введения языковых фактов, а также обучение по моделям и образцам; используются преимущественно тренировочные упражнения; метод организации применения опирается на вопросно-ответную работу и диалоги; важен тщательный контроль; приоритетом пользуется такой вид речевой деятельности, как чтение.

Познавательная деятельность китайского этнотипа ориентирована на абсорбцию предельно большого объема информации, что позволяет считать временной фактор (продолжительность обучения) особо значимым компонентом учебного процесса в Китае.

Тестирование китайских студентов продемонстрировало существенный потенциал памяти, что обусловлено большой инициацией зрительного образа. Это дает основание говорить о значимости формы и зрительной модальности в познавательной деятельности китайцев.

Наше исследование выявило еще один существенный признак учебно-познавательной деятельности китайских студентов – волевой потенциал: они целеустремленны, активны, самостоятельны, у них развит самоанализ и самоконтроль.

Как известно, дедуктивно-аксиологическая модель технологии обучения ведет к формированию такого когнитивного стиля, который не требует сложного логического анализа. Иными словами, данные, полученные в экспериментальном исследовании, не входят в противоречие с результатами теоретического анализа, согласно которому традиционное китайское мышление опирается на принцип прецедента (аналога) и ориентировано на аксиомы прошлого.

Условием реализации учебно-познавательной деятельности и технологии обучения является учебно-педагогическое общение. Оно реализуется посредством четырех принципов: принципа “золотой середины” (гармонии); принципа соблюдения иерархии (приоритет преподавателя и подчинение ему учащегося); принципа “сохранения лица”; принципа самостоятельности учащихся (самообразование).

Оппозиция современной и древнекитайской моделей позволила выявить традиционное ядро НЛМТ, которое включает в себя следующие компоненты:

а) в технологии обучения: приоритет чтения и письма, опора на толкование и инструктирование, системный (последовательный) контроль, использование словарей;

б) в учебной деятельности: ориентация на интуицию, контекст, дедукцию (усвоение суммы аксиом), итеративность действий, детализацию, значимость волевого фактора, аналогию, предпочтение визуальности;

в) в учебно-педагогическом общении: реализация поведенческого блока “ли”, характерными признаками которого являются

эмоциональная сдержанность, “сохранение лица” и иерархизированность.

На базе традиционного ядра были сформулированы методические рекомендации по учету национальной специфики основных компонентов учебного процесса:

а) в рамках технологии обучения языкам рекомендовано: комплексное введение языковых единиц на основе чтения и письма, семантизация учебного материала посредством толкования и перевода, тщательная тренировка и коррекция, тщательный системный контроль, а также опережающая презентация грамматического материала и учет фонологических традиций;

б) когнитивный стиль предполагает реализацию принципов: системной организации учебного материала, комплексной функциональности языковых единиц, ситуативно-контекстуального введения языковых фактов, зрительной доминанты и аналогии;

в) в учебно-педагогическом общении рекомендовано ориентироваться на принципы “сохранения лица”, эмоциональной сдержанности, иерархический статус, а также учитывать паралингвистические особенности китайского поведения.

В заключении можно сделать вывод, что технология обучения и учебно-познавательная деятельность этнотица действительно опосредуются цивилизационным опытом этноса, т.е. они вариативны. В условиях начального и краткосрочного обучения китайские учащиеся, представляющие далеко отстоящую от русской культуру, нуждаются в учете их этноспецифики. Последняя сопрягается с той или иной комбинаторикой деятельностного уровня (действия и операции), где есть доминанта, ранжирующая остальные компоненты.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что этноспецифичность учебной деятельности становится значимой только на уровне межкультурного (межсистемного) взаимодействия.

Внутри однородной системы (этнической культуры) ее своеобразие не осознается.

SUMMARY

The recent published author's monograph "The use of national language didactic traditions in teaching the Russian language to foreigners (China)" is presented in these thesis. There is determined the Chinese language didactic traditions and exposed the linguistic didactic recommendations in teaching Russian to Chinese students in Russia.

В.В. Боровский, г. Москва

ОПЫТ ПЕРЕВОДА КНИГИ:

Ли Ч.Н., Томпсон С.А. «Пекинский диалект китайского языка: функциональная описательная грамматика».

Американские учёные Ли Ч.Н. и Томпсон С.А. стали известны благодаря нашумевшей в 1970-е годы статье «Подлежащее и топик» («Subject and topic», N.Y., 1976), перевод которой был опубликован в 1982 г. в сборнике «Новое в зарубежной лингвистике». Напомним, что в своей работе лингвисты предложили новый подход к рассмотрению синтаксиса языков на основе выдвижения топика в предложении и разделили языки на четыре группы: языки с выдвижением подлежащего, языки с выдвижением топика, языки с выдвижением подлежащего и топика, языки без выдвижения подлежащего и топика. Китайский язык, согласно теории Ли Ч.Н. и Томпсон С.А., является единственным из наиболее распространённых языков, который относится к языкам с выдвижением топика.

Второй известной книгой Ли Ч.Н. и Томпсон С.А. стала референционально-функциональная грамматика китайского языка

(«Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar», Berkley, 1981), которая превратилась в своеобразный миф, поскольку часто упоминалась, но не была переведена. Поэтому мы решили перевести шесть наиболее интересных, на наш взгляд, глав.

Книга представляет собой описание китайского языка с точки зрения его функциональности. Учёные обсуждают структурные свойства предложений на основе их практического употребления в коммуникативном контексте.

С нашей точки зрения, серьёзную лингвистическую ценность представляют следующие главы: «Типологическое описание» («Typological description», с. 10-28), «Простые повествовательные предложения» («Simple declarative sentence», с. 85-172), «Наречия» («Adverb», с. 319-356), «Частицы/предлоги» («Coverb/preposition», с. 356-370).

В главе «Типологическое описание» Ли Ч.Н. и Томпсон С.А. приводят веские аргументы, на основе которых они относят китайский язык к языкам с выдвижением топики. Определив, что он не обладает определённым порядком слов, они заметили, что в китайском языке позиции элементов в предложении согласовываются с другими категориями языка, такими как понятия *топики*, *определённости*, *направленности*, *референтности*, и отметили, что китайский язык, возможно, подвергается превращению из языка П-С-Д в язык П-Д-С. Типологически он может быть описан по четырём основным критериям: он изолирующий, но не моносиллабический; с выдвижением топики; он не относится ни к одному типу языков на основе базового порядка слов, рассматриваемых специалистами по универсальной грамматике.

Разный порядок слов в предложении связан не только с разными способами выражения одной и той же мысли, но и с тем, как достигаются различные коммуникативные цели. Ли Ч.Н. и Томпсон С.А. акцентируют внимание на проблеме смысловой

дифференциации кореферентных высказываний с разным порядком слов.

Пример: (глава «Наречия»)

А. 他不甘心情愿地唱歌.

Она неохотно поет.

Б. 他甘心情愿地不唱歌.

Она охотно не поет.

Пример: (глава «Типологическое описание»)

А. 他在桌子上跳.

Он прыгал на столе.

Б. 他跳在桌子上.

Он запрыгнул на стол.

В. 他在桌子上写.

Он пишет за столом.

Г. 他写在桌子上.

Он пишет на столе.

В главе «Простое повествовательное предложение» раскрывается важное свойство топика в дискурсе. Оно заключается в том, что когда в предложении можно выделить топик и подлежащее, то именно к топикю, а не к подлежащему, относится группа сказуемого предложения.

Несколько слов о трудностях, встретившихся при переводе. В предисловии к книге Ли Ч.Н. и Томпсон С.А. заявили, что не будут использовать сложные термины. Однако это кажущееся «стремление к простоте» вызвало противоположный результат. Некоторые типичные примеры:

Verb phrase – глагольная группа. Впервые данный термин встречается в работе Н. Хомского «Аспекты теории синтаксиса». В

известной грамматике Т.П. Задоевко можно найти термин *группа сказуемого*, который не полностью совпадает по функциям с *verb phrase*. Вообще, в русской традиции принято чётко различать глагол и сказуемое. Вследствие этого мы переводили его более традиционно – глагольная группа (глагольный оборот). Что касается самого сказуемого, то в книге используется два термина: *comment* (комментарий) и *predicate* (предикат), которые могут быть выражены с помощью *verb phrase*.

Adjectival verb. Эта «часть речи» по своим лексическим функциям напоминает *прилагательное*, а по функциям в предложении – *качественное сказуемое*. Создаётся даже впечатление, что Ли Ч.Н. и Томпсон С.А. сами не могут определить её конкретно. Мы переводили *adjectival verb* как *глагольное прилагательное*, а в некоторых случаях для понимания как *качественное сказуемое*.

Agent-oriented adverbs, movable/non-movable adverb. Для отечественной лингвистики эти понятия новые. По их свойствам мы называли их *субъектно-ориентированными наречиями* и *наречиями с фиксированной/нефиксированной позицией*.

Scope. Один из терминов, которые наиболее трудно передать одним словом на русском языке. Он подразумевает ту область, на которую распространяется влияние какого-либо члена предложения. Мы переводили его как *сфера управления* или *область влияния*.

Подводя итог, можно отметить, что как для изучающих китайский язык, так и для преподавателей и лингвистов будет полезно ознакомиться с данной книгой.

SUMMARY

The book presents the development of the concept, first performed in the famous article “Subject and topic” (1976). Ch. Li, S.A. Thompson consider Chinese the topic-prominent language and describe its grammar in the terms of the role of the *topic* in communicative context. We translated six chapters including «Typological description» (p. 10–28),

«Simple declarative sentence» (p. 85–172), «Adverb» (p. 319–356), «Coverb/preposition» (p. 356–370) and now will try to show some translation difficulties in our report. Different terms such as *verb phrase*, *scope*, *agent-oriented adverbs*, *movable/non-movable adverb*, *adjectival verbs*, etc. not found among the Russian equivalents are examined in the article. We hope that linguists, teachers and students will find our Russian variant very useful.

Н.Н. Воронаев, г. Томск

О СТРУКТУРЕ СЛОВ-РЕДУПЛИКАТОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Обычно редупликацию определяют как способ образования слов путем удвоения слогов. Однако в китайском языке ситуация с этим способом словообразования не так прозрачна, как это может показаться после прочтения этого определения. Редупликация в китайском языке очень разнообразна. Существуют разные способы редупликации, и в этой работе мы попытаемся провести системный анализ способов редупликации в китайском языке и классифицировать эти способы на основе их особенностей. В первую очередь в образовании новых слов при помощи редупликации следует выделить два основных способа: способ №1, которым образование новых слов производится на основе односложного слова; способ №2, которым новое слово образуется на основе двусложного слова. Образование слов этими способами также неоднобразно, и здесь, в свою очередь, можно выделить формулы. Итак, образование слов при помощи редупликации на основе односложных слов осуществляется по следующим формулам:

Формула №1. Простое удвоение слога. По этой формуле созданы слова, выполняющие в языке разнообразные функции, а именно:

1. Термины, выражающие родственные отношения, например: 妈妈(мама), 奶奶(бабушка по отцу), 婶婶(тетя, жена младшего брата) и т.д.
2. Ласковые обращения, например, 宝宝 (милый, дорогой, драгоценный, сокровище мое), 乖乖 (милый, золотко мое).
3. Ласкательные детские имена, например: 兰兰, 月月.
4. Звукоподражательные слова, например: 喔喔 wowo (кука-реку, крик петуха), 呀呀 ya ya (кар-кар, карканье вороны), 汪汪 wangwang (гав-гав, лай собаки), 冬冬 dongdong (звукоподражание грохоту, стуку).
5. Слова со значением обобщения:
 - а) созданные на основе существительных, имеющих сильный семантический потенциал счетных слов, например: 家家(каждая семья, все семьи; все заведения), 户户(каждая семья, двор, дом), 夜夜(каждая ночь), 村村(каждая деревня, все деревни).
 - б) созданные на основе счетных слов, например: 个个, 条条, 层层. Все эти слова можно перевести как «каждый», «все», «любой».
6. Слова со значением сильной степени проявления признака:
 - а) созданные на основе прилагательных, например: 高高的 (высоченный, очень высокий), 红红的 (очень красный, красный-красный), 大大的 (большой-пребольшой, большущий), 饱饱的 (очень сытый, наелся до отвала), 轻轻的 (легкий как пушинка, легкий-легкий);
 - б) образованные на основе наречий, например: 刚刚 (только что, только-только), 最最 (самый-самый), 顶顶 (самый-самый, максимальный), 白白 (совсем зря, впустую, напрасно; совсем даром, задарма).
7. Слова со значением кратковременности действия, неосновательности, попытки действия, образованные на

основе глаголов, например: «玩玩就回来,别跑远了,»妈妈对儿子说。(«Поиграй немножко и сразу возвращайся, не убегай далеко», – сказала мама сыну.); 这件衣服很时髦,穿穿看。(Это очень модная одежда, примерь.) (Здесь мы считаем, что в качестве примера необходимо привести предложение, так как слова-редупликатy приобретают такие свои значения лишь в определенном контексте).

8. Слова со значением постоянства, частой повторяемости действия, образованные на основе глаголов, например: 父亲退休后没事可干,除了早上散散步打打太极拳,溜溜鸟儿,浇浇花儿,其它时间不是看看报,聊聊天,就是逗逗孙子。(После того, как отец вышел на пенсию, он только и знает, что по утрам выходит на прогулку, занимается тайцзицюань, прогуливается со своими птичками в клетке, участвует с ними же в конкурсах певчих птиц, поливает цветы; все же остальное время, если не читает газеты и не ведет с кем-то беседы, то возится с внуками).
9. Слова со значением одновременности действия, образованные на основе глаголов; обычно здесь соплагаются два действия, выраженные соответственно двумя глаголами, которые редуплицируются и, сливаясь, образуют четырехсложную композицию, например: 干部摇摇摆摆下基层检查工作,基层干部免不了招待,吃吃喝喝,说说笑笑,吹吹拍拍,那了国家的钱,填了个人的无底洞了。(Вот кадровые работники – ганьбу степенно и самодовольно спустились в низовые организации работу проверять. Пришлось привечать работникам этих самых низовых организаций начальство; уж они и ели, уж они и пили, и смеялись, и шутили, себя хвалили и начальству угодить не забыли, деньгами государственными карманы свои бездонные набили).

10. Некоторые слова, являющиеся собственно номинативными единицами. Употребление таких слов традиционно и количество их ограничено, например: 星星 (звезда), 猩猩 (орангутанг), 狒狒 (павиан), 跷跷板 (доска-качели), 莽莽草 (ботан. пастушья сумка обыкновенная). Надо сказать, что в языке путунхуа такие слова не распространены, но в диалектах имеют широкое применение.

Формула №2. Присоединение к односложному слову-основе компонента, состоящего из редуцированного слова, семантическое значение которого логически и ассоциативно близко семантике слова-основы. Этот редуцированный компонент как бы расширяет содержание слова-основы, комментирует степень признака, а в просодическом плане придает слову специфическое звучание, например: 冷冰冰 (холодный как лед; ледяной), 火辣辣 (раскаленный, палящий; жгучий), 软绵绵 (мягкий, мягонький, нежный; слабый, бессильный), 圆滚滚 (круглый как шар, совершенно круглый), 麻酥酥 (легкое онемение; онемелый, онеметь (о конечностях)).

Формула №3. Присоединение к слову-основе компонента, состоящего из редуцированного слова, которое совершенно десемантизировано в сочетании со словом-основой, и обособленная его семантика совершенно отдалена от семантического поля слова-основы. В таких словах эти компоненты, как нам видится, выполняют роль своего рода фонетического наполнителя и фона-стабилизатора, на котором слово-основа воспринимается слушающим без затруднений. В этом случае редупликация выполняет свою традиционную роль, то есть придает речи ритм, музыкальность, а главное, — окрашивает слово стилистически: такие формы, в основном, присущи разговорному языку, например: 臭呼呼 (пованивающий, дурно пахнущий, с запахом, с духом), 傻呼呼 (туповатый; наивный; простодушный, непонимающий),

胖呼呼 (полный, пухленький), 热呼呼 (знойно, жарко, горяченький), 潮呼呼 (сырой, волглый, отсыревший), 酸溜溜 (кисловатый, кисленький; онемелый, ноющий, ломотный; ревнивый, приревновавший), 光溜溜 (голый, нагой, голышом, нагишом), 凉嗖嗖 (холодненький; свежо, прохладненько).

Образование новых слов при помощи редупликации на основе двусложных слов осуществляется по следующим формулам:

Формула №1. Простое повторение слова. В этом случае слово имеет значение кратковременности действия или состояния, например, слово 高兴 (радостный, радоваться) после редупликации приобретает значение 高兴一下 (порадоваться немножко, побыть радостным). В основном по этой формуле слова образуются на основе глаголов и небольшого количества прилагательных, например: 快活快活 (повеселиться), 尝试尝试 (попытаться, попробовать), 乐和乐和 (порадоваться, повеселиться), 喜兴喜兴 (порадоваться). Все эти слова имеют также коннотацию каузативности.

Формула № 2. Каждый слог слова удваивается в том же порядке, в котором он расположен в слове-основе. В этом случае слово приобретает значение интенсивности признака высшей степени. В основном по этой формуле слова образуются на основе прилагательных и глаголов, выступающих в функции прилагательных, например: 高高兴兴 (чрезвычайно рад, ужас как доволен), 快快乐活 (необычайно веселый), 乐乐和和 (ужасно веселый).

Формула № 3. В слове-основе редуплицируется только второй слог. По этой формуле слова обычно образуются на основе прилагательных и имеют добавочное значение интенсивности признака, например: 甜蜜蜜 (сладкий как мед; сладко), 水灵灵 (блестящий, сверкающий).

Формула № 4. В слове-основе редуплицируется только первый слог. Слова здесь также образуются на основе прилагательных и

имеют значение интенсивности признака, например: 冰冰冷 (студеный), 梆梆硬 (очень твердый,), 喷喷香 (ароматный), 笔笔直 (абсолютно прямой).

Формула № 5. Присоединение к слову-основе компонента, состоящего из редуцированного слова, которое в сочетании со словом-основой совершенно десемантизируется. Обособленное значение слова, на основе которого создан этот компонент, совершенно отдалено от семантического поля слова-основы. При добавлении такого редуцированного компонента слово-основа приобретает позитивную юмористическую коннотацию, например: 狡猾嘻嘻 (хитрец; хитренький), 臭美嘻嘻 (хвастунишка; кривляка;), 神秘嘻嘻 (чудеса в решете; тайны мадридского двора).

Формула № 6. Присоединение к слову-основе компонента, состоящего из редуцированного односложного слова, которое обособленно имеет значение, близкое к семантическому полю слова-основы и в сочетании со словом-основой своей близкой семантикой усиливает степень признака, выраженного словом-основой, например: 兴致勃勃 (величайший подъем, огромное воодушевление) , 朝气勃勃 (гореть энергией, быть исполненным энергией; оживленный, кипящий энергией; пышный здоровьем) , 生气勃勃 (преисполненный жизненной энергией, процветающий) , 野心勃勃 (иметь огромные, неумеренные притязания). Рассмотрим значения элементов одного из этих примеров отдельно: 朝气 (энергия, бодрость, воодушевление) , 勃勃 (резкий, сильный, бурный; обильный; пышный, буйный; процветать).

Конечно, эти формулы не могут охватить все разнообразие редупликации в китайском языке. Анализировать это явление можно и с других точек зрения. Например, слова, образованные способом № 2 по формуле 2 можно рассматривать с точки зрения семантики компонентов и обнаружить группу слов, в которых компоненты

синонимичны, например: 痴痴癫癫 (ненормальный, не в своем уме; выживший из ума, кретин), 凄凄惨惨 (скорбный, горестный, жалкий, плачевный), 扭扭捏捏 (враскачку, вертя бедрами, жеманно, кокетливо; в смущении, сконфуженно, стесняясь); и наоборот, есть слова, где компоненты антонимичны, например: 高高低低 (неровный, ухабистый), 深深浅浅 (неровный, неодинаковый, где глубоко где мелко), 老老少少 (стар и млад, и молодые и старые, от мала до велика). Опять же, если рассматривать слова, образованные способом № 1 по формуле 3, то и здесь не все однозначно: есть слова, в которых морфема-основа тоже редулицирована, например: 笨笨巴巴 (неровный, шершавый, шероховатый; мятый-перемятый), 热热呼呼 (горяченький, с пылу с жару), 胖胖呼呼 (толстенький, пышненький, пышка), 软软呼呼 (мягонький, нежненький), 酸酸溜溜 (кисленький; ревнивый какой, посмотрите-ка: ревнует).

Надо также сказать о том, что редупликация нуждается в более тщательном изучении с точки зрения изменения семантики слов после редупликации, например, слово 嘻嘻哈哈 (несерьезно, несерьезный, шалаяй-валяй). Здесь два редулицированных компонента, которые обособленно являются звукоподражательными словами (подражают смеху), но после объединения в четырехсложную композицию это слово-редуликат приобрело семантику более высокого уровня, хотя в нем и осталось значение каждого компонента, а именно «хи-хи», «ха-ха», «хохотать».

Анализируя редупликацию в китайском языке, нельзя не рассмотреть словообразовательное явление, при котором к двусложному слову спереди присоединяется первая морфема этого же слова, соположенная с морфемой 里, например: 马里马虎 (делать кое-как, с плеч долой, небрежный, спустя рукава), 糊里糊涂 (глупый, темный, неосмотрительный; путаный, смутный, сумбурный), 慌里慌张 (быть в полной растерянности, быть в панике, быть в полном замешательстве). В силу того, что в этой работе мы под словами-

редупликатами подразумевали только такие слова, в которых нераздельно соположены два одинаковых слога, где два слога повторяются в том же порядке, в каком они следовали до редупликации, слова с морфемой 里 мы не считаем словами, образованными способом редупликации. К тому же слова, на основе которых образованы слова с морфемой 里, являются в тоже время словами-основами слов-редупликатов, образованных способом № 2 по формуле 2. По большому счету значение слов с морфемой 里 и слов редупликатов схожи, но они отличаются коннотацией: слова-редупликаты, в основном, выражая признак или качество, имеют коннотацию интенсивности, высшей степени проявления признака, тогда как слова с морфемой 里 кроме этой коннотации имеют дополнительные значения презрения, пренебрежения, отвращения и безразличности в отношении того объекта, который описывается, определяется этими словами. Вот некоторые слова, образованные способом редупликации на основе тех же слов, на основе которых были образованы слова с морфемой 里: 马马虎虎, 慌慌张张, 糊糊涂涂. В словах с морфемой 里 первый слог повторяется, и на слух такие слова также вроде бы воспринимаются как повтор, тем не менее словами, образованными способом редупликации их считать, как нам видится, нельзя: в них нет нераздельно соположенных двух одинаковых морфем, что является основным признаком редупликации.

SUMMARY

The paper studies reduplication in modern Chinese as a special method of word-building.

КИТАЙСКАЯ ЛОГОГРАММА КАК ЗНАК

Графическая сторона человеческого языка становится в последнее время объектом все более пристального внимания со стороны лингвистов, философов, психологов и социологов. Письменность, на фоне активного возвращения современных гуманитарных наук к картезианским идеям, рассматривается как некий “образ мира”, а ее составляющие – как “элементы” записи мира и его “имена”.

В рамках настоящей работы нам представляется необходимым отказаться от термина “иероглиф” в приложении к китайским графическим знакам в пользу термина “логограмма”. Это объясняется по крайней мере двумя причинами. Во-первых, термин “иероглиф”, начавший свое хождение от наименований графических знаков древних письменностей Ближнего Востока, в частности, Египта, фиксирует данность иного порядка, нежели китайский письменный знак. Во-вторых, термин И. Гельба “логограмма”, кроме того, что он указывает на идеографичность данного типа письменности, указывает еще и на соотношение между стратовыми единицами языковой системы и их графическим носителем, на обязательную знаковость китайского письменного знака.

Китайская логограмма – базовая составляющая китайского языка на всем протяжении его цивилизационной истории. Она во многом формирует облик языковой системы и в плане формально-графическом, и в плане семиотическом. Более того, основные типологические черты китайского языка – жесткая синтагматика, формально-синтаксическая изоляция, относительный корневой характер – во многом определяются, на наш взгляд, многотысячелетним “панцирем”, по образному выражению В.М. Солнцева, китайских логограмм.

Цель настоящей работы – анализ китайских логограмм в грамматологическом и семиотическом аспектах. С точки зрения грамматологического подхода, наш анализ ограничится таксономией количественной и пространственной структур китайской логограммы. Семиотический анализ предполагает классификацию логограмм по типу “вещественного” значения составляющих, выявление некоторых вариантов семантической комбинаторики и попытку интерпретации китайских логограмм через семиотическую модель Ч. Пирса.

Следуя китаеведной грамматологической традиции, простую, семиотически неделимую далее логограмму мы будем называть “монономом” (вэнь), а сложная логограмма, включающая в свой состав два и более монономов будет определяться как “полином” (цзы).

С точки зрения количественного состава монономов в полиноме, последние можно подразделить на диномы, триномы, квадрономы, пентаномы и т.д. Биномы и триномы, пожалуй, наиболее частотный вид полиномов. Пределом нормативной полиномности можно, по-видимому, считать пентаном, что вполне соответствует нормам психологии восприятия. Примером такого рода “знаков-гигантов” может служить знак 贏 *yíng* – *выиграть, одержать победу*, который состоит из монономов 亡 *wáng* – *гибнуть, умирать*, 口 *kǒu* – *рот*, 月 *yuè* – *месяц*, 貝 *bèi* – *раковина* и 凡 *fán* – *все*.

Анализ структуры полиномов с точки зрения пространственного расположения составляющих их монономов дает следующие варианты:

1. повтор (-пликация), который представляет собой повторение одного мононома и допускает следующую вариативность:

1.1. дубликация, например: 林 *lín* – *лес (дерево+дерево)*, 秣 *lì* – *редко посаженные злаки (злак+злак)*, 林 *zhù* – *две реки (вода+вода)*;

1.2. три- и более пликация: 森 *sēn* – *тайга (дерево+дерево+дерево)*, 品 *pǐn* – *вещь, предмет (рот+рот+рот)*, 森

奸 *jiān* – зло, обман (женщина+женщина+женщина, либо – женщина+тысяча);

1.3. смешанный тип: 雙 *shuāng* – пара, чета (короткохвостая птица + короткохвостая птица + снова, опять/ правая рука), 掰 *bāi* – разрывать, разламывать (рука+восемь/разрывать на две части + нож + рука).

2. структура “лево-право”, которая может быть двусоставной и трехсоставной: 明 *míng* – светлый, понимать (солнце+месяц), 江 *jiāng* – река (вода + работа), 謝 *xiè* – благодарить, спасибо (речь+тело+вершок), 瞅 *chǒu* – смотреть (глаз+злак на корню+огонь).

3. структура “верх-низ”, которая тоже может быть двусоставной и трехсоставной: 孝 *xiào* – почитание старших (старец+младенец), 著 *zhe* – лицо, автор (старец+говорить), 究 *jiū* – изучать (крыша+восемь+девять).

4. структура “внешнее-внутреннее” может быть представлена в нескольких вариантах:

4.1. “закрытая слева снизу” последовательно представлена главным образом двумя логограммами-монономами 走 *chǒu* – движение и 丷 *yīn* – продвигаться вперед/тянуть, растягивать: 這 *zhè* – это (речь/письмена+ движение), 建 *jiàn* – строить (держат в руках+продвигаться); в качестве закрывающей части могут выступать простые знаки, нижней правой чертой которых является “откидная влево”: 題 *tí* – вопрос, тема (быть, являться+голова, страница), 赴 *fù* – поехать, отправиться (идти+гадать);

4.2. “закрытая слева сверху”, где в качестве закрывающей части выступают логограммы-монономы 冫 *hān* – обрыв, 宀 *uān* – навес, 疒 *chūāng* – болезнь, 尸 *shī* – труп, 戶 *hù* – двор/створка двери, например: 歷 *lì* – календарь, история (обрыв+два злака+солнце/останавливаться), 庫 *kù* – склад, гараж (навес+телега),

疾 *ji* – болезнь (болезнь+стрела), 尿 *piao* – мочиться (труп+вода), 扇 *shan* – веер, опахало (двор, створка+крылья);

4.3. “закрытая слева сверху и снизу”: 區 *qu* – район, регион (содержать в себе+три рта);

4.4. “закрытая справа сверху”: 包 *bao* – сверток, сумка (сверток/плацента + эмбрион);

4.5. “закрытая сверху слева и справа”: 開 *kai* – открывать (ворота+открывать), 同 *tong* – одинаковый, один и тот же (пустынные земли+один+рот);

4.6. “полностью закрытая”: 困 *kun* – бедный, нужда (загородка, окружность+дерево), 囚 *qiu* – арестант, арестовать (загородка + человек).

5. “структуры смешанного типа”.

Как уже отмечалось, логограммы полиномного типа представляют собой набор логограмм-мономов, сочетание значений которых, как правило, тем или иным образом формируют значение целого. Семантико-комбинаторный анализ логограмм-полиномов представляется возможным провести в двух достаточно независимых друг от друга аспектах: анализ комбинаторики вещественных значений мономов в составе полинома и анализ комбинаторики их лексических значений.

Выделение вещественного (частеречного) значения составляющих логограммы-полинома до известной степени сопоставимо с выделением значений аналогичного характера у морфем в составе сложного слова, что, при всей спорности и относительности анализа такого типа, стало одной из наиболее устойчивых составляющих словообразовательного и морфологического анализов современного китайского языка. Оправданным в связи с этим представляется сведение вещественных значений мономов к достаточно общим понятиям имени и признака, либо, пользуясь стандартными терминами семиотики, – “имя вещи” и “имя

признака”. При этом необходимо иметь в виду, что абсолютное большинство монономов в этимологическом плане – имена вещей.

Исходя из этого, нами выделяются следующие варианты комбинаторики вещественных значений логограмм-монономов в составе логограмм-полиномов:

1) “имя+имя”: 灶 *zao* – очаг, печь (огонь+земля), 看 *kan* – смотреть (рука + глаз), 男 *nan* – мужчина (поле+сила), 利 *li* – польза, прибыль (злак+нож), 私 *si* – частный (злак+соха);

2) “имя+признак”: 妙 *miao* – прекрасный, искусный (женщина+мало), 夯 *hang* – трамбовка, трамбовать (большой+сила), 劣 *lie* – неполноценный, плохой (мало+сила), 乳 *ga* – младенец (женская грудь+маленький);

3) “признак+признак”: 尖 *jian* – острый (маленький+большой), 夸 *zha/she* – чрезмерный; открывать (большой+много);

4) “модальный признак+признак”: 漠 *mo* – пустыня (вода+нет), 歪 *wai* – кривой (нет+прямой), 甬 *beng* – не надо (нет+использовать).

Завершая этот аспект анализа, хотелось бы высказать предположение, о том, что монономы в составе полиномов могут участвовать в формировании и маркировать и частеречную отнесенность сложного знака. В этом плане, вероятно, можно выделить группы монономов “статических” и “динамических” имен. К первым можно отнести такие знаки как металл, газ, одежда, гора и др. Их участие в формировании полинома приводит как правило к его “опредмечиванию”. Ко вторым – рука, вода, огонь, глаз, которые преимущественно формируют полиномы признака, свойства и отношения.

Следующим шагом в анализе китайских логограмм станет опыт описания комбинаторики частных значений монономов при формировании значения полинома. С этой точки зрения, полиномы рассматриваются как единицы вторичной номинации, которая

понимается как некая новая функция, обретенная через комбинацию уже известных номинативных средств.

Номинативная вторичность знаков такого характера связана и вытекает из их синтетичности, когда, как отмечал Гумбольдт, “синтез создает нечто такое, что не содержится ни в одной из сочетающихся частей как таковых”. Это дает основание считать, что за каждым из таких знаков стоит понятие, которое “формируется на основе совокупности суждений”.

Синтетичность, с одной стороны, и коррелятивность суждению (суждениям), с другой, вынуждают признать, что основой механизма порождения значений такого рода знаков является тот или иной вариант метафоры, понимаемой вслед за В.Н. Телия как “способы “домысла прототипа”. “Домысел” же может с той или иной степенью вероятности нейтрализовываться через восстановление того суждения (суждений), которое лежит в его основе.

Сказанное служит основанием для выделения следующих вариантов семантической комбинаторики логограмм-полиномов:

1. Гипер-гипонимия. Этот вид реляции предполагает наличие в составе полинома мононома гиперонима и мононома (монономов) гипонимических маркеров. Последний фактически десемантизирован и лишь маркирует отличие этого знака в ряду эквонимов. Таковыми являются большое число идеофонографических полиномов, имеющих терминологический характер. Это, например, ряды эквонимов – названий металлов, газов, деревьев, одежды, возвышенностей, водных поверхностей, заболеваний и т.п. Все знаки этого типа обязательно включают в свой состав мононом-родовой элемент (металл, газ, одежда, вода, дерево, болезнь) и отличительный маркер-гипоним, который может в той или иной степени передавать чтение этого знака.

2. Простое сложение. Лексическое значение логограмм этого типа достаточно свободно прочитывается как результат сложения

значений составляющих его монономов через восстановление суждения. Например: 歪 *wai* – нет+прямой=кривой (не прямой, значит кривой), 坏 *rei* – кровь+нет=свертываться, загустеть (крови нет, она свернулась), 林 *lin* – дерево+дерево=лес, 见 *jian* – глаз+человек=видеть (человек видит с помощью глаз).

3. Семантическая графика. Значение полиномов такого типа как бы рисуется значениями составляющих их монономов: 尖 *jian* сверху – маленький+снизу – большой=острый, 磊 *lei* – три камня в куче = гряда камней, 孕 *yun* – сверху – женская грудь+ внизу – младенец=беременность.

4. Контрарная замена компонента понимается как замена одного из монономов на другой знак, что приводит к соответствующим изменениям значения полинома в целом. Например: 男 *nan* – поле+сила=мужчина, но 女 *ni* – поле+женщина=педерастия.

5. Собственно метафора. Это – наиболее, на наш взгляд, распространенный вид семантических реляций, при котором анализ целого всегда требует восстановления возможно целой цепочки суждений-пресуппозиций. В качестве иллюстрации можно взять знак 好 *hao* – хорошо=женщина+младенец, т.е. это хорошо, когда женщина имеет ребенка.

Обратимся теперь к собственно семиотической стороне китайской логограммы. Основой нашего анализа в этом аспекте является знаковая теория Ч. Пирса. Изначальной посылкой Ч. Пирса является тезис о неотделимости знаковости и мышления. Это, в частности, демонстрируют его замечания о том, что “... подоснова и сама текстура всякой мысли и всякого исследования суть символы” (Пирс, 40).

Знак (*репрезентамен*) “есть нечто, что замещает собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве”. Эта дефиниция является основанием для выделения следующей сетки понятий: *интерпретант* – знак, возникающий в сознании адресата под

воздействием знака адресанта; *объект* – то, что замещает знак; *основание* – идея, формирующаяся, “отсылающаяся” объектом (Пирс, 48).

В рамках данной работы актуальной для нас будет лишь трихотомия Икона – Индекс – Символ, поскольку очевидно, что все логограммы являют собой *легисигнум* с позиций первой трихотомии, и она будет привлечена лишь частично. Третья дихотомия представляет знак как интерпретант, что так же не является актуальным для настоящего исследования.

Икона, по Пирсу, “есть Знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует просто посредством присущих ему характеров, которыми он обладает вне зависимости от того, существует такой Объект в действительности или нет” (Пирс, 58).

Данная трактовка Иконы позволяет интерпретировать ее в приложении к китайской логограмме как *графему*, чей статус и структурные характеристики рассматриваются как идентичные статусу и структурным характеристикам фонемы. Это дает основание определить графему с точки зрения ее статуса как наименьшую единицу графической системы китайского языка, лишенную собственного значения, но выполняющую смыслоразличительную и смылосозидательную функции. С точки зрения ее структуры, она может быть определена как пучок своих признаков и своих вариантов – *аллографов*. В рамках первой трихотомии знаков Ч. Пирса графема может быть отнесена к *квалисигнумам*, которые понимаются как “качество, которое является Знаком” (Пирс, 58).

Поскольку графическая система языка являет собой естественную систему, где множество структурно сложных единиц формируется через ограниченный набор простейших единиц, то китайские графемы могут быть представлены списком. Формальной отличительной чертой графем является то, что они не имеют чтения, но только название.

Индекс определяется Ч. Пирсом как “знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует, находясь под реальным влиянием этого Объекта”, в связи с чем “он с необходимостью имеет некоторое общее с этим Объектом Качество, и именно в последнем причина того, что он отсылает к Объекту ... и включает в себя особого рода Икону” (Пирс, 59).

Такая трактовка индекса позволяет ассоциировать его с логограммой-монономом (взнем, ключом), которая, “рисую” объект, не является при этом его простым подобием, с одной стороны, и последовательно состоит из графем-икон, с другой. Такая интерпретация мононома делает актуальной задачу выделения списка *истинных* монономов китайской системы письма и позволяет рассматривать их по аналогии с “глубинными структурами” Н. Хомского как некие “глубинные индексы”, либо как “графо-семантические примитивы”, если следовать модели А. Вежбицкой.

Символ в трактовке Ч. Пирса “есть знак, отсылающий к Объекту, который он денотирует посредством закона, обычно – соединения некоторых общих идей, которые действуют таким образом, что становятся причиной интерпретации Символа, как отсылающего к указанному Объекту”. Символ денотируется определенным набором случаев, и при этом “Символ непрямо, через ассоциацию или другой закон, испытывает влияние этих случаев, а следовательно включает в себя особого рода Индекс” (там же).

Представленный выше опыт семантического анализа логограмм-полиномов со всей очевидностью показывает их отнесенность к знакам-символам, когда их формирование реализуется через набор знаков-индексов (логограмм-монономов) и определенную метафорическую связь между ними, что образует новое целое, некий “общий тип”, фиксирующий некий “общий Объект”.

Пределом синкретичности китайского письменного знака может быть тот случай, когда один знак представлен и как знак-икона, и как

знак-индекс, и как знак-символ. Примером тому может служить знак «-» . Как знак-икона – это “горизонтальная черта (heng)”, как знак-индекс – *исчисление возраста, деление земли и неба*, как знак-символ – *числительное один*.

ЛИТЕРАТУРА

Пирс Ч. Grammatica speculativa. В кн.: Пирс Ч. Логические основания теории знаков. – СПб., 2000.

Н.А. Демина, г. Москва

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ОБУЧЕНИЮ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В XXI ВЕКЕ

Мы живем в XXI веке, когда мир значительно изменился и стал более открытым. Сейчас люди могут свободно посещать разные страны, без страха общаться с их представителями, вести беседы на различные темы – от бытовых до политических. В этих условиях иностранный язык играет очень важную роль, он по-настоящему стал средством общения между людьми.

Знание иностранных языков в настоящее время является неотъемлемой частью образованного человека. Если раньше культурные люди получали сведения о других странах, в основном, из письменных источников, то теперь они имеют возможность черпать информацию о любой стране и из общения с носителями языка.

Эти веяния нового века должны находить отражение и в методике преподавания иностранных языков, что особенно важно при обучении студентов китайскому языку – одному из самых сложных на Земле. Преподаватели китайского языка должны, прежде всего,

учить студентов умению общаться с носителями языка независимо от сферы общения. Для этого необходимо знать не только устную и письменную речь, но также литературную и простонародную. Для достижения полного взаимопонимания с носителями языка обязательным является знание реалий страны – менталитета, психологии, традиций народа и т.д.

Поэтому изучение китайского языка необходимо тесно увязывать с национальной культурой. Совершенно очевидно, что фоновые знания носителя языка входят в коммуникативную компетенцию как ее неотъемлемый компонент. Это очень важно для китайского языка, так как правильное употребление языковых единиц с точки зрения их значения недостаточно для достижения полной коммуникативности при отсутствии знания национально-культурного фона в языковых единицах, которыми оперирует китаец. Значит, в задачу преподавателя китайского языка входит не только давать языковые знания, но и учить страноведению – знанию китайских реалий.

Страноведческие материалы, используемые на практических занятиях, должны быть современными, оригинальными, имеющими познавательную ценность, очень разными по тематике, отражающими все специальности, по которым готовят студентов в высшем учебном заведении, и давать определенное представление о различных аспектах жизни китайского общества.

С этой целью в МГЛУ создан учебник по страноведению и подготовлен к изданию учебник по экономической тематике. Такие учебники должны быть созданы и при обучении другим специальностям. Подобные учебники должны помочь студентам расширить знания по страноведению и дать возможность обсуждать все эти проблемы на занятиях.

Нельзя забывать и о том, что общаться на Востоке, не зная речевого этикета, невозможно. Это особенно важно помнить при

обучении студентов в тех вузах, где готовят переводчиков. Так, при ведении переговоров нужно просить китайскую сторону 多关照 (поддержать коммерцию, идти на уступки), понимать, что в Китае вам не ответят отказом в прямой форме, а скажут 我考虑考虑 (я подумаю, изучу вопрос) и т.д. Соблюдение этикета способствует созданию благоприятной атмосферы для установления контактов между людьми.

Сейчас очень важно, чтобы студенты изучали не только сокращенные иероглифы, но и полные, так как в странах, где проживает китайская диаспора, вся литература издается на полных иероглифах. Преподаватели также должны помочь студентам овладеть техническими средствами обучения и общения, ибо сейчас в Китае некоторые фирмы начали осуществлять прием на работу переводчиков по телефону. Без выполнения вышеуказанных требований едва ли можно подготовить хороших китаеведов. Методическая система преподавания китайского языка в МГЛУ построена с учетом этих новых веяний.

1. В центр обучения поставлена способность к коммуникативно-речевой деятельности, которая конкретизируется в говорении, аудировании, чтении и письме, но основой всех видов речевой деятельности является устная речь. Поэтому на всех этапах обучения мы отдаем предпочтение комплексному взаимодействующему обучению всем видам речевой деятельности на устной основе.

2. Изучение китайского языка тесно связано с национальной культурой. Все учебные материалы отражают китайские реалии; на начальных этапах - бытовые, а на средних и старших - самые разные аспекты жизни китайского общества - политические, экономические, культурные и т.д.

3. Созданный в МГЛУ учебник по страноведению, включающий 20 тем по различным аспектам китайской жизни, помогает студентам расширить знания по страноведению и обсудить все эти проблемы на

уроках двустороннего перевода на китайском языке. На таких занятиях студенты имеют возможность воспринимать услышанное и строить речевые высказывания по полученной смысловой программе.

Занятия по двустороннему переводу бывают особенно эффективными при наличии в учебном заведении преподавателя – носителя языка на том этапе обучения, когда студенты уже овладели нормативным произношением и у них уже заложена лексическая и грамматическая база устной речи, они умеют стилистически правильно и в логической последовательности оформлять устные высказывания по изученной теме.

Уроки двустороннего перевода одновременно расширяют у студентов лингвострановедческие знания, знакомят их с различными аспектами жизни китайского общества.

Преподаватель – носитель языка при обсуждении любой темы, как правило, значительно ее расширяет, дополняя фактами из реальной жизни.

Хочется особенно отметить роль приглашенных из ведущих вузов КНР преподавателей-китайцев, помогающих сделать процесс обучения китайскому языку в МГЛУ более эффективным. С первых этапов обучения они не только помогают студентам овладеть тонами и выработать неплохое произношение, но и развить навыки аудирования и языковую догадку. О старших семестрах и говорить не приходится. Поэтому уже с 3-го курса многие студенты без труда общаются с лицами китайской национальности на их родном языке.

Сейчас нам предстоит методически решить проблему внедрения технических средств обучения в процесс обучения. К сожалению, эта проблема пока по-настоящему у нас еще не решена.

*К.И. Долотин, Д.В. Романенко,
Е.Л. Бархударова, г. Москва*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМПА РЕЧИ И ХАРАКТЕРА ВЫДЕЛЕНИЯ СЛОГОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЗВУЧАЩЕМ ТЕКСТЕ

(на материале текстов с различным коммуникативным заданием)

Сравнительное изучение просодии русского и китайского языков встречает на своем пути трудности, которые связаны с разной природой ритмической организации слов, синтагм, высказываний и звучащих текстов в этих языках. Функциональное отличие мелодики речи в китайском языке, где тон выполняет сигнификативную функцию, и в русском языке, где тоновые характеристики выполняют роль интонационного средства оформления высказывания, вызывает определенные сложности при выборе базисных элементов звучащей русской и китайской речи с целью проведения сравнительного анализа соответствующих просодических характеристик. На наш взгляд, для сравнительного анализа ритмической организации речи этих языков необходимо найти универсальный по отношению к языкам разных семейств базовый элемент речи, отличный от слога, слова, синтагмы и ритмической структуры (в традиционной ее трактовке). Этот базовый элемент должен быть обусловлен самим механизмом производства речи и не зависеть от специфики того или иного языка в отдельности. В нашем эксперименте сравнительный анализ темпа и характера акцентирования слогов в звучащей русской и китайской речи проводился на основе выделения из речевого сигнала квазиритмических структур (КРС), отражающих глубинные процессы центрального управления речепроизводством (подробнее см. Долотин К.И. К вопросу о методе анализа квазиритмических

структур в озвученном тексте с различным коммуникативным заданием // (Сб. Материалов 2-ой Всероссийской конференции “Теория и практика речевых исследований” (АРСО-2001). МГУ им М.В. Ломоносова. М., 2001). Принимая КРС за базовый элемент акустического анализа речи, мы достигли его независимости от словесной, синтагматической и синтаксической специфики языков. Таким образом, была обеспечена инвариантность базового элемента речи по отношению к языкам разных семейств. На этой основе проводился сравнительный анализ особенностей просодической организации китайской и русской речи. Учитывая вышесказанное, можно полагать, что выводы, полученные на основе этого анализа, обладают достаточной степенью достоверности.

В эксперименте участвовали два диктора-мужчины. Один из них – носитель русского языка, а другой – билингв, в совершенстве владеющий разговорным китайским языком. Перед дикторами была поставлена задача: прочитать короткий текст с заданной коммуникативной установкой просьбы, требования или приказа. После проведения соответствующей тренировки дикторов и аудитивной оценки озвучиваемых ими текстов было выбрано несколько вариантов одного и того же текста для последующего анализа просодических характеристик КРС. В эксперименте использованы следующие тексты:

Прошу вас! Живите активно! Не стоит проводить выходные в постели!

Требую! (далее текст – как в первом примере).

Приказываю! (далее текст – как в первом примере).

Транскрипция этих текстов, произнесенных на китайском языке, дана кириллицей без обозначения тонов:

– <Ц⁴ю нимень! Цзици дэ шэн х⁰о! Бу яо сиу си жи цю бу ци ч⁴уан!>

– <Во яо ц⁴ю!> (далее текст – как в первом примере).

– <Во мин лин!> (далее текст – как в первом примере).

Акустический анализ текстов начинался с выделения квазиритмических структур (КРС) в речевом сигнале. Затем осуществлялась транскрипция текстов, измерялись длительности КРС, длительности пауз между ними, суммарная длительность гласных в КРС в миллисекундах. Также проводился подсчет числа квазислогов в КРС. Определялась позиция слога по силовой, долготной и мелодической выделенности, исходя из величины максимума соответствующего просодического параметра на временном промежутке квазиритмических структур (КРС). После этого проводился расчет темпа речи как отношения числа квазислогов в КРС к длительности КРС в секундах. Затем был сделан расчет относительного количества силовых, долготных и мелодических акцентов, характеризующих весь текст в целом. Результаты измерения этих величин приведены в таблицах 1, 2, 3, 4.

Таблица 1 (китайский язык)

Коммуни- кативная установка	Темп (Нсл/сек)	Квазиритмические структуры (КРС)			Длит. паузы после КРС в (мс)
			Длит. КРС в (мс)	Длит. глас- ных в КРС в (мс)	
Просьба	4	цз'ицз'и	450	281,033	77
	5,586592	дэшэ	179	115,013	64
	1,857143	нхуо	539	193,029	821
	5,988024	бу	167	103,012	103
	6,639381	йаос'иу	452	208,034	77
	7,792208	с'иужу	385	360,028	115
	7,079646	цз'убу	565	167,042	116
	4,105335	цичхуан	731	295,36	
	Ср. Знач.				
	5,381041				

Требование	5,194805	цз'ицз'и	385	385,029	89
	3,831418	дьшэнхуо	783	282,048	937
	4,580153	буйаос'и	655	488,049	90
	4,748982	ус'ижицз'убуцичхуа	1474	821,099	154
	Ср. Знач.		103	1,257	
	4,588839				
Приказ	5,194805	цз'ицз'и	385	385,029	89
	5,109834	дьшэнхуо	783	282,048	937
	7,356618	буйаос'	272	129,021	65
	9,55414	иус'ижицз'у	628	386,046	90
	5,07	буцичхуан	592	340	51
	Ср. Знач.				
	6,457079				

Таблица 2 (русский язык)

Коммуникативная установка	Темп (Нсл/сек)	Квазиритмические структуры (КРС)	Длит. КРС		Длит. паузы после КРС в (мс)
			в (мс)	Длит. гласных в КРС в (мс)	
Просьба	3,472825	Жыв'ит'бак'ивнъ	1727,7	1414,321	333
	2,338908	н'исто	855,1	650,906	65,1
	4,622431	ьтпръвад'ит'въхадны ьфпас'т'эл'ь	2379,7	1846,896	253,2
	Ср. Знач.				
	3,478055				

Требование	4,424779	Жив'ит'иакт'и	1130	814	53
	1,542734	внь	648,2	610,481	137,5
	2,827255	н'истоитп	1061,1	632,812	84,9
	2,601908	р'вад'ит'в	1153	639,228	60
	5,509642	ыхадныйвпаст'э	1089	914,445	117,3
	1,72295	л'и	580,4	514,669	104,2
	Ср. Знач.				
	3,104878				
Приказ	4,175801	Жыв'ит'эакт'	957,9	736,407	61,2
	6,024096	ивна	332	290,639	212,4
	2,521856	н'истоит	1189,6	732,627	103,5
	4,395604	п'равад'ит'	910	836,708	119,9
	3,643935	выхадныйфпаст'т'эл'и	1921	1500	110,8
	Ср. Знач.				
	4,152259				

Анализ данных обнаруживает превышение среднего темпа китайской речи над темпом русской речи примерно в 1,5 раза, причем это отношение почти не меняется в разных типах коммуникативного задания (см. таблицу 3, которая составлена на основе данных из таблиц 1 и 2):

Таблица 3

Коммуникативное намерение	Отношение темпа китайской речи. к темпу русской речи
Просьба	1,547141
Требование	1,477945
Приказ	1,555076
	Среднее значение
	1,526721

Результаты расчета средней относительной величины частотности силовых, долготных и мелодических по ЧОТ акцентов в КРС для текстов, озвученных на русском и китайском языках, приведены в таблице 4. Обзор табличных данных позволяет отметить, что для русского языка с изменением коммуникативного намерения диктора от выражения просьбы до выражения приказа относительное количество силовых и долготных акцентов на слогах в тексте увеличивается от 0,333 до 0,36, а относительное количество выделения слогов по ЧОТ уменьшается от 0,333 до 0,28.

Для китайского языка также характерно изменение относительного количества акцентированных по силе, долготе и частоте основного тона слогов в квазиритмических структурах озвученных текстов с различной коммуникативной установкой. Например, с изменением коммуникативного задания от просьбы до приказа относительное количество слогов, акцентированных по силе и долготе, увеличивается от 0,347 до 0,375, а относительное количество слогов, акцентированных по частоте основного тона, уменьшается от 0,304 до 0,25.

Таблица 4

Коммуникативное задание	Русский язык			Китайский язык		
	Силовой акцент	Долготный акцент	Акцент по ЧОТ	Силовой акцент	Долготный акцент	Акцент по ЧОТ
Просьба	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов
	0,333333	0,333333	0,333333	0,347826	0,347826	0,304348
Требование	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов
	0,346154	0,346154	0,307692	0,363636	0,363636	0,272727

Приказ	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов	Относит. колич. слогов
	0,36	0,36	0,28	0,375	0,375	0,25
	Сред. знач.	Сред. знач.	Сред. знач.	Сред. знач.	Сред. знач.	Сред. знач.
	0,346496	0,346496	0,307009	0,362154	0,362154	0,275692

Таким образом, по результатам эксперимента можно сделать предварительные выводы о характере акцентного выделения слогов, а также дать количественную оценку темпа речи и процесса акцентирования в русском и китайском звучащих текстах.

1. В китайской звучащей речи, независимо от типа коммуникативного задания (просьба, требование или приказ), величина среднего относительного количества выделенных по силе и долготе слогов на 4,42% больше, чем в русской. При этом среднее относительное количество слогов, акцентированных по максимуму ЧОТ, во временных интервалах квазиритмических структур в китайской речи на 10,4% меньше, чем в русской.

2. В китайской и русской звучащей речи по мере изменения коммуникативного намерения диктора (просьба, требование приказ) имеет место увеличение относительного количества слогов с силовым и долготным акцентированием на 7,46% и 8,33%. При этом величина относительного количества слогов, выделенных по максимуму ЧОТ, уменьшается на 17,76% и 15,9% соответственно.

3. Средний темп речи в звучащем китайском тексте с любой из рассмотренных коммуникативных установок в 1,5 раза выше, чем темп речи в соответствующем русском тексте. Однако в обоих языках как увеличение, так и уменьшение темпа речи связаны с тождественными изменениями коммуникативного намерения диктора. Если вместо выражения просьбы дается выражение требования, то темп китайской речи уменьшается на 16,7%, а темп

русской – на 11,5%. При замене требования на приказ темп речи, наоборот, увеличивается. При этом увеличение темпа китайской речи составляет 29,4%, а увеличение темпа русской речи – 24%.

D.I. Elovkov, St.Petersburg

GRAMMATICAL MEANINGS EXPRESSED IN KHMER

Khmer is not widely known among linguists. A complete description of Khmer, a full grammar of it, does not exist (except one in Russian by Yu. Gorgoniev published in 1966). It seems reasonable, then, to provide the most general information about this language, so that scholars working with other languages could use it to make a comparison with their languages. This can be done by presenting a list of grammatical meanings which may be and sometimes are expressed in Khmer. The list will actually show the grammatical structure of Khmer.

I. Time of action.

1. Future: *nîng*+V.
2. The nearest future (to be about to V; French *aller faire qch*; Russ. *вот-вот V*): *riap(nîng)=diap=rak+kal'=jit+V*.
3. The recent past (to have just V-ed; French *venir de faire qch*; Russ. *только что V*): *deip+nîng=deip+tae=deip+tae+nîng*.
4. The indeterminate (indefinite) past (used to V; Russ. *когда-то, бывало*): *tael+V*. The actual occurrence or – in negative utterances – non-occurrence of action-state in the Past is stressed.

There is NO marker of Present and Past Tenses in Khmer. The verb without a marker denotes an action-state happening at ANY time (Present/Past/Future). Such situations exist where time of action-state can NOT be expressed AT ALL, e.g. *brah buddh ma:n maen ri: de?* Brah

buddh ma:n maen # = Buddha exist indeed or not? Buddha exist indeed = Did Buddha really exist? Yes, Buddha existed indeed.

Time of action markers are not used often. IN MANY CASES the time of action-state is not explicitly expressed.

II. Taxis.

Three types of taxis meanings exist in Khmer.

1. One action-state precedes another, the former being completed before the latter begins (U1sin U2) [U – utterance].

2. One action-state – the second – immediately follows another (U1 U2 bhla:m).

3. Two actions-states are taking place simultaneously (V1 paNTeir ... V2 paNTeir).

Taxis meanings are also expressed by some elements denoting completion. They are such as heiy, srec, srap'.

III. Aspect.

1. A continuous character of action-state: *kambung(+tae)+V* (in some contexts similar to the English Progressive Aspect).

2. Continuation of action-state (*to keep on V-ing*): *ceh+tae+V, naw+V, naw+tae+V*.

3. Continuation of the absence of action-state (not yet, i.e. non-occurrence): (*naw/naw+tae+*) *V...Leiy # /naw+Leiy #*.

4. A habitual, frequent action-state, independent of the time, i.e. in the Past, Present or Future: *taeng(+tae)+V*.

5. The same as (4), but only in the Past: *dhla:p' (+tae)+V*.

IV. Relation between two situations, transition from one action-state (situation) to another. Completedness, inchoativeness.

V...heiy # or *V₁...heiy V₂...*, *ka+V, paer+ja:+V, V... viñ #, V₁...V₂ phang #, pa:n+V, daw+ja:+V, V... ruac/ srec/ sra:p' #*.

These meanings are somewhat specific, therefore some examples are adduced.

Mak heiy! = Coming! (about a bus that has appeared in the distance and is approaching: transition from one situation to another = the end of one situation – no bus – and the beginning of another – a bus appeared). Prabandh ge ca:s' heiy = His wife is (already) old. Git heiy ka pa:n daw...= Having thought (for a while) he went...(completedness & taxis).

Relation is presented (are sensed by the speaker) as similar or counterposed. Va: min daw de, añ ka min daw Tae = He won't go. So, I won't either (similarity). Ku:n+ca:p ka ceh heir = baby-birds have learnt to fly (transition from being unable to being able, i.e. inchoativeness). Ku:n ras' p'a: paer+ja: sla:p' = I survived but Dad perished (counterposition). Va: sngiam viñ=He fell silent *again* (returning to the previous state).

Phang denotes semantical linkage of two actions-states in the sense in addition to: phdah neh l'a heiy sam phang=This house is good and comfortable too.

Pa:n conveys the ideas: transition, beginning of a new action-state, emphasis on the fact that an action-state did/do take place indeed (as in I know/knew > I do/did know). Sam ka+pa:n ch'aet # = (At last) Sam felt himself full up (having eaten a lot / enough). Here, ka imparts the idea of opposition: hungry > full; pa:n emphasises the beginning of a new state. The idea of result is also sensed (had been eating till became full).

Daw+ja:+V expresses a pure transition (*to become*). The last three express completeness only. They are often used in combinations: V...*ruac+srec/ruac+srec+heiy/ ruac+heiy/ srec+heiy*.

V. High/low frequency of action-state: *ussa:h/kra+V*.

Va: *ussa:h/kra jhî: Na:s'* = He is very often/rarely ill.

VI. Reflectiveness: V+*khluan*.

Khluan means *body*, but it is not used as a content word in its lexical meaning. *Kuma:r pra:c khluan daw lei kandel # = The boy stretched himself on the mat.*

Reflectiveness is also expressed by combinations of synonyms: *khluan+ka:y/khluan+pra:N*.

VII. Reciprocity: V...gna:.

Pantic diat yeing juap gna: = Soon we shall meet (one another).

VIII. Causation. *Oy/ju:n* (both *to give*). The choice depends on the style: average/polite. Causation is a very wide-spread phenomenon in Khmer.

IX. Passive. *Tru:v* (*to undergo, suffer*). *Va: tru:v ge va:y = He undergo they beat = He was beaten by them.*

X. Phases of action-state.

Beginning: *ca:p'+V, ca:p'+phTeim+V, ka+ta:mng+V, mak+V.*

Delay of beginning: *min+da:n'+V, min+da:n'+V...naw+Leiy#.*

Swiftens of beginning: *sduh+V, praña:p'+V, mni:+mna:+V.*

Unexpectedness of beginning: *sra:p'+tae+V* (suddenly).

End of action-state: *jhap'+V, laeng +V, V...cap' #, V...as' #*

XI. Modality.

Modal verbs exist in Khmer *as in many other languages* (*want, must, need, dare, decide, intend, be going to, try, can*).

There is a great variety of elements, words, expressions expressing emotions: certitude, doubt, surprise, possibility, necessity, emphasis.

XII. Degrees of quality, degrees of comparison.

High degree (*very*): *Adj+Na:s'/bek/bek+Na:s'/ban'+bek/krai+laeng;*

Low degree: min+su:v+Adj.

Comparative: Adj ja:ng... = Adj than...

No superlative form. The meaning of the superlative is expressed by the construction: Adj ja:ng+ge = Adj than+they.

Growth of quality: ka:n'+tae/rit+tae/ring+rit+tae+Adj = more and more+Adj.

Those are the grammatical meanings expressed with predicatives, i.e. verbs and adjectives.

Only two grammatical meanings are expressed with nouns: singularity/plurality of objects; definite/indefinite character of an object (similar to the definite/indefinite articles).

Plurality can be expressed by a great variety of means. Rather often, however, it is NOT expressed. The Khmer noun does not contain information about the number of objects it denotes: *tu* = table/tables. And it is expressed ONLY IF/WHEN the speaker considers it important for the concrete act of communication and this occurs rather rarely. There are situations where plurality can NOT be expressed AT ALL, as in *dansa:y s''i: smaw* = hare eat grass = Hares eat grass.

There are grammatical elements which denote grammatical functions/relations.

Prepositions are scarce. Prepositional meanings are often expressed by verbs: *va: Teir ka:n' ka:ta:p* = he walk hold bag = He walks with a bag; *rian naw sa:la:* = learn be in some place school = to learn at school; *va: Teir ta:m ge* = walk follow they = He walks after them; *pra:p' daw ge* = tell move away from he (said to him); *pra:p' mak añ* = tell approach I (Tell me!); *mak Tal' phdah* = come reach home = to come home.

Conjunctions are proper to Khmer, and in this aspect it is similar to any European language. There are subordinate clauses of the same types as in European languages.

Grammatical means are used to transform affirmative utterances in negative and interrogative ones. There are means (grammatical/lexical) to express orders, prohibitions, requests. So, existence of the imperative mood may be stated. Other moods can hardly be identified.

A specific and important feature of Khmer is that a lot of utterances contain NO grammatical elements and meanings. They consist of content words only, i.e. of nouns, verbs, adjectives. E.g. *añ peh va: yak daw ju:n m''ae Ta:k thu: #* = I pluck it/they [flower] take go give Mummy put vase = I will pluck them and bring them to Mummy so that she put them in a vase.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ЧЭНЬЮЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Многозначность, полисемия или так называемый результат семантико-номинативной деривации [16; 1-2] был объектом пристального внимания исследователей лингвистики в 60-х и 80-х годах прошлого столетия. Данная ситуация, вероятно, обусловлена приоритетным развитием в указанный период взглядов, характерных для конструктивной и когнитивной лингвистики.

В настоящее время в отечественном языкознании наиболее актуальной становится этнолингвистика, для которой полисемия как лингвистическое явление не является непосредственным объектом изучения. В последнее время, это подтверждается скудостью лингвистического материала по указанной теме. Не отличается большим разнообразием и лингвистический материал в китайском языкознании. К примеру, основоположник лингвистических исследований по чэньюй в китайском языке Ма Гофань дает лишь самое общее определение многозначности чэньюй и рассматривает два типа их употребления в речи [17;167-168].

В условиях постоянного движения научной мысли вперед, имеющийся пробел в лингвистических исследованиях требует своего восполнения, чему автор и посвящает данную статью.

На актуальный для лингвистики вопрос о существовании полисемии как лексического явления – наш ответ вполне утвердительный. Данный ответ не зависит от того, с каких позиций рассматривается полисемия – с позиции «говорящего» или позиции «слушающего» [6;16]. Для полного понимания места полисемии в ряду других лексических явлений целесообразным представляется автору рассмотреть картину смежности полисемии. Полисемия соприкасается со следующими лексическими явлениями: моносемия

(однозначность), омонимия, слова с широкой семантикой, неморфемное словообразование.

Что касается смежности полисемии и моносемии, она заключается лишь в количестве выражаемых понятием ФЕ (фразеологической единицы) отдельных, дискретных значений. Данная смежность может быть выражена и путем различия количества префразеологических аспектов [13;85-86]. Моносемичная ФЕ обладает одним аспектом, тогда как полисемантическая ФЕ может обладать несколькими префразеологическими аспектами. Кроме того, смежность моносемии и полисемии ФЕ может основываться на референтной соотнесенности [8;85-88]. В случае если языковой знак соотносится не с одним и тем же референтом, как в случае при моносемии, а соотносится с несколькими референтами, то речь идет об отдельных значениях многозначного слова. Именно принцип референтной соотнесенности, может служить критерием разграничения моносемии и полисемии. Дополнительными критериями разграничения данных явлений, своеобразными признаками, могут служить так же лексико-грамматическая валентность, частеречная функция, словообразовательный критерий, эмоционально-экспрессивная окрашенность, различная стилистическая соотнесенность и различная степень метафоричности.

Близким к вышеизложенному лексическому явлению смежным с полисемией является широкозначность слова. Данная смежность обусловлена наличием у любого слова, так же как и у многозначного, способности обозначать самые разнообразные предметы и явления окружающего мира, так называемое свойство полиденотативности [14;11]. За одним различием, что полисемантическая единица может обозначать два понятия, а слово с широкой семантикой – одно широкое понятие.

Смежность полисемии и неморфемного словообразования основывается на результате семантико-деривационного процесса.

При семантическом способе словопроизводства, т.е. распаде полисемии, и при словообразовательном акте результат идентичен – рождение новой языковой единицы. Таким образом, явление полисемии, а точнее ее распад, можно считать одним из способов словообразования, ведущим к омонимии [16;2].

Из всех типов омонимии (фонетической, морфологической, семантической [3;115]) самой близкой к полисемии является семантическая омонимия, возникшая в результате распада полисемантических значений. Данная смежность полисемии и омонимии разводится путем применения критериев разграничения полисемии и омонимии. Это может быть семантический анализ, подкрепленный морфологическими и синтаксическими признаками [3;112-113], и словообразовательный признак [2;25-26], и семантическая дивергенция, и наличие – отсутствие связующего «переходного звена». В основе разграничения полисемии и омонимии может лежать критерий соотношения отдельных значений слова, т.е. связанность или несвязанность значений актуальной деривацией [12;51].

Смежность полисемии с другими лексическими явлениями, как мы видим, прежде всего, обусловлена характером явления многозначности и соотношения отдельных значений многозначной языковой единицы.

Делая вывод по картине смежности полисемии с другими лексическими явлениями, можно отметить следующее. Полисемия как лексическое явление, заключающееся в обладании знаком определенного значения, в полярных своих проявлениях выражается полюсами моносемии и омонимии. Полисемию так же можно считать одним из факультативных способов словообразования неморфемного типа. Основная же причина существования полисемии, обуславливающая ее сущность – это стремление человека к отображению окружающей его действительности в системе взаимосвязей и

отношений, а также экономное использование номинативных средств, тенденция к упрощению языковых средств, что ведет к смысловому наполнению языковой единицы.

Что же такое полисемия как лексическое явление? Определение многозначности неоднозначно в лингвистических кругах и зависит от авторского понимания функционирования полисемии в языке. Ма Гофань дает традиционное определение многозначности – это обладание языковой единицей, а в частности чэньюй, несколькими значениями [17;167-168].

Традиционное определение полисемии в отечественном языкознании принадлежит Виноградову В.В., по его мнению, «два или больше номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них являются производными от основного (по крайней мере, понимаются как такие в данный период развития языка.)» [5;172-173].

Несколько конкретнее дает определение многозначности Кацнельсон С.Д.: «Полисемия ... – это прежде всего ряд объединенных актуальными деривационными связями значений» [12;51].

Новиков Л.А. понимает под многозначностью более широкое понятие – «семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям этого слова» [18;189]. Данное определение автора основано, прежде всего, на контексте языковой единицы, ее употреблении.

Другой взгляд на определении многозначности основывается не на дискретности значения знака, а на сходстве его значений. Так Апресян Ю.Д. видит в полисемии сходство всех значений многозначного слова, т.е. «слово А называется многозначным, если для каждого из двух его значений a_1 и a_2 найдутся такие значения a_1

и а3, что а2 сходно с а1, а1 – с а3 и т.д.» [1;187]. автор данного определения видит приоритетность лишь парадигматических отношений в лексических явлениях.

Относительно ФЕ определение полисемии лежит в понятийном кругу между определениями полисемии как деривационно-связанных значений и сходства значений многозначного слова. Полисемия ФЕ – это сумма отдельных фразеологических значений, которые связаны отношениями деривации, основанных на тропических механизмах, а также абстрагировании и обобщении [9;24] и объединенных основным, главным образом, заключенном в исходном фразеологическом значении ФЕ, т.е. многозначность ФЕ – это результат ее повторной метафоризации на основе своеобразного национального ассоциативного комплекса, не выходящего за пределы исходного образа, а лишь отображающего различные его признаки. Причем, дискретность отдельных значений многозначной ФЕ не зависит от контекста, контекст, лишь обуславливает выражение одного из значений данной ФЕ [21;43]. Например, чэньюй в китайском языке:

Sui bo zhu lang – дословно «плыть по волнам», отдельные значения:

1. плыть по течению
2. отрешенный вид, опустить руки
3. поддаваться течению
4. идти в ногу.

Все эти значения объединены одним основным образом – несопротивления чему-либо и одновременности какого-либо действия и выражены суммой понятий в отдельных значениях 1), 2), 3), 4).

Развитие полисемантической ФЕ имеет свои закономерности.

Во-первых: тенденция многозначности не характерна для ФЕ, а в том числе и для чэньюй, это подтверждается статистическим

анализом данных [4]. Из 24808 чэньюй всего 822 приходится на долю многозначных, что составляет 3,3 %. По данным Фразеологического словаря русского языка 1967 года на 4000 ФЕ приходится 660 многозначных ФЕ, что составляет около 17%. Кроме того, немногочисленность полисемантических ФЕ объясняется и теоретически, ФЕ, в отличие от слова, – структурно усложненная единица и при этом семантически усложненная, поэтому механизм повторной метафоризации, лежащий в основе многозначности ФЕ, значительно затруднен. Полисемия в большей степени характерна для слов, семантика которых не отягчена метафорическим образом и включает конкретные признаки объектов, свойств и действий.

Во-вторых: лексическое явление многозначности во фразеологии характерно для ФЕ, сохранивших внутреннюю форму, т.е. налагаемых или «аплицируемых» [10;129] ФЕ. Легче многозначность развивается у ФЕ, которые имеют целостное значение и по структуре соотносимы со словосочетанием [19;150]. Так, в китайском языке на 822 многозначных чэньюй приходится 724 чэньюй, имеющих структуру словосочетания, что составляет 88%. Например,

- Fu qiang mo bi – 1. ходить по стеночке, на ощупь
2. осторожно прощупывать.

По структуре данный чэньюй соотносим со словосочетанием, где внутренняя форма ФЕ не утратила своей мотивированности.

В-третьих: основным тропеическим механизмом многозначного чэньюй является метафоризация (jieyu), входящая в класс сравнений (biyu). Остальные виды тропов (miao hui lei) [7;21] занимают незначительную часть от общего числа полисемантических ФЕ: олицетворение (niren) – 8%, метонимия (pangjie) – 8%. Преобладающее большинство многозначных чэньюй образовано по метафорическому механизму, что составляет 78% от общего числа многозначных чэньюй. Более того, при повторной метафоризации

ФЕ, наблюдается тенденция перехода от конкретного к абстрактному [15;27]. К примеру,

Can bei leng zhi – дословно «недопитые рюмки и остывшее жаркое», «остатки пира». Наблюдается переход к более абстрактному значению «подачка».

В-четвертых: многозначность более всего свойственна глагольным и наречным ФЕ [10;128]. Так, в китайском языке на общее число чэньюй, соотносимых по структуре со словосочетанием, 56% приходится на наречные и глагольные чэньюй, например,

Jian jing sheng qing –

1. всплыть в памяти, навевать образ чего-либо
2. приноравливаться к ситуации.

Данный чэньюй принадлежит к ФЕ глагольного характера. Причина данного факта может крыться в том, что легче мотивированность значения сохраняется именно в глагольных и наречных ФЕ, что согласовывается со второй, вышеуказанной, тенденцией развития многозначности у ФЕ.

В-пятых: многозначность ФЕ не зависит от ее инвариантности. Так, например, глагольный чэньюй, имеющий инварианты, во всех частных значениях варьируется одинаковым образом:

Po san hun fei и

Po san hun xiao имеют значения –

1. волосы на голове дыбом встали, душа в пятки ушла
2. в шоковом состоянии
3. тронуться умом, помутнение рассудка.

В-шестых: из всего числа ФЕ преобладают двухзначные, что обусловлено сложностью смысловой структуры ФЕ и сложностью метафорического переноса. В китайском языке это иллюстрируется подавляющим большинством чэньюй, имеющих не

более двух отдельных значений – 723, что составляет 88% от общего количества многозначных чэньюй.

В-седьмых: по структурному типу деривационных отношений между отдельными значениями ФЕ приоритетным является цепочный тип [20;127] полисемии (или включение, последовательный тип) и радиальный тип (пересечение, параллельный тип). На 822 чэньюй приходится 43% чэньюй с радиальным типом полисемии и 49% чэньюй с цепочным типом полисемии, при меньшинстве радиально-цепочного типа – всего 8% чэньюй. В отличие от слова, данный факт во фразеологии обусловлен преобладанием двухзначных чэньюй в китайском языке.

В-восьмых: деривационная структура многозначной ФЕ характеризуется иерархией [12;50], т.е. главенствующую роль играет одно – основное значение, все остальные значения производны, они прямо или косвенно подчинены главному. Производное значение ФЕ не может быть оторвано от основного значения. Именно такое отношение производности является критерием разграничения полисемии и омонимии [5;172-173]. Однако, иерархия деривационных отношений между отдельными значениями ФЕ несколько слабее, чем у слова [11;138]. Иногда в структуре полисемантической ФЕ затруднено определение производного и основного значения, например:

- Shan nan hai bei – 1. на краю земли, за тридевять земель
2. куда не брось, повсюду.

Такое затруднение может быть вызвано омонимичностью самой структуры словосочетания, дающей значения «повсеместности» и «удаленности».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимичные средства языка. – М., 1974.
2. *Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П.* Многозначность и омонимия. – Л., 1966.
3. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957.
4. Большой словарь чэньюй китайского языка. – Шанхай, 1996.
5. *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография. – М., 1977.
6. *Гайсина Р.М.* Проблема многозначности с позиции говорящего и слушающего. // Исследования по семантике. Семантика и функционирование лингвистических единиц. Межвузовский научный сборник. – Уфа, 1989.
7. *Горелов В.И.* стилистика современного китайского языка. – М., 1979.
8. *Гришанова В.Н.* К вопросу о критериях разграничения значений полисемичных ФЕ. // Русский язык в школе, 1979, №6, с. 84-88.
9. *Диброва Е.И.* Фразеология на современном этапе (опыт исследования в Венгрии). // Вестник МГУ. Сер.9. Филология, 1994, №5, с.21-28.
10. *Жуков В.П.* Семантика фразеологического оборота. – М., 1978.
11. *Зимин В.И., Никитин А.В.* Многозначность слов и фразеологизмов. // Вопросы семантики ФЕ. Ч.1. Тезисы докладов и сообщений. – Новгород, 1971.
12. *Кацнельсон С.Д.* Общее типологическое языкознание. – Л., 1986.
13. *Кириллова Н.Н.* О денотате фразеологической семантики. // Вопросы языкознания, 1986, №2, с.82-89.
14. *Колобаев В.К.* О некоторых смежных явлениях в области лексики. (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова). // Иностраный язык в школе, 1983, №1, с.11.
15. *Конецкая В.П.* Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии. // Вопросы языкознания, 1998, №2, с.22-37.
16. *Косова В.А.* К вопросу о критериях разграничения полисемии и семантико-словообразовательной омонимии. // Сб. статей международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира», 1997, с. 1-3.
17. *Ма Гофань. Чэньюй.* – Ху-хотхо, 1978.
18. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. Уч. пособие. – М., 1982.

19. *Розенталь Д.Э., Голуб М.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. – М., 1995.
20. *Семенов А.Л.* Лексикология современного китайского языка. – М., 1992.
21. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. Уч. пособие для вузов. – М., 1985.

SUMMARY

The article is devoted to the semantic problems of lexicology, such as polysemy of Chinese idioms, i.e. *chengyu*. The author highlights the problem of contiguity of polysemy and the other lexical phenomena: monosemy, homonymy, words with wide semantic, unmorphemic word-formation. To sum it up the author states that the phenomenon of polysemy as a mechanism at the start point of it can be monosemy and at the final point of it – homonymy. The phenomenon of polysemy can be also judged as one of the type of word-formation. The author goes on with giving the definition of polysemy of idiom in Chinese language, where stresses that it is the sum of derived connected phraseologic meanings, which based on the trope and some logical mechanism. Further the author touches upon the regularity of polysemy. It includes rarity polysemy of Chinese idiom; it is more extended for the idioms that reserve their inner form; the most extended trope mechanism is metaphor; the most quantity of polysemic idiom is verbal and adverbial; the polysemy of idiom doesn't depend on its invariance; from the all amount of idiom the quantity of two-components' is bigger; the priority classes of derivative connection of polysemantic idiom meanings are radial and consecutive type; hierarchy is typical of derivative and base meaning of polysemic Chinese idiom.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗНОСТИ
В КИТАЙСКОМ И ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале пословичных и поэтических текстов)

Лингвистический статус паремий

Основной фонд паремиологических единиц (или паремий) составляет множество тех речений, которые принято называть пословицами и поговорками (ср. термины: греч. *paroimia*, лат. *proverbium*, англ. *proverb, saying*, нем. *das Sprichwort, sprichwörtliche Redensart*, франц. *le proverb, le dicton*, кит. 谚语 *yan⁴yu³* “изречение, пословица, поговорка”, 格言 *ge²yan²* “речение, шаблонная фраза, пословица, поговорка”, 俗话 *su²hua⁴* “распространенное выражение, популярное изречение, афоризм, пословица, поговорка”, 成语 *cheng²yu³* “устойчивое выражение, фразеологизм, идиома, пословица, поговорка”, дунг. ку²гэр¹ “пословица”, ку²люр² “поговорка”)¹. При попытке определить их статус в языке мы сразу же сталкиваемся с большим теоретическим разнобоем.

Например, расходятся взгляды на отношения между паремиологией и фразеологией. При всем разнообразии точек зрения на состав этих дисциплин и на соотношение объекта их исследования можно свести эти взгляды к двум противоположным позициям: это (1) узкое понимание фразеологии, исключающее паремии из ее исследовательского поля, и (2) широкое ее понимание с включением

¹ В звуковой записи китайских слов используются цифровые обозначения тонов: 1 – ровный, 2 – восходящий, 3 – нисходяще-восходящий, 4 – падающий. Дунганские слова даны в принятой орфографии на кириллической основе с цифровым обозначением дунганских тонов: 1 – восходящий, 2 – падающий, 3 – ровный. Как известно, первый и второй китайские тоны слились в первом дунганском, третий китайский перешел во второй дунганский, а четвертый китайский – в третий дунганский.

паремий в число фразеологических единиц [Телия 1990а; 1990б; Лексикографическая 1988].

Мы придерживаемся второй точки зрения. Кроме известных теоретических аргументов в пользу данной позиции, нас склоняет к ней опыт практической работы с материалом дунганского, китайского и других языков с применением методов, упоминаемых в настоящем докладе, – когнитивного моделирования, параметризации, эксперимента, ведения баз данных.

Приведем здесь некоторые факты по этому поводу.

Показательны в этом отношении особые китайские устойчивые сочетания, имеющие обычно четырехчленный состав и характерные в основном для литературной речи (называемые термином «чэньюй»). Примером такого фразеологизма может служить следующий: 风声鹤唳 *feng' sheng' he' li'* (букв. “ветер+шум+журавль+крик”, т.е. “шум ветра, крик журавля” в смысле “отступающая армия принимает малейшие звуки за шум преследующего ее неприятеля”). Приведем описание семантики этого фразеологизма; учитывающее основные контексты его употребления (по данным большого словаря): “тревожная напряженность; быть (жить) в страшной тревоге; впасть в панику от каждого шороха и звука; у страха глаза велики” [Китайско-русский 1992]. Здесь жесткие различия между видами языкового отражения ситуации стерты уже в рамках одного и того же оборота: он может выражать и субстантивную номинацию чувства страха, и предикативно-атрибутивную номинацию состояния человека или толпы, и сентенциальную модель развертывающейся перед нашими глазами ситуации. Базовая образная картина одна и та же, но она по-разному встраивается в тот или иной речевой контекст (о чем и говорят различные русские переводы). Итак, паремиологию целесообразнее рассматривать как часть фразеологии (дополнительные свидетельства этому будут представлены в других местах настоящего доклада).

Самый высокий статус в фразеологической системе занимают, безусловно, типичные пословицы: ведь именно в них в полной мере воплощены образность и реляционная спаянность, богатый когнитивный опыт и развернутая коммуникативность. Все другие разновидности фразеологизмов уступают пословицам по совокупности этих главных свойств и как бы подчинены им.

Имея в виду нечеткость границ фразеологического фонда языка, мы можем подразделять фразеологические единицы на важнейшие типы и переходные явления между ними, но главная исследовательская цель при этом – познание их многомерной природы. Выделение класса собственно паремиологических единиц может основываться на следующих основных конституирующих свойствах:

1. сентенциальность (соответствующий лексический комплекс построен на основе семантической структуры предложения, фактической или подразумеваемой);
2. народность (отсутствие конкретного авторства, признание изречения достоянием народа);
3. обобщение жизненного опыта, как на бытовом уровне, так и на уровне высокой народной мудрости;
4. повторяемость (частая воспроизводимость) в живой речи (по крайней мере, в некоторый период существования этой единицы);
5. передаваемость из поколения в поколение;
6. художественность (использование поэтических средств художественной речи).

При экспериментальном исследовании паремий нами были, в частности, взяты следующие существительные с конкретным значением: “корень” (кит. 根 gen¹), “свинья” (кит. 猪 zhu¹), “рот” (кит. 口 kou³ и 嘴 zui³), “шерсть, волосы, пух, перья” (кит. 毛 mao²), “кровь” (кит. 血 xue⁴), “дверь, ворота, вход” (кит. 门 men²), “дракон” (кит. 龙 long²). Здесь представлены мир растений, мир животных, мир

артефактов, мир мифов. Заметим, что значение “рот” в китайском языке выражается двумя разными простыми лексемами. Слово со значением “шерсть” обладает более широкой денотативной семантикой, то же относится и к слову со значением “дверь”. Мифический образ дракона носит культурно-зависимый характер.

Методика в этом случае состояла в том, что участник эксперимента получал лист с четырьмя из указанных восьми слов и записывал те “устойчивые, часто употребляемые выражения” с ними, которые приходили ему на память. Время предоставлялось в общей сложности в объеме 30 минут. После основной части эксперимента проводилась аналитическая работа с участием опытного носителя китайского языка высокого культурного уровня. При этом выяснялись типовые контексты употребления фразеологических единиц и их интерпретация.

Фрагмент наших экспериментальных результатов по китайскому языку отражен в таблицах 1 и 2. Четыре из ключевых слов-стимулов были предъявлены в письменном виде шести информантам – носителям китайского языка (количественные данные о полученных реакциях см. в табл. 1), а остальные четыре ключевых слова были предъявлены другим шести информантам (см. табл. 2). В эксперименте участвовали студенты Фуданьского университета, выходцы из разных провинций КНР. Задание состояло в просьбе написать как можно больше приходящих им на память пословиц, поговорок, популярных речений с предложенными ключевыми словами. Максимальное время выполнения задания было ограничено 30 минутами. Информантам было объяснено, что писать надо такие употребительные в устной или письменной речи устойчивые фразы, которые легко вспоминаются и не требуют долгих раздумий.

Разберем теперь такой пример. В эксперименте с носителями китайского языка на стимул 根 *gen* был получен фразеологизм 根深蒂固 *gen' shen' di' gu'* букв. “корень глубокий плодоножка крепкая”

(или “корни глубокие плодоножки крепкие”). Эту паремию привели в эксперименте шесть информантов из шести. Возможна двоякая трактовка буквального плана этого выражения: во-первых, в смысле “Если корни глубокие, то плодоножки крепкие” (тогда в русском переводе надо ставить тире); во-вторых, в смысле “и корни глубокие, и плодоножки крепкие” (тогда в русском переводе надо ставить запятую).

Таблица 1

Информант Шифр	Число реакций на ключевые слова-стимулы			
	龙 long ² “дракон”	门 men ² “дверь”	口 kou ³ “рот”	毛 mao ² “шерсть”
1	8	6	8	9
2	6	7	8	9
3	5	7	6	6
4	5	6	4	8
5	3	5	4	8
6	4	6	6	8
Всего	31	37	36	48
Из них разных паремий	12	14	14	16

Таблица 2

Информант Шифр	Число реакций на ключевые слова-стимулы			
	根 gen ¹ “корень”	嘴 zui ³ “рот”	血 xue ⁴ “кровь”	猪 zhu ¹ “свинья”
7	3	2	3	1
8	2	1	5	1
9	4	5	3	1
10	3	1	3	4
11	4	4	5	4
12	2	2	5	5
Всего	18	15	21	16
Из них разных паремий	11	11	10	9

При первой трактовке перед нами типичная пословица, которая имеет, далее, переносные значения “Если человек имеет глубокие связи со своими предками и учителями, то он крепко держится на древе жизни” (“Кто опирается на предков, тот крепко стоит на этой земле”, “Если у тебя глубокие корни, то будет и прочное положение”) или “Если дело имеет глубокие корни, то ему обеспечено прочное (надежное) будущее”.

При второй трактовке перед нами фразеологизм, хотя и состоящий из двух частей, но относящийся в целом к одному объекту (в буквальном плане – к некоторому растению); в речевом контексте эта конструкция может выполнять предикативную или атрибутивную функции, реализуя при этом коммуникативную цель характеристики какого-то предмета или явления. Например, в буквальном плане применительно к яблоне мы будем иметь значение “глубоко укоренившаяся, хорошо плодоносящая, окрепшая, здоровая, живучая яблоня”. Развив переносные значения, этот фразеологизм участвует в выражении таких смыслов, как “глубоко укоренившийся обычай” или “застарелая привычка” и др.

Мы видим, что в рамках единой фразеологической единицы сосуществуют и собственно паремнологическая фраза, и фразеологическое выражение с предикативно-атрибутивной функцией. И по обеим линиям эта единица развила полисемию. Основных направлений метафорического переноса здесь два: из когнитивной сферы “Знания о растениях” в сферу “Знания о психике человека, в частности о формировании привычек” и в сферу “Знания о социальных связях и стереотипах”. Когнитивный механизм переноса основан на образах {КОРЕНЬ}, {ПЛОД}, {ПЛОДОНОЖКА} (последний образ, будучи далеко не универсальным, отражает глубокую мудрость, состоящую в том, что важны не просто прочные связи между корнем и плодом, но особое значение имеет крепость последнего звена этих связей, – звена, на

котором держится плод и которое не должно быть слабым или гнилым; если плод будет велик и плодоножка не выдержит, то плод упадет раньше времени и погибнет незрелым). Именно такого рода коммуникативные имплицатуры и следствия несет в себе данная фразеологическая единица. В случае, если мы говорим об укоренившейся вредной привычке, важны будут другие умозаключения, а именно: эту привычку (как плод неправильного поведения) уничтожить будет трудно потому, что она крепко привязалась к человеку (посредством “плодоножки”) и имеет, к тому же, глубокие корни (в длительной истории несправедливой жизни). Интересно, что, как мы видим, когнитивные механизмы образного моделирования ситуации служат основой вывода имплицитной информации в любом конкретном коммуникативном контексте.

Далее, компонентный анализ метафорических переносов позволяет представить когнитивные механизмы корреляций в более подробном виде [Зевахина 1985]. В частности, перенос из одной сферы в другую основан на инвариантных семантических компонентах, таких, как <ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЯВЛЕНИЯ>, <ИСТОЧНИК ПРОЦЕССА>, <ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ>, <ПУТЬ РАЗВИТИЯ>, <РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ>, <СОХРАНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА>.

Анализ выражения 根深蒂固 *gen' shen' di' gu'* может быть резюмирован в виде следующего описания его значений: I. (1) Если корни глубокие, то плодоножки крепкие (2) Если у человека глубокие корни, то он прочно стоит на земле (у него прочное положение) (3) Если дело имеет глубокие корни, то ему обеспечено прочное будущее II. (1) имеющий глубокие корни (2) глубоко укоренившийся, закоренелый (3) глубокий, имеющий глубокие причины (4) застарелый, укоренившийся, давний, древний (5) заядлый, закоренелый, несправимый.

Когнитивно-коммуникативные механизмы паремической образности

В шестидесятые-семидесятые годы XX века состоялся цикл паремиологических исследований Г.Л. Пермякова [Пермяков 1970; 1988; 2001]. За короткий, но чрезвычайно интенсивный период своей научной карьеры он совершил интеллектуальный подвиг – создал основы универсальной когнитивной паремиологии, причем на огромном эмпирическом материале (около 50 000 изречений более 200 народов). Компьютерное освоение структурно-семантической паремиологии еще только начинается. Паремии и проще и сложнее, чем сказки. Проще – потому что они невелики по длине и лексическому составу (ограничены рамками одного высказывания). Сложнее – потому что содержат в конденсированном виде многомерный смысловой мир, имеющий открытое множество реализаций в разнообразных когнитивно-коммуникативных контекстах. Помимо открытых Пермяковым тематических и формально-логических параметров, пословицы и поговорки скрывают в себе мощнейшие механизмы образной метафорики, которые еще подлежат углубленному когнитивно-лингвистическому анализу.

Именно последний аспект служит предметом рассмотрения в настоящем докладе. Представляется, что образная метафорика и есть та центральная пружина, которая обуславливает когнитивную и коммуникативную силу паремий как особого звена, соединяющего язык и речь. Главная идея, развиваемая в нашем исследовании, заключается в том, что, подобно тому, как морфема, слово, устойчивое словосочетание, идиома выполняют свою специфичную функцию в интегральном когнитивном механизме языка, паремия как клишированное метафорическое высказывание служит средством закрепления в языковой памяти обобщенных знаний о целостной (и вместе с тем четко структурированной) когнитивно-

коммуникативной ситуации – в виде развернутого ситуационного образа. Паремия дает говорящему возможность легко распознать ситуацию (подведя ее под соответствующий образ) и легко вербализовать свою речевую реакцию на нее. Паремия позволяет слушающему легко увидеть в ситуации обобщенное знание, о котором напоминает ему партнер по коммуникации. Как видим, наша модель учитывает три глобальных измерения “языковых явлений” – языковую когнитивную систему, процессы говорения и понимания [Щерба 1974].

Такой подход к построению действующей модели паремического образа уходит своими корнями в когнитивную теорию языка А.А. Потебни, 140 лет назад предвосхитившего своими прозрениями целый ряд направлений современной когнитивной лингвистики, поэтики, культурологии, креативистики. Его небольшой эпохальный труд “Мысль и язык” (впервые изданный в 1862 г.), а также многочисленные материалы лекций, статей и заметок (часто специально посвященные паремиям), теперь широко доступны и оказывают стимулирующее воздействие на ход научного поиска в области все более адекватных моделей образной ментальной деятельности, опосредованной дискурсом [Потебня 1989; 1990; 1999].

Для нашей работы существенно, в частности, учение об апперцепции, подробно развитое Потебней применительно к языковой деятельности: слово (или высказывание) есть вербально воплощенное представление и чувственной картины внешнего мира, и внутренней понятийно-действенной структуры; оно же есть внутренняя форма образа, или образ образа, а значит, фактически – фрейм [Потебня 1999: 146-161]. Другое важное положение, неоднократно аргументированное Потебней, касается неразделимости процессов вербализации и понимания; с афористической лаконичностью оно формулируется так: “Речь нераздельна с пониманием” [Потебня 1999: 152], т.е. фреймы,

используемые говорящим, должны быть понятны (доступны) слушающему.

В современной науке, как известно, применение аппарата фреймов к моделированию психической деятельности наиболее проникновенно и тонко разработано М. Минским [Минский 1978; 1988].

В этом суть “живой метафоры”, как определяет ее Поль Рикёр: как будто следуя за Потебней, он говорит о необходимости “внедрения понятия образа в семантическую теорию метафоры” [Рикёр, 1990: 446] и подчеркивает, что “иконичность – это образ, встроенный в сам язык”. Деятельностная сущность образа позволяет свести метафору к действию-отношению “видеть как”. “Категория “видеть как”, реализующая себя в процессе чтения, обеспечивает соединение вербального смысла с образностью во всей ее полноте” [451].

Так, по данным эксперимента, среди наиболее активных (для современной молодежи) паремий со словом *men*² “дверь” оказалась ПЕ *kai*¹ *men*² *jian*⁴ *shan*¹ букв. “открыть дверь – увидеть горы”, т.е. “откроешь двери – увидишь горы” или “при открытых дверях видны горы”. Чтобы полнее представить себе исходный образ, мы должны вспомнить, что в китайском языке содержание иероглифа *shan*¹ включает в себя и понятие “страны”, “мира”. Поэтому более полно исходный образ ситуации описывается с помощью фразы “откроешь двери – и мы сразу увидим мир” (недаром одна из любимейших тем традиционной китайской живописи – бесконечная горная страна). Переводы метафорических значений данной ПЕ могут быть такими: “покажешь открыто – все станет ясно”; “скажешь открыто – мы все поймем”; “ясно демонстрировать”; “прямо излагать”; “говорить без утайки”; “без обиняков”; “открыто”; “начистоту”. (Ср. характерные реплики русской разговорной речи: “Откройся!”, “Не темни!”.)

При моделировании употребления ПЕ в реальном общении мы исходим из идеи множественности конкретных фреймов. Различаются: образный фрейм (показывающий структуру исходного ситуационного образа и задающий класс “стереотипных ситуаций”); окказиональные фреймы (отражающие структуру случаев конкретных ситуаций); обобщенный фрейм (структурирующий абстрактные знания о классе стереотипных ситуаций). Операция “видеть как” интерпретируется нами как операция метафорического преобразования конкретных фреймов: от окказионального фрейма (факультативно – через обобщенный фрейм) к образному.

Фрейм, как говорилось выше, применяется и на чувственном, и на концептуальном уровне одновременно: к “ситуации” и к “концептуальному смыслу”. Термин “ситуация”, в свою очередь, объединяет “ситуацию во внешнем мире” (или “положение дел в мире”) и “коммуникативную ситуацию”. Соответственно, и “смысл” есть единство знаний о ситуации внешнего мира и знаний о ситуации общения, прежде всего – о коммуникативном намерении говорящего.

Метафорическое преобразование можно рассматривать и как процедуру заполнения позиций образного фрейма узлами конкретного окказионального фрейма (последние выступают в таком случае в роли терминальных).

Как известно, и для записи фреймов, и для представления связей между ними можно использовать различные формальные средства: семантические сети, таблицы, структурированные списки, формулы. Мы используем списочную запись с элементами формульного представления отношений. Это связано с тем, что информацию об образных фреймах мы помещаем в Банк данных о паремиях и составляющей их лексике.

Запишем образный фрейм для приведенной выше паремии. Прописными буквами в кавычках записываются имена узлов фрейма. В квадратных скобках записываются кванты знаний,

ассоциированные со всем фреймом (условия применения, коммуникативные намерения, результаты применения). В угловых скобках – условия, налагаемые на отдельные узлы фрейма, в том числе – отношения между узлами, возможные словарные метафоры, потенции живой образности данного узла в рамках данного класса метафорических преобразований.

Имя фрейма *открыть двери – увидеть горы*

Ассоциированные кванты знаний

[Условия применения: основной субъект X и его партнеры Y находятся внутри замкнутого пространства]

[Коммуникативное намерение: совет или пожелание или предложение или требование со стороны Y по адресу X]

[Результат применения: знание о том, как основной субъект ситуации и его партнеры обретают адекватные представления о мире]

1 – “ОТКРЫТЬ”

<ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ (X,2)>

<КАУЗИРОВАТЬ (1,3)>

<живая образность>

2 – “ДВЕРЬ”

<ЗАКРЫТА (2)>

<живая образность>

3 – “УВИДЕТЬ”

<ВОСПРИНЯТЬ ((X&Y),4)>

<живая образность>

4 – “ГОРЫ”

<“МИР”>

<живая образность>

Примером конкретного случая стереотипной ситуации является ситуация финансовых переговоров между сторонами X и Y, когда сторона X скрывает сведения о стоимости своих основных фондов. И тогда суть окказионального фрейма выглядит примерно так:

“Сторона Y предлагает стороне X снять завесу тайны, и тогда участники переговоров ясно увидят путь к компромиссу”. Этот фрейм тоже мог бы быть записан в подобной списочно-формульной нотации.

Как моделируются в этом случае процессы коммуникативной деятельности? В процессе вербализации говорящий Y, выработав смысл предстоящего высказывания, структурирует его с помощью указанного окказионального фрейма и применяет метафорическое преобразование, т.е., вероятно, находит в своей памяти подходящий обобщенный фрейм и через его посредство преобразует окказиональный фрейм в образный, стандартный для всего класса стереотипных ситуаций. Он и служит источником построения высказывания в виде рассматриваемой паремии.

В процессе понимания слушающий (или посторонний наблюдатель) применяет давно известный в кибернетике принцип “анализ через синтез”: он прежде всего определяет по контексту, что имеет место ситуация переговоров, в которых возникли определенные трудности, и что здесь вероятен такой-то окказиональный фрейм, а раз так, то можно применить метафорическое преобразование, дающее наш образный фрейм. Таким образом, слушающий определяет смысл высказывания, знаком которого в дискурсе является рассматриваемая поговорка.

Рассматривая метафорическое преобразование на более детальном уровне, мы должны были бы показать, что значит “видеть как” в данном конкретном случае, т.е. какие элементы и отношения окказионального фрейма возводятся к каким элементам и отношениям образного фрейма. Например, узел “ЗАВЕСА ТАЙНЫ” возводится к узлу “ДВЕРЬ”, а узел “ПУТЬ К КОМПРОМИССУ” – к узлу “ГОРЫ (”МИР”).

Степень обязательности и роль обобщенного фрейма еще требует специального изучения (в частности, с применением

психолингвистических методов). Для рассматриваемой паремии такой фрейм мог бы сводиться к следующей абстрактной формулировке: “Партнер Y просит (советует, предлагает, требует), чтобы основной субъект X устранил барьер между данным замкнутым пространством и остальным миром, и утверждает, что тогда восприятие мира коммуникантами станет адекватным”.

Рассмотренный пример показывает лишь один из видов образных фреймов и связанный с ним механизм метафорического преобразования. Такие фреймы и механизмы достаточно разнообразны по целому ряду параметров. Некоторые из параметров рассматриваются в докладе.

Упомянем здесь кратко пример популярной китайской пословицы, в которой и внешне-ситуационные, и коммуникативные знания резко отличаются по своему характеру от предыдущего примера; кроме того, первые два слова не нагружены потенцией живой образности, но зато эта пословица основана на притче, знание которой входит в состав национально-культурной памяти. Эта пословица звучит так: ye⁴ gong¹ hao⁴ long² “дядюшка Е любит драконов” (по притче, давным-давно жил дядюшка Е, который любил драконов: он постоянно рисовал их на посуде, высекал на стенах своего домика; узнав об этом, один дракон прилетел к дядюшке Е и заглянул в его окошко; увидев настоящего дракона, дядюшка побледнел и в испуге бросился бежать прочь). Переводы на русский язык будут такими: “любить по наслышке”, “любить то, чего никогда не видел”, “любить лишь на словах”, “показная любовь”. Несмотря на всю ее специфику, эта пословица обладает главной чертой паремической образности: лежащий в ее основе образный фрейм задает открытый класс стереотипных ситуаций.

Когнитивная сила паремий поддерживается глобальностью живых метафорических преобразований. Так, многие из них

отражают образные переносы знаний из мира природы в мир человека: ср. дунганскую пословицу:

*Фу³ да³, гын¹ шын¹ –
Бу¹ па³ ё¹ фын¹.*

“Дерево большое, корни глубокие –
Не боится порывов ветра.”

Весьма распространенным конструктивным принципом построения паремий является образный параллелизм. Ср. дунганскую пословицу:

*Тян¹ йүэ¹ лын², фын¹ йүэ¹ жин³,
Жын¹ йүэ¹ ю², цин¹ йүэ¹ хын².*

“Погода чем холоднее, ветер тем сильнее,
Человек чем богаче, сердце тем злее.”

Механизмы паремической образности, помимо своего прямого назначения, представляют интерес и в более широком аспекте.

Так, наша речь изобилует “предпаремическими” выражениями. К ним относятся характерные для каждого языка сравнительные обороты с прилагательными и глаголами, напр., *хитрый, как лиса*; *вертится, как угорь на сковороде*; *глядит, как баран на новые ворота* и т.д. (об экспериментальном и типологическом исследовании образности в таких конструкциях см. [Зевахина 1988; 1991; 2002: гл.6].

Образные фреймы и их метафорические преобразования рассматриваются в докладе также на материале дунганских пословиц [Дунганские 1984] и дунганской поэзии [Шиваза 1981]. Приведем образцы из этих баз данных.

*Фу³ ю² гын¹ ни¹,
Хэ¹ ю² дир² ни¹.*

“У дерева есть корень,
У реки – дно.”

Фу³ ло² – гын¹ бу¹ ло²,
Жын¹ ло² – цин¹ бу¹ ло².

“Дерево стареет – корень не стареет,
Человек стареет – сердце не стареет.”

Ва¹ фу³ – ва¹ гын¹ ни¹,
Тин¹ хуа³ – тин¹ йин¹ ни¹.

“Выкапываешь дерево – выкапывай [весь] корень,”
Слушаешь – слушай [каждый] звук.”

[Вариант: Тин¹ хуа³ – тин¹ йин¹ ни¹,
Ва¹ фу³ – цин¹ гын¹ ни¹.

“Слушаешь – слушай [каждый] звук,
Выкапываешь дерево – двигайся к корню.”]

Поэтическая речь

Суй³, Бый¹ гү¹ нён¹ тэ³ ди¹ ни¹,
Лян¹ хуар¹ йи¹ ён³,
Зу³ щён³ тян¹ цэ¹ фу¹ ди¹ ни¹
Сый¹ нын¹ нян² шон¹?

“Маленькая девушка в белом танцует,
Сама как цветок,
Будто белый лебедь летит:
“Можешь догнать?”

Кэ¹ кэ¹ фан¹ ли¹ га¹ шын¹ шон¹
Жин¹ хун¹ мо¹ дан²,
Лян¹ ца¹ йи¹ ён³, вэ¹ хэ¹ ли¹
Щян² хуар¹ ди¹ цуан¹.

“Опять превратился крошечный бутон
В золотисто-красный цветок пиона,
И я упиваюсь его тонким ароматом,
Как душистым чаем.”

Интересно, что, например, слово *гын*¹ “корень” в 1500 пословицах встретилось 20 раз, а в сборнике из 56 стихотворений 1 раз. Слово *хуар*¹ “цветок”, соответственно, 24 раза и 48 раз.

ЛИТЕРАТУРА

- Дунганские пословицы, поговорки, изречения и загадки [На дунганском языке: Хуэйзў ди кулюр, кугэр, цэчүхуа лян цэхуар] / Лит. обработка и предисл. Х. Юсурова; составитель Р. Юсурова. – Фрунзе, 1984.
- Зевахина Т.С.* На пути к метафоре: семантика уподобления // Актуальные вопросы китайского языкознания (Материалы IV Всесоюзной конференции). – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 164–168.
- Зевахина Т.С.* Образное сравнение в дунганском языке (в сопоставлении с другими языками) // Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. – Бишкек: Илим, 1991. – С. 70–90.
- Зевахина Т.С.* От параметров слова к параметрам текста. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 168 с.
- Имазов М.Х.* О семантике существительных в дунганских пословицах и поговорках. // Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. – Бишкек, 1991.
- Китайско-русский словарь / Гл. ред. Гу Бай-линь. – Шанхай, 1992.
- Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988.
- Минский М.* Структура для представления знания // Психология машинного зрения / Перевод с англ. под ред. В.Л. Стефанюка. – М.: Мир, 1978. – С. 249–338.
- Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка / Сост. и ред. В.В. Петров и В.И. Герасимов. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281–309.
- Павлович Н.В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 491 с.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М.: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1970. – 240 с.

- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1988. – 236 с.
- Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. – М.: Лабиринт, 2001. – 624 с.
- Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // А.А. Потебня. Теоретическая поэтика / Сост. А.Б. Муратов. – М.: Высшая школа, 1990.
- Потебня А.А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
- Потебня А.А.* Слово и миф / Сост. А.Л. Топорков; отв. ред. А.К. Байбурин. – М.: Правда, 1989. – 623 с.
- Рижёр П.* Живая метафора // Теория метафоры / Сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 435–455.
- Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. – М., 1985.
- Телия В.Н.* Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990а.
- Телия В.Н.* Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990б.
- Шиваза Я.* Весенние напевы. [На дунганском языке: Шывазы Я. Чунтянди йин]. – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. – 232 с.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 24–39.

М.Х. Имазов, г. Бишкек

К ВОПРОСУ О ДУНГАНСКИХ РОДОВЫХ ФАМИЛИЯХ

До переселения в 1877–1882 гг. на территорию тогдашней России (нынешних Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана) дунгане носили родовые фамилии, многие из которых ныне уже забыты и почти не подлежат восстановлению. Современным молодым людям

трудно представить, что у их предков была, например, фамилия Ма или Хун. Трудно, потому что они уже не знают таких фамилий, а привыкли к тем фамилиям, которые они сегодня носят. А это, как правило, имена их дедов и прадедов (арабского происхождения) и плюс русский притяжательный аффикс *-ов* или *-ев*, например: *Лемзар – Лемзаров, Щиме – Щимеев* и др. С трудом они воспринимают даже те сохранившиеся родовые фамилии, которые искажены до неузнаваемости и приближены к современному произношению, например: *Маян* вместо *Ма Юань*, *Биёнху* вместо *Бай Янху* и др.

Опрос людей старшего поколения, анализ имен известных личностей позволили установить следующие дунганские родовые фамилии: *Ма, Ян, Ню, Бай, Хай, Лан, Лю, Хун, Хуон, Чжан, Ли, Су, Шэ, Мэ, Чжу, Дин, Ван, Хэ, Фу, Ми, Хань, Ву (У)* и др. Их происхождение и значения рассматриваются носителями по-разному. Так, например, носители родовых фамилий *Ню, Ма, Ян* в большинстве своем считают, что их фамилии означают соответственно Корова, Лошадь, Баран. Это мнение, точнее его устойчивость, объясняется тем фактом, что дунгане в абсолютном большинстве своем или не знали иероглифической письменности, или изрядно подзабыли ее, а она между тем фиксировала и иные значения этих родовых фамилий. К тому же, как они считают, нет ничего предосудительного в том, что их родовые фамилии означают животных: в восточном календаре годы этих животных считаются лучшими, урожайными. Существует, говорят они, на этот счет даже поговорка: «*Ню, ма нян-гуон шутян*» – «Год коровы и год лошади – очень урожайные годы». Однако их оппоненты, чаще всего шутники, приводят совсем иные фразеологизмы, например: *сы мян-ён* – ‘упрямый баран’ (букв. ‘дохлый баран’) и др. Среднеазиатские дунгане, носители этих родовых фамилий, как правило, спокойно относятся к подобным подтруниваниям и не думают менять свои фамилии. А вот хуэйцзу Китая, точнее большая их часть, при

написании своей родовой фамилии заменили иероглиф «баран» на иероглиф «тополь», который читается (произносится) совершенно так же. Более того, многие из них считают, что родовой фамилии, которая пишется через иероглиф «баран», у хуэйцзу вообще нет. Такое мнение, например, высказал также один наш знакомый дунганин, владеющий иероглифической письменностью. Мы же отнеслись к этому с большой долей скептицизма, поскольку были убеждены в обратном. Результаты опроса большого количества людей преклонного возраста не позволяли думать иначе. А недавно нам в руки попала книга «Происхождение родовых фамилий хуэйцзу Китая», изданная в 1999 году в г. Урумчи. Ее автор Вэй Дэсинь утверждает, что в Китае в эпоху Юань очень известный хуэйцзу по имени Сэчжидин и его родичи жили рядом с рынком, где продавали баранов, и впоследствии их потомки стали носить родовую фамилию, которая пишется через иероглиф «баран»¹. А вот в вопросе о происхождении родовой фамилии *Ма* автор, видимо, поддерживает тех, кто, опасаясь подтрунивания, отказывается от написания своей фамилии через иероглиф «лошадь». И на самом деле, кому понравится, когда подчеркивая многочисленность этого рода, иногда приводят поговорку, содержащую одновременно и циничные намеки: *Шыгэ хуэйцзу – чжюгэ Ма, игэ хай синь Ха*, которая в большинстве случаев понимается так: 'из десяти дунган девять принадлежат к роду Ма и лишь один – к роду Ха'. Однако иногда в нее вкладывают и другой смысл: 'из десяти дунган девять – лошади, один – и тот плохой'. Не из-за этого ли автор книги считает, что дунганская родовая фамилия *Ма* происходит от первого слога арабского имени Махаммад²? Хотя справедливости ради нужно заметить, что происхождение других дунганских фамилий он объясняет так же: *Мэ*

¹ Вэй Дэсинь. Происхождение родовых фамилий хуэйцзу Китая. – Урумчи, 1999. (На кит. яз.). – С. 84–85.

² Вэй Дэсинь. Происхождение родовых фамилий хуэйцзу Китая. – С. 56–57.

от арабского имени Мэсудин, *Бай* от арабского имени Байдурудин и т.д.³ Однако объяснений происхождения родовой фамилии *Ню* (Корова) в этой книге мы не нашли. В этой связи можно сделать сразу два предположения: первое – у хуэйцзу Китая нет такой родовой фамилии; второе – нет арабских имен, в которых был бы начальный слог «ню». Основание для первого предположения весьма зыбкое, оно сразу же рушится при постановке единственного вопроса: откуда же тогда у дунган взялась такая родова фамилия? Похоже, что второе предположение ближе к истине. В противном случае почему же автор не прибегнул здесь к арабским именам, к объяснению, которым он пользовался при рассмотрении других дунганских родовых фамилий? Следовательно, у хуэйцзу Китая вероятнее всего есть родова фамилия, которая передается иероглифом «ню», а в рассматриваемой книге она просто почему-либо не нашла отражения. Таким образом, распространенное мнение о том, что дунганские родовые фамилии *Ма*, *Ню*, *Ян* означают соответственно Лошадь, Корова, Баран, является наиболее продуктивным и может претендовать на то, чтобы быть верным.

В упоминаемой книге по сути опровергается также распространенное мнение о том, что дунганские родовые фамилии *Хай*, *Бай*, *Хун*, *Лю*, *Лан* и *Хуон* означают соответственно Черный, Белый, Красный, Зеленый, Синий и Желтый. Утверждается, например, что родовые фамилии *Бай*, *Хай*, *Хун*, *Лан* происходят от арабских имен, а точнее – от их первого слога⁴. А родовые фамилии *Лю* и *Хуон*, по мнению автора, заимствованы у ханьцев⁵. Так, в эпоху Юань, говорится в этой книге, одним из руководителей строительства императорского дворца был некий Хайдияр, потомки которого впоследствии стали носить родовую фамилию *Хай*⁶. А в эпоху Минь

³ Там же. – С. 58.

⁴ Там же. – С. 32, 46.

⁵ Там же. – С. 48, 54.

⁶ Там же. – С. 45.

всем, кто носил фамилию Чжоу, император также присвоил фамилию *Хай*⁷. Вероятно, потому, что иероглиф *чжоу* «красный» читается (произносится) так же, как и иероглиф *чжоу* «свинья».

Вместе с тем автор приводит и разное происхождение одной и той же фамилии. Так, например, утверждая, что фамилия *Хун* имеет арабское происхождение, тут же говорит о близости ее произношения к произношению китайского слова «красный» или «большая вода», тем самым не исключая и иной этимологии слова⁸. А в отношении фамилии *Лан* прямо утверждается, что она имеет не один источник происхождения: от китайского слова *лан* 'синий' и от арабского имени *Аслан*⁹. Это позволяет нам сделать важный вывод: утверждение информантов о том, что дунганские родовые фамилии *Хай*, *Бай*, *Хун*, *Лю*, *Лан* и *Хуон* означают соответственно Черный, Белый, Красный, Зеленый, Синий и Желтый, не совсем беспочвенно.

Теперь о родовых фамилиях, о которых информанты ничего не могли сказать. К ним относятся *Чжан*, *Ван*, *Су*, *Ли*, *Дин*, *Шэ*, *Хэ*, *Фу*, *Ми*, *Хань* и *Ву* (*У*). В рассматриваемой книге утверждается, что дунганские родовые фамилии *Чжан* и *Ли* заимствованы у ханьцев, что они были присвоены хуэйцзу самим императором за особые заслуги перед государством¹⁰. А фамилии *Су* и *Ван*, говорится в ней, происходят соответственно от арабских имен Сулайман и Вангас¹¹. Для фамилии *Ми* приведены здесь две версии происхождения: от арабского имени Миар и от названия древней страны Мигуо (в районе совр. Самарканда)¹². Фамилия *Хань*, по мнению автора книги, происходит от названия местности Ханьцзязай, где жили предки носителей этой родовой фамилии. О происхождении фамилии *Ву* (*У*)

⁷ Там же. – С. 46.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 52.

¹⁰ Там же. – С. 52, 89.

¹¹ Там же. – С. 71, 78.

¹² Там же. – С. 60.

выдвинуто несколько версий: первая – присвоена императором за заслуги в войне с тангутами¹³; вторая – от арабского имени Умар¹⁴; третья – от имени высокого циньского чиновника или ученого У Жу¹⁵.

Таким образом, внимательное рассмотрение сведений информантов и материалов книги китайского автора Вэй Дэсиня позволяет сделать следующие выводы:

- 1) происхождение многих дунганских родовых фамилий информантами, вероятно, названо правильно;
- 2) иные версии происхождения и значения этих фамилий информантам неизвестны, поскольку они не знают китайских иероглифов;
- 3) не все родовые фамилии, рассматриваемые в книге китайского автора, имеются у среднеазиатских дунган;
- 4) вопросы происхождения и семантики дунганских родовых фамилий требуют дальнейшего изучения.

А.А. Каримов, г. Ташкент

КАТЕГОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В КИТАЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ (на примере существительного)

Данный доклад рассматривает выражение множественности на морфологическом и лексическом уровнях двух разносистемных языков на примере только одного лексико-грамматического разряда слов – существительного.

¹³ Там же. – С. 80.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 81.

В сравнительной типологии категория множественности понимается как ключевая категория, через призму которой можно проследить и выявить типологические особенности того или иного языка. Выбор темы объясняется тем, что вопрос о наличии грамматической категории числа китайских существительных до сегодняшнего дня остается спорным. Наличие категории числа существительных китайского языка признается, в частности, Н.В. и В.М. Солнцевыми¹. Однако существуют и другие мнения, указывающие на отсутствие категории числа у существительных. Наша задача состоит в том, чтобы показать достоверность первого мнения путем сравнения данной категории в двух разносистемных языках.

Категория множественности узбекского языка рассматривалась в ряде академических грамматик узбекского языка², а также в работе А. Гуломова "Узбек тилида куплик категорияси" (Т., 1944). Однако комплексного исследования по выявлению показателей категории множественности не проводилось.

Относительно категории числа китайского языка, как было указано, существуют несколько мнений, которые базируются на двух противоположных взглядах:

1) существительные китайского языка в отношении числа нейтральны, иначе говоря, в своей словарной форме они не выражают ни единственного, ни множественного числа. В отношении большинства существительных, обозначающих не-лица, нейтральных в своей словарной форме к числу, споров нет. Лишь существительные, обозначающие лица, принимают суффикс -мэнь для передачи коллективного множественного числа. Однако понимать его как показатель (грамматической категории нельзя, так

¹ Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии). М., 1979, с. 127 и др.

² Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.:Л., 1950; Узбек тили грамматикаси: Морфология. Т., 1975. Т. I.

как он не противопоставляется бессуффиксальной форме, которая не является формой передачи только единственного числа. Иногда бессуффиксальная форма существительного может обозначать несколько лиц³, Такова отправная точка оппонентов наличия у китайских существительных грамматической системы форм числа;

2) только бессуффиксальная форма передает значение единственного числа, а то, что она иногда выражает также значение множественного числа, означает, что “нулевая форма не имеет столь жесткого ограничения в своем значении и столь четкого противопоставления не нулевым формам, как, например, в русском языке”⁴.

Согласно второму взгляду, грамматические формы выражения единственного и множественного числа существительных китайского языка, обозначающих лица, понимаются как система форм.

Категория множественности узбекского и китайского языков выражается морфологическим способом.

Морфологический способ передачи множественности в узбекском языке зависит от лексико-грамматической принадлежности слова. В зависимости от того, к какой части речи в узбекском языке принадлежит слово, морфологический показатель будет различаться, например, у существительных -лар, у глагола -миз, -сиз и др. В китайском языке к существительным и к местоимениям прибавляется суффикс коллективного множественного числа -мэнь.

Основным средством передачи множественности существительных узбекского языка является суффикс -лар.

В отличие от узбекского языка, в китайском языке только существительные, обозначающие лица, могут передавать значение множественности посредством суффикса -мэнь. Однако употребление

³ Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. – М., 1968. С. 276.

⁴ Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии). – М., 1979. С. 78.

его “ограничено следующими случаями...”, пишет Коротков Н.Н. в “Основных особенностях морфологического строя китайского языка”, перечисляя три случая (которые мы рассмотрим ниже в сопоставлении с узбекским языком), отмечая, что на них указывал и Люй Шусян⁵.

Однако являются ли эти случаи “ограниченного употребления” суффикса -мэнь основанием для отрицания его категориальной природы?

Рассмотрим три случая, когда суффиксы множественности -мэнь и -лар не ставятся:

а) если перед существительным стоит числительное, указывающее на определенное количество, например:

китайский язык	узбекский язык
лянгэ сюэшэн “два студента”	иккита студент “два студента”

б) если перед существительными стоят слова со значением неопределенного множества, типа кит. цзигэ “несколько”, бир неча “несколько”, например:

цзигэ жэнь “несколько человек” бир неча одам “несколько человек”

в) если перед китайским существительным стоят указательные местоимения во множественном числе, такие как чжэсе “эти”. В узбекском языке указательные местоимения, как правило, не принимают форму множественного числа. Присоединение суффикса множественного числа -лар к влечет за собой в этом случае семантические изменения: бу “это”, булар “это и другие”. Приведем примеры:

чжэсе жэнь “эти люди”	бу рахбарлар “эти руководители”
	булар рахбар “этот и другие (есть) руководители”

⁵ Люй Шусян. Шо “мэнь” // Ханьюй юйфа лунвэнь цзи, 1955. С. 145-168.

К таким существительным в узбекском языке можно отнести: а) имена собственные, географические названия и др., например, Фарход – Фарходлар “Фарход и его товарищи”, Москва – Москвалар “Москва и другие города”; б) неисчисляемые существительные, например, олтин – олтинлар “деньги и золотые изделия”. В этом случае передается значение репрезентативности множественности. Среди китайских существительных это: а) слова, типа сяочжан “директор школы”, например, Сяочжанмэнь “Директора школы и остальные”; б) имена собственные, например, Сыгоуцзы хэ Сяотумэнь цидэ чжи дабэн “Сыгоуцзы, а также Сяоту и его компания не могли устоять на месте от нетерпения”⁶.

В этом случае также передается значение репрезентативной множественности.

Сопоставление категории множественности китайского и узбекского языков на морфологическом уровне выявило большие структурные сходства двух разносистемных языков. Отметим, что сама возможность проведения сравнительного анализа категории множественности китайского и узбекского языков является еще одним доказательством наличия грамматической категории числа в современном китайском языке.

Следует учитывать, что в узбекском и в китайском языках при употреблении суффикса множественности с существительными разной семантики передаются разные оттенки значения множественности.

⁶ Оба примера Люй Шуся на “Шо мэнь”. С. 157.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА КИТАЙСКОЙ РИТМИКИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РИТМИКОЙ ЙОРУБА*

Настоящее сообщение базируется на результатах, отчасти предварительных, более обширного проекта, которые в основном еще не опубликованы (см., в частности, Касевич и др., в печ.). Нам показалось небезынтересным “выделить в отдельное производство” данные по двум тональным языкам, вовлеченным в сравнительный анализ ритмики разноструктурных языков, какими и являются в нашем случае китайский и йоруба. Как известно, в китайском общее число тоном, включая нулевую, пять. Это язык с контурными тонами. В большинстве работ по китайской фонетике принимается также, что в китайском языке существует словесное ударение. Йоруба – язык с трехтональной парадигмой, где все тоны носят регистровый характер. Вопрос об ударении в йоруба практически не изучен (см. об этом: Каплун 2000).

О ритмических структурах чаще всего говорят применительно к слову, понимая при этом некоторую просодическую иерархизированность его составляющих, в типичном случае слогов. В то же время следует иметь в виду, что в разных языках слово как *единица словаря* может характеризоваться не только *качественно* различными средствами просодической иерархии, но и *степень* иерархизированности может варьировать в зависимости от языка. Так, в сингармонистических языках, где функции ударения частично делегируются моделям сингармонизма, собственно просодическая внутрисловная иерархия может сводиться к минимуму (если не отсутствовать вовсе). Кроме того, нельзя забывать, что само понятие ритмической структуры *слова* есть некоторая условность: любое

* Работа проводилась при поддержке гранта РФНФ N 99-04-00213а.

определение ритма предполагает более или менее регулярное *воспроизведение* определенных структур, но воспроизведение очевидным образом возможно лишь в *тексте*; внутрисловная иерархия дает те структуры, воспроизведение которых потенциально и создает (базовый) ритм. Если слово, как сказано, может обладать разными степенями внутренней просодической иерархизированности, вплоть до нулевой, то ритм текста – его необходимый признак.

Иначе говоря, сколько-нибудь полная картина ритмической упорядоченности, определяемой правилами соответствующего языка, может быть обнаружена лишь на материале текста.

Именно таким образом изучалась ритмика разноструктурных языков в проекте, некоторые результаты которого представлены в настоящем сообщении. Тексты записывались в двух произносительных темпах – обычном, нормальном (для данного языка и конкретного испытуемого, что составило 3.6 слога в сек. для китайского диктора, 5.2 слога – для диктора йоруба) и убыстренном (4.6 слога в сек. для китайского и 6.2 слога – для диктора йоруба). На основании слухового анализа в звучащих текстах высококвалифицированным фонетистом-китаистом были выделены слоги трех типов: сильные (сильноударные), слабые (слабоударные) и сверхслабые (безударные). Кроме того, на слух были отмечены паузы, позволившие разделить звучащий текст на межпаузальные отрезки, примерно соответствующие синтагмам.

Как уже сказано, в большинстве существующих работ принимается, что китайский язык использует словесное ударение как особое фонологическое средство. Причем, как правило, речь идет именно о трех просодических градациях, указанных выше. Возникает вопрос о том, что же выступает основным ритмообразующим фактором, задающим базовый ритм китайского текста.

Фонологичность словесного ударения в китайском языке была поставлена под сомнение экспериментами М.К.Румянцева (1974;

см. также обсуждение работы Румянцева в: Касевич 1983). Как показали эксперименты, носители китайского языка систематически не различают двусложные слова типа /rau⁴ kau⁴/ ‘докладывать’ ~ /rau⁴ kau⁴/ ‘доклад’, которые, как традиционно считается, противопоставлены местом ударения: на начальном слоге в первом случае и на конечном – во втором. Добавляют ли наши результаты что-либо новое для решения вопроса о фонологичности словесного ударения в китайском языке?

Одной из центральных задач работы было изучение интервалов между двумя ближайшими “сильноударными” слогами. Как нетрудно видеть, мы соотнесли свой подход с хорошо известной типологической схемой К.Пайка, согласно которой языки мира распределяются по двум основным классам: языки с акцентным ритмом (stress-timed languages) и языки со слоговым ритмом (syllable-timed languages). Для первых ритмизованность достигается за счет выравнивания межакцентных интервалов между двумя ударными слогами, для вторых – благодаря изохронности слоговых интервалов вне зависимости от фонемного состава слогов. Типичным представителем класса языков с акцентным ритмом является английский язык. По данным А.Катлер (Cutler 1980) и некоторых других исследователей, парадигма К.Пайка хорошо согласуется с экспериментальными данными, полученными на материале английского языка: испытуемые стремятся сохранить приблизительно одинаковый интервал между ударными слогами, в отдельных случаях доводя редукцию “лишних” слогов до нулевой степени. В то же время, многочисленные эксперименты на материале разных языков (Borzzone de Manrique & Signorini 1983, Dauer 1983, Bertinetto 1989; Carvalho 1989, Crystal & House 1990 и др.) показали, что схема К.Пайка едва ли может претендовать на универсальность.

В нашем тексте явно преобладает (прим. 55 проц.) двусложный интервал между ближайшими “сильноударными” слогами; лишь для

версии текста с убыстренным темпом наблюдается небольшое предпочтение трехсложных интервалов.

Неоднократно отмечалось, что в китайском и типологически близких языках особую роль играют *биномы* – слова и словоподобные единицы с двусложной структурой. К биномам, по разным оценкам, принадлежит до 70 проц. единиц любого текста (в нашем тексте эта величина равняется 39 проц.). На втором месте находятся “триномы” – трехсложные образования. Наши данные показывают, что интервалы между сильными слогами полностью воспроизводят ту же схему. В этом смысле можно утверждать, что китайскому языку присущ преимущественно *биномиальный* тип ритмики, впервые в литературе предварительно описанный в: Kassevitch & Speshnev 1999; Касевич и др. 2000.

Возвращаясь к вопросу об ударении, отметим, что данные того же эксперимента демонстрируют еще одну важнейшую характеристику китайской ритмики. В зависимости от темпа речи, соотношение интервалов между ближайшими сильными слогами *может меняться*. По-видимому, это объясняется лишь непостоянством позиций слогов, относительно которых измерялись интервалы. Иначе говоря, распределение слогов разной степени просодической выделенности в конкретном тексте *не есть величина постоянная*, оно варьирует в зависимости от темпа и, возможно, иных просодических условий. В свою очередь, из данных результатов должно следовать, что “сила” просодической выделенности едва ли может рассматриваться как коррелирующая с ударением. Невозможно представить себе, что, скажем, в русском тексте словесные ударения перемещались бы в зависимости от темпа речи. Но вполне естественно, если в зависимости от темпа речи изменяется *степень редукции* слогов. Для китайского языка степень редукции слога – это обычно и степень редукции тона. Чем короче слог, тем

больше вероятность неполной реализации мелодического контура, который и является прежде всего акустическим коррелятом тона.

Случаи перехода сильных и слабых слогов в сверхслабые, равно как и обратные случаи, говорят, вероятно, о том, что традиционное “встраивание” слогов в нулевой тоне в общую систему распределения слогов по редукции обоснованно: мы имеем дело со сплошной шкалой, где редукция “начинается” как ослабление слога – в частности, как его маркирование редуцированным вариантом соответствующего тона, а “кончается” заменой ненулевого тона нулевым.

Отметим некоторые другие аспекты, связанные с характеристиками ритмической картины, свойственной китайскому тексту. Два обстоятельства хочется здесь отметить. Первое связано с внутренней структурой биномов. Если отвлечься от биномов с равной просодической выделенностью слогов (которые по ряду причин требуют особого анализа), то можно сказать, что бином играет роль стопы с двумя вариантами: стопа хореическая (с более сильным первым слогом) и стопа ямбическая (с более сильным вторым слогом). При этом выделяется три подтипа хореической стопы (“сильный слог + слабый слог”, “сильный слог + сверхслабый слог”, “слабый слог + сверхслабый слог”) и два – ямбической (с двумя подтипами “слабый слог + сильный слог”, “сверхслабый слог + слабый слог”). Наши данные показывают, что преобладают хореические стопы. В то же время отмечается некоторая тенденция к сочетанию контрастных стоп, когда после хореической стопы следует ямбическая.

Второе обстоятельство относится к соотношению ритмической и лексико-синтаксической структуры. Как мы видим, структура текста в терминах биномов – основных лексико-синтаксических единиц – коррелирует с ритмической структурой, которая также выступает биномиальной. Из этого, вероятно, следует, что для китайского текста

характерна тенденция к обеспечению *минимальной диссоциации между лексико-синтаксической и ритмической структурами*.

Обратимся теперь к данным языка йоруба. В тексте на языке йоруба слова-биномы также занимают весьма заметное место, хотя и меньшее в сравнении с китайским. В обследованном тексте, на материале которого производился анализ параметров слогов и слов, биномы составили 28 проц. от общего числа слов текста.

Вопрос о единице базового ритма в йоруба до сих пор совершенно не изучен. Фактически он даже не ставился в существующих работах по этому языку. Если ограничить сферу действия ритмических моделей словами-биномами, то наши данные позволяют сформулировать следующие гипотезы. (1) В йоруба воспроизводимой структурой выступают преимущественно биномы *хореического типа*: длительность первого слога биномов регулярно превышает длительность второго слога, причем это соотношение, хотя и заметно сглаженное, сохраняется при переходе от изолированного произнесения к тексту в среднем темпе и, далее, к тексту в убыстренном темпе. (2) Выделение первого слога бинома-стопы осуществляется за счет *длительности*.

Все исключения из этого правила относятся к биномам, в которых второй слог несет средний тон. Биномы этого типа, которые в нашем материале составляют 18 проц. от общего числа биномов текста, выступают как *ямбические*.

Наш материал не дает возможности на достаточном уровне значимости оценить соотношение хореических и ямбических стоп в пространстве текста, для этого нужны дальнейшие исследования на статистически более представительном материале. В пределах проанализированного текста сколько-нибудь регулярной модели соотношения хореических и ямбических стоп-биномов не наблюдается; появление в тексте ямбических стоп выступает, скорее, как слом ритмической структуры текста.

Еще важнее, конечно, вопрос о существовании ударения (словесного) в языке йоруба. Судя по тому, что наличие в слове слога со средним тоном нарушает общую тенденцию к большей длительности первого слога, ударения, по крайней мере фиксированного, в йоруба, по всей видимости, нет. Но это сугубо предварительный вывод.

К числу ритмообразующих факторов в языке йоруба можно было бы отнести и так наз. бемольное тональное скольжение (downdrift), которое распространено во многих западноафриканских языках и заключается в понижении регистра каждого последующего слога по сравнению с предыдущим. Однако в йоруба, по нашим данным, тональное скольжение приурочено лишь к сочетаниям слогов типа Н+Н, что связано с трехрегистровой системой тонов, которая ограничивает пределы тональной вариативности.

Тональное скольжение, сохраняющее относительные парадигматические “расстояния” между тонами, может наблюдаться при этом в пределах синтагмы.

Подведем некоторые итоги.

Для обоих языков есть основания – представленные в разной степени – сомневаться в наличии словесного ударения как особого фонологического средства. Вместо этого, по-видимому, следует говорить о разной степени редукции тона в зависимости от ряда факторов. В языке йоруба таких основных факторов как будто бы два: тип тона (средний тон наиболее устойчив к редукции) и позиция слога в слове (первый слог устойчивее к редукции). Для китайского, если ограничиваться материалом биномов, картина значительно менее однозначна, правила редукции явно не исчерпываются фонологическим контекстом (как хорошо известно, для ряда служебных морфем нулевой тон является постоянной характеристикой).

В китайском языке биномальный тип ритмики проявляется более ярко, что коррелирует с большей представленностью слов-биномов в тексте.

Сравнивая данные по китайскому языку и по языку йоруба, можно увидеть важные различия в структуре хоренческих и ямбических стоп-биномов. Первое заключается в том, что выделенность первого слога бинорма в китайском языке не вполне жестко связана с количественной редукцией второго слога, эта редукция может быть и качественной (когда не все признаки тона, характеризующие его в системе, реализуются полностью в соответствующих контекстах). В йоруба, по-видимому, лидирует именно различие слогов по длительности. Второе отличие состоит в том, что выделенность второго слога в ямбических стопах-биномах языка йоруба носит *фонологический* характер, поскольку она создается за счет наличия фонологически самостоятельного среднего тона, к числу дифференциальных признаков которого принадлежит увеличенная длительность; в китайском, в отличие от этого, аналогичная выделенность второго слога в ямбических биномах *аллофонична* (аллотонична) – она создается за счет появления более сильного (менее редуцированного) варианта (аллотона) одного из тонов.

ЛИТЕРАТУРА

- Каплун М.И. Тоны и тоноритмика слова в языке йоруба. – М., 2000.
- Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М., 1983.
- Касевич В.Б., Венцов А.В., Спешнев Н.А. О ритмической структуре китайского текста // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования КНР. – СПб., 2000.
- Касевич В.Б., Венцов А.В., Спешнев Н.А., Ягунова Е.В. Ритмическая структура звучащего китайского текста (в печати).
- Румянцев М.К. К проблеме ударения в современном китайском языке путунхуа // Вопросы китайской филологии. – М., 1974.

- Bertinetto P.M.* Reflections on the dichotomy 'stress- vs. syllable- timing' // *Revue de Phonétique Appliquée*. 91/93. 1989.
- Borzone de Manrique A.M., Signorini A.* Segmental duration and rhythm in Spanish // *J. of Phonetics*. 1983. Vol. 11. N 2.
- Carvalho J.B. de.* Phonological condition on Portuguese clitic placement: on syntactic evidence for the stress and rhythmical patterns // *Linguistics*. 1989. N 27.
- Crystal T.H., House A.S.* Articulation rate and the duration of syllables and stress groups in connected speech // *JASA*. 1990. N.88.
- Cutler A.* Syllable omission errors and isochrony // *Temporal variables in speech: Studies in honour of Frieda Goldman-Eisler.* – Hague et al., 1980.
- Dauer R.* Stress-timing and syllable-timing reanalyzed // *J. of Phonetics*. 1983. Vol. 11. N 1.
- Kassevitch V.B., Speshnev N.A.* The structure of the Chinese text: Prosody and grammar // *International workshop "Tone, stress and rhythm in Spoken Chinese"*. – Prague, 1999.

SUMMARY

Contrary to predictions made by the well-known Pikean scheme, according to which one should expect each language to display either syllable- or stress-timed rhythmic pattern, neither Chinese nor Yoruba demonstrates sufficiently stable rhythmic regularities. Yet, there are important *tendencies* of which the following seem to be of special interest.

With accelerating the speaking rate, some strong syllables of the Chinese text ('stressed' ones, from the traditional point of view) tend to become weak, while the latter may be further reduced to the so-called light type. This seems to testify to the lack of any lexical stress in Chinese, since the word-level phonological stress can shift rather than 'disappear' at all.

Both languages exhibit what might be dubbed a *binomial rhythm*. In Chinese, disyllabic words (or binomials as they are traditionally referred to by students of Chinese) account for about 40 percent of the text; what is no less interesting, the intervals between the nearest strong (full-tone) syllables are predominantly two-syllables long, too. In Yoruba, the binomial rhythm is pronounced to a much lesser degree. The disyllables account for less than 30 percent of the text. Both in Chinese and Yoruba, the binomials are mostly trochaic.

There are reasons to suspect that Yoruba, like Chinese, lacks any lexical stress.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИВЫЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

В отечественной китаеведной литературе закрепились два термина: гуаньюньюй (от китайского 慣用語 *guan yong yu*) и привычные выражения (семантическая калька с китайского научного термина).

Формально привычные выражения представляют собой устойчивое словосочетание, лишь преимущественно состоящее из трех компонентов. Но существуют привычные выражения, состоящие из четырех, пяти и более компонентов, например:

半斤八两 *ban jin ba liang* букв.: "полциния – восемь лянов", в знач.: одно и то же, что в лоб что по лбу;

苍蝇蹬一脚 *cangying deng yi jiao* букв.: "муха топнула ножкой", в знач.: незначительная болезнь, недомогание, ср. русск. комарик укусил;

八字没有一撇 *ba zi meiyou yi pie* букв.: "в иероглифе "八" нет ни одной черты", в знач.: ничего еще не начато, не сделано кем-либо; конь не валялся;

不管三七二十一 *bu guan san qi ershi yi* букв.: "не обращать внимания [на то, что] трижды семь двадцать один", в знач.: на все наплевать, была не была.

Принимая во внимание характерные особенности привычных выражений, мы определяем исследуемые нами фразеологические единицы как номинативный фразеологический оборот (выражает понятие, а не суждение), являющийся образным эквивалентом слова и в предложении выполняющий роль какого-либо члена предложения. По структуре привычное выражение соответствует сочетанию слов или предложению. В очень редких случаях может

иметь коммуникативный характер, то есть представлять собой самостоятельную смысловую единицу.

Привычные выражения – один из самых многочисленных разрядов фразеологических единиц СКЯ. По крайней мере, в количественном плане они не на много уступают чэньюй. Для сравнения, в "Большом словаре китайских чэньюй" "中国成语大词典" содержится 17934 словарных статьи, из которых 17132 представляют собой четырехсложные комплексы [1]. В словаре Чжоу Пэйсина "Новое толкование китайских гуаньюньюй" "汉语惯用语新解", самом представительном из всех существующих словарей привычных выражений, собрано 10576 фразеологических единиц, причем абсолютное большинство ФЕ представляют собой "классические" привычные выражения, то есть, преимущественно, трехсложные устойчивые образования [2]. Если принять во внимание существование привычных выражений с более сложной структурой, а также фразеологических единиц, занимающих периферийное положение (атрибутивные привычные выражения с тенденцией к лексикализации, просторечные чэньюй), то количество привычных выражений значительно возрастет. Кроме того, процесс образования новых фразеологических единиц идет постоянно и в последнее время достаточно активно.

Так как фразеологический оборот является эквивалентом слова, то применительно к привычным выражениям также можно вести речь о соотносительности каждой фразеологической единицы с какой-либо частью речи. Как известно, общепризнанными разрядами фразеологизмов являются: именные, глагольные, адъективные и адвербиальные. Китайские привычные выражения обладают такой же лексико-грамматической характеристикой (то есть отнесенностью к определенному разряду), что и русские фразеологизмы. Например:

ИМЕННЫЕ

书篮子 *shu louzi* букв.: "книжная корзина", в знач.: книголюб
 炮筒子 *pao tongzi* букв.: "ствол пушки", в знач.: прямолинейный человек
 活字典 *huo zidian* букв.: "живой словарь", в знач.: ходячая энциклопедия

ГЛАГОЛЬНЫЕ

撕画皮 *si huapi* букв.: "сорвать маску", в знач.: сорвать маску с кого-либо
 吃醋 *chi cu* букв.: "пить уксус", в знач.: ревновать
 看风头 *kan fengtou* букв.: "смотреть направление ветра", в знач.: держать нос по ветру
 喝西北风 *he xibei feng* букв.: "питаться северо-западным ветром", в знач.: положить зубы на полку

АДЪЕКТИВНЫЕ

板板六十四 *ban ban liushisi* букв.: "в каждой форме по шестьдесят четыре", в знач.: педантичный
 翅膀硬 *chibang ying* букв.: "крылья отвердели", в знач.: самостоятельный
 耳朵软 *erduo ruan* букв.: "уши мягкие", в знач.: доверчивый

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ

背靠背 *bei kao bei* букв.: "спина опирается на спину", в знач.: дружно, совместно; спиной к спине
 硬着头皮 *yingzhe tou pi* букв.: "отвердив кожу головы", в знач.: скрепя сердце
 咬紧牙 *yao jin ya* букв.: "сомкнуть крепко зубы", в знач.: стиснув зубы
 铁板钉钉 *tie ban ding ding* букв.: "забить гвоздь в железный лист", в знач.: определенно, вне всякого сомнения
 不管三七二十一 *bu guan san qi ershi yi* букв.: "не обращать внимания [на то, что] трижды семь двадцать один", в знач.: на все наплевать, была не была
 不费吹灰之力 *bu fei chui hui zhi li* букв.: "не потратить усилий для сдувания пепла", в знач.: пара пустяков, раз плюнуть

Привычные выражения структурно могут быть организованы как словосочетания, реже, предложения. Привычные выражения, структурно соответствующие предложению, не представляют собой самостоятельное законченное суждение, не обладают интонационной и смысловой законченностью и в предложении выполняют функцию

какого-либо его члена. Они являются номинативными единицами, то есть обозначают какое-либо явление действительности.

Вопрос о структурной организации привычных выражений достаточно подробно изучен, так как практически каждый китайский ученый, пишущий на тему гуаньюньюй, в той или иной степени касается данного вопроса. Обобщив теоретические работы китайских ученых и исследовав фактический материал, мы приходим к выводу, что общепризнанными и самыми распространенными моделями привычных выражений являются четыре модели. Это глагольно-объектная, атрибутивная, копулятивная (сочинительная) и предикативная. Самыми многочисленными являются глагольно-объектная (50 %) и атрибутивная модели (30 %). Хаматова А.А. отмечает, что около 50 % гуаньюньюй, приводимых в словарях, имеют глагольно-объектные отношения между своими компонентами, а к атрибутивным словосочетаниям относится значительная часть гуаньюньюй. Значительно меньше анализируемых единиц имеют структуру субъектно-предикативных (耳朵软 *erduoruan* "чрезмерная доверчивость") и сочинительных (马大哈 *madaha* "разиня") образований [3, с. 57]. На самом деле привычных выражений, построенных по атрибутивной модели, может быть и больше – все зависит от того, включать ли в состав фразеологических оборотов полупереходные, стоящие на пути лексикализации устойчивые образования типа 绊脚石 *banjiaoshi* "камень преткновения"; 顶梁柱 *dingliangzhu* "главная сила, костяк"; 开心丸 *kaixinwan* "радостное сообщение" и им подобные.

Некоторые ученые, например, Хуа Пэйфан, дополнительно выделяют еще такие модели, как обстоятельная (清一色 *qing yi se* букв.: "чистый один цвет", в знач.: без примеси, чистойшей воды, 蒙在鼓里 *meng zai guli* букв.: "схорониться в барабане", в знач.: быть в полном неведении, 摆到桌面上 *baidao zhuotian shang* букв.: "выкладывать на стол", в знач.: открыто высказывать свое мнение,

соображение, 吃得开 *chidekai* букв.: "могущее быть съеденным", в знач.: быть в ходу, пользоваться успехом), связочная (没咒念 *mei zhou nian* букв.: "нет заклинания прочесть", в знач.: нет выхода, способа, 走着瞧 *zouzhe qiao* букв.: "поедем посмотрим", в знач.: время покажет, рассудит; поживем – увидим, 占着茅坑不拉屎 *zhanzhe maokeng bu lashi* букв.: "заяв туалет не испражняться", в знач.: ни себе ни людям; собака на сене) и цепочная (逼鸡下蛋 *bi ji xia dan* букв.: "принуждать курицу нести яйца", в знач.: принуждать, заставляя; 赶鸭子上架 *gan yazi shang jia* букв.: "гнать уток на шест", в знач.: требовать от кого-либо невозможного; ср.: требовать от быка молока) [4, с. 49].

Структура привычных выражений в отличие от чэньюй не является абсолютно устойчивой и непроницаемой и допускает определенные трансформации, которые однако не нарушают правил нормативной грамматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. 中国成语大词典 Большой словарь китайских чэньюй / 王涛等 Гл. ред. Ван Тао. – Шанхай, 1987.
2. 汉语惯用语新解 Новое толкование китайских гуаньюньюй / 周培兴 Гл. ред. Чжоу Пэйсин. – Циндао, 1995.
3. Хаматова А.А. Гуаньюньюй как один из видов фразеологизмов современного китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания / Под ред. Солнцева В.М. – М., 1992.
4. 华培芳 Хуа Пэйфан 惯用语初论 Начальное исследование гуаньюньюй // 许昌师专学报 (社会科学版) Научный журнал Суйчанского педагогического колледжа (издание Академии общественных наук), 1992., № 4.

SUMMARY

The article deals with one kind of the idiomatic expressions in Chinese language – guanyongyu. The author gives description of structure models and considers that every guanyongyu can be remaining with the particular word class.

ИСТОРИЯ И ГЕНЕЗИС ОБЩИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ И СТРУКТУРЕ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Целью данной статьи является обзор системы взглядов по вопросу о структуре предикативных конструкций и синтаксической теории в целом, сложившейся в китайском языкознании.

В данной работе под предикативными структурами понимается бинарная функциональная зависимость между двумя компонентами, находящимися в отношении характеристики: характеризуемым (топик) и характеризующим (комментарий), подлежащих утверждению в речи. В абстрактном плане под предикативной структурой мы понимаем типы (классификацию) структур, образующих предложение.

По мнению исследователей, опирающихся преимущественно на результаты, полученные в ходе анализа языка с позиций предикатоцентрического направления, национальный язык в синхронии может быть реализован в двух регистрах. Под регистрами в данном случае понимаются способы реализации языка. Условно их можно назвать нормативным и спонтанным. Нормативный регистр, если использовать иную научную общепринятую терминологию, совпадает с кодифицированным литературным языком и для простоты может быть назван «литературным». И с другой стороны – спонтанный регистр. По нашему мнению, он ближе всего подходит для обозначения устной разговорной речи. Условно данный регистр можно охарактеризовать как «разговорный».

Любой отрезок языкового процесса, независимо от стиля, стремится к нормативности. В конечном итоге, в идеале текст этого стиля должен быть или будет литературным. Это так

называемая «идеальная» модель построения предложения. Однако в зависимости от ситуации, в которой происходит общение, упоминаемый нами отрезок языкового процесса может быть реализован и в спонтанном регистре.

История науки о языке показывает, что стремление дать универсальный и неоспоримый термин или трактовку какого-либо процесса применительно ко всем языкам приводит к известным негативным последствиям, таким как культ термина (вспомним знаменитый постулат «номинативизма»: «часть речи»¹) и т.д. Поэтому мы будем считать названия регистров условными.

Предикативная структура, по нашему мнению, является основополагающим фактором возникновения и существования языкового синтаксиса.

Наиболее наглядно функциональные составляющие предикативных структур были описаны на примере китайского и русского языков в трудах Курдюмова В.А. и в частности, в статье «Китайский язык и идеальный объект языкознания»².

В «Китайском языке» автор выделяет два базовых компонента, которые лежат в основе любой предикативной структуры (в ее «глубинной» структуре, пользуясь терминологией генеративного направления) – предикцируемый и предикцирующий, которые имеют свои более точные дефиниции «на поверхности» в зависимости от

¹ Проблема частей речи является одним из ключевых и наиболее часто обсуждаемых вопросов теоретической грамматики китайского языка (КЯ). Введение частеречной парадигмы в качестве способа описания КЯ в том виде, в котором это было сделано Ма Цзянчжуном, Ван Ли и Люй Шусяном, многими китайскими лингвистами расценивалось как неправомерное наложение парадигмы западных языков на совершенно непохожую реальность КЯ. В этой связи необходимо упомянуть недавно вышедшую книгу Сю Туницяна «Юйяньлунь» (1998), где автор предлагает свою собственную, более адекватно описывающую специфику КЯ грамматическую теорию, не прибегающую к понятию «часть речи» и берущую в качестве основной единицы понятие «цзы» (иероглиф).

² Изучение китайского языка. Научно-методический сборник. – М.: ИД "Муравей", 1997. – Т. 2. – С.49–56.

регистра общения. Для «устного» регистра – это именно топик и комментарий (Т-К). В кодифицированном литературном языке («литературном» регистре) преобладают подлежащно-сказуемые (П-С) предикативные структуры³.

В настоящем виде статья может рассматриваться как краткий общий обзор системы основных понятий синтаксиса, сформировавшихся в ходе генезиса отечественного и зарубежного китаеведения.

Несмотря на то, что история изучения китайского языка в Китае насчитывает уже более 2000 лет, вопросу о синтаксическом строении вплоть до конца 19 века не уделялось значительного внимания.

Китайское языкознание представляет собой одну из немногих независимых лингвистических традиций, которая заметно повлияла на языкознание Японии и ряда других соседних с Китаем стран. Его принципы хорошо применимы к описанию ряда языков Юго-Восточной Азии, которые по преимуществу являются слоговыми и изолирующими. Но в основном оно осталось в стороне от путей развития мирового языкознания (прежде всего в силу существенных отличий китайского языка как языка “изолирующего” типа от европейских, обусловленных соответственно и принципиальной неизменностью идеографического письма на протяжении всего времени его существования).

Китайское письмо зародилось в середине 2-го тыс. до н.э. Главным объектом для китайских языковедов являлся иероглиф, имеющий написание, чтение и значение. В связи с изучением разных сторон иероглифа в языкознании древнего и средневекового Китая выделялись три направления: толкование древних слов (схоластика, возникшая намного раньше других дисциплин), изучение структуры

³ О более подробном различии топика и комментария в данном смысле см. статью Ч. Ли и С. Томпсон “Subject and Topic”. / Ed. by Ch. N. Li. – N.Y.: Academy Press, 1976.

и этимологии иероглифов, функциональная фонетика (с 5 в. н.э.). Грамматика вычленяется из схоластики лишь в 18–19 вв.

На протяжении тысячелетий наиболее активно развивалась лексикография. Среди первых словарей наиболее известны “Ши Чжоу нянь” (9–8 вв. до н.э.), “Эр я” (первый систематизированный толковый словарь, 3 в. до н.э.), “Фан янь” Ян Сюна (собрание слов, 1 в. до н.э. – 1 в. н.э.), “Шо Вэнь Цзе Цзы” Сюй Шэня (2 в. н.э.) и многие другие. Составление “ключевых” словарей по образцу “Шо Вэня” становится традиционным⁴.

В связи со спецификой письма и огромным количеством диалектов большое внимание уделялось фонетике. Труды по фонетике выполняются в духе лексикографических традиций. Таковы словари рифм как наиболее обычного вида начальных сочинений по фонетике: “Шэн лэй” Ли Дэна, “Юнь цзи” Люй Цзина, многократно впоследствии переиздававшийся, дополнявшийся и комментированный “Це юнь” Лу Фаяня (601г.). С 5 в. появляются опыты изучения тонов. Значительно позднее проявляется интерес к начальным согласным (инициалам) и их классификации (по артикуляторному принципу).

Китайские языковеды 11–19 вв. следуют основным принципам описания языка слогового строя, сложившимся в древнее время. Они совершенно справедливо выделяют в качестве единицы фонетического описания не отдельный звук, а слог, а внутри него инициаль (начальный согласный) и финаль, или рифму (остальную часть слога). Продолжается начатое в 5 в. изучение тонов и их роли в стихосложении. По-прежнему используется изобретенный еще во 2 в. способ “разрезания” слога путем подбора двух иероглифов – 番茄 фаньце.

⁴ Wang, Haifen. A critical review of the syntactic theory of “Ma Shi Wen Tong” // Юйянь яньцзю // Yuyan yanjiu. – Учан, 1985. – N 2.

Не чуждались представители древнекитайской науки и философских споров об отношении «имени» 死字 *sizi* к обозначаемой действительности 活字 *huozi*, которые особенно активно велись в 5–3 вв. до н.э. Суть этого процесса сводилась к характеристике «имени» (существующего языкового образа) вновь возникшей актуальной информацией (для сравнения: в современном языкознании существуют схожие семантически термины «означаемый» – «означающий», «преддицируемый» – «преддицирующий» и т.д.). Используя современную терминологию, под именем и глаголом можно подразумевать некие обобщенные понятия, такие же как «имя» и «глагол» у Платона и Аристотеля. А также ряд изоморфных бинарных оппозиций, репрезентированных в современном языкознании как: «подлежащее – сказуемое», «психологический субъект – психологический предикат», «субъект – предикат», «тема – рема», «данное – новое», «топик – комментарий», «денотат – сигнификат», «тайген – ёген».

Таким образом, можно констатировать, что уже в те давние времена китайские ученые осознавали необходимость развития лингвистической науки не в традиционном, а в «модернистском» направлении. Огромный вклад в «модернизацию» существующих научных понятий внес выдающийся философ того времени Конфуций. Он подчеркивал неразрывную, т.е. природную, связь названий с вещами, при чем «правильное именование» 证明 *zhengming* рассматривалось как основание для правильных деяний. Также была предпринята попытка предать этой проблеме государственный статус. Конфуций назвал свое направление теорией «исправления имен». Следует отметить, что развитием и исследованием конфуцианских «изобретений» занимались в школе легистов. Однако из-за преобладавших консервативных взглядов «новая» школа так и не смогла до конца сформироваться и занять сколько-нибудь существенное место в китайском языкознании.

К числу первых китайских лингвистов средних веков, которые попытались рассмотреть язык не только с фонетической стороны, но и с грамматической, можно отнести Лу Ивэя (1592), Лю Ци (1711) и Ван Иньчжи (1766–1834). В своих трудах они впервые акцентировали внимание на составлении словарей служебных слов, к которым относятся не только предлоги, союзы и частицы, но и отрицания, вопросительные и указательные слова, некоторые наречия и прилагательные. Однако в этих исследованиях синтаксис не рассматривался.

Дальше других в исследовании синтаксиса китайского языка продвинулся Юй Юэ (1821–1906). Он предпринял попытку рассмотрения в числе различных затруднительных случаев ряда неясных грамматических конструкций и явлений древнекитайского синтаксиса.

Первое собственно лингвистическое и последовательное описание китайской грамматики – книга китайского ученого Ма Цзяньчжуна «Грамматический компендиум господина Ма» («Ma shi Wentong») – вышло в свет в 1898 г. Она построена по образцу латинской универсальной грамматики, где декларируется инвариантность грамматики для всех языков при различии лишь звуковой стороны. В ней даются классификация знаменательных слов и их функций в предложении, описание значений служебных слов, а также сведения о структуре предложения. (См. Wang, Haifen. A critical review of the syntactic theory of “Ma Shi Wen Tong” // Юйянь яньцзю = Yuayan yanjiu. – Учан, 1985. – N 2. – P. 149-161).

Началом систематического изучения синтаксиса современного китайского языка можно считать многочисленные труды Ли Цзиньси по грамматике. Являясь преемником идей Ма Цзяньчжуна Ли Цзиньси попытался сделать наиболее системное описание грамматики национального языка взньянь 文言, ориентируясь на синтез европейской лингвистической традиции и

собственной традиции, нередко более адекватно объясняющей специфические явления языков типа китайского («Новая грамматика национального языка», 1924 г.).

В своих трудах Ли Цзиньси пытался развивать китайское языкознание в области синтаксиса по пути коррекции традиционной европейской системы членов предложения, предложенной Рамусом в 16-веке, в основе которой лежало стремление более адекватно отразить факты китайского языка. Созданная Ли Цзиньси в ходе этого процесса система членов предложения может считаться первым опытом описания синтаксиса современного китайского языка на основе понятийного аппарата традиционного европейского языкознания. Следует отметить, что до настоящего времени она дошла в трансформированном виде, сохранившись лишь в ряде существенных черт.

Отклонением от указанного направления исследования китайского языка явились работы Ван Ли и Гао Минкя (Gao, 1957), 1-е изд. 1948). Эти авторы придавали большое значение национальной специфике китайского языка и в связи с этим предпринимали попытку подойти к описанию китайского синтаксиса посредством иной системы понятий.

Важной вехой в развитии представлений китайских ученых о понятии «член предложения» явилась книга Люй Шусяна «Очерк грамматики китайского языка», первый том которой под названием «Слово и предложение» вышел в 1942 г. (Lü, 1953). Люй Шусян, с одной стороны, продолжает линию исследования, намеченную Ли Цзиньси, с другой – развивает принципиально новые идеи об отношении между знаменательными словами 实字 *shizi* и служебными морфемами 虚字 *xuzi*, заложившие основы иной трактовки взаимоотношений между «членами предложения» и «частями речи».

С позиций порождающее-трансформационной грамматики Н. Хомского, Ч. Филлмора рассматривал процесс возникновения частей речи и членов предложения китайский ученый Чэнь Цзяньмин. В основу своих суждений он положил трансформацию, возникающую между пропозициями NP- VP (NP – Noun Phrase, VP – Verb Phrase). Чэнь Цзяньмин, по сравнению с Н. Хомским, практически не вдавался в подробности механизмов трансформации предикатов и не придавал этому концептуального значения, а лишь ограничился классификацией предложений китайского языка по принципу NP- VP. Всего Чэнь Цзяньмин выделил 12 основных типов предложений⁵:

1. NP- NP 他北京人。Он (NP) – пекинец (VP).
2. NP- VP * 房子很宽敞。Квартира (NP) – очень просторна (VP).
3. NP- VP * 太阳出来了。Солнце (NP) – взошло (VP) (букв.: вышло).
4. NP- (NP – VP) 我胳膊痛恨。Я (авт.: моя) (NP) рука (NP) – очень болит (VP).
5. NP- (NP – NP) 大米一斤一毛六。Рис (NP) один цзинь (NP) – один мао шесть цзяо (VP).
6. NP- (VP₁ – VP₂) 他办事挺认真。Он (NP) – выполняет работу (VP) очень добросовестно (VP).
7. (∅ – VP) – NP 连续下雨两三天。Будет длиться дождь (VP) – два-три дня (NP).
8. (∅ – VP) – NP 参加植树半个月。(Мы) принимали участие в посадке деревьев (VP) – (уже) как полмесяца (NP).
9. (∅ – VP) – VP * 下雨不要紧。Пойдет дождь (VP) – не надо беспокоиться (VP).
10. (NP⁰ – VP) – VP * 调查研究有必要。Разведка и исследование (VP) – крайне необходимы (VP).
11. (∅ – VP) – (NP – VP) 打雷你不害怕马? Далэй, ты (разве) (VP) – не боишься лошадей (NP)-(VP)?

⁵ Чэнь Цзяньмин. Xiandai hanyu yufa juxinglun. – Beijing: Yuwen chubanshe, 1986, p. 336.

12. (NP⁰ – VP) –(NP – VP) 下午开会你通知了吗? *Тебя проинформировали, (NP)-(VP) что собрание начинается после обеда? (NP)-(VP)*
13. (NP – VP) – NP 他出门才两天。Он (NP) ушел (VP) всего лишь два дня назад (NP).
14. (NP – VP) –VP 你这样对待她很不应该。 (Тебе) (NP) так относиться (VP) к нему не надо (VP).
15. (NP – VP) –(NP – VP) 他什么时候回家我不知道。Он (NP) во сколько вернется домой (VP) – я (NP) не знаю (VP).

Совершенно очевидно, что большинство примеров укладывается в варианты типов «Топик – Комментарий», предложенных позже Ч. Ли и С. Томпсон. Однако пример (3) наиболее подходит под классификацию по принципу «П-С» (Подлежащее – Сказуемое).

В силу специфики китайского языка, где морфологические процессы и категории являются, по меньшей мере, неявными, современное китайское языкознание характеризуется явно выраженным интересом к вопросам синтаксической теории. Это проявляется в стремлении уточнить такие понятия как «часть речи», «член предложения», «субъект – объект», в поиске адекватных путей синтаксического анализа. Однако меньшее внимание уделяется проблемам формы и значения («внешней» и «внутренней» форм существования языкового материала) в синтаксисе, а также определению критериев выделения и классификации синтаксических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

- Изучение китайского языка. Научно-методический сборник. – М., 1997. – Т. 2.
- Ли Ч., Томпсон С. Subject and Topic. / Ed. by Ch. N. Li. – N.Y., 1976.
- Wang, Haifen. A critical review of the syntactic theory of “Ma Shi Wen Tong” // Юйянь яньцзю = Yuyan yanjiu. – Учан, 1985. – N 2.

Gao mingkai. Hanyu yufa lun (Принципы китайской грамматики). – Beijing, 1957.

Чэнь Цзяньмин. Xiandai hanyu yufa juxinglun. – Beijing: 1986.

Lü Shuxiang. Zhongguo wenfa yaolüe (Очерк грамматики китайского языка). Shanghai, 1953. Рус. пер.: Очерк грамматики китайского языка. Т. I. Слово и предложение. – М., 1961.

Li Jinxi. Guoyu xinzhuzhu wenfa (Новая грамматика национального языка). – Beijing, 1933.

SUMMARY

The main idea of the article is to make brief acquaintance of the history and genesis of predicational constructions in Chinese linguistics. It is also discussed syntactic theory existing nowadays in Chinese linguistics.

I.N. Komarova, Moscow

SYNTHETISM IN THE VERBAL DOMAIN IN THE TIBETAN LANGUAGE

The majority of verbs in the modern Tibetan language has a paradigm of two or three forms, which differentiate the present, past and future tenses. The verbs in the modern Tibetan language have complicated grammatical forms. These forms are produced by the combinations of synthetic and analytical means of which synthetic ones are of particular interest to us here. In this context vowel and consonantal alternations of phonemes and also tonemes alternations within temporal forms of the verb stems will mainly be discussed below.

The morphonological description aims at discovering of regular morphemic alternations. In the early XXth century I.A. Boduen de

Kurtenais and N.S. Trubetsky suggested that sound alternations should be considered not only as the phenomenon of phonetic variations, but also as feature of morpheme alternations, and in this way the grammatical categories can be identified:

Verbs of certain groups have only one form because tense forms (present, past and future) are not distinct, for a example: *sum*² (present, past, future) 'to be closed', *hlung*¹ (present, past, future) 'to fall'.

In this connection the following words in "Analytical Forms of Words" by V.N. Yartseva may be recorded: "... not all words of a language have differentiated forms" [Yartseva, 1963, 53].

Various temporal meanings are expressed by the non-synthetic forms:

a) by the particles *-ki-*, *-pa-* and auxiliary verbs, expressing personal forms and various relations between subject, object and action: *yø*²³, *tu*²³, *yo*² *re*²³, *yin*², *re*²³.

b) temporal meanings are also expressed by the lexical means expressing exact temporal localization.

Certain types of vowel alternations are not widespread: / *i-u*/ *jin*² – *qung*² – *jung*² 'to expell', 'to move away'.

Within the bounds of tense category there are binominal opposition, expressed by the verbal stems:

1) present-future tense vs. past tense:

/ *u* – *y*/: *ku*¹ 'steal, will steal' vs. *ky*²⁴ 'stole'; / *o* – *ø*/: *cho*¹ 'get angry, will get angry' vs. *cø* 'got angry'

2) present tense vs. future-past tense:

/ *ø* – *ɛ*/: *cø*²⁴ 'go' vs. *cɛ*²⁴ 'will go', 'went';

/ *o* – *a*/: *nyo*²⁴ 'want' vs. *nya*²⁴ 'will want', 'wanted'.

This morphological phenomenon is of typological value. Thus the distribution of the phonemes with relation to the so called grades of alternation may be presented as follows:

Vowels representing only zero alternation grade in the temporal verbal stems:

/e/ $te^{73} - the^{73} - te^{73}$ 'to follow';

/i/ $zhi^2 - zhi^{73} - chi^2$ 'to write', 'to paint'.

Vowels representing two grades of alternations in temporal verbal stems:

/e - a/: $kem^1 - kam^4 - kam^1$ 'to dry';

/o - a/: $tom^3 - tam^3 - tam^1$ 'to teach', 'to explain'.

Vowels in the Tibetan language may represent three alternation grades:

/e - ε - a/: $qe^{73} - qε^{73} - qa^2$ 'to make';

/e - ø - o/: $ke^{73} - kø^{74} - ko^2$ 'to widen', 'to enlarge'.

There are certain types of alternations as mentioned above which occur less frequently.

The regularity of vowel alternations is based on the articulatory vowel rows: front - back /i - u/, /e - o/ and back - front /o - ø/, /u - y/. For example:

/i - u/: $zin^2 - sung^2 - sung^2$ 'to hold', 'to grasp';

/o - ø/: $ko^2 - kø^{73} - ko^2$ 'to catch illness', 'to be infected';

/u - y/: $ku^1 - ky^{24} - ku^1$ 'to extract the juice'.

The latter two examples show vowel umlaut i.e. the substitution of the back vowels by the front vowels.

Consonants in the Tibetan language may have zero alternation grade or two alternation grades:

/ny/ *nye:² – nye:² – nye:²* ‘to go to sleep’;

/x/ *xen² – xen² – xen²* ‘to love’;

/t – th/ *te³ – the³ – te³* ‘to follow’;

thung¹ – tung⁴ – tung¹ ‘to drink’.

Essential changes of the consonant phonemes, which occur in the alternation, are as follows: desaspiration, aspiration, voicedness, voicelessness, tone changes:

a) desaspiration:

/kh – k/ *khu³ – ku⁴ – ku⁴* ‘to be bent’;

/c – z/ *cong¹ – zong⁴ – zong¹* ‘to sell’.

b) aspiration:

/p – ph/ *po:² – pho:² – po:²* ‘to throw’;

/t – th/ *tong² – thong²* ‘to go’, ‘to proceed’.

c) voicedness:

/ch – zh/ *che:¹ – che:¹ – zhe²* ‘to separate’;

/q – j/ *qa⁴ – ja⁴* ‘to be step on’, ‘to walk on’;

qam¹ – jam¹ ‘to agree’.

d) voicelessness:

/zh – ch/ *zhi² – chi³ – chi²* ‘to ask questions’, ‘to inquire’;

/j – q/ *jo² – qo² – jo²* ‘to pour out water’.

e) These examples demonstrate that vowel and consonant alternations can be accompanied by tone alternations. The high level tone marked as tone 1, the low rising tone – as tone 2, the rising-falling tone – as tone 3, the high falling tone – as tone 4:

/2 tone – 3 tone/ 2 low rising tone – 3 low rising-falling tone:

to² – tø³ – to² ‘to risk’;

/1 tone – 4 tone/ 1 high level tone – 4 high falling tone:

ko¹ – ko⁴ – ko¹ ‘to dig out’, ‘to carve’.

Although in the Tibetan phonological system consonant phonemes outnumber of vowel phonemes, vowel alternation are more frequent than consonant alternations.

It should be noted that in many cases the identical phonetic word structures have different graphic forms. According to A. Conrady [Conrady 1896] and H.H. Koerber [Koerber, 1935], they reflect verbal models of the classical Tibetan, which are differentiated by the pre-radical and post-radical affixes, which are not pronounced at present in the Lhasa dialect. For example, prefix *b-* in the verbal stem expresses the past tense and prefix *'a-* marks the action, performed at present. However this refers only to certain verbal groups.

Pre-radical affixes *b-*, *'a-* – may be used in all verbal forms:

bgod – bgos – bgo ‘to divide’;

bgwid – bgwis – bgyi ‘to make’;

'agag – 'agags – 'agag ‘to be blocked’;

'adu – 'adus – 'adu ‘to gather’.

R. Bielmeier in his recent description of preconsonantal initial *b-* avoids naming it as prefix. This initial *b-* is preserved in Balti Tibetan in Northern Pakistan and some Amdo dialects [Bielmeier, 1996]. Tibetan scholar Basan Zhuoma, Chinese tibetologists Hu Tan, Qu Aitang, Xu Shixuan, Sun Kongkai analysed various aspects of the morphonology of the Tibetan language.

As it was shown above, consonant, vowel and tone alternations in the Tibetan verbal stems participate in production of morphological forms. This inner inflection may serve the only indication of the temporal oppositions in the same way as in classical Tibetan. In modern Tibetan the synthetic type of form-building exists along with the analytical type.

REFERENCES

- Bielmeier R.* The Written Tibetan Verbal System and the Dialectal Evidence // Book of Abstracts. The XXIX International Conference on Sino-Tibetal Languages and Linguistics. – Leiden, 1996.
- Boduen de Kurtenais I.A.* The Experience of the Theory of Phonetic Alternations // The selected works on linguistics. Vol. 1. – Moscow, 1963. – P. 265–347 (in Russian).
- Conrady A.A.* Eine Indochinesische Causativ – Demonstrativ Bildung. – Leipzig, 1896.
- Kubryakova E.S., Pankratz.* Morphology in Language Description.– Moscow, 1983 (in Russian).
- Trubetskoy N.S.* Das Morphonologische System der Russischen Sprache // TCZP, 1934. Vol. 2. – Moscow, 1987.
- Yartseva V.N.* Analytical Forms of Words // Morphological Word Structure in Various Types of Languages. – Moscow, 1963 (in Russian).
- Basang Zhuoma.* Batang zangyu dongci quzhe xingtaide xihua. *Minzu yuwen*, 1990, № 5, p. 76.
- Hu Tan.* Zang yude yusu bianyi he yuyin bianqian. *Minzu yuwen*, 1989, № 3, p. 4.
- Jang Ho.* Zang yu heyin xianxiangde cihui kuosan fengxi. *Minzu yuwen*, 1990, № 2, p. 71.
- Qu Aitang.* Zang yu dongci quzhe xingtaiqe jiegou jiqi yanbian. *Minzu yuwen*, 1985, № 1, p. 1.
- Xu Shixuan.* Hanzang yuyande yuyin quzhe gouci xianxiang. *Minzu yuwen*, 1996, № 3, p. 31.

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАНСКИХ НОВЕЛЛ

В истории китайской литературы эпоха Тан известна сосуществованием различных жанров и стилей в литературе: гувэнь (например, произведения Хань Юя и Лю Цзунъюаня), вэньянь (в частности, танские новеллы), бяньвэни (жанр простонародной литературы, в котором в форме повествований и притч излагаются поучительные эпизоды из жизни будды и буддистов; часть бяньвэней написана на исторические темы) и юйлу (записи бесед буддийских наставников), язык которых был наиболее близок к разговорному языку той эпохи. Грамматика новелл, написанных на вэньяне, отличается от грамматики классического ДЯ более простым синтаксисом, там встречаются все элементарные конструкции и служебные слова, которые были в ДЯ, а также грамматические элементы, получившие распространение в более поздние эпохи (в частности, в эпоху Хань и в 3-4 вв. н. э.). Особый интерес представляют некоторые служебные слова, которые характерны только для эпохи Тан, и не встречаются ни в классическом ДЯ, ни в более поздний период, ни в современном КЯ. Элементы классического ДЯ в новеллах:

1. Самая характерная синтаксическая особенность текста на ДЯ - большое число **выделительных конструкций**:

1.1. выделительные конструкции с относительными местоимениями 者 «то, что» и 所 «то, что»;

1.2. конструкция с темой как особым членом предложения, который в остальной части предложения дублируется местоимением 之;

1.3. конструкция с частицей 唯 «только» и инверсией дополнения в позицию перед сказуемым;

1.4. конструкции с двумя отрицаниями.

Из других конструкций, характерных для ДЯ, часто встречаются:

- А) конструкция 有...者 «был такой, который», «бывает так, что»;
- Б) конструкция 以...为 с двумя дополнениями;
- В) конструкция предпочтения А 不如 В.

Из других особенностей древнекитайского текста, отмеченных и в новеллах, выделим инверсию дополнения-местоимения в отрицательном предложении в позицию перед глаголом, а также опущение подлежащего и использование связки 也.

2. Необычные функции частей речи. Следует отметить, что знаменательные слова встречаются в новеллах во вторичных функциях значительно реже, чем в классическом ДЯ. Чаще других в необычных функциях продолжают встречаться локативы и некоторые существительные, которые в сочетании с дополнением уже образовывали устойчивые лексикализованные выражения (так существительное 梯 «лестница» в сочетании 梯樹 имеет значение «использовать дерево в качестве лестницы», существительное 枕 «изголовье» в сочетании 枕枕 имеет значение «использовать подушку как изголовье»).

3. Служебные слова. В новеллах встречаются следующие характерные для классического ДЯ служебные слова:

3.1. частицы, характерные для классического ДЯ: 乎, 耶 (邪) (образующие общий вопрос), восклицательная 哉, ограничительная частица 耳, 也 обозначает конец фразы, 矣 в некоторых случаях указывает на возникновение чего-либо нового или на перфект. Начальная частица 豈 «разве»;

3.2. вопросительные местоимения, выражающие частный вопрос: 安 «что», «где», «как», 曷 «что», «как», 何 «что», «как» и его сочетания (с предлогом 以 – 何以 «с помощью чего», «почему», 奈何 «что делать»), вопросительные местоимения 誰 «кто», 孰 «который из».

4. Предлоги. 以 вводит прямое дополнение или дополнение со значением инструмента или предмета, которое имеет при себе действующее лицо в момент совершения действия, 爲 «для», 與 «с», 於 вводит дополнение места, лица, времени и т. д. Дополнения после предлога бывает опущено.

5. Сложное предложение. Союзы сложного предложения. Подчинительные – 雖 «хотя», «даже если», 如, 若, «если» (в придаточном предложении), 則 «то» (в главном). Противительные – 而, 然而 «но», «однако», присоединительные и противительные – 而 «потом», 故, 是以 «поэтому», 且 «к тому же».

6. Некоторые конструкции, встречающиеся в новеллах, были характерны уже для эпохи Хань, в том числе:

6.1. пассивная конструкция 爲...所, где 爲 – показатель субъекта действия, а глагол, обозначающий само действие, стоит после 所, получившая распространение в текстах Сыма Цяня. Например: 爲犬所害。/Жэнь/ убита собаками.

6.2. конструкция с глаголом 有 без местоимения 者. Существительное, которое стояло перед 有, теперь стоит после 有, а перед 有 может стоять только обстоятельство места или времени. 忽有一人馬前拜. Вдруг какой-то человек на лошади /выехал/ вперед и поклонился.

6.3. В новеллах даже чаще, чем Для сочетания 何若 и 何如 «как», «почему» встречается сочетание 若何 (如何) с тем же значением, получившее распространение в эпоху Хань. 但未知命也若何? Однако я ещё не знаю, /ваша/ воля будет какова?

6.4. При образовании общего вопроса, как и в Хань, в конце предложения могут ставиться отрицания 否 и 未. 郎健否? «Здоров ли молодой господин?»

Новеллы часто содержат стихи и образные выражения, а также элементы разговорного языка эпохи Тан, такие как:

1. Счетные слова к существительному. В современном КЯ употребление счетных слов обязательно. В новеллах счетные слова встречаются достаточно широко. В том числе такие как: 函 «футляр», «конверт», 紙 «лист», 鏰 «монета с дыркой посередине», и 株 «пень», «столб», 輩 «люди или предметы одного рода или поколения», 枚 «штука», «ствол (дерева)» и т. д.

2. Суффиксы существительного. В «Записках о поисках духов» уже есть случаи употребления существительных с суффиксами 子 и 兒. В новеллах суффикс 子 встречается уже широко. Он присоединяется как к одушевленным существительным, так и к неодушевленным: 娘子 «госпожа», 寡子 «сирота», 男子 «мужчина», 女子 «женщина», 夫子 «господин», 車子 «телега», 闔子 «дверь», 宅子 «жилище», 盒子 «коробка», 口子 «рот», 舌子 «язык», 手子 «рука».

3. Ориентация в пространстве. Ориентация в пространстве фиксируется уже в «Записках о поисках духов» (飛去 «улетел», 飛來 «прилетел»). В новеллах тоже выражается такое значение: 疾報來 «немедленно сообщи /мне сюда/, 從內出來 «вышла изнутри /из дома/ /сюда/».

4. Отрицание 莫. В классическом ДЯ 莫 было отрицательным местоимением «никто из» или «ничто из». В эпоху Хань 莫 впервые начинает появляться в разговорном языке в новом качестве – как запретительное отрицание «не», «не надо». Постепенно 莫 в этом значении употребляется все чаще. В эпоху Тан это отрицание широко распространено как в письменном, так в разговорном языке. В новеллах 莫 встречается в трех разных значениях а) как отрицательное местоимение, б) как запретительное отрицание, в) как отрицание, равное по значению 不, 不能 (значение, которое появилось в позднем ДЯ).

5. Слово 相. В средневековом вэньяне наблюдаются такие грамматические явления, которые появились в средний и развились и

сохранились в последующие периоды, и такие, которые появились в средний период, но позже исчезли. Кроме отрицания 莫 и модального глагола 合, к таким явлениям относится изменение значений и функций слова 相. В классическом ДЯ в служебном значении иероглиф 相 использовался для выражения взаимного залога. Однако, уже в ДЯ морфема 相 не всегда выражала взаимность. По мнению Люй Шусяна, со времен династии Хань-Вэй, 相 указывает «на одностороннюю направленность действия» и «косвенным образом оно выполняет местоименную функцию» местоимения 1, 2 или 3 лица. В новеллах встречается достаточное количество примеров, где 相 в положении перед глаголом не выражает взаимность, хотя мы все же не уверены, что можно назвать его личным местоимением любого лица. 有乘不解相假,不徒行何爲? /Если/ есть едущий на коне, который не спешивается, чтобы уступить мне, /то/ что же мне остается, как не идти пешком?

初不相記,今即悟也? Сначала /я/ Вас не узнал, сейчас только понял /что это Вы/.

6. Модальные глаголы 當 и 合. Модальный глагол 當 «должен» начинает широко употребляться в эпоху Хань, глагол 合 «закрывать», «соответствовать» начинает употребляться как модальный глагол «должен» в позднем древнекитайском. В эпоху Тан 合 широко используется в разговорном языке. В новеллах: глагол 當 употребляется широко, глагол 合 встретился в 12-ти новеллах всего два раза.

7. Связка 是. Иногда встречаются примеры, где 是 (в ДЯ - прилагательное «правильный» или указательное местоимение «этот») выступает в роли связки «быть», «являться», как в современном языке (встречается в этом значении уже у Ван Чуна). Некоторые исследователи истории китайского языка считают, что новеллы написаны целиком на вэньяне. Наш материал показывает, что они

написаны на взъняне, но содержат много элементов разговорного языка эпохи Тан.

SUMMARY

Our report is about the grammar of the Tang Dynasty short story (also called "chuanci"). It describes the grammatical structure and function words of Classical Chinese in these texts, as well as the elements, which appeared in the Han Dynasty or were widespread in the colloquial language of Tang and also present in short stories. According to our texts, we have made the conclusion, that the short story is written in wenyan (which is based on Classical Chinese and composed in the Tang Dynasty), but is full of elements of the Tang epoch colloquial language.

И.В. Кочергин, г. Москва

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ МИНИМУМЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Оценивая коммуникативные способности российских студентов, изучающих китайский язык или людей, которые полагают, что они этим языком владеют, носители китайского языка в ряду прочего очень часто отмечают скудость словарного запаса коммуникантов, независимо от уровня их языковой подготовки. Основных причин тому видится две: недостаточный объем активного лексического запаса и несформированность лексических навыков словоупотребления и словопорождения по усвоенным словообразовательным моделям. И та и другая причины упираются в проблему учебной лексики или проблему лексического минимума.

Основной объем активного лексического запаса обучаемых формируется на этапе овладения основами китайского языка —

начальный и средний уровни обучения, что при четырехлетнем курсе составляет первые два года обучения китайскому языку.

На этом этапе обучения языку главная задача формирования речевых навыков и умений состоит в формировании коммуникативной компетенции, которая представляет собой совокупность языковых и речевых навыков и умений, обеспечивающих речевую деятельность. Одними из важнейших навыков являются лексические навыки как “способность автоматизировано вызывать из долговременной памяти слово, словосочетание или готовую фразу, соответствующие коммуникативной задаче”¹.

Отбор лексического минимума, особенно активного, должен осуществляться при планировании учебного процесса и разработке соответствующих учебных материалов осознанно и целенаправленно, исходя из конкретных целей и содержания обучения. Активный лексический минимум обязательно должен существовать в реальной материальной форме как словарь русско-китайских эквивалентов, подлежащих усвоению на уровне навыков, т.е. автоматизмов.

Поводом для опубликования настоящего доклада послужил тот факт, что в силу сложившихся обстоятельств в отечественной практике обучения китайскому языку на начальном и среднем этапах лексический минимум как основа формирования лексических навыков отсутствует полностью. Это совершенно естественно для ситуации, когда отсутствует какое-либо подобие системного обучения китайскому языку, обусловленное четкими целями, базирующееся на научно определенном содержании обучения и использующее специально разработанные, отвечающие целям и содержанию, средства обучения.

В сложившейся ситуации, надеясь все же на то, что в стране в конце концов найдутся последователи славных традиций,

¹ Р.К. Миньяр-Белоручев. Методический словарь. – М., 1996, с.50.

заложенных в непревзойденных до настоящего времени учебниках китайского языка Драгунова, Колоколова, Короткова, Задоевко и Хуан Шуин, мы предлагаем результаты небольшого анализа проблемы учебного лексического минимума. Поскольку современный отечественный материал для анализа практически отсутствует, мы посмотрим, какова ситуация в этом вопросе в самом Китае на примере нескольких учебных пособий для иностранцев.

Отбор лексики для лексического минимума определяется целым рядом условий, важнейшими из которых являются следующие. Во-первых, это соответствие целям обучения и требованиям учебной программы, т.е. необходимо иметь точную цель обучения, точно знать, “какому языку” вы собираетесь обучать. В настоящее время все многочисленные учебные материалы по китайскому языку делятся на три группы: материалы для обучения “практическому китайскому языку” – Shiyong hanyu; материалы для обучения “разговорному китайскому языку” – Hanyu kouyu; и материалы для обучения языку как объекту – Hanyu jiaocheng. Такое деление учебных материалов отчетливо прослеживается на количественном и качественном составе предлагаемой для усвоения лексики. Так, в материалах по разговорному языку объем предлагаемой для активного усвоения лексики меньше, чем в материалах по китайскому языку вообще, но в состав этой лексики входит больше готовых речевых блоков (guding sizu).

Во-вторых, лексический минимум для начального уровня должен содержать наиболее продуктивную и наиболее репрезентативную лексику с точки зрения словообразовательных моделей.

В-третьих, лексический минимум должен отражать национально-культурную специфику как страны изучаемого языка, так и страны изучающего этот язык.

В-четвертых, лексический минимум в количественном плане должен отвечать задачам этапа как промежуточной цели обучения.

Для выяснения оптимального количественного состава активного лексического минимума для начального и среднего уровней мы провели сопоставительный статистический анализ лексики, выделенной для усвоения в таких учебных пособиях китайского издания как: “Китайский язык для начального уровня” (Hanyu chujī jiaocheng, 1997), “Устный китайский язык для среднего уровня” (Zhongjī hanyu kouyu, 1997), “Китайский язык для среднего уровня” (Zhongjī hanyu jiaocheng, 1987), “Стандартный курс китайского языка” (Standard Chinese course, 1998), а также лексический минимум, предусмотренный программой подготовки к экзамену HSK (Hanyu shuiping kaoshi). Выяснилось, что как в количественном, так и в качественном планах выделенные лексические массивы в значительной степени сходны. Так, количество выделенных для активного усвоения лексических единиц в учебных пособиях начального уровня “Hanyu chujī jiaocheng”, “Shiyong hanyu jiaocheng”, “Standard Chinese course” составляет соответственно 1386, 1100 и 1300 единиц; лексические минимумы в учебных пособиях среднего уровня “Zhongjī hanyu kouyu” и “Standard Chinese Course” почти равны и содержат примерно по 1300 единиц. В учебном пособии “Zhongjī hanyu jiaocheng” выделено 2 200 единиц, что обусловлено целью обучения и, соответственно, уровнем лексической насыщенности текстового материала, о чем мы говорили выше. В качественном плане эти лексические массивы характеризуются тем, что имеется устойчивое совпадающее ядро, составляющее примерно 1100 единиц.

Таким образом, учитывая то обстоятельство, что к этому объему лексики необходимо добавить еще ту, что отражает собственные национальные реалии, мы могли бы говорить о том, что на начальном и среднем уровнях объем активного лексического запаса

иностранцев, изучающих китайский язык, по мнению китайцев, должен составлять примерно 3000 единиц (слов, словосочетаний, фраз, имен собственных).

Здесь возникает как минимум два вопроса. Первый – откуда взять эту лексику, т.е. как ее отобрать? Принципиально существует два способа формирования лексического минимума. Первый – подбор текстового материала соответствующей тематики и выделение в качестве активного лексического минимума наиболее частотных лексических единиц. Так и поступают наши китайские коллеги. Второй способ – формирование тезауруса или собственно лексического минимума на родном языке с последующим подбором или искусственным созданием текстов, содержащих эту лексику. По такому пути идут американские компании, разрабатывающие учебные материалы по иностранным языкам.

Второй вопрос – обеспечивает ли такой объем лексики возможность сдачи квалификационного экзамена HSK начального и среднего уровней? Ответ однозначно отрицательный, ибо Программой HSK соответствующих уровней (начального и среднего) предусматривается владение экзаменуемым 3000 отдельных иероглифических знаков и 8000 лексических единиц. Даже если учесть, что часть этой лексики относится к пассивному словарю, все равно этот объем значительно превышает возможности обучаемых, обусловленные теми учебными материалами, о которых мы говорили выше.

Где же взять недостающую лексику? Нужно просто создавать учебные материалы с учетом именно этого обстоятельства. Так, в конце 80–х, начале 90–х годов в Военном институте на начальном и среднем этапах обучения использовались последовательно следующие учебные материалы:

- Учебник китайского языка, авторы Задоевко, Хуан Шуин;
- Учебник по речевой практике китайского языка, авторы Кочергин, Сборский, Ткачук;
- Учебник современного китайского разговорного языка, автор Тань Аошуан.

Эти учебные материалы, для прохождения которых требовалось 5 семестров, обеспечивали активное владение 8300 лексическими единицами. Сопоставление этого минимума со словариком HSK показывает их наибольшее соответствие.

Из этого следует вывод: учебные материалы по китайскому языку нужно создавать самим; их тексты и иной языковой материал должны содержать лексику, отвечающую по качественным и количественным характеристикам определению лексического минимума, который должен быть четко определен и существовать в материальной форме как материальная основа формирования и контроля лексических навыков.

ЛИТЕРАТУРА

常用字和常用词, 北京语言学院出版社, 1985.

最常用的汉字是哪些, 文字改革出版社, 中国标准出版社, 1985.

学词词典, 载 第一六届国际汉语讨论会论文选, 北京大学出版社, 2000.

外国人学习汉语的词语偏误分析, 载 对外汉语教学思考集, 北京语言文化大学出版社, 1999.

HSK 中国汉语水平考试大纲汉语 8000 词词典, 北京语言文化大学出版社, 2000.

中级汉语阶段的词语教学, 载 对外汉语教学与教材研究论文集, 华语教学出版社, 2000.

Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку. – М., 2000. – С. 17–30.

SUMMARY

Lexical minimum is the foundation for the formation of lexical skills on the initial stage of language learning. The level of communicative competence depends directly on the characteristics of quality and quantity of the lexical minimum. Its formation should also meet the requirements to the aims and level of language learning. Lexical minimum for a particular level is bound to exist in material form as an object of learning and a criterion of control.

Y. Krylov, St.Petersburg

WHAT ARE THE "QUASI-SYLLABIC" LANGUAGES?

According to (Kassevitch 1967, 1983, and elsewhere), the class of "quasi-syllab(em)ic" languages (QSL) comprises those which display possibility of subsyllabic morphemes, i.e. morphemes with exponents phonologically smaller than a syllable (in which they resemble non-syllabic languages, NSL), and impossibility of re-syllabification (in which they are similar to syllab(em)ic languages, SL).

This definition, although formally correct, allows, rather perplexingly, to class together as typologically similar such phonologically (and otherwise) different languages as Cambodian and Japanese: "In the frames of the given system of classificatory bases Japanese phonology should be considered as typologically analogous to that of Mon-Khmer" (Kassevitch 1983).

There is no escape from the impression that the class of QSL was designed as a wastebasket for the languages, however phonologically different they might be, that did not fit in with the patterns of SL, nor NSL. Yet the languages included in a typological class are generally supposed to share certain positive features, such as are prominent within the class of SL.

It is then pertinent to consider, what, in effect, are the QSL. In order to answer the question, one can put it in another way: have Cambodian and Japanese phonologies anything in common?

To begin with, one should dwell upon the “similar” that has been found between the two languages. So, according to Kassevitch, Cambodian and Japanese equally display possibility of subsyllabic morphemes and impossibility of re-syllabification. Besides, in both languages sound classes are rigidly fastened to certain positions in a syllable; both have simple syllable structure; neither has stress or tone in contrast to ‘classical’ SL. In contrast to SL, too, Cambodian and Japanese “allow morphologization and, consequently, phonological singling-out of onset consonants” (Kassevitch 1983).

As to the statement that in both languages sound classes are fastened to certain positions, it is true, indeed, of both languages, but *on different reasons*. It is true of Cambodian as of any SL. And it happens to be true of Japanese, too, but only because normally no consonant, except for /N/, is permissible syllable-finally in this language. Thus, consonants are forcibly fastened to the first position in a syllable, and vowels – to the second one.

As for simple syllable structure, it unites Japanese with Oceanic languages to a much larger degree.

The statement concerning morphologization and phonological singling-out of onset consonants is true of Cambodian, but hardly so of Japanese. Anyhow, this feature prevents Kassevitch from including Cambodian and Japanese directly into the class of SL and makes them “quasi-syllabemic”, therefore it deserves discussion at greater length.

The differences between Cambodian and Japanese are pointed out, too. The most important of these is that “in Mon-Khmer languages root is usually monosyllabic... the Japanese root often consists of two or more syllables” (*ibid.*; emphasis added).

One more difference has been added later, so that “to do full justice to the phonological pattern of Japanese”: mora has been proclaimed “a real

operative unit” of this language (Kassevitch & Rybin 1998). Thus, Japanese *naN* ‘what’ presents 2 moras: *na* + *N*, while Cambodian *ba:n* ‘to receive’ cannot split into *ba*: + *n*.

All the differences between Cambodian and Japanese seem to have been estimated as of minor importance compared to their “striking similarity”, as it is still insisted that “Japanese fits in best with the phonological class dubbed above ‘quasi-syllabemic’” (*ibid.*).

Most of the above mentioned differences are of minor importance, indeed, from the point of view of phonological typology. Curiously enough, the difference concerning correlation of syllable and morph has been neglected as irrelevant. This inconsistency has already been pointed out (Vardul’ 1991), however, no reaction seems to have followed. Yet the fact that in Cambodian, just like in SL, syllables and morphs normally coincide, while in Japanese they do not – is certainly a crucial distinction.

It will be recalled that the original intention of Kassevitch himself was to take into account “the specificity of correlation between phonology and morphology”, which reflects “the most important and interesting phonological typology” (Kassevitch 1983). In case of Cambodian and Japanese this correlation has been disregarded despite obvious difference.

True that both in Japanese and Cambodian one can find subsyllabic morphs. In Japanese these are the post-root consonantal affixes of predicatives: *mi{r}u* ‘to see’ (*cf. mi{na}i* ‘[I] don’t see’, *mi{r}eba* ‘if to look’), *ao{k}ute mo* ‘despite being blue’ (*cf. ao{i}* ‘blue’, *ao{k}ereba* ‘if [it] is blue’). In Cambodian morphologically segmentable consonants are either prefixes or infixes (*{s}kat* ‘to cut off’ *cf. kat* ‘to cut’, *ph{n}Qt* ‘a fold’, *cf. bQt* ‘to fold’, etc.).

Thus, in Japanese no part of a root can be singled out on the basis of morphology (if not to consider as separation the cases of morphologized alternations), while in Cambodian onset consonants of root can be severed by infixes (*s?a:t* ‘clean’ → *s{Qm}?a:t* ‘to clean’, *thlEak* ‘to fall’ → *t{um}lEak* ‘to let fall’). Yet neither in Japanese nor in Cambodian

subsyllabic roots can be found, despite 2 Japanese examples cited by Kassevitch, when word-initial consonants are singled out by method of "Greenberg's square": *{s}uru* 'to do' (cf. *{sh}ita* 'did'), *{k}uru* 'to come' (cf. *{k}ita* 'came'). The *{s ~ sh}* and *{k}* have been interpreted as root-morphs. The cited instances belong to the so-called 'irregular verbs' characterised by alternation of vowels within the root (they are only 2 in Japanese!). The situation parallels quite well to that with English *see - saw*, *draw - drew*, where the "Greenberg's square" is hardly applicable. So, in the above instances the alternating vowels quite obviously belong to the root morphs, too. Thus the situation cannot be regarded as parallel to that of Cambodian *klaN* 'strong' → *k{Qm}laN* 'strength', where initial *k*-, not being a one-consonant root-morph either, still is separable from the rest of the root.

What is much more important is that in Cambodian the numbers of morphs and syllables in an utterance normally coincide. In Japanese the average length of a morph is about 1.6 S. We could see that the boundaries between syllables and morphs do not necessarily coincide: *fur{u}* 'to fall (of rain)', *tatam{i}* 'tatami', *tatak{e}ba* 'if to beat'. We could also see that not infrequently roots contain more than one syllable, moreover, the unwhole (fractional) number of syllables. Thus, in the word *tatami* a substantivizing suffix *{i}* can be singled out. The *tatam-* is a no further analysable root (consisting of 2 syllables plus a consonant!). Even in the Swadesh's 100-words list one can find 16 instances of the kind: *aruk{u}* 'to walk', *suwar{u}* 'to sit', *kemur{i}* 'smoke', etc.

Fundamentally the mere fact of predominance of polysyllabic morphs in Japanese, as well as asemanticity of syllables ought to reject the assumption that a language like Japanese may belong to QSL.

It should be noted that to find specimens of unanalysable disyllabic words in SL, even in Cambodian (the borrowed vocabulary is not taken into consideration), one has to make certain efforts, while finding them in Japanese is the easiest thing. Suffice it to look, for instance, through the

above-mentioned Swadesh's list to find 87 simple Japanese words containing more than 1 syllable. Their morpheme structure is also very different.

The principal difference in the morpheme structure (mainly monosyllabic in Cambodian and predominantly polysyllabic in Japanese), as well as the fact that Cambodian syllables, as a rule, are exponents of morphemes (*ti*: 'place', *trEj* 'fish', *khJom* 'I'), whereas the Japanese ones (as in *tokoro*, *sakana*, *watakushi*, the same) are most frequently asemantical, makes it impossible to agree that the typological similarity between the two languages is greater than their difference.

It is easy to notice that, when drawing conclusion of 'quasi-syllabemic' nature of Japanese and thus equating it with Cambodian, Kassevitch, judging by the cited examples, largely leans upon the Chinese borrowings, abundant in Japanese. Thus, speaking of impossibility of re-syllabification in Japanese, he confronts the words *kani* (*ka-ni*) 'crab' and *kaN-?i* 'elementary', *shinai* 'inside town' and *shiN-?ai* 'affection'. Of these only *kani* is a pure Japanese word, the rest are Sino-Japanese. This inevitably leads to wrong conclusions concerning Japanese as a whole.

It should also be marked that in pure Japanese glottal stop never occurs between two vowels (*koe* 'voice', *ie* 'house', *kaeru* 'frog', *hairu* 'to enter'), which would be impossible in Cambodian or in any SL, unless diphthongs are in question.

Having a specimen of a Japanese text saturated with Chinese loan-words, only occasionally intervened by Japanese affixes, as is frequently the case with titles of books or newspaper articles, one may well draw the conclusion that Japanese is a SL, as syllabic and morphemic boundaries coincide, and no re-syllabification is allowed. Yet this conclusion is by no means true of the Japanese language as a whole.

Loan-words present, however, the best evidence for cardinal difference between the two languages under consideration. To conform with the Japanese phonology, the Middle Chinese monosyllables ended in

-k or *-t* have been transformed into disyllables, thus the original form was *lengthened*: *thet* → *tetsu* 'iron', *pat* → *hachi* 'eight', etc. On the contrary, Indian polysyllabic loan-words in Cambodian in many cases were *shortened* to monosyllables: *candra* → *can* 'moon', *mukha* → *muk* 'face', etc. Thus, the ways of assimilation have been quite opposite.

Cambodian in its original part would have a pattern akin to that of the typical SL, had it not been complicated by consonantal affixes (as we speak of *typology*, we need not overestimate the fact of their existence). On the contrary, pure Japanese manifests obvious likeness to NSL of, say, the Oceanic type.

Now it is evident that coupling of Cambodian and Japanese as representatives of the same typological class compels reconsideration of the principles of classification. One more important conclusion is that one cannot fully rely upon pluses and minuses in the charts. A matter of primary importance is *why* a phenomenon is possible or impossible in one language and *why* it is possible or impossible in the other. One should also be careful to distinguish between what is typical and what is marginal when *typology* is in question.

Y. Krylov, St.Petersburg

RE-SYLLABIFACATION AS A CLASSIFICATORY BASE OF PHONOLOGICAL TYPOLOGY

The first really fruitful attempt of establishing a line of demarcation between syllabic languages (SL) and non-syllabic languages (NSL) with the use of formal methods, undertaken by Vadim B. Kassevitch, was an important milestone in the history of phonology. Yet it seems to need certain improvement.

For instance, if one puts into effect with due consistency the suggested principles of classification, *formally* the languages of the Oceanic type permitting neither non-syllabic morphemes nor re-syllabification are to be classed with SL, being phonologically just too obviously different from the “classical” SL like Chinese or Vietnamese. Outside SL the Kassevitch’s classification is not quite adequate either: it is unclear, what the so-called “quasi-syllabic” languages actually are, or what is the ground for classing Cambodian and Japanese with the same class. This unsatisfactory result induces to doubt as for the correctness of the chosen classificatory bases (“features”).

Obviously enough, only explicit and elementary bases (those unconditioned by several different factors at a time) should be used as “formal” classificatory bases. As both re-syllabification and its absence are themselves derivatives of many multifarious factors, its impossibility is no exclusive property of SL.

For instance, in Oceanic languages re-syllabification is impossible because of the absence of open syllables. However, in contrast to SL, in these languages a syllable (S) does not generally correspond to a morpheme (M). This is, by the way, a difference between Cambodian and Japanese, too.

Therefore, instead of the base of re-syllabification, it is desirable to make use of some other classificatory bases, though related to possibility / impossibility of re-syllabification just indirectly, but in an explicit way. Such bases are consonantal offsets and vocalic onsets. The absence of final consonants (-C#) in some languages is the necessary and sufficient condition for impossibility of re-syllabification. The absence of uncovered syllables (#V-) also indicates in an indirect way to its impossibility, at least in the onset position. Such cases may occur both in SL and NSL.

In a previous publication (Krylov 1998) an attempt was made to show that one of the means to prevent re-syllabification in SL is the use of the glottal stop [ʔ] syllable-initially whenever a “vocalic” onset occurs. Thus,

Vietnamese *các anh* 'brothers' would never sound as *cá canh* 'fish-soup' because of the glottal stop in the beginning of the syllable *anh*. Likewise, Cambodian *kom ?a:* 'don't saw' can never transform into *ko-ma:* 'child', no matter how fluent the speech is.

It should be stressed here that the mere existence of the glottal stop in the phonological system of a language (even as an admitted initial consonant) gives no ground to state that the uncovered syllables are prohibited in the language.

In Tahitian the glottal stop is opposed to the absence of an initial consonant. Cf. *oe* 'bell' – *?oe* 'you' – *o?e* 'hunger' – *?o?e* 'bayonet'; *au* 'I' – *?au* 'to swim' – *a?u* 'to chase', etc. That means that impossibility of re-syllabification in this language is conditioned not by the absence of *uncovered* syllables, as, for example, in the Mon-Khmer languages, but by the fact that *closed* syllables are prohibited.

On the other hand, the absence of uncovered syllables is no evidence of the impossibility of re-syllabification. For instance, in German and Arabic, due to the absence of uncovered syllables, re-syllabification is generally impossible, if the onset position is in question. Yet it is quite possible word-finally: cf. German *?um ?acht ?Uhr* 'at 8 o'clock', but *?acht ?Uh-ren* 'eight watches', *der ?ach-te* 'the eighth'; Arabic *?al ?a-rab* – *?a-ra-bun* 'Arabs', *?al ?amr* – *?am-run* 'life' (with definite and indefinite articles respectively), which proves again the necessity of taking into account the reasons and conditions of re-syllabification, and not the mere fact of its possibility or impossibility.

It is obvious, that positive or negative value of the base "possibility / impossibility of re-syllabification" as such does not permit any final conclusions as to the phonological type of a language: some additional conditions are needed. The length of the morpheme may present such a condition (classificatory base).

The base "M < S", suggested by Kassevitch, is not helpful in this case: typologically different languages (Mon-Khmer and Japanese) fell in

the same class of “quasi-syllabic” languages, Tahitian and Maori are to enter the class of SL like Chinese and Vietnamese, despite their apparent typological incongruity. Thus, due to the base “M < S”, along with impossibility of re-syllabification, the closeness of Cambodian and Japanese, Chinese and Tahitian turned out to be clearly exaggerated, while closeness of Cambodian to SL and that of Japanese to Oceanic were considerably underestimated. Therefore it must be obvious, that the base “M < S” cannot be used on this stage, i.e. before demarcation between SL and NSL.

On the contrary, the base “M > S” provides quite satisfactory results. Combined with the bases “#V-” and “-C#” it allows to draw the demarcation line between SL and NSL in a due place.

One may object that in a *phonological* classification the *morphological* criteria are made use of. Yet the contradiction is seeming: it has long been noted that phonological isolation goes hand in hand with the morphological isolation, and the terms “syllabic languages” and “isolating languages” are currently used nearly as synonyms. So, despite apparent inconsistency, the morphological criteria proved to be fully reliable, if the demarcation between SL and NSL is in question.

Indeed, the distinction between SL and NSL is fundamental, and the procedure of their delimitation should precede any more detailed classification of both main types of languages. From this moment on, i.e. after strict delimitation of SL from NSL, to further subdivide the two classes one can resort to the same bases as suggested by Kassevitch, but now they would act autonomously within SL and NSL, leaving no ground for their confusion.

Thus, the following classificatory bases of the phonological typology of languages are suggested here: 1) absence / presence of morphemes “longer” than syllable (M > S); 2) absence / presence of morphemes “shorter” than syllable (M < S); 3) absence / presence of closed syllables (-C#); 4) absence / presence of uncovered syllables (#V-). As we could see,

the absence of re-syllabification is not specific of SL, therefore the bases (3) and (4), related to re-syllabification, should be positioned in the end of the matrix.

The above bases should be introduced in the listed order. The classes having negative values for base (1) are regarded as SL, the classes with positive values – as NSL. It should be emphasized, that the negative value of base (3) equals to categorical prohibition of re-syllabification. As for the negative value of base (4), it means categorical prohibition of re-syllabification only for SL, yet for NSL it testifies that re-syllabification is impossible in the onset position. As the German and Arabic material shows up, this does not exclude its possibility in the offset position.

Of the 16 theoretically possible classes only the following appear to exist (two of which being questionable):

	Classificatory bases				Instances of the class-membership
	1	2	3	4	
1.	-	-	-	-	Bwe-Karen, Kaya...
2.	-	-	+	-	Chinese, Vietnamese, Siamese...
3.	-	+	-	-	?
4.	-	+	+	-	Cambodian, Mon, Sedang...
5.	+	-	-	+	Tahitian, Maori, Yoruba...
6.	+	-	+	-	?
7.	+	-	+	+	Indonesian, Malagasi, Guarani...
8.	+	+	-	+	Swahili, Kechua, (Japanese) ¹ ...
9.	+	+	+	-	German, Arabic, Amharic, Archin...
10.	+	+	+	+	English, Russian, Turkish...

The classes 1-4 are the subclasses of SL, the rest are those of NSL. As after demarcation between SL and NSL the reasons of re-syllabification are no more relevant, in order to simplify the matrix the bases (3) and (4)

¹ The place of Japanese would depend upon whether we recognize or not the presence of final consonants: *ikimasu* [iki-mas], *wakaran* [waka-ran], and, consequently, the possibility of resyllabification: *iki-ma-sen*, *waka-ra-nai*, etc., and whether we think it possible to neglect such cases as not quite typical or typologically irrelevant.

might be reduced. Then the following chart would show the principal typological subdivisions:

Classes	1	2	Instances of the class-membership
SL 1	-	-	Karen, Kaya, Chinese, Vietnamese, Siamese...
SL 2	-	+	Cambodian, Mon, Sedang...
NSL 1	+	-	Tahitian, Maori, Indonesian, Yoruba, Guarani
NSL 2	+	+	English, Russian, German, Arabic, Turkish, Swahili, Kechua...

The inner classification of SL and NSL (a more detailed phonological typology) may, of course, have different classificatory bases, according to the objectives of investigation.

В.А. Курдюмов, г. Москва

МОЖНО ЛИ НАЗЫВАТЬ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК КОРНЕИЗОЛИРУЮЩИМ?

Казалось бы, проблематика, связанная с “аморфностью” и “корнеизоляцией” как типологическими характеристиками китайского языка, ушла в прошлое. Вернуться к ней побуждает необходимость пояснения/прояснения термина “корнеизолирующий” в версии Геннадия Прокопьевича Мельникова (см. “Принципы и методы системной типологии языков”; дисс. д-ра наук, М., 1990; монография “Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной” (М., 2000; <http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/>), поскольку данная характеристика представляется нам наиболее логичной и системной применительно к “морфологическому” строю китайского языка и наиболее согласуемой с вариантом типологии, предложенным в 1976-

1981 гг. Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон (“Подлежащее и топик: новая типология языков”, в кн. “Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI”, М., 1982; “Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar”, Berkley, 1981).

Употребление термина “корнеизолирующий” обычно вызывает нарекания со стороны китаистов, которые усматривают в нем намеки на отождествление современного разговорного китайского языка с языком письменных памятников *вэньянь*, что, в свою очередь, должно быть связано с незнанием специалистами по общему языкознанию специфики китайского языка. Мы бы хотели показать, что это не так.

В отечественной синологии утвердилась характеристика современного китайского языка как “изолирующего с элементами агглютинации”, причем природа изоляции трактуется в соответствии с трудами В.М. Солнцева, который в конечном итоге пришел к выводу о том, что все языки следует разделить на изолирующие и не-изолирующие (напр., “Введение в теорию изолирующих языков”, М., 1995). Однако в таком случае совершенно неясно, как отличить подобное деление от разделения языков на аналитические и синтетические (например, Н.Б. Мечковская полагает, что аналитичность есть более поздний термин для изоляции, см.: “Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков”, М., 2001.). Достаточно примечательно, что, например, если к китайскому языку постоянно применяется характеристика “изолирующий”, то к английскому – характеристика “аналитический” (при этом избегается характеризовать английский как “флективный” или “агглютинирующий”). Поскольку данная проблема напрямую не сопрягается с темой нашего выступления, то отметим, что, судя по всему, такие ученые, как Август Шлейхер, ввели различие аналитического и синтетического типажей для “оправдания” существования языков, подобных современному английскому, которые вроде бы и “флективные” (“слабофлективные”), и изолирующие одновременно.

Т.е. под аналитизмом имелось в виду то состояние языка (а точнее, даже не состояние, а тенденция), когда явно генетически флективный и в окружении близкородственных флективных языков некий язык тем не менее проявляет мощное стремление к изолирующему типу, вплоть до утери многих детерминирующих черт.

Многие существующие до настоящего времени структурные типологические описания китайского языка имеют очевидный недостаток: при наличии доказательств отнесения к тому или иному типу различные варианты типологий, в том числе типологии по ярусам языка, тем не менее, никак не увязаны между собой.

Все разнообразие типологий в настоящее время можно разделить на два основных вида: типологии слова (морфологические) и типологии предложения (синтаксические). (Типологии на основании фонологических признаков мы здесь не затрагиваем, хотя связь между языковыми детерминантами различных ярусов – вопрос также весьма интересный).

По типологии слова различные авторы характеризуют китайский язык как изолирующий (изолирующий с элементами агглютинации), аналитический, неродовой, непадежный (Рождественский Ю.В. “Типология слова”, дисс. д-ра филол. наук, М., 1969, §18.2), корневой (Ф.Ф. Фортунатов, 1892), простой чисто реляционный (простой чисто реляционный–изолирующий–аналитический) (Э. Сепир, 1921).

По типам предложений в разных источниках китайский язык характеризуется как “язык с выдвиганием топика” (Ли и Томпсон, 1976–1982), язык типа SVO (подлежащее–сказуемое–дополнение, Дж. Гринберг), позиционный (Т. Милевский, 1963), номинативный (согласно контенсивной типологии Г.А. Климова), умеренно-центростремительный (Л. Теньер) и др.

Из известных нам попыток аргументированно связать типологические характеристики различных ярусов языка (фонология–морфология–синтаксис) в единое системно организованное целое

наиболее удачными нам кажутся попытки Ю.В. Рождественского, Г.П. Мельникова. Как раз Г.П. Мельникову принадлежит “оправдание” термина “корнеизолирующий” применительно к китайскому языку.

Попробуем прокомментировать характеристику Г.П. Мельникова с учетом достижений синтаксической типологии Ч. Ли и С. Томпсон и предикационной концепции языка (Курдюмов В.А. “Идея и форма. Основы предикационной концепции языка”, М., 1999; сайт “Мир языка” <http://yazyk.da.ru>).

Как типичные представители американской лингвистики, Ли и Томпсон не делали акцент на онтологическое обоснование выдвинутой ими типологической гипотезы о разделении языков на четыре типа, основанной на наличии/отсутствии доминирования в языке структур “топик-комментарий”. В изданной ими грамматике китайского языка (1981) наряду с их сенсационной на время публикации типологией китайский язык характеризуется как типичный представитель языков типа SVO (подлежащее-сказуемое-дополнение) (по Гринбергу), причем между двумя классификациями не устанавливается никаких значимых зависимостей. Тем не менее, достижения Ли и Томпсон, равно как и более ранняя американско-европейская дискуссия о врожденных структурах, а также выводы отечественной и зарубежной экспериментальной психолингвистики позволили сделать вывод о фундаментальном основополагающем свойстве/механизме языка – предикации, т.е. перманентном воспроизводстве структур “топик-комментарий”, где топик и комментарий понимаются уже не как чисто синтаксические или абстрактно-коммуникативные категории, а как обозначения предизируемого и предизирующего компонентов сквозной (воспроизводимой) бинарной структуры, задействованной в кругообороте общения, то есть *идеи*.

В трудах Г.П. Мельникова достаточно большое внимание уделяется объяснению природы и строя инкорпорирующих языков, которые в противовес корнеизолирующим он называет корнесинтезирующими (корнесинтетическими). Тем самым, языки типа чукотского или ненецкого “напрямую” противопоставляются языкам типа китайского, при этом отмечается необходимость уподобления (сведения) инкорпорирующих языков (к) флективным или агглютинирующим, что до сих пор делают некоторые исследователи. С точки зрения предикационной концепции языка данная точка зрения представляется вполне обоснованной.

Любая структура, задействованная в языке (предикационной цепи как целостном единстве процессов порождения-восприятия знака), есть бинарная оппозиция двух единств: топика (предицируемого) и комментария (предицирующего). Данные категории – лингвистические универсалии, в той или иной форме они представлены как “в глубине”, так и “на поверхности” в любом из языков. Это целостные базовые (пред/пост)синтаксические позиции, подлежащие “заполнению” при выходе “на поверхность”.

В отличие от типичных флективных языков в инкорпорирующих и изолирующих языках граница между топиком и комментарием проводится совершенно четко, делая эти компоненты внутренне спаянными и грамматически независимыми друг от друга. Более того, по утверждению Г.П. Мельникова, в инкорпорирующих языках топик предложения вообще отсутствует, т.е. не проговаривается, делая типичные высказывания “монорематическими”, т.е. монокомментариевыми. Для объяснения в данном докладе это не столь важно, но примем это во внимание.

Если попытаться упростить ситуацию описания и приблизить ее к “универсальным” “европейским” критериям, то и в изолирующих, и в инкорпорирующих языках мы имеем дело принципиально с одним и тем же: с неким большим подлежащим (возможно и нулевым или

внешним, невербализованным) и неким большим сказуемым. Это признак тождества. В чем заключается различие: во взаимном поведении этих двух частей. В китайском языке они взаимно “равнодушны”, т.е. не требуют никакого согласования, в языках же типа чукотского это не только синтаксические позиции, но и “большие слова”, т.е. одна из частей морфологически оформляется для выражения отношений к другой. Морфемы в предикативных синтагмах инкорпорирующих языков “спаиваются”, и эта спаянность ведет себя как некий “большой”, т.е. многокорневой глагол. Подобную ситуацию можно смоделировать и в русском языке (как справедливо указывает Н.В. Солнцева (“Проблемы типологии изолирующих языков”, М., 1985), инкорпорация суть универсальная техника, присущая разным типам языков), и кроме того, она будет достаточно естественной для целого ряда разговорных ситуаций. В языках же типа китайского, несмотря на спаянность топиковых или комментариевых синтагм, морфологически, т.е. “флективно-словоподобно” такое единство не оформляется (даже, казалось бы в “инкорпоризированных” фразах типа *Zamen dianhua-lianxi* “Созвонимся” [Мы телефоно-свяжемся] флексия всё же отсутствует).

Именно поэтому изолирующие языки типа китайского являются корне-изолирующими, т.е. “корне-не-взаимодействующими-в-предикативных-синтагмах”, а инкорпорирующие – корне-синтетическими, т.е. “корне-спаянными-в-предикативных-синтагмах-до-состояния-единого-флективного-слова”.

Остается единственное и вполне традиционное для отечественного языкознания возражение: полисиллабизм лексики современного разговорного китайского языка (т.е. вследствие этого сплавляться должны отнюдь не корни, а целые слова: двуслоги, трехслоги). Преодолеть это препятствие/заблуждение достаточно легко. Китайский язык в его современном разговорном виде

характеризуется последовательной оппозицией “сильных” и “слабых” ярусов (см. Ефремов А.М. “Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте”, дисс. канд. филол. наук, М., 1987). Так, китайский слог – “сильный”, слово – “слабое”, синтагма – “сильная”, предложение – снова “слабое”, управляемое единым топиком или комментарием СФЕ – “сильное”. Т.е. и “слово” вообще – в какой-то степени уступка “универсальному” европейскому сознанию, внедренная в XVII в. грамматикой Пор-Рояля (напомним, что в античной традиции, в сочинениях Платона и Аристотеля рассматривались все же “имя” и “глагол”, подобные топику и комментарию предикационной концепции), и китайское “слово” есть, в свою очередь, уподобление слову во флективных языках. Вспомним, что в китайском языке “слова” легко разрываются, словообразовательные модели слишком явно подобны словосочетательным, широко развито словотворчество (“морфемосоединительство”), носители языка с большим трудом делят предложения на “слова”, когда им предлагается это сделать в латинизированной записи, и, кроме того, категорически отвергают наличие в нем “приставок” и “суффиксов” (таким образом, остаются одни только корни, они же слогги, они же морфемы).

Таким образом, характеристика китайского языка как “корнеизолирующего”, т.е. противопоставленного “корнесинтезирующим” языкам представляется вполне оправданной, как в части “корне-”, так и в части “-изолирующий”, она вытекает из характеристики китайского языка как топикового и не противоречит современным представлениям о природе изоляции.

SUMMARY

Usually, Chinese is described as an isolative language, and the term root-isolative is meant out of date because the most of words in present day colloquial Chinese is binate unlike old *wenyan* which was monosyllabic. In our article we show that it is possible to resume use of

this word due to opposition “root-isolative vs. root-synthetic languages” as proposed by G. Melnikov. In both types, two main parts of clause: *topic* and *comment* (being predicated and predicating components on every level of “deepness”) form “on the surface” rather independent separate units, independent syntactic positions. The discrepancy is that in incorporate (root-synthetic) languages the entire filling morphemes are as if they joined into a big word with a common flexion, and in isolative (topic-prominent, root-isolative – such as Chinese) languages morphemes are left disintegrated (“isolated”).

Г.А. Лытова, г. Владивосток

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ВВОДНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вводные слова – это грамматическая категория, которая присуща многим языкам. Вопрос о вводных словах и словосочетаниях в современном китайском языке имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. В лингвистической литературе, в учебных пособиях для школ и вузов вводные слова и словосочетания обычно объединяют в общую категорию “вводных слов”.

Вводные слова имеют большое значение для речевого развития, так как определяют способность человека полноценно участвовать в речевом акте, требующем точного и выразительного формулирования мысли. Кроме того, вводные слова выполняют в речи специфическую функцию: они позволяют ярко, точно, образно выразить свое отношение к сообщаемому, поскольку являются одним из средств выражения субъективной модальности высказывания.

Что же касается китайского языка, то мы можем констатировать крайне малое число работ, посвященных данной проблеме, а отсюда

недостаточное количество теоретического материала, как общего, так и конкретного содержания. Мало чем помогает и обращение к практическим грамматикам китайского языка, которые в лучшем случае лишь упоминают о существовании таких слов или ограничиваются тем, что дают определение упомянутых слов и перечисляют некоторые из них. Существует лишь несколько работ, посвященных непосредственно вводным словам.

Интересно отметить, что наибольшее количество информации о вводных словах в русском, английском, немецком удалось найти в учебниках и учебных пособиях по соответствующему языку.

Это дает нам право предположить, что изучению и преподаванию вводных слов во многих языках уделяется должное внимание, как и другим лексическим средствам языка.

Несомненно, что знание большого количества вводных слов, умение сознательно и правильно ими оперировать способствует повышению культуры речи. Значит, это является важным аспектом в изучении языка.

Вводные слова имеют непосредственное отношение к категории модальности.

Модальность принадлежит к числу основных языковых категорий, она присуща всем языкам мира и является языковой универсалией. [4,32] Пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности.

Модальность (от ср.-лат.-*modalis*-модальный; лат. *modus* – мера, способ) – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а так же разные виды субъективной квалификации сообщаемого.

Китайский лингвист Люй Шусян считает, что модальность в широком смысле включает в себя модальность в узком смысле, значение высказывания и модулированность высказывания. Значение высказывания – это аспект по линии положительное-отрицательное, полное (фактическое)-пустое (воображаемое). Модулированность высказывания – это акцентированность речи, ее более или менее быстрый темп. Если давать определение модальности в узком смысле, то ее можно назвать тем, что различает предложения, одинаковые по содержащимся в них понятиям, но разные по целям высказывания. [3,47]

Способы выражения всех трех элементов (аспект, модальность, модулированность высказывания) также различны: аспект высказывания выражается главным образом посредством глаголов-ограничителей, модулированность высказывания – при помощи интонации, а модальность выражается с помощью интонации и модальных частиц. Однако между всеми элементами существует теснейшая связь, так, например, неопределенный аспект высказывания обязательно сочетается с модальностью сомнения, модулированность высказывания в риторическом вопросе сильнее, чем при общем вопросе.

Вводные слова – это слова и сочетания слов, грамматически не связанные ни с одним из членов предложения. Посредством вводных слов осуществляется модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения. [1, 86] Подобное же определение есть и в словаре лингвистических терминов, **вводные слова** – это слова, формально не связанные с членами предложения и выражающие отношение говорящего к высказываемому, указывающие на источник сообщения, на способ словесного оформления мысли, на отношение между отдельными частями речи.

В китайском языке “вводные слова- 插入语 chārūyǔ – это слова и словосочетания, включенные в структуру предложения и

выражающие обобщение, акцентирование, предположение и т.д.” [6,34]. Так, например, известный китайский лингвист Ван Ли в своем словаре лингвистических терминов “语言学词典” дает следующую характеристику вводным словам: “Вводные слова – 插入语 – это слова и словосочетания, вставленные в предложение и придающие ему эмоциональную окраску. Такого же мнения придерживается и китайский лингвист Ши Гуансян [5,18]. Ван Ли подчеркивает, что особенность вводных слов состоит в том, что если даже их убрать из предложения, то смысл предложения не будет изменен. Ши Гуансян же отмечает, что многие из них часто употребляются в речи, но далеко не все находят отражение в словарях.

Кроме термина 插入语 charyu (вводные слова, словосочетания), в китайской лингвистической литературе встречаются и другие термины для обозначения вводных слов, такие как: 提示词语 tishi ciyu “акцентирующие слова”, 话头 huatou “вставки”. Однако наиболее часто в лингвистической литературе и словарях встречается термин 插入语 charyu -вводные слова. Этим термином мы и будем пользоваться в нашей работе.

Вводные слова являются выражением субъективной модальности. В китайском языке к вводным словам относятся: союзы, наречия, фразеологические единицы.

Функции вводных слов могут выполнять и специальные слова, которые употребляются как вводные, и слова разных частей речи в особом употреблении. Что же касается китайского языка, то в нем, так же как и в русском, существуют специальные слова, употребляющиеся как вводные, которые зафиксированы в словаре в этом качестве. Например: 然而 raner “впрочем”, 大约 dayue “примерно”, 看来 kanlai “по-видимому”.

Ван Ли в “Основах китайской грамматики”, например, отмечает эту функцию у наречий. Он считает, что эмоциональная окраска

предложения в целом может быть выражена особыми модальными наречиями: 竟 jìng “оказывается”, 索性 suǒxìng “так и быть; пусть”.

Интересна также точка зрения другого китайского лингвиста Ли Фаюаня, который говорит о том, что вводные слова имеют также союзную функцию. Например: 可 kě “однако”, 比如 bǐrú “например”.

Надо отметить, что данный вопрос пока не нашел своего отражения в работах отечественных синологов. Лишь у Горелова в “Лексикологии китайского языка” встречается утверждение, что в качестве вводных слов могут выступать различные фразеологические единицы.

Приведем ряд примеров: 一般地说 yìbān de shuō, 一般说来 yìbān shuō lái “вообще говоря”, 一般所谓 yìbān suǒwéi “как говорится”, 换言之 huàn yán zhī “иначе говоря”, 严格地说 yángé de shuō “строго говоря” [2,62].

Таким образом, как в русском, так и в китайском языке вводные слова и словосочетания, вставленные в предложение, не связанные с членами предложения и придающие ему эмоциональную окраску.

Следует заметить, что в русском языке более широк и разнообразен перечень тех частей речи, которые могут употребляться в функции вводных слов. Это имена существительные, наречия, глаголы, субстантивированные прилагательные. В китайском языке это количество не столь велико.

Вводные слова как языковая единица характеризуется 4-мя отличительными признаками:

- 1) они не являются членами предложения;
- 2) они служат для выражения отношения говорящего к тому, что он сообщает;
- 3) сопровождаются особой интонацией в речи.
- 4) употребляются как в книжной, так и в разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. – М., 1979.
Лю Шусян. Некоторые вопросы грамматики КЯ. – Пекин, 1984.
Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968.
Шэ Гуансян. Лексика разговорного китайского языка в комментариях. – 1997.
实用中国语言学词典, 1993.

О.М. Мазо, г. Москва

СУФФИКС *-t В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бенедикт (Benedict 1972) предположил, что у сино-тибетского суффикса *-t было несколько функций, а именно образование имен от глаголов и образование каузативов или транзитивов. Позже Михайловский (1985) показал на примере языка лимбу, что *-t, в отличие от сино-тибетского суффикса *-s, служил для образования именно транзитивов, бенефактивов и т.п., в то время как *-s имел каузативное значение. Рефлексы суффикса *-t встречаются во многих сино-тибетских языках (древнекитайском, тибетском, лепча, лимбу, думи, ямпху, бирманском и т.д.). Однако в отличие от других языков, суффикс *-t в китайских словах можно реконструировать, только используя данные других сино-тибетских языков и сино-тибетскую реконструкцию.

Тем не менее, древнекитайские слова также можно разделить на две группы. К первой группе относятся слова с суффиксом, имеющие субстантивное значение, ко второй – слова, имеющие значение действия. Слова во второй группе являются эндоактивными (Старостин 1994, с.102-104), т.е. присоединение дополнения никак не меняет их значение. В экзоактивных же словах присоединение объекта приводит к изменению значения слова на каузативное. Если

бы слова с суффиксом *-t были бы экзоактивными, то тогда и значение суффикса было бы, скорее всего, каузативным. Но так как этого не происходит, то эти случаи можно считать подтверждением гипотезы о транзитивном значении суффикса *-t.

В примерах вначале приводится сино-тибетская праформа в реконструкции Пейроса-Старостина, ее значение, современное произношение китайского слова, его праформа в реконструкции Старостина и значение.

Примеры:

I группа

1. *lāj(H) (/ *lāt; m-) язык – shì *laj? (-e?) лакать; shé *lat язык
2. *mā (-t) нижняя часть, конец – mō *mft кончик, конец

II группа

- 3а. *kīw (g-; -t) выкапывать – jué *gut / *got копать (землю), hú *gūt выкапывать
- 3б. jué dì wèi jìu (И цзин)
Копать земля делать ступка
Копать землю, чтобы сделать ступку
- 3в. hú máī zhī ér hú hú zhī (Го юй)
лиса закапывать это и лиса откапывать это
Лиса закопала это, лиса его и откапала
- 4а. *khē-t (gh-, qh-, Gh-) делить, разделять – qiè *khēt резать, ломать
- 4б. qiè qí zhóu (Цзо чжуань)
ломать их ось
Сломать их ось (от колесницы)
- 5а. *phīэ (-t) мести, сметать – fú *phət сметать пыль, подметать, выгирать
- 5б. zhǔ rén fú jī (И ли)
хозяин сметать столик

Хозяин сметает (пыль) со столика

6а. *Kū (-t) грязный – gū *kūt, *gūt пачкать, загрязняться

6б. hé bù gū qí ní (Цюй Юань, Чу цы)

как не испачкаться этот грязь

Как не испачкаться этой грязью?

Иногда в древнекитайском языке вместо *-t употребляется более продуктивный суффикс *-s, в то время как в других языках, например, в тибетском, представлена форма с -t или, как в лепча, вообще без суффикса.

7. *k^wǎ (-t; g^w-, q^w-, G^w-) /*k^wǎ (-t; g-, q-, G-) старый, слабый – кит. *g^wəs старый, древний; тиб. gɣud ослабнуть, gɣod слабеть; лепча gu, a-gu старая самка у большинства животных

Встречаются также случаи, когда у древнекитайского суффикса *-s появляются значения, свойственные суффиксу *-t в тибето-бирманских языках, а именно, указание на тип дополнения (Мазо 2000а, Мазо 2000б):

8а. уǐ *pa? говорить (что)

zī bù yǐ guài lí luàn shén (Луэньюй)

мудрец не говорить странность сила беспорядок дух

Мудрец (Конфуций) не говорил о странных вещах, силе, беспорядке и духах

8б. уǐ *pa?h говорить (кому)

chū yǐ rén yuē (Луэньюй)

выходить говорить людям говорить

Выходя, обращался к людям, говоря

9а. yǎng *lha ? кормить (нижестоящего)

yǎng mù zhě (Мэнцзы)

кормить скот тот

тот, кто кормит скот

96. yǎng *lha h кормить (вышестоящего)

yī yǎng qí fù mǔ (Мэнцзы)

чтобы кормить отец мать

чтобы кормить родителей

Возможно, такое положение суффикса *t в древнекитайском языке связано с тем, что, хотя этот согласный и мог стоять в конце слова, но, в отличие от *-ʔ и *-s, не мог стоять после финальной согласной. В силу такой дистрибуции его возможности как словообразовательной морфемы были весьма ограничены, и он был намного менее продуктивным, чем, например, суффикс *-s. Это привело к тому, что в древнекитайском языке он перестал восприниматься как словообразовательный аффикс, и иногда, как это было показано в примерах 8-9, суффикс *t даже заменялся на *-s.

ЛИТЕРАТУРА

Mazo O.M. Suffix *-h in Old Chinese: semantics, distribution, perspectives //

Доклады и тезисы международной конференции “Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия”. – Москва, 2000.

Mazo O.M. О некоторых “нестандартных” употреблении древнекитайского суффикса *-h // Материалы X Международной конференции по китайскому языкознанию. – Москва, 2000.

Старостин С.А. Заметки о древнекитайском языке // Знак. – М., 1994.

Benedict P. Sino-Tibetan. A conspectus... – Cambridge, 1972.

Michailovsky B. Tibeto-Burman dental suffixes: evidence from Limbu // Linguistics of the Tibeto-Burman Area: The State of the Art – Canberra, 1985. – P. 363-375.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДОПОЛНЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДАВАНИЯ-ОТНИМАНИЯ В ДИАЛЕКТАХ СЯН

В данном исследовании рассматриваются конструкции с трехместными глаголами в диалектах группы Сян (КНР, провинция Хунань).

Трехместные глаголы управляют “двумя дополнениями – прямым и косвенным... Большинство этих глаголов обозначает различные оттенки понятий ‘давать (кому-нибудь что-нибудь)’ и ‘брать (у кого-нибудь что-нибудь)’” (Яхонтов, 1957, с.41). В китаеведческой литературе принято выделять группу глаголов давания-отнимания. К этой группе относят ‘давать’, ‘дарить’, ‘одалживать’, ‘возвращать’, ‘занимать’, ‘посылать’, по синтаксическим особенностям к этой группе причисляют также глаголы речевой деятельности ‘говорить’, ‘рассказывать’, ‘называть’, ‘учить’ и т.п.

Глаголы давания-отнимания лингвисты делят на 4-5 подгрупп в зависимости от семантики и особенностей их функционирования в предложении, в частности – особенностей их взаимодействия с дополнениями. См., например, Чжу Дэси, 1979, Юэ-Хасимото 1993.

Ниже рассматриваются синтаксические конструкции, описывающие ситуацию с тремя участниками, имеющими семантические роли

I. агенса (ИГ1), представленного на синтаксическом уровне в подлежащем,

II. пациенса (ИГ2 или ИГ3), представленного в прямом дополнении,

III. 3-ого участника ситуации, который, как правило, является лицом, вовлеченным в эту ситуацию агенсом, может быть представлен в косвенном дополнении (ИГ2 или ИГ3).

Ситуация чаще всего описывает смену посессора – передачу объекта от агенса 3-му участнику (в случае давания) и перемещение объекта к агенсу в случае отнимания.

Ситуация с тремя участниками в диалектах Сян может описываться предложениями с разным порядком следования дополнений и разным набором морфо-синтаксических средств, их маркирующих. Варианты данной конструкции различаются а) порядком следования прямого и косвенного дополнений, б) наличием служебных средств, маркирующих дополнения, в) набором синтаксических перифраз. По результатам проведенного исследования мы сочли целесообразным выделить три подгруппы в рамках конструкции с трехместным глаголом:

- А) конструкция с глаголами давания
- Б) конструкция с глаголами отнимания
- В) конструкция с глаголами речевой деятельности.

Рассмотрим варианты конструкций трехместных глаголов с дополнениями в диалектах Сян.

I. Глагол с двумя немаркированными дополнениями в постпозиции: ИГ1 – П – ИГ2 – ИГ3.

Такая конструкция в диалектах Сян возможна, но смысл ее в зависимости от позиции дополнений может меняться на противоположный.

А) при глаголах давания глагол с дополнениями выстраивается в следующую последовательность П-ИГп-ИГк

- (1) 把 杯 茶 我
Pa pei la wo
Давать КЛФ чай я
Дай мне чашку чаю. (Yiyang, с.288).
- (2) 其 拿 两 张 电影 票 我
Tci la lio tcyo d'ie in p'ie o
Он давать два КЛФ кино билет я
Он дал мне два билета в кино. (Xinhua, с.300)

Б) при глаголах отнимания порядок следования дополнений после глагола иной: П-ИГк-ИГп – такой же, как в путунхуа.

- (3) 借 其 本 书
tcia tci pen su
одолжить он КЛФ книга
Одолжить у него книгу. (Xinhua, с.301)

Если в примере 3 поменять местами дополнения, то смысл фразы меняется на противоположный:

- (3а) 借本书其 ‘одолжить ему книгу’ (Xinhua, с.301).

В) конструкция при глаголах речевой деятельности, обучения и т.п. такая же, как при глаголах отнимания и в путунхуа.

- (4) 教 我们 语文
kau ŋomen yven
учить мы литература
Учить нас литературе. (Shaoyang, с.192)

Следует отметить, что хотя конструкция с немаркированными дополнениями IA)Б) (примеры 1-3) зафиксирована исследователями почти во всем ареале распространения диалектов Сян (исключение составляет только диалект Циян на юге Хунани), она чаще всего заменяется на варианты с сегментными маркерами синтаксических ролей. В различных диалектах группы Сян эта конструкция может употребляться с двумя предикатами, т.е. как так называемая сериальная конструкция. Сравним с примером (1):

- (5) 把 口 茶 我 吃
pa k'au la ŋo tc'ia
давать глоток(КЛФ) чай я пить (есть)
Дай мне попить глоток чаю. (Yiyang, с. 284)

По утверждению исследователя диалекта Иян, пример 3 воспринимается неоднозначно и может иметь значение ‘одолжить у него книгу’ и ‘одолжить ему книгу’, тогда как примеры 1-2 переводятся однозначно.

Исследователь диалекта Шаоян подтверждает наличие конструкции IA)Б) примерами 1 и 3 (Shaoyang, с.192), однако носители диалекта – информанты в возрасте 21 и 23 лет – помечают примеры 1-3 как отрицательные.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что конструкции IA)Б) редко употребляются изолированно и не являются самыми распространенными для выражения ситуации давания-отнимания. В различных диалектах группы Сян проявляется одна и та же тенденция – язык пытается избежать неоднозначности и стремится к эксплицитному маркированию синтаксической роли косвенного дополнения. Рассмотрим это на примерах.

II. А) Для конструкции с глаголами давания самым употребительным и распространенным, зафиксированным во всех диалектах является вариант ИГ1 – П – ИГп – СЛУЖ – ИГк

(6) 你 把 本 书 把 他
ni pa ben su pa t'a
ты давать КЛФ книга СЛУЖ он

Ты дай ему книгу. (Shaoyang, с.193, информант)

При отрицании ситуации конструкция не меняется:

(6a) 莫 把 本 书 把 他
mo pa ben su pa t'a
не давать КЛФ книга СЛУЖ он

Не давай ему книгу. (диалект Шаоян, информант)

Б) Вариантов, аналогичных вышеприведенному, для конструкций с глаголами отнимания нет.

В) В диалекте Синьхуа существует вариант с постглагольным служебным словом, маркирующим косвенное дополнение.

(7) 奶奶 讲 只 故事 来 我听
lielie ko tɕya p'a ua læ o t'iõ

Бабушка рассказывать КЛФ сказка СЛУЖ я слушать
Бабушка рассказывает мне сказку.(Xinhua, с.301)

III. Б) Для конструкции с глаголами отнимания самым употребительным является вариант ИГ₁ – СЛУЖ – ИГ_п – П – НАПР-СЛУЖ- ИГ_к

(8) 你 把 书 拿 来 把 他
ni pa su na ne pa t'a
ты СЛУЖ книга брать НАПР СЛУЖ он
Возьми у него книгу. (диалект Шаоян, информант)

Таким образом, на данном этапе развития диалектов Сян можно сделать вывод о тенденции к эксплицитному маркированию синтаксической роли косвенного дополнения при глаголах давания-отнимания. Эта тенденция является общей для всей группы, но диалекты различаются набором синтаксических средств для выполнения данной функции. К примеру, косвенное дополнение с семантической ролью адресата в диалектах Шаоян и Циян маркируется °С, в диалекте Хиньхуа имеет маркер Аг, в диалекте Иян может маркироваться °С или µГ. При этом каждый диалект обладает своим специфическим набором вариантов конструкций и факторами, определяющими их функционирование.

В процессе дальнейшего развития языка косвенное дополнение с маркером получает относительную подвижность и осваивает новые позиции в пределах предложения. Оно может перемещаться в другие

позиции, если только это не приводит к какой-либо другой неоднозначности.

Сокращения

ИГ – именная группа

ИГп – именная группа с прямым дополнением

ИГк – именная группа с косвенным дополнением

П – предикат

КЛФ – классификатор

СЛУЖ – служебное слово

НАПР – служебное слово, указывающее направление действия

Л.Н. Морев, г. Москва

ТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ С ПОЗИЦИИ КИТАЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ

В настоящее время науке известно несколько десятков тайских языков (ТЯ), ареал которых протянулся широкой полосой по северному периметру Индокитайского полуострова от китайской провинции Гуанси до Ассама в Индии, кроме того имеются анклавы ТЯ на о. Хайнань и на Малаккском полуострове. Всего на ТЯ говорит приблизительно 80 млн. человек. Из них в Китае распространено более десятка языков с числом говорящих около 25 млн. человек. К наиболее крупным ТЯ в Китае принадлежат языки чжуан, тай-лы, тай-дэхуи.

Изучение и описание ТЯ в Китае началось еще в 40-е годы прошлого века. Среди зачинателей этой работы были такие известные китайские лингвисты как Ли Фангуй, Ло Чанпэй, Син Гунвань и другие. Но широкомасштабное изучение ТЯ в Китае развернулось

после образования КНР, в начале 50-х годов. В различные районы страны, населенные национальными меньшинствами, в том числе тайцами, были направлены представительные лингвистические экспедиции для обследования и описания языков проживающих там народностей. В этой работе принимал участие в качестве советника-консультанта советский профессор Г.П. Сердюченко, в свое время работавший в области языкового строительства на Северном Кавказе. За 50-е и начало 60-х годов было собрано огромное количество языкового материала, началось его описание и исследование. В годы так называемой “культурной революции” эта работа в значительной степени была свернута и возобновлена только в начале 80-х годов.

В настоящем сообщении затрагивается только один вопрос: об отношении китайских лингвистов к до сих пор окончательно не решенному вопросу об отношениях между китайским и тайскими языками.

В первой половине 20-го века почти общепринятой стала точка зрения о принадлежности тайских языков к сино-тибетской семье языков. Но во второй половине того же века получила довольно широкое признание гипотеза П. Бенедикта о генетическом родстве тайских языков с австронезийскими (далее вслед за китайскими авторами для краткости будут называться малайскими). Отношение китайских лингвистов к этой гипотезе долгое время было резко отрицательным по умолчанию, этот вопрос практически не подлежал обсуждению. Но начиная с 80-х годов он постепенно превратился в предмет научной дискуссии, появились даже сторонники П. Бенедикта. Но все же, как будет показано ниже, в настоящее время большинство китайских ученых по-прежнему стоят на позициях китайско-тайского родства, принадлежности тайских языков сино-тибетской семье языков. При этом одни лингвисты, не отвергая сравнительно-исторического метода как такового, указывают на ограниченность этого метода, на произвольность в подборе

лексических единиц для установления фонетических соответствий, на неправильную трактовку некоторых языковых явлений и т.д. В то же время другие ученые вообще отвергают данный метод, считая его непригодным для установления родства языков. Наиболее последовательным критиком сравнительно-исторического метода выступает профессор Чжан Гунцинь, являющийся директором Института кам-тайских языков при Центральном институте национальностей в Пекине. Чжан Гунцинь отвергает этот метод на том основании, что он в конечном счете якобы ведет к недоказанной теории моногенеза языков мира, к признанию однонаправленности развития языков, хотя на самом деле, по его мнению, в мире едва ли сохранились генетически чистые языки. Он поддерживает тех ученых, которые считают, что все существующие в мире языки смешанные и генезис языков тесно связан с культурой и окружающей средой. Сравнительно-историческому методу он противопоставляет теорию Хаоса. По его мнению, генезис китайского и кам-тайских (так в Китае принято называть тайские языки) языков происходил следующим образом. Где-то во втором тысячелетии до н.э. в ареале разноязычных обществ Ся, Шан и Чжоу происходили интенсивные процессы смешения, скрещивания, слияния и разделения языков и культур, то есть творился хаос. В этом хаосе вырабатывались “исходные гены” и формировались “первоначальные условия”, которые потом определяли направление развития вновь складывающихся языков. Случилось так, что языки, которые потом стали называться китайским и кам-тайскими, вобрали одни и те же гены и их развитие пошло одинаковым образом в соответствии с “исходными генами”, которые проявили себя как определенные “действующие модели”, а именно, определили слог как основную структурную единицу языка, словосложение как основной способ словообразования, коллокации, или , как их еще называют, сериальные конструкции, и другие типологические черты. Поэтому,

считает профессор Чжан Гунцзинь, китайский и кам-тайские языки следует считать родственными в рамках сино-тибетской суперсемьи, хотя у них нет не только общего, но и какого-либо предка вообще, а было только некое “первоначальное состояние”, которое представляет собой не какую-либо сущность, а чисто теоретическую конструкцию. Что касается наличия в кам-тайских и сино-тибетских языках элементов из малайского, алтайских, австроазиатских и других языков, то это, по его мнению, следы контактов и заимствований еще в период, предшествовавший образованию сино-тибетских языков. Эти элементы являются как бы инородными телами, не вошедшими в генетический код и не оказавшими влияния на развитие названных языков.

Данная гипотеза представляется мне весьма проблематичной по нескольким причинам. Прежде всего остается неясным, каким образом в лингво-культурном хаосе зарождаются некие “исходные гены” и возникают “первоначальные условия”, или некая питательная среда, для последующего развития языков. Не трудно заметить, что в конечном счете автор теории приходит к тому, что в лингвистике называется типологическим сходством языков, которое выдается за генетическое родство.

По иному подходит к рассмотрению проблемы профессор Ло Мэйчжень. Он оспаривает утверждение П. Бенедикта о том, что китайско-тайские схождения в подавляющем большинстве случаев относятся к так называемому культурному слою лексики, и приводит примеры схождения в базовой лексике. Он допускает, что в далеком прошлом предки современных кам-тайцев могли даже принадлежать к малайскому этносу, говорившему на протомалайском языке. Но затем либо произошло смешение их языка с сино-тибетским, либо они просто перешли на сино-тибетский язык. Сравнивая язык с деревом, он говорит, что у кам-тайских языков корни малайские, а крона сино-тибетская. Исходя из установленных им лексических

соответствий и структурного сходства китайского и кам-тайских языков, Ло Мэйчжень делает вывод, что кам-тайские языки в конечном счете следует считать сино-тибетскими.

На сходных позициях стоит профессор Мэн Шиму. Он также допускает наличие в кам-тайских языках малайских элементов, но рассматривает их как субстратные или, напротив, суперстратные явления, относящиеся к далекому прошлому. Во всем остальном он усматривает очевидное сходство между китайским и кам-тайскими языками и на этом основании рассматривает их частью сино-тибетской суперсемьи.

Принципиально иную позицию занимает профессор Ни Дабай. В своей монографии “Введение в кам-тайские языки” он довольно подробно изучает вопрос об отношении кам-тайских языков Китая к австронезийским языкам и приходит к заключению, что базовая лексика кам-тайских языков действительно в основном имеет австронезийское происхождение, а сходство между китайским и кам-тайскими языками относится преимущественно к области типологии. Вместе с тем он отмечает, что кам-тайские и китайский языки связаны друг с другом тысячами нитей, которыми нельзя пренебрегать при установлении отношений между указанными языками. Подбирая лингвистическое определение этим отношениям, он пытается совместить генетическую и типологическую характеристики в одной дефиниции и предлагает называть кам-тайские языки малайско-синотическими (Malayo-Sino), где “малайско” указывает на генеалогию, “сино” на грамматический строй.

Наконец, крайнюю позицию по обсуждаемому вопросу занимают лингвисты Ляньмин и Чэнь Баоя. Они однозначно заявляют, что генетически кам-тайские языки родственны австронезийским, а с китайским языком у них союзнические

отношения, сложившиеся в результате контактов, заимствований и т.д.

Из вышеприведенного краткого обзора следует, что в настоящее время большинство китайских ученых при рассмотрении вопроса об отношениях между китайским и тайскими языками в большей или меньшей степени игнорируют сравнительно-исторический метод как методологически несостоятельный для определения родства языков и отдают предпочтение типологическому сходству, или же предлагают исходить из лингво-культурных позиций. Главное, в их представлении, – современное состояние языков и отношения между ними в исторически обозримый период. Что касается наличия в кам-тайских языках слов, общих со словами австронезийских языков, то их относят либо к наследию, доставшемуся от далекого прошлого, или к очень древним заимствованиям из австронезийских языков. Но полагают, что этот факт не существен для определения отношений между языками. В процессе анализа явления происходит подмена генетической классификации на типологическую, однако в выводах и в дефинициях сохраняется терминология, присущая генетической классификации, а именно – *китайско-тибетская семья*.

Рассмотрение взглядов лингвистов других стран на данную проблему не входит в задачу настоящего сообщения. Тем не менее позволю себе сказать, что подавляющее большинство ученых за пределами Китая отказалось от теории сино-тайского родства в чистом виде, но в то же самое время лишь немногие всецело поддержали гипотезу тайско-малайского родства. Многими отмечается ограниченная эффективность сравнительно-исторического метода в данном языковом ареале ввиду объективных условий, позволяющих вести работу по установлению соответствий лишь на относительно небольшой временной глубине и не дающих проникнуть в более далекое прошлое. Кроме того, существует еще группа факторов, которые не позволяют полностью отрешиться от

китайско-тайского родства и, напротив, полностью принять тайско-австронезийскую гипотезу. Это, например, сходство эволюции систем тайских и китайского языков, прежде всего их фонологических систем, и отличие ее от эволюции систем австронезийских языков, что нельзя просто отнести на счет внешних влияний или заимствований.

В настоящее время понятие тайской семьи языков прочно вошло в лингвистический обиход и получило широкое признание в лингвистических кругах. Тайские языки рассматриваются как самостоятельный объект исследования, а их внешние связи – это предмет отдельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА

- Luo Meizhen* (1992). A Second discussion on the genetic classification of Kam-Tai languages. A reply to Benedict. – Papers on Tai languages, Linguistics and Literatures in Honor of W. Gedney on his 77-th birthday. Occasional papers №16, Northern Illinois university.
- Luo Meizhen* (1983). A tentative remarks concerning the genetic classification of Kam-Tai languages. – *Minzu yuwen*, 2 (in Chinese).
- Meng Simou* (1998). Relationship between Chinese and Zhuang-Don languages against historical background. – *Minzu yuwen*, 4 (in Chinese).
- Ni Dabai* (1990). An introduction to Kam-Tai languages. – Central Institute of Nationalities. Beijing. (in Chinese).
- Zhang Gongjin* (1998). The status of research on Kam-Tai studies by Chinese scholars. – Proceedings. The international conference on Tai studies. July 29–31, 1998. Mahidol University. Bangkok, Thailand.
- Xing Gongwan* (1984). A tentative analysis of Sino-Tibetan languages and their nationalities in prehistoric times. – *Yuyan Yanjio*, 2 (in Chinese).
- Chen Baoya* (1996). The Alliance of Chinese and Kam-Tai. Abstract of paper handed out at the 29-th ICSTLL, University of Leiden, Oct. 10–13.
- Lianming Zhang Jingru* (1996). An Introduction to the Kam-Tai languages. China social science press. Beijing (in Chinese).

КАУЗАЛЬНЫЕ, АФФЕКТИВНЫЕ И ОЦЕНОЧНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В КХМЕРСКОМ

Каузальные, аффективные и оценочные предикаты – это семантические типы предикатов, широко представленные в естественных языках. Для предложений, в которых они выступают, характерна асимметричность синтаксической, семантической и прагматической структур, что, в свою очередь, имплицитно специфический морфосинтаксис и характерную для них синтаксическую деривацию как в синхронии, так и в диахронии. В мон-кхмерских языках сложная семантическая структура предикатов данных типов часто находит эксплицитное отражение в их морфемной структуре, имеющей полипредикативный характер, которая свидетельствует о том, что в естественном языке предикаты сложной семантической структуры могут возникать в результате синтаксической компрессии исходных полипредикативных структур.

Каузальные и аффективные предикаты в естественных языках часто связаны деривационными отношениями, поскольку в их семантической структуре есть много общего. Они описывают одну и ту же ситуацию с двумя участниками, один из которых испытывает некое физическое или эмоциональное состояние, а другой является причиной этого состояния. Соответственно, два аргумента этих предикатов имеют семантические роли «экспериментер» и «стимул/причина». Актант с семантической ролью «экспериментер» является первым аргументом аффективных предикатов (*грустить, любить*), а актант с семантической ролью «стимул/причина» является первым аргументом каузальных предикатов (*возмущать, печалить*). Вторые актанты в поверхностно-синтаксической структуре предикатов обоих типов могут быть не представлены (*быть грустным, быть интересным*). Аффективные

предикаты описывают реакцию субъекта, а каузальные предикаты описывают свойства объекта. Аффективные предикаты описывают эмоциональное или интеллектуально-оценочное отношение личного субъекта к объекту, каузирующему это отношение, каузальные предикаты отсылают к некоторому свойству объекта (предмета, лица, события, ситуации), которое стимулирует в субъекте определенную реакцию, при этом само свойство не эксплицируется, тем самым каузальные предикаты не дескриптивны, они объединяют объекты не по их естественным свойствам, а по их воздействию на субъект [Арутюнова 1988, 20]. В аффективных и каузальных предикатах изначально, в самом акте их номинации заложено неразрешимое противоречие, связанное с тем, что в ситуации, которую они описывают, неясно, что первично: стимул или реакция, свойства объекта, вызывающие отношение субъекта, или субъект, благодаря чувствам и мыслям которого эти свойства воспринимаются. Именно эта двойственность семантической структуры аффективных и каузальных предикатов естественных языков имплицитно специфический морфосинтаксис предложений, в которых они выступают, а также приводит в действие механизмы синтаксической и семантической деривации как в синхронии, так и в диахронии, так что часто эти два типа предикатов бывают связаны деривационными отношениями.

Парадокс аффективных предикатов заключается в том, что противоречивость их семантической структуры порождает конфликтную ситуацию для осуществления двух основных функций предложения как единицы языка – сообщения о положении дел в мире и выражения отношения говорящего к сообщаемому. Конфликт возникает оттого, что в единой поверхностно-синтаксической структуре невозможно адекватным образом упорядочить два аргумента аффективного предиката: на уровне семантической структуры аргументы имеют роли «экспериенцера» и

«стимула/причины», указывающие на разную степень вовлеченности аргументов в ситуацию и задающие такой порядок, при котором аргумент с ролью «стимул/причина» является центральным, что отражает порядок вещей в мире. На уровне коммуникативной структуры, наоборот, вершиной является аргумент с семантической ролью «экспериенцер», что отражает отношение говорящего к сообщаемому, так как именно этот аргумент находится в фокусе эмпатии говорящего.

В случае каузальных предикатов конфликта иерархии семантических и прагматических ролей нет, так как аргумент с семантической ролью “стимул/причина” представлен в подлежащем, то есть является коммуникативной вершиной предложения. Однако в синтаксических структурах с устранимым вторым актантом возникает асимметричность семантической и синтаксической структур (*Книга интересная*): на уровне семантической структуры представлены два актанта, на уровне синтаксической структуры – только один. В этом заключается парадокс каузальных предикатов.

В кхмерском языке каузальные предикаты могут образовываться от **аффективных** по каузативной модели, например:

- (1) *ksae-phiəp-yuən nih thvəə-əoy aphisok // cap-cet*
 фильм этот КАУЗ Скучать // любить,
 интересоваться

‘Этот фильм скучный // интересный’

(Хотя в кхмерском языке есть заимствованные из пали аффективный предикат *aphsok* ‘скучать’ и каузальный предикат *aphaasok* ‘скучный’, тем не менее, в качестве каузальной в разговорном языке используется номинация, производная от аффективного предиката.)

Производные каузальные номинации такого типа являются результатом синтаксической деривации от собственно каузативных

предложений путем устранения второго актанта с семантической ролью «экспериментер», то есть от предложений типа:

- (2) *siəw-phəw nih thvəə-əoy khjəom cap-cet*
 книга этот КАУЗ IЕД любить,
 интересоваться
 ‘Эта книга интересная // Эта книга меня интересует’

Возникшая в результате данной деривации производная каузальная номинация *thvəə-əoy cap-cet* ‘интересный’ сохраняет эксплицитное указание на наличие в семантической структуре предиката актанта с ролью «экспериментер».

В кхмерском языке отмечаются разные варианты каузативной модели деривации каузальных предикатов от аффективных:

thvəə əoy

səh kəmləŋ ‘уставать’ – *thvəə əoy səh kəmləŋ* ‘изнуряющий’;
ŋeəŋ ɲouŋ ‘забывчивый, тупой’ – *thvəə əoy ŋeəŋ ɲouŋ*
 ‘оглушительный (о шуме)’; *rumkhaan* ‘недовольный’ – *thvəə əoy*
rumkhaan ‘затруднительный’, например:

- (3) *səmnəə nih thvəə-əoy rumkhaan*
 вопрос этот недовольный
 ‘Этот вопрос затруднительный’

nəəŋ əoy

pruəy ‘горевать’ – *nəəŋ əoy pruəy* ‘печальный’, например: *ptəəh*
nih nəəŋ əoy pruəy ‘Этот дом печальный’.

kuə əoy

phəy khlaac ‘бояться’ – *kuə əoy phəy khlaac* ‘страш-
 ный’; *khlaac cet* ‘горевать’ – *kuə əoy khlaac cet* ‘горестный’, напри-
 мер: *rəŋ haet kuə əoy khlaac cet* ‘горестная история’;
tuk cet ‘доверять’ – *kuə əoy tuk cet* ‘надежный (например о

друге)'; *saac cam?vok* 'насмеяться' – *kuə aoy saac cam?vok* 'смехотворный, нелепый'; *kaot* 'уважать, почитать' – *kuə aoy kaot* 'достойный восхищения', например: *viə miən ca?re?yaa kuə aoy kaot* 'У него восхитительное поведение'; *cap cet* 'испытывать интерес' – *kuə aoy cap cet* 'увлекательный', например: *prutte?kaa dael kuə aoy cap cet* 'увлекательное событие'; *khmah* 'стыдиться' – *kuə aoy khmah* 'постыдный', например:

- (4) *kuə aoy khmah nah*
 стыдиться очень
 'Как стыдно!'

kuə

sbaəm 'испытывать благоговейный страх, трепет' – *kuə sbaəm* 'устрашающий (например, об оружии), огромный (например об успехе)'; *rənthōət* 'страшиться' – *kuə rənthōət* 'ужасный, жуткий', например: *bvt okrat miəy kuə rənthōət* 'ужасное преступление'; *khpəəm* 'испытывать отвращение' – *kuə khpəəm* 'омерзительный, отвратительный'.

aoy

spbaay 'веселый (о том, кто веселиться)' – *aoy spbaay* 'веселый (о том, кто) или что вызывает веселье)'; *khlaac* 'бояться' – *aoy khlaac* 'страшный', например: *yəək miən muk aoy khlaac* 'У великанов были ужасные лица'.

Производные каузальные номинации в кхмерском языке сами могут подвергаться каузативизации и выступать в каузативной конструкции, например:

- (5) *viə thvəə khluən kuə-aoy saac-cam?vok*
 ЗЕД КАУЗ РЕФЛ насмеяться
 'Он ставит себя в смешное положение'

kuə dɔl

По этой модели каузальные номинации могут образовываться от имен, как в случае *ketteʔphiəp* ‘известность, прославленность’ – *kuə dɔl ketteʔphiəp* ‘уважаемый, почтенный’, например: *saw krom mnəək kuə dɔl ketteʔphiəp* ‘уважаемый судья’.

В речи образованных носителей языка каузальные предикаты, производные от аффективных при помощи *kuə-aoʊ*, могут употребляться еще в случаях, когда первым аргументом предиката является не аргумент с семантической ролью «стимул/причина», а аргумент с семантической ролью «пациент». Такое употребление отмечается в словосочетаниях, описывающих внешность человека. Так, например, в качестве кхмерских эквивалентов трех разных предикатов: *грустный человек* (аффективный предикат), *грустная история* (каузальный предикат) и *грустное лицо*, будут, соответственно, выступать: аффективный предикат *srɔŋɛh srɔŋɛəc* ‘грустить, тосковать’, производный от него каузальный предикат *kuə aoʊ srɔŋɛh srɔŋɛəc* ‘грустный’ (*ruəŋ haet kuə aoʊ srɔŋɛh srɔŋɛəc* ‘грустная история’) и предикат, омонимичный каузальному (*muk kuə aoʊ srɔŋɛh srɔŋɛəc* ‘грустное лицо’). Приведем другой пример:

vndaet vndouŋ ‘грезить’ – *kuə aoʊ vndaet vndouŋ* ‘мечтательный, исполненный грез’;

Морфосинтаксис предикатов оценки в мон-кхмерских языках также более эксплицитно отражает сложную семантическую структуру предикатов данного типа. Как отмечается, например, в работе Н.Д. Арутюновой, в семантическую структуру оценочного предиката помимо собственно объекта оценки входит субъект оценки (говорящий), адресат оценки и понятие нормы: «цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или

руководить» [Арутюнова 1988, 43]. Значение оценочных предикатов не ограничено дескриптивностью, они связаны и с эмоциональной сферой говорящего, и с коммуникативной целью высказывания, и с отсылкой к некоему стандарту. В мон-кхмерских языках все эти компоненты семантической структуры оценочного предиката могут так или иначе отражаться на поверхностном уровне номинации, имплицитно его специфический морфосинтаксис. Так, например, в некоторых МК языках предложения с предикатом оценки в позиции вершинного сказуемого или его модификатора часто в качестве обязательного структурного элемента имеют наречие степени качества, как, например, в следующих предложениях из языка ксингмул:

(6) *hət soŋ huɨp kəldzoŋ huək* ПРВ II-2a
 вода река подниматься высокий очень
 'Вода в реке высоко поднялась'

(7) *khaŋ gwaː iː khəŋ tʰuəʔ aː hətme huək* ПРВ I-35a
ɛ
 КЛФ лодка этот ПОСС ст. сестра ИЕД новый очень
 'Эта лодка моей сестры – новая'

(8) *tuɨt-guɨt haːn tələŋ huək* ПРВ I-6
 завтра БУД холодный очень
 'Завтра будет холодно'

Такой морфосинтаксис возникает под влиянием тех компонентов семантической структуры предикатов оценки, которые связаны с обращением к норме или адресату оценки. Так, в последнем предложении семантическая структура предиката «холодный» включает в себя отсылку к некоторой норме, которая определяется относительно места и времени говорения (данное предложение, будучи произнесено в другое время года или в другом месте, будет описывать разные температурные режимы). Предикат степени

«очень» в данном случае относится к тому компоненту семантической структуры, который отсылает к норме, обозначая выход за ее рамки. Или, например, в нашей практике полевой работы был случай, когда информант оценил как «плохо сказанное» предложение из анкеты *Эта женщина красивая* и предложил заменить его на «более понятное» *Эта женщина красивая, как девушка*. Такое поведение носителя языка мотивировано тем компонентом семантической структуры предиката оценки, который связан с обращением к норме, понятию компаративного класса.

В кхмерском языке каузальные предикаты сенсорной оценки (*вкусный, красивый*), в семантическую структуру которых входит указание на орган восприятия, в свою формальную структуру включают предикаты слышания, видения, звучания и т.д., открывающие субъектную валентность, которая остается незаполненной на поверхностном уровне. Таким способом в кхмерской оценочной номинации данного типа эксплицируется тот компонент семантической структуры оценочных предикатов, который связан с субъективностью оценки, с перемещением акцента со свойств предмета, существующих объективно, на субъективное восприятие говорящим этих свойств. Рассмотрим примеры:

(9) *něək thvəə-aoy luu-sou kuk-kvəŋ huəh*
 2ЕД КАУЗ слышать громыхать, выть слишком
 ‘Ты слишком шумный’

(10) *kuu siə mhoop miəu saan dvv chŋaŋ piisaə*
 ЧАСТ СВ еда один блюдо АТР вкусный есть
 ‘Это – вкусное блюдо’

(11) *səmləeŋ sɔmlaək niŋ luu kan-taɛ khlaŋ*
 звук странный этот слышать более и более сильный
 ‘Этот странный звук становился все громче’

(12) *mə̀əl-tə̀w* *sroh* *nah*
 взглянуть красивый очень

‘[Еще на нем были надеты черные ботинки с красными чулками до колена], очень красивые’

В языке художественной прозы каузальная номинация сенсорной оценки может включать в свою структуру целую развернутую пропозицию, ориентированную своей предикатной структурой на субъекта оценки, как, например, в следующем предложении, являющемся продолжением фрагмента дискурса, представленного в (12):

(13) *tae* *baə* *krəleek* *mə̀ək* *mə̀əl* *niə̀ŋ-lə̀p-koun-krə̀tom*
 однако если взглянуть на смотреть невеста

mə̀və̀ŋ *kə̀v* *khə̀əp* *thaa* *taeŋ* *khluə̀n* *tuə̀n* *saŋ*
 разок ЧАСТ видеть что и РЕФЛ. ОТР отставать

koun-kə̀mlə̀h *dae*
 жених тоже

‘Невеста же была одета не хуже жениха’

В формальную структуру кхмерской номинации функциональной оценки – утилитарной (*удобный стул*) или технической (*трудный текст*), а также в формальную структуру межличностной оценки (*трудный человек*) также входят предикаты, указывающие на ту функцию, или тот аспект межличностных отношений, которые являются мотивом, основанием оценки. Эти предикаты открывают субъектную валентность, которая, как правило, остается незаполненной на поверхностном уровне. В работе Арутюновой отмечается, что финский логик Фон-Вригт считал, что в функциональную оценку в качестве пресуппозиции входит суждение о пригодности объекта к выполнению определенной задачи. Формальная структура кхмерской номинации содержит эксплицитное

указание на эту пресуппозицию. Тем самым сложная формальная структура кхмерской номинации делает более эксплицитным значение оценочного предиката, устраняя размытость значения, свойственную предикатам оценки. Рассмотрим примеры оценочных номинаций, в состав которых входят предикаты со значением ‘легкий’ и ‘трудный’:

- *sruəl praə* ‘удобный’ (букв. ‘легкий использовать’), например: *kaw?ey phnĕək day nih sruəl praə nah* ‘Этот стул с ручками очень удобный’;
- *sruəl tĕw mĕək* ‘хороший, легкий’ (букв. ‘легкий идти приходиться’), например: *phlĕw sruəl tĕw mĕək* ‘хорошая дорога’;
- *piibaak yĕl* ‘трудный’ (букв. ‘трудный понимать’), например: *attha?bət nih piibaak yĕl* ‘Этот текст трудный’.
- *piibaak phkĕəp* ‘трудный’ (букв. ‘трудный угождать’), например: *srey nih piibaak phkĕəp* ‘Этой женщине трудно угождать’;
- *piibaak prɔdaw* ‘трудный’ (букв. ‘трудный наставлять’), например: *srey nih piibaak prɔdaw* ‘С этой женщиной трудно’

Как видим, в последних двух примерах эксплицируются два разных аспекта межличностных отношений, взятых в качестве мотива оценки объекта одного и того же класса.

Вместе с тем, употребляясь по отношению к таким объектам, как «работа» или «вопрос», оценочные предикаты «легкий» и «трудный» чаще всего не образуют комплексных номинаций, поскольку их содержание в этом случае однозначно выводимо. Сравним примеры:

- *piibaak* ‘трудный’, например: *kaa-ŋiə nih piibaak* ‘Эта работа трудная’;
- *sruəl thvĕə* ‘легкий’ (букв. ‘легкий делать’), например: *kaa sruəl thvĕə* ‘легкая работа’.

В формальной структуре кхмерской производной номинации функциональной оценки субъект второго предиката может быть представлен на поверхностном уровне именной группой, как в следующих примерах:

(14) *kōət miɲ ɲiəu kèe tēək-tsoŋ tēe*
 ЗЕД ОТР легкий ЗМН сотрудничать ОТР
 ‘Он трудный человек’

(15) *viə ciə tɔɲiɲ daəl kèe ɲiibaak ɲiw ciə-miəu*
 ЗЕД СВ человек РЕЛ ЗМН трудный жить вместе
 ‘С ним трудно жить вместе’

В формальную структуру предиката общей оценки «хороший» также могут входить предикаты, открывающие на семантическом уровне субъектную валентность, а именно: сенсорные предикаты или предикаты, указывающие на ту функцию или аспект межличностных отношений, относительно которых дается оценка. Например:

- *lʔv təəl* ‘хороший’ (букв. ‘хороший видеть’);
- *lʔv ciə* ‘хороший, честный, прямой, правильный’ (букв. ‘хороший + быть в хороших отношениях’);
- *lʔv sii* ‘вкусный’ (букв. ‘хороший есть’).

Употребляясь по отношению к объектам специализированных классов, то есть объектов, предназначенных для выполнения определенных функций, предикат общей оценки получает фиксированное содержание и не требует включения в свою формальную структуру других предикатов, например:

(16) *nēək miən seh lʔv*
 2SG иметь лошадь хороший
 ‘У тебя хорошая лошадь’

Субъективирующим формальным моделям оценочных номинаций, рассмотренным выше, то есть моделям, в которых происходит перенос акцента со свойств предмета, существующих объективно, на субъективное восприятие говорящим этих свойств, противостоят объективирующие модели, где оценка апеллирует к одному их классов свойств предмета и где, в соответствии с этим, в формальную структуру номинации входит компонент, эксплицирующий тот аспект объективных свойств предмета, которые служат основанием оценки. Например:

- *cet lʔvʔ // lʔvʔ cet* ‘хороший’, например: *srey nih cet lʔvʔ* ‘Эта женщина очень хорошая’.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
- Погибенко Т.Г., Буй Кхань Тхе. Язык ксингмул. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. – М., 1990.

SUMMARY

Causal, affective, and evaluation semantic types of predicates are common in natural languages. Sentences containing them are characterised by asymmetry of different levels of representation: surface-syntactic, semantic, pragmatic, logical-semantic. This asymmetry implicates a specific morpho-syntax as well as synchronic and diachronic derivation processes typical for them. As it has been shown elsewhere causal and evaluation predicates possess complex semantic structure. They are highly pragmatic and acquire their meaning in the situation of a speech-act. In Mon-Khmer languages the complex semantic structure of these predicates is often reflected in their multiverb formal structure. It suggests that predicates with complex semantic structure may take their origin in multipropositional multiverb constructions which undergo syntactic compression. The report deals with the following matters: 1) models of deriving causal predicates (*interesting*) from affective ones (*to like*) going

back to the causative sentence construction; 2) morpho-syntactic peculiarities of evaluation predicates (*high, new, cold*) in Mon-Khmer languages; 3) types of multiverb nominations of sensory evaluation predicates and predicates of functional and interpersonal evaluation (*difficult, comfortable, hard*).

Л.Ш. Рахимбекова, г. Москва

К ВОПРОСУ О ДИВЕРГЕНТНОМ УДВОЕНИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПУТУНХУА)

В современном китайском языке путунхуа, как и в ряде других языков Восточной и Юго-Восточной Азии, одним из активных способов формо- и словообразования является удвоение или повтор. Хотя слова-повторы представлены практически во всех языках, в том числе флективных, типология китайского языка как языка изолирующего типа предопределяет их несомненно большую продуктивность как в сфере морфолого-синтаксической, так и в сферах средств стилистических и выразительных.

Проводя дифференциацию внутри множества повторов в китайском языке, можно отметить, что у одних повторов компоненты, составляющие суть их, абсолютно идентичны (имеет место нулевая дифференциация); у других – компоненты обнаруживают количественную дифференциацию (т.е. наращивание одного из компонентов за счет инфикса или словообразовательного суффикса) и, наконец, у третьих, которые и представляют собой чистые дивергентные повторы в китайском языке и на которых мы остановимся здесь подробнее, – компоненты обладают качественной дифференциацией (т.е. присутствуют фонетические различия).

Дивергентные повторы в китайском языке представляют собой две разновидности: 1) повторы, в которых качественное различие между компонентами заключается в чередованиях инициалей при сохранении одной и той же финали; такие повторы можно назвать рифмующимися или вокалическими; 2) повторы, компоненты которых отличаются друг от друга слогообразующими гласными при сохранении одной и той же инициали; такие повторы можно назвать аблаутивными или аллитерирующими.

Теория дивергентного удвоения гораздо лучше разработана для монххмерских, вьетнамского и некоторых других языков Юго-Восточной Азии. В работах лингвистов обычно отмечается, что в китайском языке дивергентное удвоение представлено слабо. Действительно, в вышеназванных языках структура слога отличается большим, по сравнению с китайским языком, разнообразием, соответственно и дивергентных повторов в них гораздо больше. Тем не менее, строго говоря, дивергентное удвоение в китайском языке, как и в других тоновых языках, включает не только фонетические изменения, выражаемые прежде всего в чередованиях инициалей и финалей, но также и тональные изменения. В этом свете большинство повторов с качественной семантикой в путунхуа можно отнести к дивергентным повторам, так как в них имеет место замена в повторенной части этимологического тона на первый тон. Например, в качественных повторах модели AA (小小的 *xiǎoxiǎode* – малюсенький, 慢慢地 *mànmànde* – медленно) редупликатор сохраняет те же инициаль и финаль, что и у редупликанта, но тональный рисунок меняется. Даже в тех случаях, когда у редупликанта этимологический тон – первый (酸酸的 *suānsuānde* – кислый-кислый), и редупликатор внешне полностью тождествен редупликанту, видимо, также можно говорить о дивергентном удвоении, так как здесь тоновые совпадения чисто случайны, не затрагивают общей для повторов-прилагательных модели AA в путунхуа закономерности

изменения вторым компонентом своего этимологического тона на первый тон.

Дивергентные повторы в китайском языке можно разделить на три модели:

1) Модель $C^1V^1-C^2V^1$ (здесь и далее: C – инициаль, V – финаль) – вокалические повторы. Это повтор односложной звукоподражательной морфемы, при котором в редупликаторе имеет место чередование инициали при сохранении слогаобразующего гласного: 呼噜 *hūlū*¹ (храт, клокотать), 当啷 *dānglāng* (лязг, лязгать), 咕噜 *gūlū* (урчать, грохот), 呱嗒 *guādā* (бац, бах), 丁零 *dīnglíng* (звон). Подавляющее большинство односложных звукоподражательных морфем в китайском языке произносятся первым тоном, в повторах этой модели второй компонент также произносится первым тоном.

Среди вокалических повторов встречаются такие, которые, на первый взгляд, выпадают из схемы, поскольку финали первого и второго слогов не совпадают, например: 呱嗒 *guādā* (бац, бах) и 哗啦 *huālā* (звукоподражание шуму, лязгу, плеску). Однако этому явлению есть объяснение: система слогов путунхуа строго ограничена, и сочетания некоторых инициалей с определенными финалями просто исключены. Так, в наших примерах: невозможно сочетание инициали *l* с финалью *ua*, поэтому *lua* трансформируется в *la*, и повтор произносится как *huālā* (звукоподражание шуму, лязгу, плеску); в системе китайских слогов также невозможно сочетание инициали *d* с финалью *ua*, поэтому повтор имеет форму *guādā* (бац, бах).

Анализируя чередования инициалей китайских вокалических повторов, следует отметить, что некоторые из них как бы тяготеют к определенному “напарнику”, например, начальный *d* часто чередуется с *l*, начальный *g* часто чередуется с *d*. Также можно отметить, что во втором, повторенном, слого в качестве инициали наиболее часто встречается *l*. В целом относительно чередований инициалей в повторах можно констатировать, что одни начальные

согласные чередуются довольно часто (*g, d, l*), другие – довольно редко (*k, t*).

2) Модель $C^1V^1-C^1V^2$ – аллитерирующие повторы. Это повтор односложной звукоподражательной морфемы, при котором в редупликаторе имеет место чередование финали при сохранении начального согласного исходной морфемы (редуликанта). Эти повторы также в большинстве своем произносятся первым тоном: 噼啪 *pīpā* (трескотня, звукоподражание выстрелам), 乒乓 *pīngpāng* (звукоподражание стуку), 叮当 *dīngdāng* (бряканье, лязганье), 叮咚 *dīngdōng* (звякать, звенеть, звукоподражание музыкальным инструментам).

В этих повторах также можно выделить определенные закономерности: в роли V^1 (финаль редуликанта), как правило, выступают финали *u* или *ying*. Таким образом, здесь также можно говорить о том, что частота разных финалей, фигурирующих в дивергентных повторах, не одинакова. Слоги с такими финалями, как *yi/ying*, дают наибольшее количество аллитерирующих повторов. В целом, можно отметить, что аллитерирующие повторы в путунхуа более редки по сравнению с вокалическими (рифмующимися) повторами.

3) Модель $C^1V^1-C^2V^1-C^1V^2-C^2V^2$ – четырехсложный дивергентный повтор, представляющий собой как бы соединение двух вокалических повторов. Эта довольно незначительная по количеству группа слов с двойным повтором занимает особое место среди звукоподражательных повторов. Эту модель можно назвать своеобразным сцеплением, где совпадают финали первых двух, а затем третьего и четвертого слогов, совпадают инициалы первого и третьего, а затем второго и четвертого слогов. Например:

大家劈里啪啦地鼓起掌来。Dàjiā pīlipālāde g qī zhǎng lai. – Все бурно захлопали в ладоши (劈里啪啦 pīlipālā – грохот).

听到他们在屋子里叽里咕噜地讲话声。Tīngdào tāmen zài wūzili jīlígūlūde jiǎnghuàshēng. – Из комнаты доносился их глухой и неразборчивый говор (叽里咕噜 jīlígūlū – шушукаться, неразборчивая речь).

锁链丁零当啷地做响。Su liàn dīnglíngdānglāngde zuò xiǎng. – Раздался лязг цепей (丁零当啷 dīnglíngdānglāng – звон, звяканье).

他讲起话来叽里呱啦的。Tā jiǎngqi huàlai jīlígūālāde. – Когда он разговаривает, то так и сыплет словами (叽里呱啦 jīlígūālā – речь скороговоркой).

滴里嘟噜地讲个不停。Dīlídūlūde jiǎngde bùtíng. – Тараторит без конца (滴里嘟噜 dīlídūlū – речь скороговоркой).

Первый, третий и четвертый слоги в повторах этой модели произносятся первым тоном, второй слог – нейтральным тоном, но при необходимости акцентуации второй слог также произносится первым тоном.

При изучении звукоподражательных повторов данной структуры можно выделить определенные закономерности в чередованиях инициалей и финалей: в первых двух слогах (C^1V^1 и C^2V^1), представляющих собой вокалический повтор, неизменяемой финалью (V^1) выступают обычно *yí* или *yíng*; во втором и четвертом слогах (C^2V^1 и C^2V^2) повторяющейся инициалью чаще всего выступает *l*. Встречающиеся нарушения принципа построения данной структуры идентичны “нарушениям” в названных выше моделях $C^1V^1-C^2V^1$ и $C^1V^1-C^1V^2$:

а) Несовпадение инициалей первого и третьего слогов. Для примера возьмем повтор 叽里咕噜 *jīlígūlū* (шушукаться, неразборчивые звуки), где инициалью первого слога является *j*, а инициалью третьего слога является *g*. Несовпадение инициалей происходит по причине того, что в путунхуа невозможно сочетание инициали *g* с финалью *yí*. Именно поэтому в первом слоге происходит замена *g* на *j*.

б) Несовпадение финалей третьего и четвертого слогов. Для примера возьмем повтор 叽里呱啦 *jīlǐguālā* (сыпаться словами), где финалью третьего слога является *ua*, а финалью четвертого слога является *a*. Объяснение то же самое – в системе слогов путунхуа не существует слога *lua*, именно поэтому *lua* трансформируется в *la*, таким образом, и тут разница в финалях третьего и четвертого слогов есть лишь видимость.

Таким образом, можно констатировать, что дивергентное удвоение прочно занимает свое место среди повторов китайского языка. Разные виды дивергентных повторов сопровождают определенные фонетические изменения, некоторые из которых были упомянуты выше. Все выявленные модели дивергентных повторов ($C^1V^1-C^2V^1$, $C^1V^1-C^1V^2$ и $C^1V^1-C^2V^1-C^1V^2-C^2V^2$) относятся к звукоподражательным повторам, т.е. являются повторами-ономатопеями, на базе которых, очевидно, и реализуется в основном дивергентное удвоение в китайском языке (путунхуа).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примеры дивергентных повторов взяты из “汉俄词典 (Китайско-русский словарь)”. – Пекин, 1990 и “现代汉语词典.修订本 (Словарь современного китайского языка. Исправленное издание)”. – Пекин, 2000.

SUMMARY

The paper reviews the structure of the divergent reduplicative words in modern Mandarin Chinese. The latter are divided into three groups: 1) rhyming type (where the alternations of the initial consonants take place); 2) alliterating type (where the alternations of the finals i.e. vowels or the final consonants together with the previous vowels take place); 3) tetrasyllabic divergent reduplicative words which represent the combination of two disyllabic rhyming reduplicatives. The paper marks some special rules of the initials/finals' alternations. The divergent reduplicative words formed in this way in modern Mandarin Chinese mostly belong to onomatopoeics and ideophones.

ВОСПРИЯТИЕ ИНТОНАЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО СТРОЯ

(На материале психолингвистического эксперимента)

В имеющихся работах по китайской интонации (равно как и по другим языкам), до сих пор не были экспериментально исследованы два ее аспекта, а именно: аспект универсальный и аспект типологический. В то же время, в работах исследователей неоднократно отмечалась важность изучения универсального и специфического в интонации звучащей речи (М.К.Румянцев, С.С.Хромов), особенно проведения аудиторского и электроакустического анализа. “Сами интонации в глубинной своей сущности универсальны как по своим значениям, так и по артикуляторным и акустическим признакам, выражающим эти значения” [Румянцев 1997, с. 30]. С целью выявления универсальных и типологических черт языков различного морфолого-синтаксического типа, которые интонация может передавать вне зависимости от лексико-синтаксического состава того или иного языка (в данном случае русского и китайского), нами был проведен специальный психолингвистический эксперимент.

Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе был записан на магнитофонную ленту материал эксперимента. Этот материал был составлен из фраз на китайском языке, прочитанных: а) с интонацией основных коммуникативных типов; б) с различной модальной и эмоциональной интонацией.

Поскольку интонация – это лишь одна из сторон языка, которая находится в неразрывной связи с грамматикой, лексикой и другими сторонами языка, то и фразы, составляющие экспериментальный материал, являются типичными для китайского языка, построенными

по его грамматическим законам и произнесенными с соблюдением фонетических правил китайского языка. В соответствии с целями исследования экспериментальный материал делится на пять частей: односоставные простые односложные фразы; двусложные фразы; многосложные фразы (каждая из одного слова); простые двусоставные нераспространенные и простые двусоставные распространенные фразы.

Экспериментальный материал составлялся на следующих принципах. За основу была взята интонация основных коммуникативных типов фраз: утверждение, вопрос, побуждение. При этом мы исходим из постулата о том, что “интонация коммуникативных типов фраз является базисной, исходной, а за счет модификаций их акустического наполнения реализуются все другие значения”. [Румянцев 1997, с. 30-31].

“В пределах одного языка акустические структуры, ассоциирующиеся с различными типами утверждений, вопросов, побуждений, завершенностей, незавершенностей, состоят не только из характеристик, различающих эти структуры, но и признаков, их объединяющих”. [Румянцев 1972, с. 80].

Каждая фраза была произнесена как тот или иной коммуникативный тип. Некоторые из фраз имели нейтральную интонацию, некоторые же – модальную и эмоциональную. Всего было записано 48 односложных фраз, 22 двусложных, 16 многосложных простых односоставных, 21 простая двусоставная нераспространенная и 16 моделей простых двусоставных распространенных фраз.

Мы сочли необходимым включить в экспериментальный материал поэтапно односложные фразы разных типов слогов, составленные из слов, произносящихся всеми четырьмя основными исходными тонами китайского языка (имеются в виду четыре тона,

составляющие фонетическую основу китайского литературного языка путунхуа).

Что касается двусоставных простых распространенных фраз, то для них была избрана схема: подлежащее – сказуемое – дополнение, которая является типичной и распространенной в китайском языке.

Составленные по указанным принципам фразы были произнесены с утвердительной, вопросительной либо побудительной интонацией не в списочном порядке (в свободном порядке). Часть из них была произнесена с модальными и эмоциональными интонациями. В совокупности на магнитофонную пленку было записано (в произнесении двух дикторов) 123 фразы, из них 50 – общий “интонационный” вопрос (а также вопросительные предложения с вопросительными частицами и служебными словами), 46 утверждений, 27 побудительных фраз.

Запись экспериментального материала.

1. Фразы, составляющие экспериментальный материал, были включены в составленные экспериментатором контексты, диктовавшие произнесение той или иной фразы с нужной интонацией. С целью проверки типичности и нормативности экспериментального материала для современного литературного китайского языка, весь материал был просмотрен и оценен аудиторами, для которых китайский язык является родным.

2. Дикторы. Для записи материала были приглашены студенты филологического факультета Московского государственного университета дружбы народов:

Диктор Яо Яфэнь – китаянка, 20 лет, родилась в г. Хух-хото, Внутренняя Монголия (КНР), училась в г. Пекине. В России живет около 1,5 лет.

Диктор Су Тао – китаец, 20 лет, родился в г. Чанша (пров. Хунань). В России около 1,5 лет. Оба диктора обладают правильным

литературным произношением. Экспериментальные фразы были прочитаны дикторами с достаточно яркими китайскими интонациями.

Слуховой анализ. Аудиторы.

Слуховой анализ имел своей целью выяснение возможностей восприятия китайских интонаций основных коммуникативных типов фраз и эмоционально окрашенных интонаций носителями русского языка, не владеющими китайским языком. Были приглашены аудиторы (10 человек, в основном – студенты и аспиранты российских вузов), для которых русский язык является родным, при этом главным условием было то, что среди auditors не было лиц, владеющих в какой-либо степени китайским языком, либо прежде часто слышавших китайскую речь.

Была составлена анкета слухового анализа. Аудиторам предлагалось:

- 1) определить коммуникативный тип фразы (утверждение, вопрос, побуждение);
- 2) определить эмоциональный оттенок фразы (если таковой имеется), либо (при отсутствии таковой) указать на нейтральность интонации данной фразы.

Аудиторский анализ строился следующим образом. На первом этапе аудиторам были разъяснены цели и задачи эксперимента. Аудиторы были также предупреждены, что им будут предъявлены фразы на языке, который они не знают и не изучали ранее. Аудиторы были также осведомлены, что речевые стимулы предъявлялись не в списочном, а в свободном порядке.

Каждая фраза прослушивалась аудиторам отдельно, после чего им предлагалось ответить на вопросы анкеты.

Общий вывод по результатам эксперимента (аудиторский анализ)

1. Интонация основных коммуникативных типов фраз.

На основании данных эксперимента можно сделать вывод об идентификации аудиторами с той или иной степенью уверенности интонации основных коммуникативных типов фраз китайского языка, что свидетельствует об общем физиологическом и психоэмоциональном базисе, на основе которого строится реализация интонации носителями языков разного строя, и подтверждает гипотезу о наличии интонационных универсалий в языках различного морфолого-синтаксического строя, каковыми являются русский и китайский языки. Однако следует заметить, что общий процент идентификации основных коммуникативных типов фраз у каждого аудитора различен – самый высокий общий процент распознавания составил 69,1%, что составляет 85 правильно идентифицированных фраз (из 123-х), наиболее низкий общий процент у одного из аудиторов составил 47,2%, что составляет 58 правильно идентифицированных фраз (из 123-х).

Средний процент идентификации всех аудиторов составляет около 57,5%.

Лучший процент опознаваемости дают утвердительные фразы: из 46 фраз с утвердительной интонацией 18 были однозначно оценены всеми участниками как утвердительные, а оставшиеся оценивались: а) как побудительные, б) как вопросительные, что особенно заметно на материале односложных предложений.

На втором месте находится интонационный вопрос: из 44 фраз с интонационным вопросом 15 были однозначно оценены почти всеми аудиторами как вопросительные, остальные – с большей или меньшей вероятностью оценивались как вопросительные, либо как побудительные. Ошибки возникали при оценке вопросов с лексико-грамматическими показателями вопросительности, которые

оценивались в некоторых случаях как утвердительные. Однако в случаях, когда этому виду вопросов сопутствовало заметное повышение частоты основного тона, они уверенно оценивались аудитором как вопросительные. Таким образом, здесь подтверждается предположение, сделанное С.С. Хромовым после проведения эксперимента по распознаванию интонаций основных коммуникативных типов фраз на материале языков суахили, хауса, йоруба, дуала, кияка, вьетнамского и турецкого о том, что “восприятие интонации общего вопроса на незнакомом языке может зависеть от универсальности интонации коммуникативного стимула... а также от того, какой вариант был представлен (сильный или слабый)” [Хромов 2000, с.125]. Это также подтверждается и экспериментально-фонетическим исследованием З.Л. Григоровой, выполненным на материале интонации вопроса в китайском языке: «именно интонация является универсальным средством выделения вопросительного предиката в китайском предложении». [Григорова 1968].

Только 5 из 27 побудительных фраз были уверенно распознаны большинством аудиторов, в основном это касалось интонаций категоричного требования или приказа. Однако затруднения или неуверенность при распознавании побудительных интонаций аудиторы высказали лишь в 3-х случаях, в остальных ошибочных ответах аудиторы просто относили фразу к другому коммуникативному типу.

2. Идентификация эмоциональных интонаций.

При подготовке материала данной части эксперимента мы основывались на постулате М.К. Румянцева об универсальности и самодостаточности эмоциональной интонации в языке. “Универсальный аспект их (эмоций) физического выражения в интонации, – пишет М.К. Румянцев, – диктуется не только общей психофизиологической основой человеческих эмоций, но и общей

глубинной семантикой коммуникативных единиц человеческого языка, выражающего те или иные эмоции” [Румянцев 1997, с. 31]. Таким образом, запись материала эмоциональных интонаций производилась с учетом универсальных черт отличия эмоциональных интонаций от неэмоциональных в любом языке, а именно: более высокий регистр голоса, большой перепад основного тона, сильные амплитудные нажимы и т.д., одним словом, то, что “применительно к эмотивным интонациям первостепенную роль играют тембровые факторы” [Румянцев 1997, с. 32].

Действительно, даже в тех случаях, когда аудиторы затруднялись определить эмоциональный оттенок фразы, они в большинстве случаев могли указать на его присутствие в интонации фразы.

Из основных эмоций, включенных в эксперимент (удивление, страх, гнев, радость, печаль) безошибочно распознавалось только удивление, в других же случаях, как правило, назывались эмоциональные состояния одной группы, (напр., «раздражение» или «гнев» и т.д.) Нередки, однако, были случаи ошибочного распознавания. Так, например, некоторыми аудиторами ошибочно принимались за эмоциональный оттенок индивидуальные особенности голоса данного диктора.

Таковы общие результаты эксперимента. Следует заметить, что данные эксперимента нуждаются в электроакустическом анализе и сопоставлении его результатов с результатами аудиторского анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Румянцев М.К.* Эмоциональные интонации в языках разной типологии // Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. 17 – 20 сентября 1997 г. – М., 1997. – С. 29–33.

Румянцев М.К. Тон и интонация в современном китайском языке.(экспериментальное исследование). Автореферат дис... докт. филол. наук. – М., 1968.

Хромов С.С. Интонация в системе языка и проблемы методического прогнозирования. – М., 2000. – С. 125.

Григорова З.Л. Интонация вопросительных предложений в современном китайском языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. дис. ...канд. фил.наук. – М., 1968.

М.Б. Рукодельникова, г. Москва

К ПРОБЛЕМЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПОВТОРОВ В КИТАЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

1. В практической грамматике китайского языка хорошо известно правило, что между сказуемым и постпозитивным обстоятельством длительности, кратности, результата и т.п. не может стоять никакой другой член предложения. Поэтому, если сказуемое требует прямого дополнения (даже если оно образует с последним единую лексему, например, *xian* ‘курить’ (вдыхать дым) или *chifan* ‘есть’ (есть рис)), то сказуемое должно дублироваться.

То есть, схема подобных предложений (например, см. работу [Ч. Ли, С. Томпсон 1981, с.442-450]) такова:

(Subject)-Verb-Direct Object-Verb-Adverbial element.

(1) *Ta chi fan* Он ест (рис).

Ta chi fan chi le liang ge zhongtou.

Он есть рис есть сов.в. два клф. час

Он ел два часа.

ОДНАКО: *Ta chile fan liang ge zhong tou.**

(2) *Ta qi ma.* Он едет на лошади.

Ta qi ma qi de hen lei.

Он ехать конь ехать ДЭ очень устать

Он наездился на лошади (так, что устал).

ОДНАКО: *Ta qi ma de hen lei.**

(3) *Ta gua maozi.* Он вешает шапку.

Ta gua maozi gua zai yi jiazi shang.

Он вешать шапка вешать на одежда вешалка на

Он повесил шапку на вешалку.

ОДНАКО: *Ta gua maozi zai yi jiazi shang.**

(4) *Women zou lu.* Мы идем (шагаем).

Women zou lu zou dao cheng li le.

Мы идти дорога идти достичь город в PST

Мы пришли в город.

ОДНАКО: *Women zou lu dao cheng li le.**

(5) *Ta pao malasong pao le liang ci.*

Он бежать марафон бежать PST 2 раз

Он дважды бегал марафон.

ОДНАКО: *Ta pao malasong liang ci.**

(6) *Ta tui che tui le 3 ge zhongtou.*

Он толкать машина толкать PST 3 clf час

Он толкал машину 3 часа.

ОДНАКО: *Ta tui che 3 ge zhongtou.**

2. Однако, в ряде случаев дублирования глагола-сказуемого может и не быть. Так, в предложениях с обстоятельством длительности и определенным типом прямого объекта (референциальный, одушевленный или известный слушающему) предпочтение будет отдано другому способу построения предложения:

(7) Wo chi le 3 ge zhongtou de fan.
Я есть PST 3 clf. час ДЭ рис

Я ел три часа. (букв. съел трехчасовую еду)

ОДНАКО: Wo chi le fan 3 ge zhong tou.*

3. Рассмотрим примеры, в которых повтор глагола-сказуемого невозможен.

(8) Takan wo liang ci.

Он смотреть я два раз

Он дважды видел меня. (Пример из работы Ч. Ли и С. Томпсон).

(9) Tahui jia 5 ci.

Он вернуться семья 5 раз

Он возвращался домой 5 раз.

ОДНАКО: Ta hui jia huile 5 ci.*

(10) Wo zai fang li 3 ge zhongtou.

Я нах-ся дом внутри 3 clf час

Я находился дома 3 часа.

ОДНАКО: Wo zai fang li zai le 3 ge zhongtou.*

(11) Ta chi wan fan chi wan 3 ge zhongtou le.(?)*

Он есть закончить рис есть закончить 3 clf час PST

Он за 3 часа поел.

Таким образом, можно говорить о том, что, с одной стороны, существуют формальные правила построения предложений с прямым дополнением и обстоятельством в постпозиции, а, с другой стороны, семантика глагола-сказуемого также накладывает определенные ограничения на структуру предложения в целом. Если в роли сказуемого выступает глагол с аргументной структурой (далее термины Ли, Томпсон) [агент, тема] (см. примеры 5 и 6), то повтор глагола обязателен. Если же это глаголы с иной аргументной

структурой – [агент, пациент] (пример 8), [агент, локатив] (пример 9) или [тема, локатив] (пример 10), то повтор не нужен.

Ситуация же в подобных предложениях со сложными результативными конструкциями с глагольными компонентами требует отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Li Ch.N., Thompson S.A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. – Berkley, 1981.

Tai, H.-Y. James. Toward a Cognition-Based Functional Grammar of Chinese // Functionalism and Chinese Grammar. Monograph Series №1, Chinese Language Teachers Association 1989.

Задоенко Т.П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. – М., 2002.

В.А. Савуляк, г. Владивосток

ПРОБЛЕМА АВТОМАТИЧЕСКОЙ СЕГМЕНТАЦИИ КИТАЙСКОГО ТЕКСТА

Любая программа для работы с текстом должна обладать следующими основными функциями: возможность ввода текста, его отображение, возможность его редактирования и вывода (например, на принтер или в файл). Однако развитие компьютерных технологий предъявляет более высокие требования к программам работы с текстом. Современные программы уже могут, более или менее успешно, проверять орфографию и грамматику, автоматически создавать автореферат текста, осуществлять машинный перевод с одного языка на другой, а для китайского языка еще и конвертировать традиционный вариант написания иероглифов в упрощенный и наоборот. Кроме того, в последние годы активно развивается такой раздел прикладной лингвистики, как корпусная лингвистика, методы которой основываются на анализе огромных

массивов электронных текстов, или корпусов. Сюда же входит и создание конкордансов, то есть списка (или словаря) всех слов, встречающихся в тексте, с указанием места, контекста употребления [2]. Например, уже составлен конкорданс произведений Шекспира и многих других авторов.

Одной из базовых единиц при обработке текста в вышеперечисленных случаях является слово. При компьютерной обработке или анализе китайского текста возникает проблема, которая заключается в том, что слова в китайском печатном тексте никак не отделены друг от друга. Именно поэтому автоматическая сегментация китайского текста является базовой функцией, обеспечивающей возможность работы вышеупомянутых программ.

Слово является минимальной значимой единицей языка, способной самостоятельно функционировать в языке [3, 268]. Китайский текст представляет собой цепочку знаков или морфем, ничем не отграниченных друг от друга, кроме знаков препинания. Поэтому, прежде чем производить дальнейший автоматический анализ или обработку текста, необходимо превратить цепочку знаков в цепочку слов, разграниченных между собой. Однако в процессе сегментации текста на слова, иначе говоря, распознавания слов в тексте, возникает ряд проблем.

Сегментация китайского текста – это процесс автоматического распознавания компьютером границ слова в тексте. С точки зрения компьютерного процесса, на входе компьютерной программы сегментации находится цепочка иероглифов ($C1C2C3.....Cn$), а на выходе должна получиться цепочка из слов ($W1W2W3.....Wm$). Причем под словом (W) понимаются как односложные слова, то есть записанные одним иероглифом, так и многосложные, записанные двумя и более иероглифами. Какие же ключевые проблемы возникают в данном процессе?

Прежде всего, это проблема границ китайского слова. Следует отметить, что в китайском языкознании проблема границ китайского слова не имеет однозначного решения. Между морфемами и односложными словами, с одной стороны, и сложными

словами и словосочетаниями, с другой стороны, нет четко выраженных границ. Во-первых, в китайском языке в абсолютном большинстве случаев слог совпадает с морфемой и записывается одним иероглифом. При этом большинство иероглифов могут записывать односложные слова или часть сложного слова. Во-вторых, многосложные слова в китайском языке очень часто образуются по тем же моделям, что и словосочетания, поэтому бывает трудно отделить сложные слова от словосочетаний.

Основной же метод сегментации заключается в сравнении цепочки иероглифов со словами, находящимися в специальной базе данных, представляющей собой заранее составленный словарь. Поэтому при создании систем сегментаций китайского текста прежде всего возникает проблема: какие словарные элементы включить в базу данных словаря. Так, например, в большинство словарей китайского языка входят образования, представляющие собой сочетание глагола и результивной морфемы: 听见 tīng+jīan «слышать», 看见 kàn+jīan «видеть»; но не входит такое образование как 听见 wén+jīan «слышать (звук), чутя (запах)».

Отсутствие надежного критерия отбора словарных элементов базы данных для системы автоматической сегментации китайского текста является важнейшей проблемой при создании таких систем.

Второй ключевой проблемой является проблема неоднозначности сегментации. Предположим, что программа сравнивает цепочку из иероглифов ABC со словарными единицами из базы данных и находит в словаре следующие единицы: A, AB, B, BC, C. То есть возможными вариантами сегментации данной цепочки будут:

A/B/C

1) A/BC

2) AB/C

Чаще всего выделяют два вида неоднозначной сегментации:

1. Перекрещивание (交集型).

Предположим, что А, В и С – это элементы цепочки, состоящие из одного (иногда двух и более) знака каждый. При сопоставлении со словарной базой данных обнаруживается, что существуют следующие слова, записываемые этими иероглифами: А, АВ, ВС, С. Возможными вариантами сегментации в таком случае будут: АВ/С и А/ВС. Элемент В является общим для слов АВ и ВС, на нем происходит перекрещивание вариантов сегментации. Например: без синтаксического и семантического анализа цепочку 体现在 можно сегментировать и как 体现/在, и как 体/现在. Неоднозначность сегментации такого типа составляет более 85% всех случаев неоднозначной сегментации.

2. Объединение (组合型).

При неоднозначной сегментации такого типа цепочка АВ может трактоваться, как АВ и, как А/В. Например, сочетанием иероглифов 才 cái + 能 néng может записываться слово 才能 «способности» и сочетание слов «только» + «может». Вот еще несколько возможных цепочек такого типа: 将来, 把手, 十分, 个人, 马上, 学会 и др. [4; 5; 6].

Поскольку нередко в одной цепочке могут сочетаться признаки обоих видов, иногда еще выделяют смешанный вид (混合型) [6].

И, наконец, третьей ключевой проблемой является распознавание слов, не включенных в словарную базу данных. Далеко не всегда та сегментированная единица, которую мы получим после сегментации текста, должна совпадать с одной из словарных единиц базы данных. С одной стороны, язык непрерывно развивается и изменяется, постоянно появляются новые слова. С другой стороны, ни в одну базу данных невозможно включить все возможные производные формы слова и сочетания знаков, представляющие собой имена собственные, включая транскрипцию иноязычных имен. Следовательно, система сегментации должна обладать функцией определенного морфологического анализа, в том числе должна уметь

распознавать специфические морфологические построения. Например, такие явления как редупликация и инфиксация.

Перечислим основные способы решения вышеописанных проблем, возникающих в процессе сегментации.

Сегментация на основе словарной базы данных – метод максимального соответствия. Наиболее простым и широко используемым способом автоматической сегментации китайского текста является метод нахождения в базе данных эквивалента максимальной длины или алгоритм максимального соответствия (Maximum Matching Method, 最大匹配法) [1; 4; 5]. Этот способ сегментации основан на следующем принципе: наиболее длинное слово из всех возможных вариантов является наиболее верным вариантом. Суть принципа заключается в том, что чем длиннее комбинация иероглифов, тем реже она встречается, и если такая комбинация встретилась, то вероятнее всего она и является наиболее верным вариантом при сегментации. Этот метод прост в программном осуществлении и кроме наличия словарной базы данных не нуждается в применении морфологического, синтаксического, семантического или иного анализа. Однако, хотя точность сегментации при использовании такого метода достигает 95,422% [5], полностью избежать ошибок не удастся.

Сегментация на основе статистического анализа. При этом методе сегментации вначале осуществляется поиск в словаре всех возможных вариантов слов, а затем при помощи языковой статистической модели и определенного алгоритма выбирается наиболее вероятный вариант сегментации. Преимуществом данного метода является определение на первом этапе всех возможных вариантов сегментации. Однако эффективность этого метода в огромной степени зависит от точности языковой статистической модели и от алгоритма выбора варианта сегментации. Данный метод нуждается в языковой базе данных с соответствующими статисти-

ческими отметками. Точность метода может достигать 96,252%, но скорость обработки несколько ниже, чем в первом случае [5].

Комплексная сегментация на основе статистического анализа и определенных правил. На первом этапе этого метода применяется алгоритм максимального соответствия, производится первоначальная сегментация. Затем осуществляется глубокий анализ полученных сегментов текста для выявления неоднозначных вариантов сегментации. После этого при помощи статистических данных и определенных правил производится окончательная сегментация. При этом используется ряд различных правил для распознавания имен собственных и морфологические правила для распознавания сложных слов и производных форм слова.

Такие комплексные методы сегментации позволяют эффективно устранить перекрестную неоднозначность сегментации слов (когда знак может являться и частью предыдущего слова, и частью последующего слова), распознать в тексте имена собственные, редуцированные глаголы и прилагательные, производные и аффиксальные формы слов. Точность сегментации таких методов может достигать 97,948% [5] и даже более 98% [1].

Одна из наиболее совершенных на данный момент систем сегментации текста WB2000 была разработана Китайским центром исследований и развития компании Майкрософт [5]. Эта система нашла свое применение в китайской версии популярного пакета программ Office 2000. Благодаря этой системе стало возможно:

1. Осуществление поиска ошибок в тексте. Например: случайный ввод двух одинаковых иероглифов подряд, случайный пропуск иероглифа, неверный выбор иероглифа и др.

2. Автоматическое преобразование упрощенных вариантов написания иероглифов в сложные и наоборот.

Некоторые упрощенные иероглифы могут иметь два или более сложных варианта написания. Например: упрощенному знаку 发 соответствуют два сложных знака: 發 fā «испускать, отправлять,

стрелять, обнаруживать ...» и 髮 fà «волосы». Кроме этого, поскольку упрощенные иероглифы используются в КНР, а сложные на Тайване и в Гонконге, где существуют свои языковые традиции, есть ряд понятий, чаще всего терминов, которые записываются разными иероглифами: 逻辑地址 luójí dìzhǐ и 邏輯位址 luójí wèizhǐ «логический адрес».

Система преобразования простых иероглифов в сложные, используя модуль сегментации, делит текст на слова, а затем исходя из полученного слова и контекста его употребления производит преобразование иероглифов, которыми записано данное слово. Например:

迅速发展的计算机技术。→ 迅速發展的電腦技術。- Стремительно развивающиеся компьютерные технологии.

她有一头黑亮的头发。→ 她有一頭黑亮的頭髮。- У нее черные блестящие волосы.

Выделение слов в тексте.

Если при помощи мыши навести курсор на любое слово в русском тексте и два раза подряд нажать левую клавишу мыши, то данное слово будет выделено черным прямоугольником. Благодаря системе сегментации текста реализованной в китайской версии MS Word 2000 такая возможность появилась и для выделения слов в китайском тексте, в котором отсутствуют пробелы между словами: 汉语分词是中文信息处理的基础。

1. Добавление фонетической транскрипции над иероглифическим текстом.

В программе MS Word 2000 имеется удобная функция, позволяющая добавлять транскрипцию с указанием тона над иероглифическим текстом. Но некоторые письменные знаки китайского языка могут иметь два и более варианта чтения. Поэтому прежде чем выбрать нужный вариант чтения, нужно произвести сегментацию текста и определить, в каких словах используется

морфема, записываемая данным знаком, или в каком контексте употребляется односложное слово. Например: 重 zhòng «тяжелый» и 重 chóng «повторять» в словах 重要 zhòngyào «важный» и 重新 chóngxīn «вновь, снова» или в словосочетаниях 很重 hěn zhòng «очень тяжелый» и 重作 chóng zuò «сделать заново».

Сегментация текста является основой систем автоматической обработки китайского текста и имеет чрезвычайно широкое практическое применение. Однако ни одна из существующих в настоящее время программ для сегментации не способна сегментировать текст со стопроцентной точностью. Поэтому необходимо осуществление дальнейших исследований в этой сфере и с лингвистической точки зрения (определение границ китайского слова, исследования в области словообразования и морфологии, составление словарных баз данных, статистические подсчеты), и с точки зрения разработки более совершенных алгоритмов устранения неоднозначной сегментации. В связи с чем данная тема представляется чрезвычайно перспективной как в теоретическом, так и в практическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tsai, Chih-Hao. MMSEG: A Word Identification System for Mandarin Chinese Text Based on Two Variants of the Maximum Matching Algorithm [WWW document].
2. What is a corpus? What is corpus linguistics? [WWW document]. URL
黄伯荣、廖序东 现代汉语。上册 // 北京高等教育出版社
3. Хуан Божун, Ляо Сюйдун. Современный китайский язык. 1-й том. – Пекин, 1994. – 363 с.
黄昌宁 中文信息处理中的分词问题 // 语言文字应用
4. Хуан Чаннин. Проблемы сегментации текста при обработке (электронной) информации на китайском языке // Прикладная лингвистика, – 1997. – № 1. – С. 72-78.
李东、张湘辉 汉语分词在中文软件中的广泛应用

5. *Ли Дун, Чжан Сянхуэй*. Применение сегментации китайского текста в программах на китайском языке. [WWW document]. URL *侯敏、孙建军 汉语自动分词中的歧义问题 // 语言文字应用*
6. *Хоу Минь, Сунь Цзяньцзюнь*. Проблема неоднозначности при автоматической сегментации китайского текста. // *Прикладная лингвистика*, – 1996. – № 1. – С. 68-72.

SUMMARY

A problem in computational analysis of Chinese text is that there are no word boundaries in printed text. But the word is a fundamental linguistic unit, and it is necessary to identify words in Chinese text so that further analyses can be performed. Segmentation of text is a basis of Chinese text processing systems and has extremely wide practical application.

The article describes main problems which arise during segmentation of the Chinese text, methods of segmentation and some examples of practical application of text segmentation systems.

А.Л. Семенов, г. Москва

О ГОНКОНГСКОМ СЛОВАРЕ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Контакты Китая с Западом, начавшиеся на рубеже средневековья и Нового времени, получили широкий размах в конце второй половины XIX века. Тогда наряду с политическими и экономическими отношениями стали развиваться культурные связи, в частности, начинают переводиться книги зарубежных авторов. В результате в китайский язык постепенно проникают иностранные заимствования – преимущественно английские слова.

Естественно, что возникает необходимость в создании специальных словарей иностранных заимствований. Однако подобная

работа развертывается только во второй половине XX века. В 1958 году Гао Минкай (高名凯) и Лю Чжэньтань (刘正埭) издали книгу “Изучение иностранных слов современного китайского языка” (现代汉语外来词研究 北京文字改革出版社). Впоследствии они вместе с Май Юйганем (麥永乾) и Ши Ювэем (史有为) составили “Словарь иностранных слов китайского языка” (现代汉语外来词研究 上海辞书出版社), 1984 г. В 1990 г. появился “Словарь иностранных заимствований китайского языка” (汉语外来语词典 北京:商务印书馆), подготовленный профессором Цэнь Цисянем (岑麒祥). Еще ранее аналогичный “Словарь иностранных заимствований” (国语日报外来语词典) был издан на Тайване издательством газеты “Гоюй жибао” (国语日报). Он выдержал два издания – в 1981 г. и в 1986 г.

В 1993 – 2000 гг. существующее в Гонконге “Общество китайского языка” (香港中国语文学会) выпускало журнал “Цыку цзяньшэ тунсюнь” (词库建设通讯), всего вышло 22 номера; в нем публиковались материалы по изучению иностранных слов, а также источников их происхождения.

В 1997 году это общество в сотрудничестве с издательством “Большого словаря китайского языка” издало в переводе на китайский язык работу итальянского ученого Мазини “Образование лексики современного китайского языка – изучение иностранных слов 19 века” (现代汉语词汇的形成 – 十九世纪汉语外来词研究), что имело важное значение для изучения источников иностранных заимствований.

В 1997 – 1998 гг. ученые из Гонконга и материкового Китая провели совместно несколько рабочих совещаний, на которых обсуждался вопрос о возможности создания этимологического словаря иностранных слов и выражений. Общее мнение сводилось к тому, что, несмотря на существующие трудности, необходимо попытаться подготовить подобный словарь, хотя бы среднего объема. В результате проведенной работы такой словарь был

составлен и издан в 2001 г. под названием “Этимологический словарь новых слов китайского языка нового и новейшего времени” (近现代汉语新词词源词典). Однако он фактически посвящен иностранным заимствованиям.

В его подготовке приняли участие специалисты из Гонконга, Шанхая, Пекина, Ханчжоу, Шаосина, а также из Японии, Германии, Италии и США. Ответственный редактор словаря – проф. Сюй Вэнькань (徐文堪). Предисловие к Словарю написано известным не только в Гонконге, но и во всем Китае, включая Тайвань, лингвистом профессором Яо Дэхуаем (姚德怀).

При составлении словника Словаря авторами было обследовано свыше 300 письменных источников, в том числе классическая литература, архивные документы, газеты и журналы материкового Китая XIX-XX вв. В данный словарь главным образом вошла лексика от начала 19-го и до середины 20-го века. Он включает также лексику, охватывающую период конца династии Мин и начала династии Цин. В этом его принципиальное отличие от других словарей иностранных заимствований. Большое внимание уделяется истории развития значения слова и особенностям его употребления.

Во многих случаях это позволяет установить источник иностранных заимствований, происхождение и развитие китайских слов, пришедших из других языков. Некоторые заимствования уже вышли из употребления, но сохраняют свою историческую ценность, поэтому они также включаются в словарь, например, слово 及拉夫 “жираф” (от англ. giraffe) появилось в 1880 году, сейчас не употребляется, 吉拉斐 появилось в 1885 году, сейчас не употребляется (Словарь, с. 132). Слова 吉婁迈当 и 吉篦迈当 “километр” оба появились в 1873 году, сейчас не употребляются.

Данный словарь важен не только для понимания истории китайской лексики и развития китайской неографии. Но он имеет и

более широкое значение – для изучения истории взаимодействия китайской, японской и европейской культур, а также истории науки и техники Китая.

Поскольку цель авторов Словаря – исследование происхождения слов, их этимологический анализ, они стремятся представить самые ранние по времени письменные доказательства появления иностранного заимствования, а также определить соответствующую дату. Авторы словаря считают, что не поняв историю развития слова, невозможно всесторонне и точно усвоить его значение и употребление.

Словарь включает более 5000, точнее 5275 словарных статей. Сравнительно большая часть лексики, вошедшей в “Словарь”, употребляется до настоящего времени, другая неиспользованная часть имеет историческую ценность.

По мнению авторов Словаря, новые слова бывают двух типов: один тип – слова и словосочетания, дошедшие до настоящего времени, например, слово 经济 “экономика” появилось в 1896 году, слово 林业 “лесоводство” появилось в 1903 году.

Другой тип – новые значения у старых слов. В первом типе мы имеем дело с лексическими неологизмами, во втором – с семантическими неологизмами. В случае семантических неологизмов вначале поясняется их первичное значение, а затем – производные от него, вторичные значения.

Иллюстративные примеры – важная часть данного словаря. При толковании значений авторы стремятся к точности и краткости. Подробно объясняется содержание словарных статей и их расположение в разделе.

Словарные статьи распределяются на две группы: 正条 ‘основная’ и 副条 ‘дополнительная’. Современные часто употребляемые слова включены в первую группу, уже не употребляемые в настоящее время слова включены во вторую группу.

Возьмем, например, слово “зоопарк”. В основную группу входит 动物园, поскольку оно дошло до настоящего времени. В дополнительную группу входят 生灵院, 生灵苑, 生灵园 поскольку они в настоящее время самостоятельно не употребляются. Основная группа составляет более 1700 словарных статей, другими словами, словарь содержит более 1700 синонимических групп, представляющих различные предметы и явления, которые обозначают понятия, относящиеся к философии, политике, экономике, математике, физике, химии, зоологии, ботанике, медицине и т.п.

При включении слов в словарь его авторам приходилось решать вопрос, связанный с частотностью их употребления. Дело в том, что какая-то часть заимствованных слов могла иметь очень узкое употребление: например, слово могло появиться только у одного автора в какой-то книге, не оставив следа у читателей и не прижившись в обществе.

Особое внимание в Словаре обращается на источники иностранных заимствований. В большинстве случаев находится эквивалент иностранному слову, обычно английскому. Но в ряде случаев бывает трудно и невозможно найти соответствующий эквивалент иностранному слову, в таких случаях авторы прибегают к описательному способу передачи значения слова (наряду с формой синонимической и отсылочной).

Что касается способов расположения словарных статей, то в Словаре используются традиционные: в порядке букв нового китайского фонетического алфавита, по ключам, по порядку черт иероглифов.

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ТЕНДЕНЦИЯ К «КИТАИЗАЦИИ»?

В качестве опорной типологической системы в работе мы используем структуру, разработанную американскими учеными Ч. Ли и С. Томпсон (*Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. – Berkley: Univ. of California Press, 1981). Классификацию ученые провели на основе нового синтаксического подхода и выделили четыре основных типа языков:

- 1) языки с выдвижением подлежащего;
- 2) языки с выдвижением топика;
- 3) языки с выдвижением как топика, так и подлежащего;
- 4) языки без выдвижения топика и без выдвижения подлежащего.

По данной типологии русский язык был отнесен к первому типу, но мы полагаем, что русский язык уже приблизился к языкам второго типа, и в процессе эшелонирования сообщаемой информации носитель русского языка довольно часто выносит общий топик и строит высказывание по схеме «топик – комментарий», что является абсолютной нормой для русского языка, не несет в себе никакой экспрессивной окраски и адекватно воспринимается другими субъектами речевого общения. Это положение восходит к утверждаемой многими учеными идее единства глоттогонического процесса.

Выделение в языке грамматических отношений «топик – комментарий» или «подлежащее – сказуемое» и проведение на основе этих отношений типологической классификации языка в первую очередь соотносится с понятием синтаксиса предикативных структур. Главным материалом исследования явились особенности построения синтаксической предикативной структуры разной степени глубины,

семантика которой “моделируется как пропозиция, то есть как структура, подобная описываемым в логике” (Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М.: ВУ, 1999. – Глава I. 3. Бинарные структуры. Текст. Актуализационный динамизм).

Следует отметить, что на наш взгляд понятие синтаксиса включает не порядок слов в предложении и их связи между собой, а является поверхностным выражением формы мысли. Первичным и исходным типом всех отношений являются отношения синтаксические. Все остальные отношения – производные. В центре синтаксиса лежит не проблема, как из слов составить предложение, а наоборот, как предикационные и отпредикационные ячейки в предложении заполнить тем, что принято называть словами. Уровни, формально соответствующие морфемному, есть в любом языке. Но если в китайском языке синтаксическая позиция определяет некую сиюминутную псевдоморфологическую принадлежность слова, то в русском языке эта принадлежность будет закреплена соответствующей морфемной маркировкой. Исследование синтаксических структур мы провели на основе характеристики и анализа собственно их предикативности и внутреннего бинарного членения, но не лексических составляющих.

Для проведения сравнительного анализа мы выбрали китайский язык, т.к. этот язык является типичным представителем группы языков с выдвиганием топика по типологии Ч. Ли и С. Томпсон. Проведя комплексное исследование и изучение синтаксических предикативных структур русского разговорного языка, мы пришли к выводу, что в процессе речевого общения носитель русского языка обычно строит высказывание по схеме «топик – комментарий», что проявляется во всех основных типах структур. Взяв за основу терминологический ряд О. А. Лаптевой, мы разделили все синтаксические предикативные структуры разговорного русского языка по

степени устойчивости: на клишированные, типизированные и слабооформленные (Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976). Оказалось, что клишированные построения всегда соотносятся с внесентенциальным топиком, имея при этом внутреннюю подлежащую структуру. Типизированные построения могут иметь и аналогичную структуру, но доминируют в речи конструкции с выдвижением топика. Окаasionalная природа слабооформленных построений обуславливает их неясную синтаксическую организацию, но субъект речевого общения зачастую обрывает громоздкую подлежащую структуру и выдвигает топик.

Таким образом, мы полагаем, что пласт разговорного русского языка по типологии Ч. Ли и С. Томпсон относится к языкам с выдвижением топика. Данный вывод был получен автором в результате проведения сравнительного анализа разговорного русского языка с китайским как с типичным представителем языков с выдвижением топика. Описание результатов анализа изложено в работе «Топиковые и подлежащие синтаксические предикативные структуры в разговорном русском языке и их соотношенность с аналогами в китайском». Мы также полагаем, что русский язык в целом в процессе развития стремится к другому типу, так как разговорный пласт является своего рода катализатором процессов изменения. Он вбирает и легко усваивает все новое, едва зарождающееся в языке. Позже количественные изменения накапливаются и по законам диалектики переходят в глобальные качественные, которые теперь уже будут затрагивать и литературную кодифицированную речь.

Таким образом, изучая изменения в области спонтанного порождения высказываний, мы можем делать выводы о последующем глобальном изменении литературной нормы и направленности общего развития языка. Для русского языка это – смещение в сторону

языков с выдвижением топика, уже наблюдаемое в предикативных синтаксических конструкциях разговорного пласта.

SUMMARY

We explore the principles of forming the syntactic predicative units in Russian colloquial speech on the basis of the new Ch. Li and S. Thompson's typology. We discovered that nowadays it had become normal for Russian native speakers to form "topic – comment" structures, which had already been widely spread in the colloquial speech. Comparing these structures with the Chinese ones (traditionally referred to as topical) we declare that the "chinesation" of Russian colloquial syntactic predicative units indicates for the possible overall transformation of the language typology.

Н.В. Солнцева, г. Москва

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕОЛОГИЗМОВ¹

За последнее время в лексике китайского языка происходят значительные изменения за счет появления большого количества неологизмов. Как пишет Чжан Дэсин, "в течение 20 лет китайской политики реформы открытости каждый год появляется в среднем 800 неологизмов. Изданный в 1996 году переработанный словарь "Xiandai hanyu cidian" содержит более 5 тысяч новых словарных статей" [2000, 106]. За это время вышло более 15 словарей неологизмов. Кроме того неологизмы фиксируются в ежегодниках "Xinci xinyu".

Проблемы неологизмов широко обсуждаются китаистами. Этим проблемам посвящено множество статей в китайских периодических

¹ Доклад на эту тему был прочитан в 2001 г. в Московском государственном лингвистическом университете на 1-ом Международном коллоквиуме, посвященном актуальным проблемам преподавания и перевода с китайского языка. Но тогда доклад не был опубликован.

изданиях. Обсуждаются проблемы классификации неологизмов, их роль в словообразовании.

Среди неологизмов много заимствований как фонетических, так и кáлек и полукáлек. Они построены по привычным и устоявшимся моделям.

Вместе с тем среди неологизмов есть и такие, которых раньше не было в китайском языке. Большую группу подобных неологизмов представляют инициальные аббревиатуры². Часть из них заимствована из английского языка (а). Часть аббревиатур образована из инициалей китайских слов, входящих в словосочетание (б), а часть образована в Китае из инициалей английских слов, входящих в словосочетание (в).

Приведем примеры:

а) MBA (Master of business administration), OA (Office Automation), P (party), B (baby), OT (overtime work), D (discotheque);

б) HSK *Hanyu shuiping kaoshi* 'государственный экзамен, определяющий уровень знания китайского языка иностранцами';

в) TDK (букв. TOEFL, dance, kiss) 'увлечение молодежи', CCTV (Central China Television). Аббревиатуры созданы в Китае на базе английских слов.

Следует отметить, что инициали во всех видах подобных аббревиатур произносятся по-английски.

Вторую большую группу неологизмов составляют аббревиатуры, представленные одним слогом английского слова: ОК от *okay*, гуп от *gymnastics*. Эти аббревиатуры также произносятся по-английски.

Третью группу неологизмов составляют гибридные образования, включающие либо инициальные аббревиатуры и китайское слово, либо слоговые аббревиатуры и китайское слово. Например, ВР *ji*¹

² Раньше в китайском языке имелись только слоговые аббревиатуры, включавшие, как правило, первые слоги слов, которые входили в сочетания, остальные слоги у слов сокращались. Так *bei⁴da⁴* – это сокращение от *bei⁴jin¹ da⁴xue²* 'Пекинский университет' (подробнее см. Кленин, 1968).

‘пейджер’, (букв. ВР – аббревиатура английского словосочетания *broadcasting pigeon* + кит. слово *ji¹* ‘механизм, устройство’),

К *jin¹* ‘золото определенной пробы’ (букв. К от *karat* + кит. слово *ji¹* ‘золото’),

san¹ В ‘три популярных персонажа рекламных роликов’ (букв. кит. слово *san¹* ‘три’ + В ‘baby’, ‘beauty’, ‘beast’),

ОК *jie¹* ‘улица, по которой ходят иностранцы’ (букв. ОК – аббревиатура + кит. слово *jie¹* ‘улица’).

Подобная аббревиация, получившая распространение за последние 20 лет, есть новый словообразовательный способ в китайском языке.

Аббревиатуры свободно используются как самостоятельные лексические единицы. Они также широко используются в словообразовании.

kai¹ Р ‘устроить вечеринку’ (букв. кит. слово *kai¹* ‘открывать, устраивать’ и Р ‘party’),

wu² ОК ‘не согласен’ (где *wu²* – китайское отрицание ‘нет’),

qu¹ D ‘отправляться на дискотеку’ (где *qu¹* – кит. слово ‘идти, отправляться, уходить’, а D – ‘дискотека’),

zuo⁴ *guy* ‘заниматься гимнастикой’ (где *zuo⁴* – кит. слово ‘делать, заниматься’).

Аббревиатурные неологизмы, появившиеся в китайском языке, вносят определенные коррективы в сложившиеся теоретические представления о китайском слове, о морфеме, силлабеме, в закон о морфологической значимости слогаделения.

Еще в 1955 г. А.А. Драгунов и Е.Н. Драгунова писали о том, что “минимальной фонетической величиной, могущей иметь то или иное значение, т.е. функционировать в качестве слова или части слова (морфемы), является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог, силлабема” [1955, с. 58]. Хорошо известно также, что ранее в 1927 г. Е.Д. Поливанов [Поливанов, 1927] определил

четырёхэлементный состав силлабического представления слога, который включает в качестве 1-го элемента – начальный слоговый, в качестве 2-го – неслогообразующий ртовый узкий гласный, в качестве 3-го – слогообразующий сонант и в качестве 4-го – неслогообразующий конечный сонант. Указав, что “силлабическое представление предполагает потенциальное наличие 4-х последовательных во времени звукопредставлений, следующих друг за другом в одном лишь обязательном порядке” [1927, с. 7], Е.Д. Поливанов определил возможные типы слогов: 234, 23, 34, 3, 134, 13. Поливанов тогда писал о том, что отдельно в качестве слога “мог выступать только слогообразующий сонант: чаще всего – ртовый гласный ..., слогообразующий г и слогообразующий носовой: п [1927, с. 8].

Тогда же Е.Д. Поливанов писал и о различиях между начальными согласными и конечными элементами слога в китайском языке. А между тем среди современных китайских аббревиатур встречаются слог типа SOS и аббревиатуры типа CCTV, TDK, а также аббревиатуры P, D, B, которые выходят за рамки приведенных выше представлений.

Естественно, что аббревиатуры, включающие несколько инициалей, и одноинициальные аббревиатуры типа P, D, B не “вписываются” в закон о морфологической значимости слогаделения.

ЛИТЕРАТУРА

А.А. Драгунов, Е.Н. Драгунова. Структура слога в китайском национальном языке // “Советское востоковедение”. – М., 1955.

И.Д. Кленин. Китайско-русский военный и технический словарь. – М., 1968.

Е.Д. Поливанов. Краткая фонетическая характеристика китайского языка (Пекинского говора северно-мандаринского наречия) // Сталинский комвуз. Секция родных языков. – М., 1927.

Чжан Дэсин. В прозрачной воде рыба не водится. Мой взгляд на проблему стандартизации неологизмов. (Shui zhi cin ze wu yu. Wo de sinshengciyu guifan jian) // Beijing daxue xuebao. – 2000. №5.

ПОРЯДОК СЛОВ И СЛУЖЕБНЫЕ МОРФЕМЫ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Порядок слов в высказывании подчинен как целям коммуникации, так и целям собственно грамматическим. Соотношение между этими двумя назначениями порядка слов по степени их использования различно в языках разных типов. Общее определение твердого или фиксированного порядка слов нуждается в уточнении при его приложении к изолирующим языкам, в частности к тангутскому. Оно состоит в том, что в изолирующих языках порядок слов выступает преимущественно как средство образования грамматических форм. При этом ни в одном из них порядок слов не является единственным средством образования этих форм. Для образования грамматических форм в изолирующих языках используются также и служебные морфемы или знаменательные морфемы в служебной функции. Таким образом, по способу образования в языках этого типа различаются два класса грамматических форм: синтаксические, образованные порядком слов в высказывании, и морфологические, образованные путем сочетания знаменательной и служебной морфем. Коммуникативная функция порядка слов в изолирующих языках осуществляется в соответствии с его грамматической функцией. Количественное соотношение грамматических форм, образованных порядком слов или служебными морфемами, различно в разных изолирующих языках. Здесь будут рассмотрены грамматические функции порядка слов и служебных морфем в тангутском языке, где наряду с грамматикой порядка слов существует развитая система грамматических категорий, которые образуются с помощью служебных морфем и знаменательных морфем в служебной функции.

В тангутском языке грамматические формы помимо порядка слов создаются также с помощью служебных морфем, определенным образом ориентированных относительно знаменательных. Для краткости и удобства выражения служебные морфемы, стоящие перед знаменательными, рассматриваются как префиксы, а служебные морфемы, стоящие после знаменательных, – как суффиксы. Служебные морфемы глагола находятся как перед знаменательными, так и после них. Служебные морфемы имени существительного находятся после знаменательных. Кроме собственно грамматических форм в тангутском имеются также лексикализованные формы, которые создаются знаменательными морфемами в служебной функции. Грамматические формы, которые образуются суффиксами и префиксами глагола, – это лицо, число, вид, время, наклонение. Грамматические формы, которые образуются суффиксами имени существительного, являются падежами. Для нашей темы наиболее показательна система тангутских падежей.

Исследователи языков Сибири, где часть грамматических форм имени образуется порядком слов, называют эти формы безаффиксными падежами. Такое название удобно и для описания соответствующих явлений тангутского языка. В зависимости от способа образования в тангутском языке можно выделить два типа падежей: падежи безаффиксные, которые создаются исключительно порядком слов в высказываниях, и падежи суффиксальные. Средствами грамматики порядка, с помощью которых устанавливаются синтаксические связи между словами в тангутском предложении, являются согласование, управление, примыкание.

Согласование является формальным выражением синтаксической связи глагола с субъектом или объектом. Оно выражается в личных формах глагола первого и второго лица единственного и множественного числа. Непереходные глаголы согласуются с субъектом, переходные согласуются как с субъектом, так и с объектом.

Согласование глагола возможно только с субъектом или объектом, присутствующим в предложении. Во всяком случае, в прочитанных текстах не встречаются примеры согласования глагола с субъектом или объектом, известным из контекста, но отсутствующим в предложении.

В формировании синтаксической функции слова принимает участие не только его место в предложении, но и содержательные свойства – грамматическая семантика, лексическая и грамматическая сочетаемость. Эти свойства слова составляют основу схемы управления глагола и имени. Таким образом, в тангутском языке порядок слов создает формальное измерение синтаксиса порядка слов, а управление и примыкание создают его семантическое измерение. Место слова в предложении указывает его синтаксическую функцию, а способ ее реализации зависит от семантико-грамматических свойств как его самого, так и управляющего слова. Область глагольного управления – это падеж объекта при переходных и падеж локатива при непереходных глаголах определенных смысловых классов. Область именного управления – падеж определения при существительном.

Примыкание является главным средством синтаксической связи, с помощью которого образуются основные синтаксические формы тангутского языка. Оно формирует синтаксическую связь между словами без дополнительного морфологического оформления. Правила примыкания – это правила порядка слов в предложении. Примыкание слов разных грамматических категорий различается по своему грамматическому значению и по силе связи между ними. По характеру синтаксической связи примыкающие слова находятся в подчинительном или сочинительном отношении друг к другу. Подчинение реализуется в различных видах глагольного и именного управления. Сочинительные отношения – в отношениях однородных членов предложения и в сложносочиненных предложениях.

Сила примыкания – это способность примыкающих слов к разъединению знаменательными или служебными морфемами без утраты грамматического значения самого примыкания. Сильное примыкание не допускает присутствия между примыкающими словами каких-либо служебных или знаменательных морфем. Примером сильного примыкания является сочетание имени и прилагательного, поскольку их последовательность не может быть прервана ни знаменательными, ни служебными морфемами. Примыкание всех остальных синтаксических единиц является слабым, однако разрыв примыкания подчинен определенным правилам. Примыкание двух имен и примыкание имени-объекта к глаголу может быть прервано префиксами вида и наклонения или знаменательным прилагательным – определением к имени. Примыкание имени-субъекта может быть прервано одним или одновременно несколькими именами с их определениями – объектом, местом, орудием. Субъект может быть вообще виртуальным. Как и во многих языках Восточной Азии, субъект действия в тангутском не обязательно бывает представлен в высказывании, поэтому здесь возможны предложения, где в роли субъекта выступает лицо или предмет, которые названы в предшествующем тексте или известны из ситуации речи, но в самом высказывании отсутствуют.

То же самое относится к связи знаменательных морфем со служебными. Сильная связь имеет место при сочетании знаменательной морфемы с префиксами. Слабая связь – в сочетании с суффиксами. Тангутские суффиксы имени существительного с определением, выраженным прилагательным, находятся не после имени, а после определения. Иначе говоря, суффиксы относятся к определительному словосочетанию в целом.

Основой тангутского синтаксиса порядка являются две коммуникативно ориентированные формулы. Формула SOV определяет место и синтаксическую роль слова по отношению к действию

глагола как центру коммуникации: на первом месте находится его субъект – исходная точка коммуникации, на втором – объект или место действия глагола, на последнем – глагол как ее центр. Формула N’N определяет место именного определения перед определяемым существительным, формула NA определяет место определения – прилагательного после определяемого слова. Именные члены S и O первой формулы могут выступать в виде N’N или NA. Отношения субъекта, объекта, предиката, выраженные этими формулами, соответствуют ролям и свойствам основных участников ситуации, описанной в тангутском предложении.

В формуле SOV грамматическое значение члена O зависит от синтаксических свойств глагола V. При переходном глаголе O является его объектом, при непереходном – местом, где происходит действие глагола. Часть переходных глаголов помимо прямого объекта управляет одновременно и косвенным. При наличии в предложении одновременно прямого и косвенного объектов косвенный занимает место перед прямым. В этом случае формула порядка слов в предложении приобретает вид SO’OV, где член O’ означает косвенное дополнение без грамматического оформления. Косвенные дополнения обычно имеют грамматическое оформление, поэтому предложения такой структуры встречаются довольно редко. В именном управлении имя – определяемое управляет именем – определением.

Синтаксические формы, с помощью которых кодируются ролевые значения и свойства участников ситуации и места действия, образуются средствами грамматики порядка слов. Из рассмотренной выше формулы SOV явствует, что синтаксические отношения субъект-предикат, глагол-объект, определение-определяемое образуются в тангутском языке с помощью порядка слов без грамматического оформления служебными словами. Синтаксическое отношение глагол-место действия также может быть образовано

порядком слов, однако оно осуществляется главным образом с помощью грамматического оформления. Таким образом, в тангутском языке возможны и грамматически правильные предложения, где грамматические отношения между словами выражены только их порядком.

Служебные морфемы не отменяют и не изменяют основные правила порядка слов. Они либо подтверждают морфологически те синтаксические отношения, которые выражены в высказывании с помощью порядка слов, либо обозначают разновидности этих отношений. В синтаксические отношения вступают слова разных грамматических категорий. Синтаксические отношения между двумя существительными описываются приименными падежами, синтаксические отношения между существительным и глаголом описываются падежами приглагольными.

Отдельное существительное без аффикса, которое представляет собой имя собственное или титул, может быть обращением к собеседнику. Падеж такого существительного является безаффиксным звательным падежом. Существительное в безаффиксном именительном падеже, член S формулы SOV, представляет собой название лица или предмета. Его синтаксическая функция – субъект высказывания. Субъект высказывания в тангутском языке может быть выражен как именем без грамматического оформления, так и лингвистической единицей более высокого уровня – словосочетанием или простым предложением. Субъект высказывания, выраженный отдельным словом, может иметь грамматическое оформление с помощью служебной морфемы *ta*. Субъект высказывания, выраженный сложной предикативной лингвистической единицей, имеет обязательное грамматическое оформление этой служебной морфемой. Морфема *ta* не похожа на суффикс именительного падежа, поскольку выполняет главным образом коммуникативные задачи. Тангутский субъект первого и

второго лица связан с глаголом согласованием в лице и числе и в этом смысле управляет глаголом.

Безаффиксный винительный падеж образуется путем примыкания слева имени существительного к управляющему глаголу. Безаффиксный винительный падеж обозначает предмет или лицо, подверженное действию или охваченное действием глагола. Имя существительное без грамматического оформления перед управляющим переходным глаголом является его прямым объектом. Имя существительное без грамматического оформления перед непереходным глаголом обозначает место действия. Чаще всего это бывают существительные – локативы, однако в этой функции возможны также и обычные имена. Особым случаем является глагольное управление, когда глаголы некоторых лексических классов управляют прямым объектом в определенном морфологическом падеже. Если переходный глагол управляет одновременно безаффиксными прямым объектом и локативом, то по правилам грамматики порядка слов локатив находится перед объектом.

Безаффиксный родительный падеж образуется путем примыкания слева имени – определения к имени-определяемому. Эти два существительных связаны управлением, содержание которого – признак, выраженный управляемым именем. В зависимости от семантики определяемого, имя существительное в безаффиксном родительном падеже может иметь разные значения. Обычно существительное в безаффиксном родительном падеже представляет собой именное определение. Оно обозначает предмет- носитель некоторого свойства или название категории предметов, которой принадлежит определяемое слово. Имя-определяемое означает предмет, которому принадлежит это свойство. Таким образом, в тангутском языке безаффиксный родительный падеж является главным образом падежом именного определения. Однако в тех случаях, когда определение в безаффиксном родительном падеже

выражено местоимением или когда определяемое выражено существительным, обозначающим неотчуждаемую принадлежность имени в родительном падеже, безаффиксный родительный падеж имеет притяжательное значение.

Все остальные падежи тангутского языка образуются с помощью суффиксов. В синтаксисе порядка слов слово в соответствующем суффиксальном падеже занимает то же самое место, которое оно должно занимать в падеже безаффиксном. Поэтому в тангутском синтаксисе возможны случаи, когда одно и то же грамматическое значение может быть передано словом как с падежным суффиксом, так и без него. Падеж имени существительного связан с глагольным управлением. Тангутские глаголы управляют существительными как в безаффиксном винительном падеже, так и в косвенных падежах. В этих случаях имя, обозначающее прямой объект в соответствующем падеже, примыкает непосредственно к глаголу. Причина формирования схем глагольного управления, присущих глаголам, может находиться как в семантике самих глаголов, так и желании говорящего представить объект в качестве определенного участника ситуации.

Косвенные суффиксальные падежи существительных образуют три системы: систему грамматических падежей, систему локальных падежей и послелогов, систему падежей вида участия в ситуации или ситуативных падежей, систему падежей мотивации действия глагола.

Дательный падеж существительного образуется с помощью суффикса m^1 . Существительное в дательном падеже представляет собой лицо или предмет, для которого, в пользу или во вред которому совершается действие глагола. В зависимости от грамматического значения управляющего слова различается дательный приглагольный и дательный приименной.

Дательный приглагольный – это падеж косвенного объекта переходного глагола. Этот падеж принимает участие в глагольном

управлении. Глаголы некоторых семантических классов управляют прямым объектом в дательном падеже. Дательный приименной базируется на основном значении дательного приглагольного как падежа «владельца действия». В приименном употреблении существительное в дательном падеже становится обозначением «субъекта обладания», которое можно рассматривать как предельный случай приглагольного значения «владельца действия». При этом следует помнить, что управляемое имя в дательном падеже находится перед управляющим, и поэтому в соответствии с синтаксисом порядка является его именным определением. От конструкции именного определения притяжательная конструкция отличается только дательным падежом имени-определения. Следовательно, оно представляет собой разновидность безаффиксального родительного падежа. Таким образом, грамматическое значение притяжания в тангутском языке формально отделено от значения именного определения: именное определение выражается именем в безаффиксном родительном падеже (с указанными исключениями), притяжание – именем в дательном падеже.

Творительный падеж существительного образуется с помощью суффикса *ngu*². Существительное в творительном падеже имеет значение орудия действия, образа действия, материала, с которым совершается действие. По своим синтаксическим свойствам он является приглагольным. Творительный падеж является падежом глагольного управления. Существует класс глаголов, которые управляют прямым объектом в творительном падеже.

Для обозначения места или направления действия в тангутском языке существует класс грамматических средств, куда входят локальные падежи и послелогии. Лицо или предмет, которые обозначены существительным в локальном падеже, не принимают участие в действии глагола, а выступают в предложении как название

места, где оно происходит. Внутри этого класса различаются два локальных падежа и послелого.

Местный падеж образуется с помощью суффикса a^2 . Различается местный приименной и местный приглагольный. Существительное в местном приглагольном падеже обозначает лицо или предмет, который рассматривается в высказывании как место, где происходит действие, обозначенное глаголом. Существительное в местном падеже при непереходных глаголах обозначает в зависимости от семантики глагола конечную, промежуточную, исходную точку движения. При глаголах, которые не обозначают движения, имя существительное в местном падеже имеет грамматическое значение косвенного объекта.

Местный приименной в силу своей синтаксической позиции является падежом локативного определения к имени существительному (боль в сердце). Существительное в местном падеже, управляемое именем, является его именным определением, которое обозначает локальный признак определяемого. В тех случаях, когда определяемое существительное выражено отглагольным именем, именное определение в местном падеже имеет значение родительного объективного (любовь к отцу), именное определение в дательном падеже имеет значение родительного субъективного (любовь отца).

Помимо описанного выше грамматического суффикса местного падежа в тангутском языке имеется лексикализованная форма местного падежа, образуемая с помощью знаменательной морфемы ndo^2 «место». В приглагольном употреблении при непереходных глаголах существительное с этим суффиксом обозначает место, где происходит действие, обозначенное глаголом. Оно может быть его исходной, промежуточной или конечной точкой. Местный падеж с суффиксом ndo^2 является падежом глагольного управления. Существует класс глаголов, куда входят в частности глаголы

чувственного восприятия, которые управляют прямым объектом в этом падеже. Аналогично суффиксу местного падежа a^2 в применном употреблении существительное-определение с суффиксом ndo^2 имеет значение родительного объективного при определяемых-отглагольных существительных, обозначающих чувства человека.

Тангутские пространственные послелогои представляют собой именные знаменательные морфемы, которые используются в служебном значении как средство обозначения пространственных отношений между участниками ситуации: пребывание или движение сверху, снизу, спереди, сзади, внутри, снаружи некоторого предмета. По правилам синтаксиса порядка они находятся с оформляемым именем в отношении определения-определяемого. При глаголах движения послелогои указывают их направленность относительно некоторого предмета. В зависимости от семантики глагола имя с пространственным послелогом может иметь значение исходной или конечной точки движения. При глаголах, не обозначающих движения, послелогои указывают пространственное положение одного предмета относительно другого. Существительное с послелогом выступает также в функции локативного именного определения, что соответствует применному употреблению местного падежа с суффиксом a^2 (книга на столе, книга в столе).

Совместный падеж образуется с помощью суффикса gie^2 . Совместный падеж существительного является падежом вида участия в действии глагола и выступает в синтаксической функции приглагольного падежа. При непереходных глаголах существительное – лицо в совместном падеже обозначает участника ситуации, который совместно с субъектом совершает действие, представленное глаголом. Этим оно отличается от однородных субъектов предложения. Совместный падеж является падежом глагольного управления. Существительное в совместном падеже обозначает

прямой объект глаголов со значением типа «соединять-разъединять», «различать-отождествлять».

Сравнительный падеж образуется с помощью суффикса *su*¹. Существительное в сравнительном падеже является субъектом конструкции с предикатом-прилагательным. Оно обозначает предмет, обладающий меньшей степенью признака, указанного предикатом. Соответственно, в конструкции реально или виртуально присутствует второй субъект, который наделен этим признаком в большей степени или в полной мере. Переходные глаголы со значением типа «превосходить», «побеждать» управляют прямым объектом в сравнительном падеже.

Служебные морфемы, обозначающие мотивацию действия глагола, представляют собой знаменательные глаголы или существительные, которые выступают в служебной функции. Их главное назначение – это мотивация того действия, которое формирует ситуацию. По формальным признакам эти служебные морфемы являются послелогоми. В соответствии с правилами синтаксиса порядка отглагольные послелогои находятся в отношении глагол-объект, отыменные послелогои – в отношении определение-определяемое с тем именем существительным, к которому они относятся.

Морфема *mbu*¹ представляет собой знаменательный глагол «исходить из чего-либо». В служебной функции послелога она имеет значение движения из некоторой точки в пространстве. Соответственно, при объектах, обозначающих не место, а другие предметы, чаще всего абстрактные понятия, она приобретает, в целом, каузативное значение. Имя с этим послелогом приобретает значение признака субъекта, объясняющего действие или качество, вызванное этим признаком. При объектах другой семантики оно приобретает значение основания действия глагола или его соответствия некоторым требованиям или условиям.

Морфема *sīei* представляет собой знаменательный глагол «следовать чему-либо». В служебной функции послелога при глаголах движения она имеет значение продольного движения без указания исходной или конечной точки. При глаголах, которые не обозначают движения, в частности, при глаголах речи и мысли, существительное с этим суффиксом обозначает предмет, где локализуется интерес субъекта.

Морфема *piuo*¹ является знаменательным существительным «причина». В своей служебной функции она далеко выходит за пределы причины некоторых событий и приобретает другие грамматические значения, базирующиеся на его основной семантике.

Тангутские падежи образуют код, с помощью которого описываются отношения между актантами ситуации и действием глагола высказывания. Синтактика этого кода состоит в следующем. Когда в тангутском предложении представлены все члены ситуации, в их последовательности соблюдается порядок их расположения относительно глагола. Прямой объект и место действия, выраженные существительным в безаффиксном винительном падеже, всегда примыкают к глаголу. При наличии в предложении того и другого место предшествует объекту. Таким образом, глагол с его прямым объектом или местом действия образуют предикативный центр предложения, образованный глаголом и существительными в безаффиксных падежах. Далее по мере удаления от центра следуют второстепенные участники ситуации, обозначенные существительными в косвенных суффиксальных падежах: соучастник действия, его адресат, его орудие или материал. Субъект предложения находится дальше всех от предикативного центра, что объясняется его особой функцией в тангутском языке.

По коммуникативным соображениям основной синтаксический порядок слов может быть изменен. При этом грамматическое оформление тех членов предложения, место которых изменено, бывает обязательным.

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. П. ВАСИЛЬЕВА

Среди плеяды имен выдающихся отечественных ученых-востоковедов имя В.П.Васильева стоит несколько особняком. На много десятилетий опередивший развитие науки и обреченный видеть, как колоссальный труд всей его жизни остается ненапечатанным и никому не известным из-за отсутствия в России, да и в мире вообще необходимой научной базы для восприятия его идей, В.П.Васильев тем не менее, остается одним из главных авторитетов отечественной буддологии, синологии, тибетологии и языкознания. К сожалению, опубликованные труды В.П.Васильева являются лишь предисловием к его основным, главным трудам. А они стали востребованными лишь в начале XX века, когда сам автор уже не имел ни сил, ни желания обрабатывать их для печати. Многие из его работ остаются актуальными и поныне, другие же задают направление дальнейшим исследованиям. Сам В.П.Васильев писал свои работы на основе фактов, полученных в ходе работ с первоисточниками, знание которых делало бы честь любому современному востоковеду.

Его судьба была яркой и драматичной. Он родился 22 февраля 1818 года в Нижнем Новгороде в семье мелкого чиновника. В возрасте пяти лет был обучен грамоте, в семь лет поступил в уездное училище, после успешного окончания которого был принят сразу во второй класс нижегородской гимназии. В 1834 году В.П.Васильев поступил на медицинский факультет Казанского университета. Однако, судьба распорядилась иначе, и врачом ему стать не удалось. Необходимость платить за учебу вынудила В.П.Васильева перейти на «отделение словесных наук». Его способности к изучению иностранных языков проявились довольно рано, и сразу же обратили

на себя внимание попечителя Казанского учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина.

Еще до окончания учебы благодаря усилиям профессора Казанского университета О.М.Ковалевского В.П.Васильев стал кандидатом для поездки в Китай в составе русской духовной миссии с целью усовершенствования в восточных языках. О.М.Ковалевский так охарактеризовал его: «Свободно переводит монгольские сочинения на русский язык, а в переводе с русского на монгольский и в разговорном монгольском языке приобрел навыки для дальнейшего совершенствования... Кроме того, Васильев непрерывно подвигается в изучении тибетского языка, который имеет быть главным предметом его занятий»... Казанский университет рассчитывал с течением времени приобрести в лице В.П.Васильева «отличного преподавателя тибетского языка и глубокомысленного исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии.»

Перед отъездом в Пекин для В.П.Васильева была составлена достаточно обширная программа, или «инструкция». Согласно ей, главным направлением исследовательской деятельности будущего ученого являлся тибетский язык, сбор материалов, ознакомление с тибетской литературой и составление словаря. «Без сомнения, на первый раз, — говорилось в «инструкции», — полезно будет к изданным европейцами тибетским лексиконам присоединить все слова и выражения, находящиеся в словарях, напечатанных в Китае, на двух, трех и четырех языках... Но главное внимание надобно обратить на самые тибетские сочинения разных периодов и из них извлечь все, что может почтеться приобретением лексикона... После изучения языка и составления учебных для него пособий первое место занимает изучение истории Тибета, его литературы и древностей народов, имевших влияние на судьбу Тибета и находившихся в непосредственных с ним сношениях».

В Пекине В.П.Васильев провел почти десять лет. За это время молодому ученому удалось собрать и изучить материалы по истории буддизма в Тибете и сопредельных с ним странах, найти и обработать данные китайских источников, раскрывающих непростые взаимоотношения императорского Китая с соседними народами. Кроме того, В.П.Васильев составил значительное количество карт Китая в разные периоды его истории, активно занимался изучением китайской и маньчжурской литератур. Пекин стал для В.П.Васильева настоящей востоковедческой школой. Именно там были собраны материалы, легшие в основу всех его последующих буддологических исследований.

Весьма заметных успехов добился В.П.Васильев в изучении источников по истории буддизма. Личность Будды, его учение и философская система интересовали молодого ученого с университетской скамьи. Его успехи в изучении исторических источников были вполне сопоставимы, а иногда даже и превосходили достижения его коллег по духовной миссии — П.И.Кафарова, В.В.Горского, Гурия Карпова.

Знаменательным событием для отечественных буддологических исследований стало получение в мае 1844 года от цинского правительства собрания буддийских сочинений на тибетском языке, известных под названиями «Ганчжур» и «Данчжур», изучению и анализу которых В.П.Васильев уделял самое пристальное внимание. В 1847–48 годах В.П.Васильев занялся составлением словаря — «лексикона» буддийских терминов, и за два года сумел подготовить черновые версии двух томов. Основным руководством при составлении этой работы послужила рукопись словаря «Махавьютпатти», входящего в «Ганчжур». Особенностью этой рукописи являлось то, что помимо оригинального текста на санскрите и тибетском языке в ней были представлены переводы на китайский и монгольский языки. К сожалению, несмотря на неоднократные

намерения как самого автора, так и последующих ученых-ориенталистов (в частности, ученика и последователя В.П.Васильева С.Ф.Ольденбурга) издать «Буддийский терминологический лексикон», эта колоссальная и наиболее ценная часть исторического наследия В.П.Васильева так и осталась в рукописи. Как отмечал М.И.Тубянский, «Буддийский терминологический лексикон» содержит важные статьи по различным конкретным терминологическим проблемам. Особую ценность, по его мнению, представляет статья о Сидданте Джамьяна Шадба, в которой В.П.Васильев дает обстоятельный анализ буддийского доказательства несубстанциональности явлений (т.н. «алмазное» доказательство Будда-палиги).

Девятого июля 1850 года В.П.Васильев вернулся из Китая в Россию. К этому времени он стал уже полностью сложившимся ученым, написавшим обширные исследования по буддизму, восточным языкам и другим отраслям востоковедения. Еще в Пекине им был подготовлен черновой вариант многотомного труда под общим названием «Буддизм. Его догматы, история и литература». Помимо введения, дающего общую характеристику буддизму, в этот труд вошли в качестве составных частей такие работы В.П.Васильева, как «Буддийские догматы, изложенные в объяснении на терминологический словарь Махавьютпатти», «Обозрение буддийской литературы», «История буддизма в Индии, перевод с тибетского сочинения Даранаты», «История буддизма в Тибете», «Путешествие Сюань-Цзуна в Индию». Кроме этих рукописей, В.П.Васильев работал над черновыми набросками по истории и географии территорий, входивших в состав Цинской империи. Впоследствии многие из этих набросков были положены в основу университетских курсов, прочитанных В.П.Васильевым как в Казанском, так и в Петербургском университетах.

«Буддизм. Его догматы, история и литература» почти сразу же был переведен на немецкий язык и явился, по общему признанию европейских ученых-ориенталистов, самым значительным для того времени достижением в области буддологии, оставляющим далеко позади общепризнанную работу по буддизму Е.Бюрнуфа. Этот труд выдвинул В.П.Васильева на первое место среди буддологов Европы в середине XIX века.

После смерти профессора китайской и маньчжурской словесности О.П.Войцеховского, на освободившееся место был зачислен В.П.Васильев в качестве преподавателя китайского и маньчжурского языков. В его обязанности входило также чтение лекций по истории и литературе Китая. Ознакомившись с результатами многолетнего пребывания В.П.Васильева в Китае, О.М.Ковалевский заметил, что его бывший ученик не только выполнил все положения «инструкции», но кое-где даже и превзошел их. В частности, он неоднократно отмечал эпохальное для изучения буддизма значение комментариев и толкования, сделанных В.П.Васильевым к словарю «Махавьютпатти». «Это огромное сочинение, если автор успеет закончить и издать оное по придуманному им плану, – отмечал – он, образует эпоху в наших филологических, богословских и исторических изысканиях о буддизме».

Педагогическая деятельность В.П.Васильева была очень насыщенной и разнообразной. В первые годы своей работы в Казанском университете он преподавал студентам грамматику китайского языка с переводом и разбором текстов, со студентами-старшекурсниками занимался переводом с китайского книг исторического содержания, художественных произведений и официальных документов. Кроме того, в обязанности В.П.Васильева входило преподавание маньчжурского языка.

Объясняя студентам сложные моменты китайской грамматики, В.П.Васильев сначала основывался на работах своего коллеги – Н.Я.Бичурина и французского сиолога А.Ремюза. В последующие годы к этим пособиям было добавлено сочинение по китайской грамматике Р.Моррисона. По мере усвоения студентами правил китайской грамматики и усложнения материала, В.П.Васильев вводил в курс обучения все более сложные тексты – своды цинских законов, материалы дипломатической переписки, выдержки из китайских газет. Для лучшего усвоения и закрепления материала он нередко использовал приемы двустороннего перевода – с русского на китайский и с китайского на русский, с китайского на маньчжурский и с маньчжурского на китайский.

При чтении лекций В.П.Васильев также стремился дать студентам максимально глубокие знания по изучаемым дисциплинам за счет усовершенствования и специализации лекционных курсов, хотя в то время отечественное востоковедение еще только становилось на ноги, и узкой специализации у ориенталистов не было. Так, им были прочитаны курсы по истории китайской и маньчжурской литературы, истории Китая, истории маньчжурского народа. Огромное значение В.П.Васильев уделял практическим занятиям по языку, в частности, общению студентов с носителями языка. Для этого он в 1853 году привлек к работе со студентами китайского мусульманина Абу-Каримова. В целях поощрения самостоятельной работы студентов им была выдвинута тема конкурсного сочинения на востоковедческую тему, утвержденная Советом Университета.

Преподавательская деятельность, особенно на начальном этапе, требовала от В.П.Васильева полной отдачи и вложения сил. Тем не менее, ученый старался найти время и для научной работы. Так, в отчете Казанского университета за 1850–51 гг. отмечалось, что В.П.Васильев занимался приготовлением к изданию своих записок по

истории китайской литературы и написал статью «О движении денежной системы в Китае».

Первые печатные труды В.П.Васильева появились довольно поздно. Его первая печатная работа была издана в виде небольшой научной заметки в «Казанских ведомостях». Гораздо более важным по своему значению был второй печатный труд В.П.Васильева – «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях». В этой работе ученый дал определение Центральной Азии, которое через 25 лет фактически повторил крупнейший немецкий географ Ф.Рихтгофен. Основанная на китайских источниках, статья привлекла внимание научной общественности, в связи с чем В.П.Васильев был избран действительным членом Русского Географического общества.

В 1853–54 гг. В.П.Васильев совершает поездку в Петербург, благоприятно повлиявшую на его научно-педагогическую деятельность. Эта поездка была связана с работой ученого над составлением каталога китайских, маньчжурских и тибетских книг, находившихся в библиотеке Казанского университета, значительная часть которых была приобретена В.П.Васильевым в Пекине. Работая над созданием каталога, ученый поставил перед собой задачу сделать его максимально полным, включив в него сведения о китайских, маньчжурских и тибетских книгах, находившихся в других крупных книгохранилищах России, и в частности в библиотеке Академии Наук. Контакты ученого с академиками оказались полезными – В.П.Васильев представил в Академию Наук статью «Обозрение книг, относящихся до буддизма», а также «Буддийский терминологический лексикон», работа над которым была начата еще в Пекине. Обзор буддийской литературы был высоко оценен специалистами-востоковедами и в январе 1854 года был рекомендован к печати. В 1855 году он вышел сразу на двух языках – русском и немецком.

Двадцать второго сентября 1854 года В.П.Васильев был утвержден в должности ординарного профессора кафедры китайского

и маньчжурского языков, а ровно через месяц вышел указ о преобразовании Отделения восточных языков при Петербургском университете в Восточный факультет и прекращении преподавания восточных языков в Казанском университете и Первой Казанской гимназии. В апреле 1855 года Министерством народного просвещения было издано распоряжение о переводе студентов и преподавателей-востоковедов из Казанского университета в Петербургский. С момента основания Восточного факультета В.П.Васильев являлся профессором и заведовал кафедрой китайской и маньчжурской словесности. Помимо преподавания китайского языка и литературы В.П.Васильев читал курсы лекций по истории Китая. Он первым в России создал самостоятельный курс истории Китая и сопредельных стран, который значительно расширил и усовершенствовал во время работы в Петербургском университете. В этом курсе во всей полноте проявилась огромная эрудиция и многогранность В.П.Васильева как ученого. Представление о содержании данного курса дают подготовленные В.П.Васильевым учебные программы, которые использовались на протяжении нескольких десятилетий в почти неизменном виде. Основными их разделами были: политико-административное районирование Китая в середине XIX века, «первые времена китайской истории» до XII века до н.э., история по династиям от Западной и Восточной Чжоу (XII – III вв. до н.э.) до правившей в то время маньчжурской династии Цин включительно. Программы предусматривали освещение в лекциях и основных сведений о народах, населяющих территории, пограничные с Китаем, – хунну, сяньби, киданях, чжурчжэнях и монголах. В эти программы входил также раздел «Книги исторические». Наиболее детально были разработаны разделы по истории Китая в средние века.

Помимо курса истории Китая В.П.Васильевым был также написан курс по маньчжурской истории. Кроме этого, сохранилась

черновая программа лекций по истории Тибета, составленная с использованием китайских и индийских письменных источников. Хотя этот курс так и не был прочитан, соответствующие материалы из него включались в курс по истории Китая.

Лекционный курс истории Китая и Маньчжурии В.П.Васильев дополнял на занятиях по китайскому и маньчжурскому языкам «упражнениями в переводах» и толковании текстов исторического содержания. В частности, для этих целей он использовал труды Сыма Цяня, Чжу Си, Ду Чжао, Вэй Юаня и других китайских историографов.

Университетские курсы В.П.Васильева содержали разделы по исторической географии Китая и сопредельных стран. Касаясь стремлений В.П.Васильева излагать историю, опираясь на данные географии, В.В.Бартольд писал: «В.П.Васильев понимал, что без современной географии нельзя знать историческую, без исторической географии нельзя знать историю».

Кипучая и плодотворная деятельность В.П.Васильева вызвала ощутимые сдвиги в преподавании истории Дальнего Востока. Под его влиянием к концу 50-х годов на факультете восточных языков усилилось внимание к «развитию исторических курсов».

Работа над учебными курсами истории и географии стран Дальнего Востока в Петербургском университете послужила для В.П.Васильева импульсом к еще более широкой и систематической научной разработке этих дисциплин. Большинство трудов ученого, изданных с середины 50-х годов прошлого столетия, а также оставшихся достоянием архивов, несомненно, выросло из непосредственных потребностей университетского преподавания.

Однако, отдавая время и силы преподавательской деятельности, ученый не забывал и о деятельности научной. В 70-х годах он снова обращается к буддийской теме, так интересовавшей его в юности. В.П.Васильев пишет большой труд о буддизме, составивший

большую часть книги «Религии Востока» (1873). Затем в 1887 году вышли «Заметки по буддизму» В.П.Васильева, а спустя десятилетие под тем же названием еще одна его работа. С 1897 года по инициативе крупнейших востоковедов, в том числе и академика В.П.Васильева, стала выходить «Bibliotheca Buddhica» (были опубликованы 60 выпусков).

Многие исследователи неоднократно отмечали огромное различие между ранними и более поздними сочинениями по буддизму В.П.Васильева, в которых позиции автора коренным образом различны. Возможно, это было связано с тем, что, видя, как основной труд всей его жизни так и остался невостребованным, ученый во многом разочаровался и пересмотрел свои взгляды как на написанные им работы, так и на сам предмет своих исследований.

С.Ф.Ольденбург в своем докладе, касаясь буддологических исследований В.П.Васильева, говорит о плодотворности многих мыслей ученого о буддизме и приемов его научного анализа. Оригинальность В.П.Васильева как буддолога С.Ф.Ольденбург видел в соединении скептицизма и обращения к первоисточникам. Историческое же место научной деятельности В.П.Васильева определялось, по мнению С.Ф.Ольденбурга, тем, что «преемники идут уже другими путями и никогда не будут обладать широтой и разнообразием познаний своих предшественников, их работы идут больше вглубь, чем вширь».

Необходимость нового подхода понимал и сам В.П.Васильев. Он сформулировал задачу буддологии в России в середине XIX века следующим образом: «Мы уже выразили свою мысль, что нам нужно иметь не самые пространные сведения о всех мелочных фактах, занимавших умы буддистов, нам нужен не перевод всех существующих буддийских книг, а только извлечение существенного из них, точное и верное понятие о главнейших идеях, занимавших некогда умы, о значении их в жизни человечества: представляют ли

они что-нибудь новое для мысли, или это только повторение являющегося и в другом месте».

Востоковед И.Минаев в рецензии на книгу «Религии Востока» отмечал, что научная ценность работы В.П.Васильева в том, что автор «впервые изложил тантризм в его полном объеме». Ф.И.Щербатской, один из последователей и учеников В.П.Васильева, отмечал, что наиболее важное открытие, сделанное В.П.Васильевым в буддологии, состоит в его внимании к сакраментальным словам, произнесенным на 2-ом буддийском соборе в Вайшали. Речь идет о суждении, согласно которому только то есть истинное учение Будды, что не противоречит здравому смыслу. «Этим, – говорит В.П.Васильев, – буддизм дал себе право переменять идеи по мере развития логического и критического мышления».

С 1856 года одна за другой выходили работы В.П.Васильева по истории и географии стран Востока. Необходимо отметить, что соответствующая учебно-вспомогательная литература на русском языке практически полностью отсутствовала, а имеющиеся в обиходе европейские пособия являлись малодоступными, а главное, по оценке преподавателей-востоковедов, неудовлетворительными. Учебные пособия В.П.Васильева наряду с другими его работами, не предназначавшимися непосредственно для учебно-вспомогательных целей, подводили под университетское преподавание весьма солидную научную основу и служили важным подспорьем для студентов в изучении истории и географии Китая и сопредельных с ним стран. В 1863 году на факультете была образована кафедра истории Востока. Ее создание явилось предпосылкой дальнейшего прогресса научных исследований. С этого времени на факультете при деятельном участии В.П.Васильева заметно возросло внимание к преподаванию востоковедных исторических дисциплин, значительно активизировалась и научно-педагогическая работа самого В.П.Васильева в области истории, географии и археологии Дальнего

Востока. Он все шире вводил в лекции материалы по истории сношений Китая с Россией и другими государствами.

С конца 60-х годов XIX века В.П.Васильев стал проявлять еще большее внимание к созданию новых учебных пособий. В 1868 году выходят его «Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии», «Краткий очерк географии Китая», «Конспект династий, государей и их годов правления», «Краткий очерк китайской истории». Вслед за тем были напечатаны «заметки по истории и географии Китая» и в 1895 году – «География Тибета».

Таким образом, продолжительная и многогранная деятельность В.П.Васильева в Петербургском университете наряду с другими его достижениями на научно-педагогическом поприще увенчалась становлением более или менее систематического преподавания истории Китая и расширением методической базы преподавания китайского языка. Благодаря его вниманию и активной поддержке в университете на исходе прошлого столетия начала определяться специализация научных исследований и обучения по профилю истории Китая.

Что касается вклада В.П.Васильева в отечественную и мировую буддологию, то его трудно переоценить. За прошедшее столетие наука обогатилась многочисленными трудами буддологов. И тем не менее даже в свете новых достижений труды В.П.Васильева нельзя рассматривать лишь как памятник истории науки. В лучших работах В.П.Васильева, особенно в книге «Буддизм. Его догматы, история и литература» и в Терминологическом буддийском словаре содержатся живой, требующий дальнейшей разработки материал и интересные мысли для плодотворного научного исследования и в наши дни. Особую научную ценность представляют подробные аннотации важнейших махаянских источников, характеристика отдельных школ буддизма. Многие замечания и соображения ученого и сейчас порой звучат как указание направлений исследования.

Роль В.П.Васильева в развитии отечественной и мировой ориенталистики еще предстоит оценить. Тем не менее, хочется верить, что его труды, неопубликованные и незаслуженно забытые, рано или поздно будут изучены и найдут своих читателей.

Э.Э. Уланова, г. Москва

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ, ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И СЛОВОПОДОБНЫЕ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном китайском языке с понятием ономапоэтии тесно связано понятие редупликации, поскольку ономапоэтические слова часто представлены удвоенной формой. Важным свойством таких слов китайского и других восточных языков является то, что, выполняя свою прямую функцию имитации звучаний окружающей действительности, они часто выступают в виде повторов, описывающих образ, состояние, движение предметов и впечатления, связанные с ними.

Современный китайский язык изобилует ономапоэтическими повторами, которые характеризуются многообразием структуры и форм реализации, поэтому, на наш взгляд, чрезвычайно важна классификация и четкое разграничение подклассов данных слов в пределах всего класса.

Ономапоэтические слова в китайском языке делятся на:

1. собственно звукоподражания, например: *weng'weng'* «звукоподражание жужжанию пчелы, насекомых», *wa'wa'* «звукоподражание плачу новорожденного», *sou'sou'* «звукоподражание свисту ветра», *wu'wu'* «звукоподражание гудку поезда, свистку», *cheng'cheng'* «звукоподражание звуку цина», *huo'huo'* «звукоподражание точке

ножа», *hu¹la¹la¹* «звукоподражание хлопку по материи», *gua¹ji⁰gua¹ji⁰* «звукоподражание топоту, звукам шагов». (Ср. русск. *гав-гав, ха-ха, плух, ж-ж-ж*).

2. звукоподражательные слова, обладающие собственной частеречной характеристикой, например, *xi¹xu¹* «вздыхать, всхлипывать», *rao²xiao¹* «реветь, рычать (о льве, тигре)», *ao²ao²* «оглушительный рев оркестра, рокот струн, гул». (Ср. русск. *мычать, свистеть, кукареканье, кукушка*).

3. словоподобные звукоподражательные комплексы.

В китайском языке звукоподражание *jiu¹jiu¹* может входить в именную или глагольный комплексы, сравните: (*niao³de*) *jiu¹jiu¹sheng¹* «чирикание, щебет (птиц)», *ting¹dao⁴ niao³de jiu¹jiu¹yi¹sheng¹* «услышать чирикание, щебет птиц» и *jiu¹jiu¹jiao⁴* «чирикать, щебетать».

Сложные комплексы, включающие глагол и звукоподражание, например, *ha¹ha¹da⁴xiao⁴* «громко расхохотаться», *sha¹sha¹luan⁴xiang³* «шуршать (о звуке падающего снега с градом)», описывают действие с помощью звукоподражания в виде повтора. (Ср. русск. *гоготать*, англ. *to giggle* «хихикать», *to clank* «бряцать», *to buzz* «жужжать, гудеть», *fizzy* «шипучий, шипящий»).

Отличие китайских оноματοпозитических слов от звукоподражательных слов в других языках проявляется в том, что в последних звукоподражания оформляются в слова морфологически. В китайском языке большинство оноματοпозитических словоподобных комплексов образуются в словоподобные единицы с помощью повторов. Такие комплексы могут играть разнообразную грамматическую роль благодаря тому, что звукоподражания присоединяются к словам разной частеречной природы.

Оноματοпозитические слова в китайском языке можно разделить на экспрессивные и изобразительные. В первом случае для передачи или отражения внутреннего (эмоционального или физического)

состояния говорящего используются такие произвольные, симптоматические звуки как кашель, икание и др., например: *gu'lu'gu'lu'* и *du'lu'du'lu'* «звук, когда большими глотками пьют воду», *gu'lu'* «звуки урчания в желудке», *hu'lu'* «звукоподражание храпу», *e'e'* «звукоподражание икоте», *ge'ge'* «звукоподражание отрывке», *xu'xu'* «звукоподражание тяжелому дыханию, одышке».

Категория изобразительных звукоподражаний передает звуки, хотя в реальной речи они могут только отдаленно напоминать их, например: *zha'zha'* «стучать зубами от холода», *heng'hai'* «стонать, вздыхать», *hou'hao'* «рычать». В данную категорию также входят многочисленные звукоподражания, напоминающие звуки, издаваемые животными: *gua'gua'* «звукоподражание кряканью, кваканью», *ga'ga'* «звукоподражание гоготанью», *ji'ji'cha'cha'* «звукоподражание стрекоту цикад, сверчка», *xiao'xiao'* «звукоподражание ржанию лошади», *si'si'* «звукоподражание шипению змеи».

Особо следует отметить, что одно и то же звукоподражание может использоваться для характеристики разных объектов или действий, наделенных общим признаком. Так, например, *xiu'xiu'* употребляется для передачи шума от быстро движущегося предмета: *hen'duo' qi'che' xiu'xiu'de guo' wo'de shen'bian'* «мимо меня со свистом проносятся машины». То же самое можно сказать о свисте проносящихся пуль или стрел, а также о сильном и быстром потоке воздуха и ветра, например: *xiu'xiu'de feng'sheng'* досл. «звукоподражание сильному ветру, просвистывающему мимо».

В большинстве звукоподражаний с инициальной /p/ в китайском языке описывается громкий звук. Так, например, из 300 выбранных звукоподражаний встретилось 16 слов с инициальной /p/. Все они обозначают громкий звук, например: *peng'peng'* «громкий стук в дверь», *ping'pai'* и *peng'pai'* «звукоподражание реву волн», *pi'li'pa'la'* «звукоподражание треску хлопушек», *pi'pi'pa'* «звукоподражание

трескотне (о винтовке, аплодисментах), громкому шелесту перелистываемых страниц», *ping¹ling²pang¹lang²* «звуки беспорядочного шума, треска, шумной ссоры или сцены между супругами с битьем тарелок», *ping¹ting¹pang¹teng¹* «звуки беспорядочного шума, треска», *peng¹peng¹* «звук падения большого предмета на землю», *ping¹ping¹pang¹pang¹* «звук падения многочисленных предметов на землю», *pai¹pai¹* «звук пощечин», *pi¹pa¹* «звук разрыва веревки».

Аналогичное употребление отмечено для инициала /h/. Все из 30 слов с /h/ обозначают громкий звук, но признак громкого звука иной, например: *hu¹hu¹* «звукоподражание завыванию ветра», *hong¹huo⁴* и *hong²hong²* «звукоподражание рокоту волн», *hua¹la¹la¹* «звукоподражание плеску как гулу, шуму (о ручье, флаге на ветру, водопаде», *hong¹ling²*, *hong²hong²* и *hong¹long²* «звукоподражание гроыханию, грохоту», *hong¹hong¹* «звукоподражание грохоту колес», *hu¹la¹la¹* «звукоподражание хлопанью крыльев стаи поднимающихся птиц», *hong²hong²* «звукоподражание мощному звуку, например, отзвукам в ущелье», *hu¹lu¹lu¹* «звукоподражание мерному шуму, непрерывному реву», *hai⁴hai⁴* «звукоподражание бою барабана».

Подобное использование звукоподражаний напоминает звуко-символизм, хотя в китайском языке оно-мато-позитические слова могут быть разнесены по определенным семантическим полям, обозначающим один общий признак, где каждое звукоподражание, входящее в это поле, уточняет этот отображаемый признак.

Следует также отметить, что в китайском языке распространены индивидуализированные звукоподражания, которые описывают только один признак, например: *ying¹ying¹* «звук тихого плача», *ca¹ca¹* «стук копыт стремительно скачущего коня по сухой степи», *du³du³* «стук копыт стремительно скачущего коня по заболоченному полю», *shua¹la¹shua¹la¹* «звук мытья, например, когда мокрой щеткой скребут кастрюлю», *ka¹ca¹* «звук режущих ножниц», *xi¹li¹hu¹lu¹* или *xi¹xi¹lu¹lu¹*

«звук громкого и быстрого поедания пищи (особенно супа) как характеристика некультурного и невоспитанного человека», *hu'lu'hu'lu'* «звук, издаваемый при шумном поедании лапши (говорится о японцах)», *ding'ling⁰dang'lang'* «звукоподражание звону фарфора, металла (о мелодичном звуке)», *qi'ling⁰ka'lang'* «металлический звон как шум, например, шум кастрюль», *cong²cheng'* «звукоподражание звону нефритовых подвесок», *kuang'lang'lang'* «звукоподражание дребезжанию».

Можно утверждать, что в восточных культурах большое внимание придается тому, как воздействует на человека окружающий его мир (а именно звуки, вещи и т.п.), вследствие чего восточные языки передают детализированное описание слуховых, визуальных, вкусовых, температурных, тактильных, кинетических и других ощущений.

Многие из ономатопоэтических слов китайского языка не имеют соответствий в русском языке, поскольку отображаемые ими объекты-денотаты в разных языках различаются характером ассоциативного мышления носителей этих языков. Ономатопоэтические слова китайского языка зачастую не вписываются в привычные рамки европейского языкового сознания и поэтому требуют особого рассмотрения в плане связи данных слов с историко-культурной и этнопсихологической спецификой китайского языка (Ср. в китайском: *zhi⁴zhi⁴* «звукоподражание хрусту срезаемой травы, колосьев», *sao' sao'* «звукоподражание шуршанию промываемого риса», *hui⁴hui⁴* «звукоподражание шелесту крыльев летящей птицы», *jie'jie'* «звукоподражание реву мифического морского чудовища», *gu'gu'* «звукоподражание звуку рассыпающихся жемчужин»).

Собственно звукоподражания не всегда имеют строго фиксированное написание, например, *pia* «звук, когда флаг полощется на ветру», *piang* «звук удара» и *giguai* «скрип весел»

(тайв.) не имеют определенных иероглифов, в то время как звукоподражательные слова, например, *hao²tao²* «вопить, голосить, рыдать», *chao¹chao¹* «шуметь» записываются регулярно одними и теми же иероглифами.

Следует особо отметить, что в китайском языке большинство звукоподражательных слов-повторов зафиксированы в словаре и активно употребляются в речи и на письме.

В.А. Хабибулин, г. Москва

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном китайском языке грамматические отношения между словами в предложении определяются их порядком, а также служебными морфемами. Порядок членов предложения, указывающий на синтаксические связи между словами, называется грамматическим порядком. В китайском языке существует четыре типа грамматического порядка слов в предложении: «подлежащее – сказуемое – дополнение», «обстоятельство места – сказуемое – подлежащее», «дополнение – подлежащее – сказуемое», «подлежащее – дополнение – сказуемое».

Порядок «подлежащее – сказуемое – дополнение» является основным грамматическим порядком. Он характеризуется тем, что в нем подлежащее предшествует сказуемому, а дополнение ставится после сказуемого. Данный порядок применяется в повествовательном и отличающихся от него по цели высказывания – вопрос, восклицание, побуждение – предложениях.

Порядок членов предложения зависит от двух причин: грамматических связей слов в предложении и логических связей

между ними, проявляющихся в форме актуального членения предложения. В зависимости от коммуникативной задачи сообщения слова в предложении могут быть поставлены в порядке, отличающемся от основного грамматического порядка, однако этот порядок не изменяет синтаксические связи между словами в предложении. Для выражения синтаксических связей между словами в предложении в условиях измененного порядка слов применяются либо грамматические формы, либо такие просодические средства, как пауза и интонация. Изменение основного грамматического порядка членов предложения называется инверсией.

Инверсия выступает в двух формах: частичной и полной. Частичная инверсия заключается в изменении положения вспомогательного глагола, при этом грамматический порядок членов предложения не изменяется. Например, применение вспомогательного глагола при выражении вопроса в английском языке. При полной инверсии изменяется грамматический порядок членов предложения.

Инверсия выступает в двух функциях: синтаксической и эмотивной. При синтаксической инверсии, обусловленной выражением объективного отношения к действительности речевого обращения, в языке с постоянным порядком слов изменяется грамматический порядок членов предложения, и при этом образуется другое предложение, отличающееся по цели высказывания. При эмотивной инверсии, обусловленной выражением субъективного отношения к действительности речевого обращения, грамматический порядок членов предложения тоже изменяется, но это не ведет к образованию нового вида предложения по цели высказывания.

Установление критерия функции инверсии в такой форме обусловлено тем, что вопросительное, восклицательное и побудительное предложения отличаются от повествовательного показателем вопроса, восклицания, побуждения¹. В современном

китайском языке синтаксическая инверсия основного грамматического порядка членов предложения имеет место в предложении наличия, и заключается она в изменении грамматического порядка главных членов предложения от последовательности «подлежащее – сказуемое» к последовательности «сказуемое – подлежащее».

Категория залога связывает действие, обозначенное глаголом, с субъектом действия и показывает отношение действия к субъекту. Собственно залоговым отношением является выражаемое противопоставлением активных и пассивных конструкций отношение между действием и субъектом. Действительный и страдательный залог описывают одну и ту же ситуацию, которая в каждом из этих случаев рассматривается с разных точек зрения.

В современном китайском языке залог является грамматической категорией, выражаемой средствами синтаксиса. При выражении залоговых отношений дополнение эмотивно инверсируется. Для выражения того, с какой точки зрения рассматривается описываемая ситуация, применяются служебные морфемы БА и БЭЙ, которые первоначально были заменены глаголами²: БА имело значение «держать в руке, схватить», БЭЙ – «нести на спине, быть пострадавшим». Впоследствии они утратили свое первоначальное глагольное значение и превратились в глаголы-предлоги.

Морфема БА применяется, когда описывается ситуация, где субъект совершает действие, обозначенное глаголом-сказуемым. В этом случае дополнение с БА помещается между подлежащим и сказуемым перед глаголом: Во ба та дала. «Я его побил».

Морфема БЭЙ применяется, когда описывается ситуация, где субъект представляется в качестве объекта действия, обозначенного глаголом-сказуемым. В этом случае дополнение с БЭЙ ставится перед подлежащим в начале предложения: Та бэй во дала. «Он мною побит».

Постановка Ба перед инверсированным дополнением, а Бэй после инверсированного дополнения обусловлена их первоначальным глагольным значением. Предложение «Во ба та дала. «Я его побил.» имело дословно значение «Я, схватив его, побил». Члены данного предложения располагались в последовательности «подлежащее – сказуемое – дополнение – сказуемое». Предложение «Та бэй во дала. «Он мною побит.» допустимо понимать как «Он страдает, я бил (его)». Члены данного предложения располагались в последовательности «подлежащее – сказуемое, подлежащее – сказуемое».

В древнем китайском языке не было пассивной конструкции³. Морфемы БА и БЭЙ постепенно утратили свое лексическое значение, но по-прежнему занимают свою грамматическую глагольную позицию. Эмотивно инверсируемый порядок членов предложения маркируется соответствующей паузой как просодическим указателем изменения порядка слов⁴.

В современном китайском языке, по-видимому, существует тенденция к соответствию грамматических конструкций предложений и реальных ситуаций, которые они описывают, поэтому предложений с выраженной пассивной конструкцией немного, так как страдательный залог не описывает никакой новой ситуации по сравнению с действительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хабибулин В.А. О порядке слов в современных китайском, английском и русском языках. – Владивосток, 1996.

² Ван Ли. Чжунго юйфа лилунь (Теория китайской грамматики). – Шанхай, 1951, т. I; Гао Минкай. Ханьюй юйфа лунь (Теория грамматики китайского языка). – Шанхай, 1951.

³ Ван Ли. Указ. соч.; Гао Минкай. Указ. соч.

⁴ Румянцев М.К. Тон и интонация в современном китайском языке. – М., 1972.

SUMMARY

The voice connects acting and the subject of this acting and indicates the relation between acting and the subject using the opposition of active and passive constructions. In modern Chinese language the voice is the grammatical category, that is indicated using syntax morphemes: BA (active voice) and BEI (passive voice).

A.C. Хорошкина, г. Москва

К ОПИСАНИЮ КИТАЙСКИХ РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Доклад посвящен изучению некоторых свойств результативных конструкций в современном китайском языке (путунхуа). Сделана попытка обосновать наблюдаемые особенности аргументной структуры результативных конструкций при помощи синтаксических и коммуникативных свойств этих конструкций.

Предмет исследования.

Результативные конструкции, будучи одним из наиболее интересных явлений китайской грамматики, неоднократно становились предметом исследований в самых различных аспектах. Обычно результативная конструкция определяется как сочетание двух предикативов, связанных результативным отношением, то есть обозначающих две ситуации, вторая из которых имела место как результат первой. Не существует единого мнения относительно того, является ли это сочетание синтаксической конструкцией или сложным словом.

Действительно, вопрос о том, можно ли считать РК словосочетанием, представляется спорным, поскольку компоненты

РК имеют очень малую степень самостоятельности. Компоненты РК не могут быть разделены никакими элементами, кроме *de/bu* (показателей формы т.н. потенциального наклонения). РК имеет единое морфологическое оформление. Единственная область, где компоненты конструкции обнаруживают некоторую самостоятельность – это область обязательных актантов конструкции.

Аргументная структура РК.

Следует отметить, что поскольку современный китайский язык принадлежит к числу языков со слабо развитой морфологической системой, то количество обязательных актантов у предиката невелико. Для большинства глаголов это количество не превышает трех, причем трехвалентных глаголов очень немного. Соответственно, большинство РК тоже являются одно- или двухвалентными. Для удобства описания в исследуемый материал не были включены трехвалентные РК; однако выводы, сделанные в работе, применимы и к ним.

Аргументная структура результативной конструкции “наследуется” от ее компонентов, но соотношение между структурой аргументов всей конструкции и структурами компонентов не всегда тривиально. Например, конструкция ‘*pao-teng*’ (*бежать-болеть*), каждый из компонентов которой непереходен, является переходной, причем объектом конструкции является именная группа, которая была бы субъектом второго компонента, употребленного в независимой предикации. (Ср.: *Ta pao-teng-le tui* “Он (*subj*) бежал так, что заболели ноги (*obj*)”). Как видно из приведенного примера, субъект одного из компонентов может кодироваться как объект конструкции; теоретически возможно и обратное. Кроме того, поскольку обычно РК имеет не более двух синтаксических актантов, но в тоже время каждый из ее компонентов тоже может иметь один или два актанта, то некоторые из актантов компонентов конструкции могут оказаться не выраженными по-настоящему в качестве актантов

самой конструкции. Например, переходный глагол 'хие' (*изучать*) может быть компонентом непереходной конструкции 'хие-lei' (*устать от учебы* [букв. *изучать-устать*]).

На основе корпуса примеров была составлена классификация существующих типов аргументных структур РК и выявлены возможные типы соотношений между структурой РК и структурами ее компонентов. Были обнаружены следующие закономерности:

невыраженными (т.е. не входящими в аргументную структуру всей конструкции) могут быть только аргументы первого компонента;

аргументы второго компонента всегда выражаются как аргументы РК;

если РК непереходна, то субъект ее совпадает с единственным актантом второго компонента, а если она переходна, то, как правило, субъект второго компонента выражается в виде ее объекта.

Можно предположить, что подобная несимметричность в поведении аргументов компонентов конструкции связана с различным статусом в конструкции самих компонентов. Следовательно, для того, чтобы объяснить особенности аргументного строения конструкции, нужно определить статус каждого из компонентов в этой конструкции.

Вопрос о том, какой из аргументов конструкции является главным, а какой – зависимым, неоднократно поднимался в лингвистических работах. (см. [Chang 1998], [Li 1984], [Lu 1977], [Shi, Chan 1998] etc).

Мы предлагаем решать этот вопрос, рассмотрев РК в двух аспектах: синтаксическом и коммуникативном.

Синтаксические свойства РК.

Исследованный языковой материал позволяет сделать следующее заключение: если субъекты компонентов РК некорреферентны, то в качестве субъекта РК кодируется субъект

первого компонента. Субъект второго компонента может в этой ситуации становиться субъектом конструкции только в том случае, если субъект первого вообще не выражен как ее актанта; в других случаях он становится объектом РК. Иначе говоря, аргументы первого компонента конструкции маркируются как синтаксические единицы более высокого ранга.

Это означает, что первый компонент конструкции с точки зрения синтаксиса имеет приоритет над ее вторым компонентом; второй компонент является синтаксически зависимым от первого.

Коммуникативные свойства РК.

Другая наблюдаемая особенность аргументной структуры РК заставляет нас обратиться к ее коммуникативным свойствам. Как было сказано, некоторые из аргументов компонентов могут быть не выражены в качестве актанта конструкции, причем это может происходить только с актантами первого компонента; актантами второго компонента всегда оказываются выражены поверхностно.

Это говорит о том, что с коммуникативной точки зрения более важным является второй компонент конструкции. Менее коммуникативно значимые единицы легче подвергаются опущению, поэтому тот из компонентов, чьи актанта могут опускаться, следует считать менее коммуникативно нагруженным. Мы предполагаем, что компонент значения “достижение результата как следствие некоторой ситуации”, выражаемый вторым компонентом конструкции, входит в прагматическую ассерцию высказывания (т.е. сообщает некоторую новую информацию), в то время как компонент значения “ситуация [имевшая некоторый результат]”, выражаемый первым компонентом – в ее прагматическую презумпцию. Это легко проверить с помощью отрицания: известно, что презумпция – это часть значения, сохраняющаяся при отрицании. Предложение *'Nei-ben shu wo hai mei kan-wan-ne'* (эту книгу я еще не дочитал) содержит компонент

значения “ситуация [имевшая результат]”. Отрицанию подвергается только сам факт достижения результата.

Выводы.

Итак, было показано, что первый компонент результативной конструкции имеет синтаксический приоритет, а второй компонент – коммуникативный. Эти свойства конструкции позволяют обосновать наличие и отсутствие тех или иных типов аргументной РК. Кроме того, информация о синтаксическом и прагматическом устройстве РК может оказаться небесполезна и для исследований, не связанных непосредственно с аргументной структурой РК. В частности, при решении вопроса о том, словом или словосочетанием считать РК, следует учитывать, что ее компоненты имеют различный прагматический и синтаксический статус, а значит, ее нельзя относить к прототипически монопредикативному типу.

Наконец, выводы, сделанные относительно китайских результатов, могут быть приложены к материалу других языков. Хотя “результативная конструкция” – это термин, принятый в китаеведении и не вполне соответствующий традиционному пониманию результата (ср. [Типология..., 1983]), однако можно привести некоторые типологические параллели. Так, конструкции со сходной семантикой имеются в германских языках: ср. англ. *He struck them dead; He painted the wall white*; шведск. *Han rensopade golvet (он дочиста подмел пол)*; *Lasse faerdigskev satsen (Лассе доукал предложение)*; нем. *Sie wusch seine Kleidung rein (Она выстирала платье добела)*.

В германских языках такие сочетания, как правило, значительно лексикализованы и не образуются в языке продуктивно (в шведском и немецком они чаще функционируют как сложные слова); тем не менее, как нетрудно проверить, они обладают сходными характеристиками.

Похожее распределение коммуникативных свойств отмечается для русских пар СВ – НСВ результативное (см. [Падучева 1996]).

ЛИТЕРАТУРА

- Chang C.H.* V-V compounds in Mandarin Chinese: argument structure and semantics // *New approaches to Chinese word formation. Morphology, phonology and the lexicon in modern and ancient Chinese.* / Ed. By J.L. Packard. – Berlin, N.Y., 1998.
- Li Linding.* Dongbu ge ju shi // *Zhongguo Yuwen.* – 1980. – № 2.
- Lu Shuxiang.* Hanyu jufa-de linghuoxing // *Zhongguo Yuwen.* – Beijing, 1986, – №1.
- Li Linding.* Jiujing nage bu nage? // *Hanyu xuexi.* – 1984, №1.
- Lu John. H.-T.* Resultative verb compounds vs. directional verb compounds in Mandarin // *Journal of Chinese linguistics.* – 1977, – Vol.5, №2.
- Shi D., Chan C.* The internal structure of Chinese resultative constructions // *Китайское языкознание: Материалы IX международной конференции.* – М., 1998.
- Teng Shou-hsin.* A grammar of verb-particles in Chinese // *Journal of Chinese linguistics.* – Berkeley, 1977. – Vol. 5, № 1.
- Wang Hongqi.* Dongjieshi shubu jiegou peijia yanjiu. Xiandai hanyu peijia jufa yanjiu (*Исследование валентной структуры результативной конструкции*) // *Исследования по грамматике валентностей современного китайского языка.* – Beijing, 1995.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования. – М., 1996.
- Типология результативных конструкций. – Л., 1983.

А.Н. Хохлов, г. Москва

ХАРБИНСКИЙ КИТАИСТ Г.А. СОФОКЛОВ И ЕГО МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Среди россиян – преподавателей китайского языка в Харбине, возникшем на р. Сунгари в 1898 г. в связи со строительством КВЖД на территории Маньчжурии, наибольшим авторитетом в 20–30-х гг. XX в. пользовался Георгий Александрович Софоклов. Начальное образование он получил в Пензенской духовной семинарии, а затем,

подобно другим сверстникам – бывшим семинаристам, обучался в Восточном институте, учрежденном во Владивостоке в 1899 г.¹ Уже в годы учебы в этом ориентальном вузе его успехи в изучении китайского языка обратили на себя внимание руководства Восточного института, которое в мае 1907 г. приняло решение об оставлении своего талантливого выпускника при вузе для подготовки к должности профессора китайской словесности². В связи с предстоящей поездкой Г.А. Софоклова в Пекин с научной целью директор Восточного института А.В. Рудаков в августе 1907 г. направил российскому посланнику в Китае Д.Д. Покотилову письмо с просьбой об оказании содействия китаисту, оставленному «при Институте для подготовки к доцентуре»³. В китайской столице молодой специалист-китаевед оставался недолго, т.к. по рекомендации Д.Д. Покотилова его направили в г. Ханькоу (на р. Янцзы), где под руководством известного китаиста Я.Я. Брандта полным ходом шла реорганизация русско-китайской школы, учрежденной при поддержке видного китайского сановника Чжан Чжи-дуна⁴.

По прибытии в Ханькоу, главный центр закупок и производства чая российскими купцами, Г.А. Софоклов сразу же включился в педагогическую работу. По мере преподавания китайцам русского языка и установления контактов с местным русским населением его деловые связи с местной китайской администрацией настолько окрепли, что он выступил с инициативой издания на русском языке еженедельного бюллетеня с обзорами китайской прессы для ознакомления местных россиян с событиями, происходившими в Китае. На основе реферирования китайских газет, получаемых русско-китайской школой, Г.А. Софоклов наладил выпуск листка под названием «Долина Янцзы», дававшего краткие сведения относительно места издания той или иной газеты и ее основного содержания. Несмотря на «невзрачный вид и вакационные

перерывы»⁵, издаваемый Г.А. Софокловым бюллетень пользовался широким спросом у россиян, в том числе тех, кто находился в Китае в служебной командировке либо в качестве туриста. Чтобы дать российскому читателю более подробную информацию о характере основных публикаций той или иной китайской газеты, позволяющую судить о ее программе, издатель русского бюллетеня предложил каждому ученику старшего класса школы подготовить аналитический обзор содержания какой-либо одной газеты на основе составленных им вопросов, письменные ответы на которые позволили бы определить основные направления китайской прессы. Полученная таким путем информация легла в основу материалов 14-го выпуска «Долины Янцзы», значительно расширивших представления россиян о многообразной гамме сюжетов китайских газетных публикаций и их политической направленности.

Склонность к журналистике особенно ярко проявилась в подготовке Г. А. Софокловым самостоятельных корреспонденций, в том числе по горячим следам тех или иных важных событий. Так, в журнале «Вестник Азии» (№ 6), издаваемом Обществом русских ориенталистов (возникшем в Харбине в 1909 г.), появилась его статья «Современный Китай на Нанкинской выставке». Об актуальности избранного Г.А. Софокловым сюжета позволяет судить, например, тот факт, что о работе Нанкинской выставки неоднократно писала в январе 1911 г. популярная петербургская газета «Новое время» (№№ 12503, 12504 и др.).

Длительный опыт общения с китайской провинциальной администрацией и местным населением в Центральном Китае особенно пригодился Г. А. Софоклову после переезда в Маньчжурию, где прошла основная часть его дальнейшей творческой жизни, полной стремительных взлетов и тяжелых падений из-за нестабильной политической обстановки в этом регионе, где после русско-японской войны 1904–1905 гг. значительно окрепли позиции

Японии. В годы первой мировой войны Г. А. Софоклов, находясь в Харбине, состоял на службе в Правлении Общества КВЖД, выполняя обязанности переводчика в Отделе Уполномоченного по сношениям с китайскими властями⁶. Постоянные контакты с китайской администрацией КВЖД и участие в урегулировании споров, возникавших у КВЖД с местными китайскими властями, потребовали от него совершенствования знаний не только в китайском языке, главным образом в деловой переписке, но и в области международного права. В октябре 1916 г. его, как сообщал «Харбинский вестник», предполагалось направить в Шанхай с целью ознакомления с деятельностью смешанного суда, функционировавшего на территории европейской концессии⁷. Одним из результатов занятий Г.А. Софоклова международным правом явился его перевод английской статьи одного китайского автора о правовом положении иностранцев в Китае, появившийся в журнале «Вестник Азии» (№ 46) в 1918 г.

Когда в Харбине под влиянием февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. возникла Трудовая народно-социалистическая партия, на ее учредительном собрании выступил ее член Г. А. Софоклов, поделившийся с участниками заседания своими соображениями о международном положении КВЖД и особенно Харбина, основанными на изучении русско-китайских и международных законодательных актов. Чтобы представить характер политических взглядов Г.А. Софоклова в этот период, достаточно обратиться к ответу, данному его коллегой-китаистом И.А. Добролювским на вопрос относительно названия вышеупомянутой партии. Последний, будучи избран ее председателем, дал такой ответ: «Она – трудовая потому, что ставит себе целью освобождение всякого труда, физического и умственного, от тех условий, в которых он сейчас находится... Партия – народная потому, что трудящиеся, которых зовет под свои знамена партия, составляют весь народ и только

усилиями всего народа можно добыть для него всю власть. Партия – социалистическая потому, что она признает социализм как светоч лучшего будущего и как единственно правильный путь к торжеству свободного труда»⁸.

Из-за драматических событий, связанных с Октябрем 1917 г. и началом гражданской войны в России, русское население Маньчжурии, в том числе рабочие и служащие КВЖД, надолго оказались отрезанными от родины. При этом на их положение губительно повлияли меры китайских властей, направленные на ликвидацию старой системы неподсудности россиян местным китайским судам. В результате установления китайскими властями своего единоличного контроля в зоне КВЖД Г.А. Софоклов, как и многие его соотечественники, остался не у дел, превратившись в безработного. Об этом он сообщил в Тяньцзинь своему знакомому по Японии д-ру Н.К. Судзиловскому (Русселло) (1848–1930), видному российскому эмигранту, осевшему в Китае после пребывания в разных странах Азии. Вот что писал Г.А. Софоклов 8 мая 1921 г. из Харбина: «Невзгоды Харбина на моей судьбе также отразились. Как известно, смешанный суд и китайская газета «Юань-дун бао», в которых я работал, закрыты».

В дополнительной записи, сделанной 15 мая в том же письме, автор сообщал: «Целую неделю был отвлечен устройством, скорее поисками места. Везде – сокращение штатов и засилье китайцев, объявивших себя собственниками никогда не принадлежавшей им Восточно-Китайской [железной] дороги, на которую они не затратили раньше [почти] не гроша, а получили от нее все выгоды в своей дотеле пустынной Маньчжурии...

Пока еще не устроился нигде и не знаю, за что приняться. А между прочим я нынешним летом как раз собирался взять отпуск и побывать на серных водах. После инфлюэнции у меня опять появился ишиаз и унзенского купанья [в Японии] хватило всего на два года. Я

как раз хотел написать Вам, чтобы спросить Вашего совета – где провести месяца два с большой пользой для излечения ишиаса и ревматизма в Японии. Но теперь едва ли попаду куда-либо...

Буду Вам очень обязан, если найдете возможным заглянуть в книжный магазин в Тяньцзине – «Commercial Press», 22, Victoria Road и узнать, не имеется ли у них судебного (энциклопедического) словаря или на японском или на китайском или японо-европейском (какой-либо европейский язык) или китайско-европейском языке. Я работаю теперь по вопросам китайского судопроизводства и очень нуждаюсь в таком словаре.

Искренне преданный Вам Г. Софоклов⁹.

Окончательно потеряв надежду найти подходящую работу, Г.А. Софоклов отправился в Пекин, чтобы возобновить свои прежние занятия по китайской филологии. Однако привычный ритм его каждодневных упорных занятий, подчас в ущерб личному здоровью, был нарушен тяжелым заболеванием, и его с двусторонним воспалением легких в 1923 г. положили в больницу для иностранцев, содержащуюся в китайской столице на средства рокфеллеровского фонда. Здесь, на больничной койке, он столкнулся с серьезными испытаниями, о которых поведал в письмах, адресованных Н.К. Судзиловскому. О подробностях его пребывания в лучшей больнице Пекина позволяют судить приводимые ниже выдержки из этих писем. Так, 10 ноября 1923 г. Г.А. Софоклов сообщал: «Жена передала мне Ваше письмо, т. к. я еще в госпитале. Она же пишет Вам под мою диктовку... Операция моя – конечно, не сложная, – окончена, но положение мое оказалось сложным. Очевидно, произошло заражение крови. Одна из девочек-китаянок после операции [по неопытности] вместо морфия в брюшную полость вспрыснула какой-то дряни. В результате – гнилостное заражение легких: оперированная нога теперь превратилась в бревно, [чувствую] повышение температуры, общий упадок сил и т. д.»¹⁰

С дополнительной информацией о ходе своей болезни Г. А. Софоклов познакомил Н. К. Судзиловского в письме от 6 декабря, в котором сообщил о нижеследующем: «Настоящее положение[моё] – такое: спортсменская грудь, видимо, справилась с обоими воспалениями легких; левая нога опала [от возникшего разбухания] и получила способность движения; правая нога... угощает меня болями, от которых я не могу спать по ночам, т. к. приходится прибегать к наркотикам. Лежу я в безобразном положении с поднятыми ногами и с приподнятой головой под каким-то нелепым острым углом...

Несмотря на мое лежачее положение, недавно с женой [мы] составили в госпитале меморандум [Л.М.] Карахану для устройства в Пекине большого эсперантского института и эсперантской газеты, причем на суммы боксерского вознаграждения. Лежу и с крайним интересом жду – будет ли создан в Пекине интернациональный институт, который должен сыграть громадную роль для «всего Дальнего Востока»¹¹.

Когда Г.А. Софоклову стало легче и он смог читать приносимые ему журналы, ему захотелось поделиться своими мыслями и наблюдениями, сделанными на больничной койке. Так, 22 декабря 1923 г. он сообщил Н.К. Судзиловскому: «Через [певицу] Марию Александровну Каринскую ко мне попал Ваш журнал «В поисках истины» (№ 3). Я крайне заинтересовался его содержанием, хотя к теософии и мистике, признаюсь, всегда относился осторожно-подозрительно...

В момент величайшей опасности, угрожавшей моему здоровью, когда у меня явно определилась закупорка в легких, когда один из врачей грубовато вслух предназначил меня в покойницкую, я был предоставлен без всяких лекарств самому себе и своим силам. Я находился между жизнью и смертью несколько дней, и только

необычайным напряжением сил поборол болезнь и так быстро, что даже удивил врачей...

Я только что прочел вчера статью на эсперантском языке в последнем номере женевского «Эсперанто» о роли самовнушения в излечении болезни. Французский доктор в Нанси делает теперь чудеса... Я сравниваю новые методы с методами лечения Рокфеллеровского института, которые характеризуются полным невниманием к психике больного»¹².

После выписки из больницы Г.А. Софоклов вернулся в Харбин, где после долгих мытарств ему удалось получить место преподавателя на курсах китайского языка, субсидируемых Правлением Общества КВЖД. В этой должности педагога он проработал добрый десяток лет.

Потребность в квалифицированных кадрах переводчиков ощущалась на КВЖД постоянно, начиная со времени строительства этой железнодорожной магистрали. Поэтому, помимо учреждения специальной школы переводчиков в Пекине в 1899 г., в Харбине в последующие годы по инициативе руководства КВЖД неоднократно создавались краткосрочные и долгосрочные курсы китайского языка для подготовки лиц, знакомых с китайской письменностью. Так, 14 марта 1903 г. выходившая в Порт-Артуре газета «Новый край», ссылаясь на сообщение владивостокской газеты «Дальний Восток», писала, что в г. Харбине на средства КВЖД открыта школа для практического изучения китайского языка. Как сообщала эта газета, для этой цели из Пекина был приглашен китаец, который «за незнанием русского языка» вел занятия с помощью переводчика. На такой организации языковых занятий дело, однако, не кончилось. Выходивший в Шанхае журнал «Экономическое обозрение» 4 ноября 1922 г. сообщил о том, что Учебный отдел КВЖД предложил организовать, начиная со следующего года, курсы китайского языка для русских, окончивших железнодорожные школы Харбина, при

этом журнал отмечал, что многие дети россиян благодаря общению с китайцами-жителями этого города знакомы с местным китайским диалектом.

Как работали курсы китайского языка на КВЖД в более поздний период, когда на них преподавал Г.А. Софоклов, можно представить по следующему сообщению харбинской газеты «Новости жизни» 28 февраля 1929 г.: «Занятия на курсах китайского языка КВЖД производятся в три смены. Количество курсантов настолько велико (около 400 чел.), что администрация курсов не стремится к привлечению [новых] слушателей... Учащиеся должны достигнуть умения бегло и правильно говорить по-китайски в течение двухлетнего пребывания на курсах. Попутно идет и изучение иероглифов, которых приходится до 4.000. Количество, вполне достаточное, чтобы читать газеты, легкие беллетристические произведения и т. д. Кроме английского и китайского, на курсах проходят предметы по Китаеведению: история Китая, его география, административное устройство и т. д. Для лучшего усвоения читаемых им предметов слушатели объединяются в кружки, слившиеся в историко-этнографическую секцию, в которой при участии лекторов курсов читаются доклады по китайскому языку, по культуре Китая, [характерным] чертам его духовного облика и т. д.»

Не менее любопытные сведения о работе курсов китайского языка приводит газета «Герольд Харбина», которая 21 октября 1930 г., в частности, сообщала: «На вечерних курсах китайского языка для служащих КВЖД в настоящее время сформировано 18 групп, по 20 чел. в каждой. Всего на курсах сейчас занимается 630 чел. В текущем году приема слушателей на утренние курсы не производилось, т. к. последние будут ликвидированы».

Интересные с точки зрения организации учебного процесса на курсах КВЖД данные приводила харбинская газета «Гунбао», которая 29 января 1931 г. сообщала: «Управлением КВЖД закончена

перегруппировка слушателей вечерних курсов китайского языка для служащих КВЖД. До сих пор на курсах было 360 слушателей, теперь их число может увеличиться до 420».

Важным подспорьем для изучавших китайский язык на различных курсах, существовавших в Харбине, либо самостоятельно служили подготовленные Г.А. Софокловым учебные пособия, которые высоко оценивались местной харбинской прессой и его коллегами-преподавателями. 28 ноября 1926 г. газета «Русское слово» так писала о первой книге видного специалиста по китайскому языкознанию: «Только что вышла из печати и поступила в продажу новая книга Г.А. Софоклова “Что такое китайский иероглиф”. Г.А. Софоклов – видный ориенталист, окончивший Институт восточных языков во Владивостоке. Долго состоял директором школы русского языка для китайцев в Ханькоу, затем был членом смешанного суда в Харбине и помощником редактора официоза китайской дороги [КВЖД] “Юань-дун бао”. После закрытия газеты он отправился в Пекин, где в течении двух с половиной лет работал по подготовке [себя] к профессорскому званию. Затем после возвращения в Харбин был приглашен преподавателем китайского литературного языка на курсы китайского языка для служащих КВЖД.

На издание книги Г.А. Софоклова средства были отпущены Харбинским Юридическим факультетом, который является рассадником ориентального образования... *В настоящее время, когда в железнодорожных школах введено обязательное изучение китайского языка, новая книга Г.А. Софоклова является прекрасным наглядным пособием при освоении сложных приемов китайского письма* (Здесь и далее курсив мой. – А. Х.).

Книга имеет два текста: русский и китайский. В ней обращено особое внимание на то, чтобы учащийся мог постепенно приучиться писать иероглифы... Это пособие является прекрасным дополнением

к ряду пособий, выпущенных С. [Н.] Усовым для планомерного изучения русскими китайской письменности... *Появление этой книги нельзя не приветствовать*».

О другой важной работе Г.А. Софоклова по китайской филологии сообщал китаист И.Г. Баранов наиболее авторитетному среди россиян китаеведу акад. В.М. Алексееву. Последний охотно поддерживал деловую переписку со многими своими коллегами, в том числе с учениками, находившимися в Китае. 27 мая 1927 г. И.Г. Баранов писал известному советскому ученому: «Здесь, в Харбине, недавно вышла из печати книга Г.А. Софоклова (китайский и русский текст): “Современный литературный китайский язык”. В образцах китайской речи даны только одни фразы... Она принята в Харбине в качестве учебного пособия на курсах китайского языка КВЖД и на восточно-экономическом подотделе экономического отделения Юридического факультета»¹³.

Касаясь наиболее значимых новостей в научной жизни Харбина, где с 1922 г. успешно развивало свою просветительскую деятельность «Общество изучения Маньчжурского края»¹⁴, И.Г. Баранов, в частности, сообщал В.М. Алексееву: «В Харбине, в «Обществе изучения Маньчжурского края», недавно народилась новая секция языкознания под председательством Г.А. Софоклова. Ни разу еще не бывал на заседаниях ее, но там восточники уже собирались».

После захвата Японией в сентябре 1931 г. Маньчжурии и образования на ее территории государства «Маньчжоу-дого», в котором ключевые государственные посты заняли японцы, положение русского населения, в том числе работавшего на КВЖД, заметно ухудшилось. Особенно серьезные затруднения с получением работы по специальности возникли для китаистов, т.к. местные власти стали все более поощрять изучение японского языка. Передача КВЖД в 1935 г. в ведение «Маньчжоу-дого», а фактически в руки японцев, еще более осложнила ситуацию для россиян, в том числе и

китаистов, осевших в зоне КВЖД после сдачи этой железной дороги в эксплуатацию. Остался без работы и признанный харбинцами лучшим знатоком китайского языка Г.А. Софоклов, о чем И.Г. Баранов 20 февраля 1935 г. сообщил В.М. Алексееву весьма немногословно: «Г.А. Софоклов имеет собственный домик, живет далеко на окраине и официальной службы не имеет...»¹⁵.

Из вышесказанного нетрудно представить, сколь заметный след в истории преподавания китайского языка в Харбине оставил своими лекциями и трудами Г.А. Софоклов, опытный педагог и филолог, придерживавшийся собственного метода в обучении молодежи, посвятившей себя изучению Китая.

Чтобы полнее представить метод и принципы, которыми руководствовался этот энтузиаст китаеведения, достаточно обратиться к его двум письмам к патриарху советского китаеведения В. М. Алексееву, которые приводятся нами ниже без комментариев ввиду ограниченного объема данной публикации:

1. Г.А. Софоклов – В.М. Алексееву (Харбин, 8 октября 1927 г.)

Многоуважаемый Василий Михайлович,

И.Г. Баранов на днях при встрече со мной сообщил мне, что Вы интересовались учебниками по китайскому языку, выпущенными мною в первой половине текущего 27-го года. Он же сообщил мне и Ваш адрес в Ленинграде, куда я ближайшим экспрессом (завтра) направляю бандеролью оба учебника, уже сданных мною на почту сегодня.

Насколько я знаю, Вы – представитель чистой науки. Нам же школа ставит главным образом практические зада[чи]. *Данными науки я пользуюсь в целях рационального метода усвоения необходимых практических познаний в области письменного китайского языка.* Такой подход к китайскому языку в школе приносит очевидную пользу студентам-синологам. Этим методом пользуются иностранцы, и за ними этот метод я поставил краеугольным камнем моего преподавания в течение двух лет, как я вернулся в Харбин из собственной четырехгодичной командировки в Пекин. Теперь моей мечтой является создание в Харбине особого типа школы для изучения китайского языка, где бы всё преподавание и всех предметов велось на китайском языке, но по заранее подготовленным учебникам типа только что выпущенных этих двух, посылаемых Вам, брошюр.

Исследование форм литературного, хотя бы только и современного китайского языка – в сущности непочтатый угол филологии. Когда берешься за такую работу, хотя бы только учебного, а не чисто ученого характера, то чувствуешь на какой неустойчивой, зыбкой почве [ты] находишься. Но жизнь подталкивает, и приниматься [за такую работу и идти], хотя бы и неуверенными шагами, всё же нужно. В этом смысле прошу смотреть на посылаемые учебники. И не судить их строго – прошу я, а подать Ваш компетентный совет в этой области, если Вам придет охота сделать это.

Вас уважающий

Гр. Софоклов¹⁶.

2. Г.А. Софоклов – В.М. Алексееву (Харбин, 1 января 1928 г.)

Многоуважаемый Василий Михайлович,

Ваши письма 22.X.27 и 8.11.27 получил. За Ваш любезный ответ Вам премного благодарен. Задержался ответом отчасти намеренно: поджидал обещанную Вами бандероль с Вашими брошюрами, но, к сожалению, так и не дождался. Было бы любопытно познакомиться с мнениями и взглядами «антипода» [оппонента], да, видно, брошюры где-то задержались. Кстати, об «антиподстве» и «механических» методах. Благодаря окружающей меня обстановке я, конечно, *сторонник автоматического знания языка*, как разговорного, так и делового – документального. Но в то же время *всемерно стремлюсь к рациональному изучению, т. е. использованию – в процессе обучения – всех научных методов и данных, чтобы избежать именно одной механи[сти]чности обучения*, обещающей в перспективе для усердно учащейся молодежи палату № 6, или какую-либо меньшую травму мышления. В этом я радикально расхожусь с [С. Н.] Усовым и харбинской коллегией. Меня за мой, преподаваемый упорно мною, анализ иероглифов упрекают в «непрактичности» преподавания, но я *доказываю практичность «анализа» тем, что через два месяца преподавания я в состоянии устроить новичкам лежку для них благодаря «анализу» диктовку – иероглифов в триста (включая сюда все ключи) с требованием написать каллиграфически и с соблюдением последовательности линий письма [для] иероглифов*. Репетиции в декабре фактически подтвердили мои предположения. С так подготовленной группой в несколько десятков слушателей на курсах китайского языка КВЖД, которые несколько и одновременно подготовились и по разговорному языку, – будет легко штудировать любую область китайского языка как разговорного, так и письменного-литературного.

Ввиду сказанного понятно, насколько остро меня интересует Ваша работа «Китайский язык в преподавании и изучении», а равно и другие Ваши и Ваших коллег работы. Я лишь себя надеждой увидеть их когда-либо, [т. к.] я ищу рационального базиса преподавания.

С наилучшими новогодними пожеланиями всегда Вас уважающий
Гр. Софоклов¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹Подробнее см.: Хохлов А. Н. Создание Восточного института во Владивостоке в 1899 г. – важное событие в жизни России. – XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2001, с. 98–118.
- ²Судя по всему, первой опубликованной работой Г. А. Софоклова следует считать его перевод текста Обращения китайских министров к населению Маньчжурии от 7 дня 10 луны 32 года Гуан-суй (9 ноября 1906 г.), опубликованный 9 декабря 1906 г. в газете «Новый край» (Порт-Артур) под названием «Интересный документ».
- ³АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 443, л. 48.
- ⁴«Новый край», № 263 (11 декабря 1907 г.).
- ⁵«Восток» (Харбин), № 3 (16 сентября 1911 г.).
- ⁶АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1913–1917, д. 1927, л. 3.
- ⁷«Далекая окраина» (Владивосток), № 3073 (14 октября 1916 г.).
- ⁸«Новости жизни» (Харбин), № 188 (10 августа 1917 г.).
- ⁹ГАРФ, ф. 5825, оп. 1, д. 174, л. 1–4. Здесь и ниже добавления в квадратных скобках сделаны автором данной работы для пояснения цитируемого рукописного русского текста.
- ¹⁰ГАРФ, ф. 5825, оп. 1, ед. хр. 174, л. 7.
- ¹¹Там же, л. 11, 13. К данному письму Г. А. Софоклова его женой Марией сделана следующая приписка: «Пропишите, пожалуйста, Гр.[игорню] А. побольше терпения и поменьше заниматься делами... Если бы доктор не запретил визиты к нему, он бы каждый день принимал своих эсперантистов. После одного такого свидания у него температура поднялась с 37,5 до 38,6. См.: ГАРФ, ф. 5825, оп. 1, д. 174, л. 13.
- ¹²ГАРФ, ф. 5825, оп. 1, ед. хр. 174, л. 16.
- ¹³СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 143, л. 4–6.
- ¹⁴Хохлов А. Н. «Общество изучения Маньчжурского края» в Харбине и значение его реорганизации для судеб русских востоковедов (по материалам русской эмигрантской печати и архивным данным). – Тихоокеанский путь развития: концепции и реальность. Тезисы XII научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1996, с. 47–52.
- ¹⁵СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 143, л. 56.
- ¹⁶Там же, д. 739, л. 1–2.
- ¹⁷Там же, л. 3 (Маш., с чернильными вставками автора).

Принятые сокращения названий российских архивов

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
СПб. филиал АРАН	– С. Петербургский филиал Архива Российской Академии наук

КИТАИСТ И. М. ОШАНИН И ЕГО СЛУЖБА НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПОПРИЩЕ В КИТАЕ

Китаистам старшего поколения России и некоторых зарубежных стран хорошо известен Илья Михайлович Ошанин (1900–1982), видный специалист в области китайского языкознания. Всем, знавшим его лично, весьма памятна многообразная научно-педагогическая и научно-исследовательская работа этого ученого, внесшего заметный вклад в историю отечественного востоковедения. Молодым исследователям, вступившим на стезю научного поиска, более известны его научные публикации и особенно составленный при его активном участии и под его редакцией китайско-русский словарь, выдержавший три издания (в 1952, 1955 гг. и позднее). Лебединой песней этого авторитетного востоковеда стал четырехтомный «Большой китайско-русский словарь», заверченный в основном в 1976 г. и вышедший в свет в 1983–1984 гг., после кончины его главного редактора, отдавшего своему любимому детищу более 20 лет творческой жизни.

Нынешние студенты и аспиранты востоковедных вузов знакомы с бывшим патриархом отечественного китаеведения больше понаслышке и только по его добротным словарям. Менее же всего его имя говорит им о многоцветной гамме научных интересов популярного китаиста, его необычном творческом пути, тесно связанном с историей борьбы китайского народа за независимость своей страны и лучшую долю.

Чтобы полнее представить благородный облик этого подвижника отечественной китаистики, его редкое трудолюбие в изучении актуальных проблем китайского языка и высокую ответственность за выполненный им перевод сложнейшего китайского текста, достаточно обратиться к краткой биографии

ученого и прежде всего к начальному этапу его самостоятельной деятельности, связанной с пребыванием в Китае в бурные 20–30-е годы, характеризовавшиеся ожесточенной внутривосточной борьбой различных социальных групп китайского общества в условиях постоянного военного нажима на него со стороны западных держав и Японии.

И.М. Ошанин родился 22 апреля (5 мая) 1900 г. в г. Ярославле в дворянской семье чиновника – юриста, специалиста по уголовным делам¹. В 1903 г. его назначили на новую должность в г. Петроков (Польша), куда он отправился со всем семейством. В 1905 г. отца И.М. Ошанина перевели в Варшаву на должность Товарища (Заместителя) Председателя Округного суда, а затем он стал Членом Варшавской Судебной Палаты. В 1910 г. родители И.М. Ошанина определили старшего сына в 5-ю Варшавскую мужскую гимназию, где он прошел программу обучения за первые четыре класса. После начала первой мировой войны, когда германские войска стали приближаться к Варшаве, его отец (Михаил Павлович) в 1916 г. переехал в Петроград, куда эвакуировалась и вся его семья².

В Петрограде будущий китаист закончил с золотой медалью XII мужскую гимназию и, получив в феврале 1918 г. аттестат об успешном окончании учебы, отправился, вопреки желанию родителей, в Москву. В начале осени 1918 г. ему удалось поступить на работу в качестве делопроизводителя в Высшую Военную Инспекцию Реввоенсовета Республики. В 1921 г. его, как сотрудника Реввоенсовета, приняли вольнослушателем в Военную академию (позднее она носила имя М.В. Фрунзе). Здесь на Восточном факультете молодой человек впервые стал заниматься китайским языком, определившим его глубокий интерес к Китаю на всю жизнь. После демобилизации из рядов Красной Армии он продолжил свои китаеведные штудии в стенах Лазаревского института восточных языков, преобразованного позднее в Институт востоковедения им.

Н.Н. Нариманова. Будучи слушателем Дипломатического факультета, И.М. Ошанин успешно окончил китайское отделение в 1924 г., причем уже на 3-м курсе его привлекли к преподаванию основ китайской письменности.

1924 год стал определяющим в судьбе молодого китаиста: его направили на работу в Китай, где происходили бурные революционные события, связанные с борьбой трудящихся против социальной дискриминации и национального гнета.

По воспоминаниям В.В. Вишняковой, студентки Восточного факультета ДВГУ, приехавшей из Владивостока на практику в Пекин в июне 1925 г., здесь, в китайской столице, собрались молодые китаисты трех главных центров СССР по подготовке востоковедов. Помимо И.М. Ошанина, работавшего в советском торгпредстве, сюда ранее других прибыли из Москвы А.П. Рогачев, В.И. Мельников, В.Л. Гамберг и др. Из питомцев Восточного факультета Дальневосточного государственного университета здесь находились З.С. Дубасова, Т.И. Владимирова, М.К. Пашкова, Ф. Боканенко, а также несколько однокурсников В.В. Вишняковой (С.А. Врубель, Т.Ф. Скворцов, Н.М. Яковлев, Б.С. Перлин и др.). Из ленинградцев сюда приехали Е.С. Иолк, С.М. Оконешникова, к которым позднее присоединились П.Е. Скачков и Э. Абрамсон³.

Нетрудно представить, с какими огромными трудностями и риском для жизни была сопряжена работа молодых китаистов в качестве переводчиков в условиях ожесточенной гражданской войны в Китае, где постоянно происходили вооруженные столкновения враждующих группировок китайских милитаристов, боровшихся за установление своего господства или контроля в той или иной части страны. С другой стороны, из-за отсутствия опыта языкового общения с коренным населением Китая их ожидали серьезные затруднения в изучении китайского языка, т.к. знакомые им по написанию иероглифы в разных провинциях страны произносились

по-разному в силу диалектных особенностей того или иного района, расположенного на севере или на юге Китая и даже в бассейне р. Янцзы. Для преодоления подобных трудностей требовался особый навык, а он мог появиться у переводчика только в результате длительной языковой практики. О серьезном характере проблем, возникавших у россиян – молодых практикантов-китаистов, можно судить, например, по письму Е.К. Иолка от 4 марта 1926 г., посланному из Гуанчжоу, к наиболее авторитетному советскому китаеведу В.М. Алексееву (1881–1951). В этом письме молодой китаист сообщал своему учителю следующее:

«Многоуважаемый Василий Михайлович!

Обстоятельства (которые в данном случае совпали с моим личным желанием) забросили меня в Кантон [Гуанчжоу]. Моя командировка затянулась: скоро будет год, как я из Ленинграда. Знаете, трудноато отчитываться за такой большой срок. И не из-за обилия накопленного материала, а из-за бедности его. То, что я использован нашими органами как переводчик, меня мало утешает. Тем хуже для тех, кому приходится прибегать к таким переводчикам. Могу вести простой разговор, произношение – скверное, по-прежнему труднее понимать, чем быть понятым; читаю в газетах телеграммы, статьи [же] – нелегкие – с грехом пополам. Чувствую реально, как-то вещественно, свои дефекты. И от этого скорее хочется обратно в Институт, к такой работе, которая требует не точности, а продуманности выполнения.

Конечно, не всё так мрачно обстоит: есть и небольшие достижения. Ухо привыкло к китайской речи. Язык как-то обломался: многие обороты, слова, многие мысли выражаются уже в китайской языковой форме довольно естественно, непринужденно. Иной раз, даже во сне видишь себя говорящим по-китайски. Но всё же результаты годичного пребывания в Китае могли быть большими, если принять во внимание три месяца спокойной учебной работы, обеспеченные мне институтом. Почему [же] эффект хуже того, что ожидалось? Объясню это следующим:

1) спокойно работать с сянъшэном [учителем-китайцем] удалось лишь три месяца.

2) несколько месяцев ушло на всякие поездки в Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханькоу, Кайфэн, опять Шанхай, Кантон.

3) работа в учреждении, правда, до некоторой степени по специальности, но не прямо над языком.

4) недостаточная сосредоточенность во многих случаях в работе по языку. Отвлечение центра [личных и общественных] интересов к другим областям»⁴.

По мере накопления китайской лексики и выработки навыков устной речи некоторые студенты-практиканты в ходе постоянного языкового общения с местными жителями Китая добивались ощутимых успехов. Об этом может свидетельствовать, например, характеристика, данная М.М. Бородиным, главным советником при ЦИК Гоминьдана, студентке В.В. Вишняковой по ее возвращении из Китая и приезда в Москву в конце 1927 г. В письме, направленном Заведующему Отделом Дальнего Востока МИД Б.Н. Мельникову, М.М. Бородин сообщал:

«Уважаемый товарищ!

Удостоверяю, что тов. В.В. Вишнякова в 1923–24 учебном году училась в Московском Институте востоковедения им. Нариманова, после чего она перевелась на Востфак ГДУ во Владивостоке, где перешла на 3-й курс и в 1925 г. была командирована в Китай для практических занятий по китайскому языку. В Пекине, где тов. Вишнякова практически изучала язык, она была мобилизована в качестве переводчика в наш Военный отдел Северо-Западной Армии (Фэн Юй-сяна) и работала там в течение четырех месяцев. В феврале 1926 г. тов. [А. И.] Егоров по нашей просьбе из Кантона [Гуанчжоу] в числе семи переводчиков откомандировал и тов. Вишнякову для работы в Кантоне. По приезде в Кантон тов. Вишнякова немедленно приступила к работе в Разведотделе ЮКГ, где успешно проработала в течение трех недель, о чем свидетельствует прилагаемое удостоверение за подписью тов. Горева (в Китае – Никитин. – А. Х.).

Моим распоряжением от мая 1926 г. тов. Вишнякова была направлена в мое Информбюро, где она работала до июня 1927 г. Тов. Вишнякова выполняла самую ответственную работу по составлению самостоятельных бюллетеней на основании как легальной, так и нелегальной китайской литературы, переводила с китайского на русский всякого рода документы и неоднократно выполняла обязанности русско-китайского переводчика. Все задания тов. Вишнякова выполняла добросовестно и аккуратно настолько, что когда мне нужно было удостовериться в правильности какого-либо перевода, сделанного для меня другим переводчиком, я обращался к тов. Вишняковой. Мне известно, что тов. Вишнякова может рассматриваться как один из лучших переводчиков, в особенности по письменному китайскому языку. Таким образом, ее пребывание в Китае целиком оправдалось с точки зрения практических занятий.

В настоящее время прошу дать тов. Вишняковой возможность поступить в Московский Институт востоковедения им. Нариманова»⁵.

Серьезные испытания, связанные с переменами по службе, выпали на долю И.М. Ошанина. Работая вначале в должности делопроизводителя в Торгпредстве СССР, он своими познаниями в китайском языке обратил на себя внимание советского посла в Пекине Л.М. Карахана. В 1925 г. последний предложил направить молодого преуспевающего китаиста в группу советских военных советников, находившихся при Второй Народной Армии в г. Кайфэн. После поражения этой армии от войск милитариста У Пэй-фу и смерти при загадочных обстоятельствах ее главкома – генерала Ху Цзин-и И.М. Ошанина направили в г. Ханькоу, где он работал переводчиком при Военной Комиссии ЦК КПК. Оттуда он вместе с членами этой комиссии отправился в г. Шанхай, где выполнял обязанности переводчика Политбюро ЦК КПК, обеспечивавшего личные контакты представителя Коминтерна проф. Г.Н. Войтинского с Чэнь Ду-сю, тогдашним генеральным секретарем китайской компартии. В этом качестве И.М. Ошанину пришлось участвовать в антиправительственных выступлениях населения Шанхая, а затем – в работе V съезда КПК в г. Ханькоу. При возвращении в Шанхай на пароходе его вместе с представителем Коминтерна арестовали (по распоряжению гоминьдановского «Реввоен трибунала»), но через несколько часов он благодаря знанию китайского языка и нравов местной полиции был освобожден вместе с высоким гостем из Москвы. После этого инцидента И. М. Ошанину пришлось вернуться под крышу советского внешнеполитического ведомства и он работал в должности китайского драгомана Генконсульства СССР в Шанхае до декабря 1927 г., когда по требованию тогдашних китайских властей все сотрудники консульства были эвакуированы⁶.

Задолго до разрыва дипломатических отношений Китаем с СССР советский посол в Пекине Л.М. Карахан получил от Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова письма, «извещающие товарищей Ошанина, Рогачева, Абрамсона,

Мельникова, Гамберга, Мамаеву и Островскую об окончании их командировки в Китай 1 сентября с. г. и [их] явке к этому числу в институт для продолжения учебных занятий». В полученных уведомлениях категорически указывалось, что в случае неявки к этому времени названных лиц, они будут исключены из списков студентов. С учетом острой необходимости советских организаций в переводчиках из СССР Л.М. Карахан 25 июня 1926 г. направил в Москву просьбу об оставлении их в Китае до улучшения общей обстановки. Главная суть этой просьбы была выражена следующим образом: «Ввиду того, что все вышеуказанные товарищи в настоящее время находятся на ответственной работе на местах и вернуться к означенному времени на учебные занятия не смогут, прошу договориться с институтом на предмет оставления за всеми вышеупомянутыми товарищами права проходить командировку и обеспечить им возможность окончания института, когда это представится возможным»⁷.

Из просьбы Карахана нетрудно понять, сколь остро нуждалась тогда советская дипломатия в собственных кадрах переводчиков, знающих китайский язык. Настоятельная потребность в них особенно чувствовалась в условиях начавшегося революционного подъема народных масс, вступивших в открытую схватку со своими угнетателями — отечественными и заморскими⁸. Весьма симптоматичным представляется тот факт, что после приезда И.М. Ошанина в Москву его назначили китайским драгоманом. Одновременно ему было поручено организовать преподавание китайского языка в Высшей Дипломатической Школе, где специально учреждалась кафедра китайского языка. Руководителем последней стал И.М. Ошанин, проработавший на этой кафедре с перерывами до 1955 г.

С восстановлением дипломатических отношений между Китайской Республикой и СССР И.М. Ошанин был назначен

секретарем по китайским делам Посольства СССР в Китае и в этой должности находился с 1933 по 1939 г. в городах: Нанкин – Ханькоу – Чунцин. Его появление в Шанхае не прошло незамеченным. Выходившая в этом городе газета русских эмигрантов под названием «Армия и флот» представила о нем следующую информацию: «Переводчик советского посольства в Китае Илья Михайлович Ошанин появился в Шанхае в начале апреля как предвестник близкого появления в Китае советского посла Богомолова»⁹. 23 апреля сюда прибыл посол Дмитрий Богомолов, который 26-го был уже в Нанкине, где имел возможность познакомиться ближе с китайским министром иностранных дел Лю Вэнь-ганом. При представлении верительных грамот Председателю Нанкинскому правительства Линь Сэну советский посол сделал заявление, в котором выразил надежду, что «крепкие узы дружбы и взаимного доверия, связывающие народы обеих стран, будут служить прочным основанием для дальнейшего развития дружественных отношений между СССР и Китаем»¹⁰.

Документальным свидетельством серьезного внимания И.М. Ошанина к подготовке для МИД СССР оперативных материалов по наиболее острым проблемам международной политики, связанным с Китаем, может служить найденный нами его аналитический обзор под названием «Краткий очерк провинции Суйюань», направленный 26 апреля 1934 г. советским Посольством из Нанкина в Москву. О содержании этого документа позволяют судить некоторые его пассажи, приводимые ниже:

«Население Суйюани исчисляется в 2.123 тыс. чел. Сведений о национальном составе этого населения нет. Из китайского населения главную массу составляют уроженцы провинций Шаньси, далее Хэбэй, Шаньдуна и Хэнани. Вдоль линии Пин-суйской ж.д. и по течению Хуанхэ китайское население превалирует. Север провинции и Ордос населены почти исключительно монголами, сохранившими

кочевой образ жизни и древнюю (средневековую. – А. Х.) родовую организацию по линии: аймак – племя – знамя – со старшинами во главе... Во главе каждого знамени стоит монгольский князь – «чжасака»; во главе аймака стоит князь, который зарегистрировал свой феодальный титул ...при маньчжурской династии (Цин, правившей Китаем с 1644 по 1912 гг. – А. Х.). Аймак Уланчабу сейчас представляет собою основной аймак, оставшийся под властью Китая. Князь аймака имеет свою резиденцию в монастыре Байлинмяо – единственном, более или менее крупном пункте северной части провинции.

Юг провинции населен монголами аймака Икэджао, т. е. племенами Ордоса. Аймак распадается на два крыла – левое и правое. Левое крыло делится на три знамени, правое – на четыре. Организация его такая же.

В центральной части провинции (район г. Гуйсуэй) имеется еще особое знамя (не подчиняющееся никакому аймаку) Тумотэ, делящееся также на левое и правое крыло. Это монгольское племя от Гуйсуя через Токто и Сарачи до Баотоу сейчас в значительной степени ассимилировалось с китайцами. Нужно иметь в виду, что китайцы появились в Суйюани чрезвычайно поздно, и колонизация провинции пошла более быстрыми темпами лишь с конца [правления] маньчжурской династии, когда приходящие колонисты «переработали» в значительной степени и «освоили» племя Тумотэ. В начале 1900-х гг. китайские колонисты, состоящие в большинстве [своем] из обнищавших крестьян, дошли до земледельческого района Хэтао. Это были главным образом беженцы из провинции Шаньси. Китайская администрация неоднократно пыталась путем систематического давления перевести монголов на оседлый образ жизни и всячески содействовала заявкам с их стороны на те или иные участки для обработки. Несомненно, однако, что наиболее хорошие и плодородные земли попали в руки самой же китайской

администрации, превращавшейся [благодаря этому] в крупных помещиков. Список помещиков района Хэтао показывает, что все крупные поместья сейчас принадлежат китайцам. Политика китайского правительства неоднократно вызвала отпор со стороны монголов и их князей, и в результате право колонизации китайцев на монгольских пастбищах было ограничено, а со времени установления гоминьдановской власти [было] даже запрещено в отношении отдельных районов.

В административном отношении монголы ни в какой степени не затрагивались китайским административным аппаратом, находясь по-старому под властью своих князей, старейшин и лам. Эти последние, однако, чувствовали на себе руку Китая и особенно недовольны своим положением со времени революции 1911 г., когда их феодальные титулы и ранги были уничтожены.

Пропаганда японцев среди монгольских князей Хэйлуңцзяна, Жэхэ и Восточного Чахара несомненно оказывает на монгольских князей Суйюани чрезвычайно большое влияние, и отсюда складывается для монгольских князей [возможность] использовать в своих целях национальные настроения, существующие главным образом среди монгольской молодежи, и повернуть это движение в сторону укрепления своей власти»¹¹.

Особое внимание автор обзора уделяет деятельности иностранных миссионеров в провинции Суйюань.

«В Хэтао, — пишет он, — существует целый ряд католических миссий, обладающих огромными участками земли и тысячами голов скота. Число миссионерских точек [станов] в Хэтао [доходит] до 100... миссий — французских, бельгийских и голландских. В одном только городе Линьхэ имеется 14 миссий. Каждая миссия [нередко] представляет собою... деревню, насчитывающую иногда десятки, а иногда и сотни крестьянских дворов. Крестьяне арендуют землю у миссий. Миссионеры совершенно захватили всё школьное дело и

даже судебные органы. Район миссий представляет собою разительную [картину] по сравнению с остальными районами провинции. Почти все мужчины грамотны, у женщин не видно забинтованных ног»¹².

Судя по всему, выбор для аналитического обзора провинции Суйюань, на севере прилегающей к МНР, на востоке – к Чахару, на юге – к провинциям Шаньси и Шэньси и на западе к провинции Нинся, отнюдь не был случайным. В этом убеждают заявления, которые делал китайской прессе приехавший в отпуск в Тяньцзинь китайский посол в Москве Ян Хуэй-цин. Касаясь его бесед с местными журналистами и представителями китайского делового мира, руководитель Генконсульства СССР в Тяньцзине в своем отчете за первое полугодие 1934 г., в частности, сообщал: «Находясь формально в отпуске в Тяньцзине, он [Ян Хуэй-цин] поддерживает обширные связи с местными китайскими властями, представителями печати и китайских коммерческих кругов. В неоднократных разговорах с ним, которые он ведет охотно, он высказывал точку зрения, что положение Китая как экономическое, так и политическое очень тяжелое. Японцы превращают Китай в плацдарм для нападения на СССР. В частности, в их задачу входит занятие Внутренней Монголии для того, чтобы сделать коридор, отделяющий СССР от Китая...Он считает, что выступление [японцев] против СССР в недалеком будущем возможно... По его словам, японцы могут сосредоточить 400 тыс. армию против СССР и 50 тыс. против Китая, причем он полагает, что Китай должен будет поддерживать Советский Союз»¹³.

После возвращения по собственному желанию из Китая в Москву И.М. Ошанин с 1939 по 1941 г. продолжал работать в Высшей Дипломатической школе в должности старшего преподавателя и заведующего кафедрой. В эти же годы он преподавал китайский язык в Московском институте востоковедения,

где после эвакуации института из Ферганы и Ставрополя – на Волге в 1944 г. он в 1945 г. защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук под названием: «Возникновение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма». Через три года, в 1947 г. И.М. Ошанин в Ленинградском филиале Института востоковедения Академии Наук СССР столь же успешно защитил диссертацию на степень доктора филологических наук, которая называлась «Слово и часть речи в китайском языке»¹⁴. С защитой докторской диссертации ему в 1948 г. было присвоено ученое звание профессора. В последующие годы И. М. Ошанин благодаря глубоким знаниям в области китайского языка, полученным в годы службы на дипломатическом поприще в Китае, продолжал пользоваться высоким авторитетом и уважением не только у своих коллег-преподавателей и аспирантов, но и у широкой студенческой аудитории многих учебных заведений, где маститому ученому приходилось читать лекции о сложных и спорных проблемах китайского языка¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Родители И.М. Ошанина: отец – Михаил Павлович Ошанин. После Октября 1917 г. он оставил службу в судебном ведомстве и в последние годы жизни работал бухгалтером. Умер в 1931 г. в Ленинграде. Мать – Ольга Михайловна Ошанина, урожденная Бибилова, земский врач. Она родилась в 1880 г. (позднее ее фамилия – Лухманова). См.: Архив Института востоковедения РАН, личное дело И.М. Ошанина.
- ² Кроме Ильи, у М.П. и О.М. Ошаниных было два сына: Сергей (род. в 1903 г. в Ярославле) и Владимир (род. в 1911 г. в Варшаве).
- ³ Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1980, с. 29.
- ⁴ СПб. филиал Архива Российской Академии Наук, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 240, л. 3.
- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. Референтура по Китаю (ф. 100), оп. 12, п. 151, д. 39, л. 1 (личная подпись-автограф).

⁶ В период первой поездки И.М. Ошанина в Китай у него родилась дочь Елена Михайловна (впоследствии ее фамилия – Воскресенская, затем – Стругацкая). Жена И.М. Ошанина – Екатерина Евгеньевна Ошанина (урожденная Фортунатова) родилась в 1907 г. в г. Киеве.

⁷ АВП РФ, ф. 04, оп. 22, п. 171, д. 114, л. 7 – И.М. Ошанин получил диплом об окончании Московского Института востоковедения лишь в 1931 г.

⁸ При ведении важных переговоров с китайскими властями советские дипломаты предпочитали пользоваться услугами переводчиков из россиян и лишь в экстренных случаях обращались к помощи китайских переводчиков, допускавших вольные и невольные искажения смысла заявлений представителей той или иной стороны. В этом отношении интересна запись в дневнике советского вице-консула в Мукдене Г.С. Гэтэя по поводу состоявшихся 24 июня 1925 г. переговоров с китайскими официальными лицами на обеде, устроенном в Генконсульстве СССР в честь Гао Цин-хэ, начальника Центрального Дипломатического Управления. Вот какую запись советский дипломат оставил в конце своего дневника: «На этом беседа закончилась, и ввиду позднего времени (1 час ночи) гости оставили консульство. Переводчиком во время переговоров был Чжан Го-чэн. Невольно возникла мысль: а так ли он всё переводит, как ему говорят или прибавляет слишком много индивидуального “творчества”. Трудно вести ответственные переговоры без своего надежного, вполне своего человека». См.: АВП РФ, ф. 04, оп. 171, д. 112.

⁹ «Армия и флот», № 8 (август 1933 г.), с. 33.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ АВП РФ, ф. 0100, оп. 18, 1934, п. 39, д. 21, л. 73.

¹² Там же, с. 78.

¹³ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю (ф. 100), 1933–1934, оп. 18, п. 181, д. 42, л. 23.

¹⁴ Оппонентами И.М. Ошанина на защите докторской диссертации выступали известный японист член-корреспондент АН СССР Н.И. Конрад, китаист проф. Г. Ф. Смыкалов и др.

¹⁵ На заседании Ученого Совета Института китаеведения АН СССР, состоявшемся 15 мая 1958 г., известный китаист и дипломат С.Л. Тихвинский внес предложение о выдвижении И.М. Ошанина кандидатом в члены-корреспонденты Академии Наук СССР, что было единогласно одобрено всеми участниками данного заседания в числе 41 чел. Известный востоковед Ю.Н. Рерих в отзыве от 21 мая 1958 г. о научно-педагогической деятельности И.М. Ошанина характеризовал кандидата в члены-корреспонденты АН СССР следующим образом: *«Выдающимся вкладом в науку является его однотомный китайско-русский словарь, появившийся в двух изданиях: в 1952 и 1956 гг. (2-е*

дополненное), ставший настольной книгой советских и многих зарубежных китаеведов». В заключительной части своего отзыва Ю.Н. Рерих подчеркивал: «Избрание Ильи Михайловича Ошанина в члены Академии Наук СССР будет иметь исключительное значение не только как признание его ученых заслуг, но и как признание значения китаеведения в мировой науке» (курсив мой. – А. Х.).

Ху Шисюн, г. Чунцин (КНР)

КАЛАМБУР: ФОРМА И СЕМАНТИКА

(сопоставительное исследование)

Каламбур представляет собой один из самых любимых и популярных стилистических приемов в китайском языке, с давних времен по сей день широко используется как в будничной жизни, так и в политической борьбе, как в классических произведениях, так и в народной песне.

Всем известно, что любой естественный язык вместе с его многообразными языковыми средствами приобретает национально-специфические признаки. Такие признаки наблюдаются и в каламбуре. Ниже попробуем рассмотреть сходство и различие каламбура в китайском и русском языках в аспекте языковой формы и семантической структуры.

1. Об определении каламбура

В китайском словаре «Нану юфа хуци сидян» (Словарь грамматики и стилистики китайского языка), составленном группой известных китайских лингвистов, каламбур определяется так: “Хуциге. Юуи лийонг ууйн хе ууй тiaojian ши цию хе жузи жуоу шуангчонг хануи, ян зай ци ер yi зай би.”(Стилистическая фигура. Намеренное использование фонетических и семантических условий с целью придания слову, группе слов или предложению двоякого

значения. Буквальное значение одно, а истинное намерение направлено на другое.) (9,364)

В энциклопедии «Русский язык», выпущенной издательством «Большая Российская энциклопедия», каламбур определяется следующим образом: «Игра слов, намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов с целью создания комического эффекта»(3,174).

1.1. О приеме выражения мысли

Оба определения подчеркивают, во-первых, совмещение в одном контексте «двух значений» или «двойного значения» (это сущность каламбура!) и, во-вторых, использование созвучности или полисемии языковых средств для получения такого семантического результата. Например:

- 1) Hong Hu kuishi zhe guniang de yanjing,danque de shuo: “Ni.....ai Honghu ma?” (He Xingtong, Yu Li “Honghu lian”) (букв.: Хун Ху, подсматривая девушке в глаза, робко спрашивает: «Ты...любишь Хунху?»)

Honghu – географическое название, означающее «озеро под названием Hong», у которого наши герои живут, а *Hong Hu* – фамилия и имя говорящего. Наш герой хочет узнать, девушка его любит или нет, но, боясь, что ему откажут, пользуется омонимом, который имеет двойное значение. Конечно, семантическую тенденцию он клонит к последнему значению. Нужно отметить, что в китайском языке оба слова не только читаются, но и пишутся одинаково, а не как в русском: второе слово пишется раздельно и вторая его часть – с большой буквы.

Подобное отмечается и в русском языке:

- 2) ...Ноздрев в некотором отношении *исторический* человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без *истории*. (Н.Гоголь. Мертвые души)

Слово *исторический* обычно используется в значении «знаменательный, исключительно важный, вошедший в историю», а *история* – многозначное слово: с одной стороны, однокоренное со словом *исторический*, с другой, может иметь совсем иное значение, напр.: «неприятное происшествие» (2,255). В выражении «обходиться без истории» оно означает именно последнее, в связи с чем читатель вспоминает, что в предыдущем однокоренном слове *исторический* скрывается это новоприобретенное значение. Тут совмещаются «два значения» в одном слове. Используемые языковые средства – созвучность двух слов и их полисемия.

В вышеприведенных примерах мы видим один и тот же прием выражения мысли в китайском и русском каламбурах: обыгрывать слово, совмещать в нем два значения, при этом истинный смысл выражается намеком.

1.2. О комическом эффекте

Судьба каламбура в России и в Китае неодинакова. Немало ученых указывает такое явление в русском общении: «склонность каламбурить нередко считается признаком плохого вкуса» (1,208). Почему? Дело, может быть, состоит в следующем:

Во-первых, каламбур, как «игра слов», «словесная побрякушка», может быть использован (нередко спекулятивно) в полемике, идеологической борьбе, в частности, как средство сознательного искажения, фальсификации мысли, на что указывают К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии».

Во-вторых, в России каламбур принимается как «насмешник» (4,57), «оружие смеха» (5,6) – об этом даже утверждается в его определении: «с целью создания комического эффекта». Если такой эффект не получится, несмотря на успешное соединение разных слов в тождественном звучании, каламбур все же не выйдет:

Разве вы
От холода не выли
Вдвоем в земляке?
И от усталости не падали?
Не спали сытые на теплой падали. (Велимир Хлебников)

Омоформы получены, но из этих трагических строк каламбур не получишь (4,57).

Что касается объекта высмеивания, то им часто является поведение знатных людей. «Комический эффект» – это далеко не «безобидная» вещь, и считается не всегда приличным в общении с людьми, тем более по отношению к знатым и высокостоящим лицам, власти и влияния которых достаточно для дискредитации каламбура.

В-третьих, каламбур имеет репутацию «пошлой остроты», «плохой шутки». Его двусмысленность означает не сочетание любых двух смыслов, а сочетание тех, один из которых часто считается неприличным, в «каламбурной упаковке» нередко скрывается грубая непристойность, что в образованном обществе вытесняется.

В отличие от русского каламбура, «создание комического эффекта» для китайского каламбура не существенно, о комизме в его определении не упоминается. Главное в нем сосредоточено на двойном значении в выражении, скрытости и устремленности субъективного намерения адресанта.

- 1) ...Ta niu hui tou lai, liangyan zhi dingzhe bei jin dai le de haizi, la chang le shengyin shuo: "Haizi, hao hao de ting *tata* de hua a (Wang Yuanjian:«Dangfei»)(букв.:... Она повернула голову, всматриваясь в оцепенелую от испуга дочку, протяжно закричала: «Доченька, послушайся мамы!»)

Ситуация: «она» под арестом дает дочери свое завешание. *Мама* в этом контексте одновременно означает самого говорящего и,

намеком, *Компартию*. «Доченька, послушайся *Компартию!*» – патетично! Никакого комизма!

Тут мы видим, что использование каламбура в китайском языке не означает «игру», или агрессию, а что-то более серьезное. Это, возможно, обеспечивает каламбуру счастливую судьбу в Китае: китайский народ, славящийся сдержанностью в выражении чувств, всегда склонен к использованию каламбура в предложении любви, в выражении мысли в чрезвычайных случаях.

2. О классификации каламбуров

2.1. О традиционной классификации

В современном китайском языке каламбуры классифицируются на две группы:

созвучные:

- 1) Ban tian yun gua koudai – *zhuang feng(feng)*. (букв.: Подвешивать мешок в поднебесье – собирать ветер).

Из второй, более значимой, части каламбура-недоговорки глагол *zhuang* (помещать – контекстуально соответствует «собирать») омонимичен глаголу *zhuang* (прикидываться, притворяться); существительное *feng* (ветер) созвучно со словом *feng* (полоумный, идиот), в результате целое словосочетание *zhuang feng* (собирать ветер) подразумевает по созвучию *zhuang feng* (прикидываться идиотом). Нужно отметить, что, во-первых, между омонимическими единицами не существует никакой семантической связи, во-вторых, тут мы встречаемся с двумя типами омонимов китайского языка: два *zhuang* в разных значениях фиксируются одним и тем же иероглифом, а два *feng* – разными буквами, для последнего случая подразумеваемый омоним в письменности поставлен в скобках в качестве комментария, а в устной речи, естественно, не произносится, –

и семантические:

- 1) *Ye zheng chang, lu ye zheng chang, wo buru wangque, bu shuo de hao ba.* (Lu Xun: «Weile wangque de jinian») (букв.: *Ночь* длинна, и *дорога* длинна, лучше мне забыть и умолчать о нем.)

Слово *ye* имеет буквальное значение «часть суток от захода до восхода солнца» (8,1347), *lu* поверхностно толкуется как «полоса земли, служащая для езды и ходьбы» (8,738). С помощью этих слов автор подразумевает «господство реакционеров» и «путь революционной борьбы».

А в русском языке А. Щербина (5) классифицировал каламбуры на три группы:

– каламбуры, основанные на многозначности слова:

- 1) Бессеменов: Ты таким *языком* со мной не смей говорить!
Нил: А у меня один *язык* (высовывая язык, показывает), и я со всеми им говорю... (М. Горький, «Мещане»)

Слово повторяется дважды в контексте в разных значениях: прямом и переносном.

– каламбуры, основанные на омонимии:

- 1) Область рифм моя *стихия*,
И легко пишу *стихи* я:
Без раздумья, без *отстрочки*
Я к строке бегу *от строчки* (Д. Минаев)

– и каламбуры, основанные на некоторых смежных семантико-звуковых явлениях:

- 1) Пикалов: Теперь куда же его? *К стенке* что ль?
Швандя: Сам ты *стенка* несознательная!
(К. Тренев «Любовь Яровая»).

Фразеологизм *к стене* в значении «расстрелять» разрушается здесь посредством столкновения с просторечной метафорой *стенка* в значении «ступой человек».

Здесь мы опять видим сходство в обоих языках: каламбуры классифицируются по природе их ключевых слов, с помощью которой двойное значение функционирует. Различие, конечно, есть: омонимичные и созвучные каламбуры в китайском языке отнесены к одной и той же группе, между тем как в русском они разделены на разные.

2.1. О семантической модели.

В китайском языке для обеих групп каламбуров в большинстве случаев мы видим лишь одно обыгрываемое слово, которое выражает двойное значение: поверхностное и подразумеваемое. Обнаружение заложенных в каламбуре имплицитных смыслов требует поисков созвучных с ними выражений или метафорической ассоциации. Точно об этом пишет авторитетный стилист современного китайского языка Cheng Wangdao: “Shuangguan shi yong le yige ciyu tongshi guangu zhe liangzhong butong shiwu de xiuci fangshi (Каламбур представляет собой стилистический прием, использующий одно слово или словосочетание, одновременно означающее два разных предмета) (6,96). Семантическую модель каламбура китайского языка мы формируем так:

A(<B=

– одно из обыгрываемых слов не появляется в синтаксической конструкции, притом значение имплицитного компонента важнее, чем появившегося. Это доказывают наши предыдущие примеры: из двух семантических компонентов *Honghu* и *Hong Hu* в пр.1) последний (имплицитный) компонент по намерению адресанта важнее первого (появившегося). Подобное наблюдается и между *Мама* и *Компартия* в пр.3), *zhuang feng* (собирать ветер) и *zhuang feng* (прикидываться идиотом) в пр.4) и т.д.

В семантическом аспекте русские каламбуры В.Санников классифицирует на три группы: «соседи», «маска» и «семья». На основе его классификации мы обобщили три семантические модели русских каламбуров:

Тип А//В: Суммированы созвучные слова или словосочетания, но они друг с другом семантически не связаны. Иначе говоря, между ними нет общей семы или общей псевдосемы. Из предыдущих примеров пр.7) относится к этой модели.

Тип А<В: Обыгрываемые средства в каламбурах семантически связаны, причем одному из них автор придает большее значение. Например:

- 1) Нельзя было назвать его *некурящим*: иногда он *курил* фимиам своему начальнику. (Э.Кроткий)

Слово повторяется дважды в контексте в разных значениях: обычном и фразеологически связанном, с помощью последнего автор высмеивает описываемого.

Эта модель часто встречается в эллиптическом варианте (А<)В:

Ученье – свет, *неученных* – *тьма*. (Э.Кроткий)

Пропущена общеизвестная пословица: Ученье – свет, *неученье* – *тьма*.

Тип А → В : Значение первого обыгрываемого слова категорически изменяется при появлении второго и сливается со значением последнего, потеряв свое первоначальное значение, существовавшее в сознании читателя/слушателя. Например:

У дам моих в купальне идут пренья

О конституции...их благородных тел. (В.Буренин)

Первоначальное понимание, уводящее в мир политических дискуссий, переводится к окончательному пониманию, подчеркивающему бездуховность и самовлюбленность дам.

При сопоставлении видим, что модель китайских каламбуров приблизительно подходит только ко второй модели русских каламбуров, и различие между формулами будет не трудно заметить.

2. О фигуральной взаимосоотнесенности

Национально-специфические признаки языка отражаются и в фигуральной классификации. Например, в монографиях по китайскому языку и в монографиях по русскому языку фигуры перечислены далеко не одинаково. Что касается каламбура, то в разных языках его содержание и объем явно не тождественны – к такому выводу не трудно прийти на основе вышесделанного сопоставления. В отношении фигуральной взаимосоотнесенности главное различие заключается в том, что семантические каламбуры китайского языка более напоминают в русском языке иные фигуры; и одновременно, поскольку китайский каламбур обычно фиксируется лишь с одним обыгрываемым словом, многие из русских двухкомпонентных каламбуров могут быть совсем не отнесены к каламбурам в китайском языке. Ниже попробуем сделать такой анализ. Анализ будет проведен по примерам-каламбурам, перечисленным в настоящей работе, которые, конечно, охватывают далеко не все типы и подтипы каламбуров в обоих языках, важность здесь заключается в указании на неполную фигуральную взаимосоотнесенность.

На наш взгляд, из вышеприведенных каламбуров китайского языка пр.1) и 4) приблизительно подходят к русским каламбурам, но 3) и 5) напоминают в русском языке метафоры; из русских каламбуров только пр.2) приближается к китайскому каламбуру: пр.6) более подходит к фигуре «hualu» (смена значения) в китайском языке, 7) – «xici» (шарада), 8) и 9) – «piannian» (семантически ложное повторение), 10) – «fangni» (подражание), 11) – «biejie» (искажение в реплике) и т.д.

Произведенные анализ и сопоставление выражают только личное мнение, и, может, не бесспорное, указания на неточности и ошибки будут приняты автором с большой признательностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Клюев Е.В. Риторика (Инвенция, Диспозиция, Элокуция). – М., 2001.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
- Русский язык. Энциклопедия / Гл.ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1998.
- Санников В.З. Каламбур как семантический феномен. // Вопросы языкознания. 1995, № 3.
- Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбур). – Киев, 1958.
- Cheng Wangdao: «Xiucixue fafan» (Инструкция по стилистике). – Shanghai, 1984.
- Huang Mingyu: Cige huibian (Сборник стилистических фигур). – Changsha, 1991.
- Xiandai hanyu cidian (Словарь современного китайского языка). – Beijing, 1994.
- Zhang Dihua, Hu Yushu, Zhang Bing, Lin Xiangmei: Hanyu yufa xiuci cidian. – Hefei, 1988.

(附文中所用汉语词句及其俄语音译, 供审稿参考:

《汉语语法修辞词典》:“修辞格。有意利用语音和语义条件,使词语和句子具有双关含义,言在此而意在彼。”«Ханьюй юйфа сюэцэ цыдянь»: «Сюэцэ гэ. Юи лигон юйинь хэ юйи тяотянь, ши цыюй хо цзюйцзы цзюйю шуанчун ханьи, янь цзай цы эр и цзай би.»

1) 洪湖窥视着姑娘的眼睛,胆怯地说:“你爱……洪湖吗?”(贺兴桐、余力《洪湖恋》) Хун Ху куйши чжэ гунян дэ яньцзин, даньшэ дэ шо: «Ни... ай Хунху ма?» (Хэ Синтун, Юй Ли. «Хунху лян»)

3).....她扭回头来,两眼直盯着被惊呆了的孩子,拉长了声音说:“孩子,好好的听妈妈的话啊!”(王愿坚《党费》)... Та ню хуэй тоу лай, лян'янь чжи динчжэ бэй цзинь дай лэ дэ хайцзы, лачан лэ шэнин шо: «хайцзы, хаохоа дэ тин мама дэ хуа а!» (Ван Юаньцзянь «Данфэй»)

4) 半天云挂口袋-装风(疯) Бань тянь юнь гуа коудай-чжуан фэн.

5)夜正长,路也正长,我不如忘却,不说的好吧。(鲁迅《为了忘却的纪念》)
E чжэн чан, лу е чжэн чан, во бужу ванцзое, бу шо дэ хао ба. (Лу Сюнь
«Вэйлэ ванцзюэ дэ цзинянь»).

陈望道:“双关是用了一个词语同时关顾着两种不同事物的修辞方式。”
Чэн Вандао: «Шуангуань ши юн лэ игэ цыюй тунши гуаньгу чжэ лян чжун
бутун шиу дэ суйцы фанши.»

换义«хуань», 析词«сицы», 拈连«няньлянь», 仿拟«фанны», 别解
«бецзэ».

6)陈望道:《修辞学发凡》,上海,上海教育出版社,1984年。Чэн Вандао.
Сюэцзюэ фафань. Шанхай: Шанхай цзююй чубаньшэ.

7)黄氏裕:《辞格汇编》,长沙,湖南出版社,1991。Хуан Мин'юй. Цыгэ
хуйбянь. Чанша: Хунань чубаньшэ.

8)《现代汉语词典》,中国社会科学院语言研究所词典编辑室编,北京,商务
印书馆,1994年。Сяньдай ханьюй цыдянь. Пекин: Шану иншугуань.

9)张涤华 胡裕树 张斌 林祥楣:《汉语语法修辞词典》,合肥,安徽教育出版
社,1988年。Чан Дихуа, Ху Юшу, Чжан Бин, Линь Сянмэй. Ханьюй юйфа
сюэ цыдянь. Хэфэй: Анхуэй цзююй чубаньшэ).

Е. Цешинская, г. Рыбинск

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ НОВОГОДНЯЯ КАРТИНА (НЯНЬ-ХУА) И ЕЕ СИМВОЛИКА, ОСНОВАННАЯ НА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ

Нянь-хуа [далее – Н] – важная часть живого культурного наследия Китая. Исполненные в технике гравюры на дереве (ксилографии) и расписанные водяными красками, эти яркие эстампы изображают события исторической древности, персонажей легенд и нравоучительных притч, богов и демонов, сцены из популярных пьес и романов. Лубок – неотъемлемая часть китайского фольклора. Знакомясь с ним, мы как бы проникаем в духовный мир обычного китайца с его нравственными и эстетическими идеалами, мечтами и

чаяниями. Поэтому Н представляют исключительный интерес для изучения народного мировосприятия, обычаев, верований, национальной психологии и особенностей языка.

Пик популярности Н приходится на рубеж XIX-XX вв.¹ Ли Гуантин (конец XIX в.), автор сочинения “Вызывающие улыбку деревенские речи”, в разделе “10 новогодних дел” впервые употребил сам термин “нянь-хуа” 年畫 (букв. – “новогодние картины”) и дал определенную оценку их содержания, исходя из традиционных этических канонов конфуцианства.²

Тематический диапазон китайского лубка чрезвычайно широк: бумажные иконы (紙馬 *чжи-ма*), предназначенные для ритуального сжигания; иконы-талисманы; изображения персонажей синкретического пантеона китайской религии; символично-благопожелательные лубки; лубки на сюжеты народных преданий и легенд; театральные лубки с изображением эпизодов известных пьес; лубки на различные литературные сюжеты; жанровые и бытовые лубки с изображением современных сцен; лубки-скатерти для накрывания праздничного стола и лубки-календари.³

Систематизация коллекции китайского искусства (живопись, графика, прикладное искусство), хранящейся в Рыбинском музее-заповеднике, позволила выделить группу из 11 Н (все листы из провинции Хэбэй: 10 из Янлюцина и 1 из Сяоханьцуня, уезд Уцян) с символично-благопожелательными сюжетами⁴. Это парные изображения духов-хранителей входа (門神 *мэнь-шэнь*); лубок на один из самых древних сюжетов, т.н. триада *сань-син* (三星 “Три звезды”); три варианта изображений божества денежного изобилия Цай-шэня; лубочная икона-талисман с изображением духа счастья Фу-шэня; лубок-календарь с изображением божества домашнего очага Цао-вана и три Н с различными благопожелательными сюжетами.

Специфика благопожелательных Н заключается в том, что зрительный художественный образ, имеющий по своему происхождению и семантике длительную многовековую историю, сопровождается иероглифической формулой. Этот образ складывается как бы из трех компонентов, разных по значению, но дополняющих друг друга и составляющих вместе искомый благопожелательный ребус. Первый компонент – тот или иной реальный исторический или мифологический персонаж; второй – сопровождающие его атрибуты и третий – иероглифическая формула, в большинстве случаев служащая и названием картины и раскрывающая смысл атрибутов. Эту формулу можно назвать и фонетической, если учесть, что содержание Н в целом понятно и неграмотному.

Характерной чертой Н является непривычное для европейца изобилие символов, иносказаний, намеков, выстроенных по принципу ребуса. Главной тому причиной является природа китайской письменности, когда сами знаки несут в себе формы означаемого. Осмысление картины реального мира через мир знаков (“лес знаков”) – один из фундаментальных принципов китайского мировосприятия. Как известно, китайский иероглиф сильно отличается от того, что в европейских языках принято называть словом: он обозначает одновременно и конкретный предмет, и абстрактное понятие, дает ряд значений, указывая своим положением во фразе на выбор соответствующего понятия, что, в свою очередь, служит поводом для особой игры слов. В Китае существует даже филология переносного смысла (轉主 *чжуань-чжу*), основанная на том, что иероглиф, находясь вне текста, имеет несколько символических значений.

Заметное место в китайском фольклоре занимают различные заклинания и заговоры. Наличие же в китайском языке, особенно в его северных диалектах, большого числа одинаково звучащих слов (омофонов) благоприятствовало сочинению разного рода каламбуров. В словесном народном творчестве широко употреблялись приемы

уподобления предметов (*цзи-то*) по принципу омонимии или ассонанса, а также иносказаний, связанных с табуированием священных предметов. Со временем это обстоятельство породило обычай выражать пожелания счастья, долголетия и других благ посредством омонимов, зашифровывая пожелания на манер ребуса. Особой популярностью пользовались ребусы, в которых зашифрованный смысл передавался посредством расщепления иероглифа на его составные части.

Фольклорная культура повсеместно отличается тенденцией к превращению символов в натуралистические образы, т.е. к разложению символизма. Так, объектами культа в народной синкретической религии выступают очеловеченные боги-чиновники. В свою очередь, традиционные символы китайского искусства, выступая вместо конкретных образов, позволяют художнику обобщать, передавать отвлеченные понятия. Приведем ряд примеров. Очень часто среди персонажей Н можно встретить изображения бабочек (蝶 *де*) и летучих мышей (蝠 *фу*), названия которых фонетически соответствуют отвлеченным понятиям “долголетие” (бином *мао-де*, означающий букв.- “старец 80-90 лет”) и “счастье” (福 *фу*). По той же причине изображение обезьянки (猴 *хоу*) устойчиво ассоциируется с титулом маркиза (侯 *хоу*); карп или золотые рыбки (魚 *юй*) выступают в роли символа изобилия (餘 *юй*). Этот перечень можно продолжить за счет различных комбинаций тех же или подобных символов: изображение пиона (富貴花 *фу-гуй-хуа*) и белоголового скворца (百頭 *бай-тоу*) выражало пожелание сохранить богатство-знатность (富貴 *фу-гуй*) до седин (百頭 *бай-тоу*). Символы богатства чаще всего сочетаются с символами знатности. Термин *фу-гуй* (богатый-знатный), установившийся с очень давних времен, употребляется как разговорная идиома, а в Н зашифровывается с помощью изображения цветка пиона. Изображение плывущей лодки (船 *чуань*) с возложенными на нее чиновничьими шапкой (冠 *гуань*)

и поясом (帶 *дай*) служит поводом для другой благовещей формулы: 冠帶傳流 “*гуань дай чуань лю*” – “[пусть] чиновничья шапка [и] пояс передаются [из поколения в поколение]”. Пожелание достичь высоких чинов может быть выражено и в виде другой формулы: 平升三及 “*пинь шэн сань цзи*” (“спокойно подниметесь на три степени”), зашифрованной в изображении вазы (瓶 *пин*), в которую поставлены 3 (三 *сань*) копьей (戟 *цзи*). Сама по себе ваза может также служить омонимом к понятиям “мир”, “покой”. В некоторых случаях символические качества вещей выводились непосредственно из их свойств или формы. Например, бесконечно (萬 *вань*) выющийся зеленый стебель тыквы-горлянки (葫蘆 *ху-лу*) с многочисленными побегам и плодами олицетворял для любого китайца идею процветания большой семьи из нескольких поколений, отсюда формула – 葫蘆萬代 “*ху лу вань дай*”. Весьма распространено было пожелание: “счастья [и] благополучия [мне] с избытком” – “*цзи цин ю юй*”. Оно зашифровывалось в изображении копей (戟 *цзи*), инструмента под названием “музыкальный нефрит” (琴 *цин*) и золотой рыбки (魚 *юй*). А для большей “полноты счастья” здесь же помещалась и гирлянда из летучих мышей (蝠 *фу*).

Расшифровывая благовещие ребусы Н, следует помнить, что многие растения, животные, предметы и сами по себе в Китае традиционно рассматриваются как символы тех или иных качеств человека. Так лотос (蓮, 荷 *лянь*; хэ) олицетворяет чистоту сердца в “мире пыли и грязи”; бамбук (竹 *чжу*) – душевную прямоту, стойкость и благородство, а кроме того служит омонимом слова “молить, желать”; персик (桃 *тао*) – долголетие и счастливое супружество; гранат (榴 *лю*) символизирует многочисленное мужское потомство. Особую славу снискал в Китае пион (富貴花 *фу-гуй-хуа*), носящий титул “царя цветов”, ибо он считался воплощением солнечного начала *Ян*. К числу “благовещих” животных и птиц относятся, например, павлин (孔雀 *кун-цяо*) – символ победы над

злом, а также частичный омоним к имени Кун-цю; белый журавль (仙鶴 *сянь-хэ*) – птица бессмертных небожителей, олицетворение долголетия; легендарный феникс (鳳凰 *фэн-хуан*), своим пятицветным оперением символизирующий 5 конфуцианских добродетелей. В орнаментации костюмов персонажей и различных предметов, изображенных на Н, очень часто встречаются стилизованные декоративные иероглифы, в особенности 福 “фу” и 壽 “шоу”, вписанные в круг или квадрат. Чрезвычайно широко используется в Н и символика цвета и цифр⁵.

Исключительная популярность Н в народе связана с тем, что Новый год был важнейшим событием в жизни старого Китая, подлинно универсальным праздником, в котором отразились все мотивы многовековой культуры. Им отмечался конец зимы и начало весны, начало пахоты, от успеха которой зависел сбор хорошего урожая, а значит, и благополучие семьи, общины и всей Поднебесной империи. Празднование Нового года начиналось с 23-го (на юге Китая с 24-го) числа двенадцатой луны. Вечером этого дня провожали на Небо бога домашнего очага Цзао-вана, одного из самых популярных персонажей Н. Перед киотом с его изображением, кроме обязательных атрибутов, ставили и печенье из рисовой муки – *нянь-гао* (粘糕 “нянь” – “клейкий”, “гао” – “печенье” – звучит одинаково с иероглифами 年 “нянь” – “год” и 高 “гао” – “высокий, хороший”). Такое печенье пекли в качестве своеобразного талисмана, чтобы Новый год оказался хорошим, добрым. В популярности с Цзао-ваном мог соперничать только Цай-шэнь – бог богатства и денежного изобилия, дух денег. Наряду с Цзао-ваном, небесным чиновником Тянь-гуань, божествами карьеры, счастья и долголетия (Лу-син, Фу-син и Шоу-син), он является едва ли не главным персонажем благопожелательных Н.⁶

В заключение следует отметить, что в основе любой символично-благопожелательной Н в конечном итоге лежит зашифрованное тем

или иным способом древнее и вечно актуальное пожелание всех земных благ. При этом сама картина (畫 хуа), по аналогии с китайским иероглифом, состоящим из многих “черт” (劃 хуа), может быть интерпретирована как сложный, многослойный, но единый, отчеканенный веками Знак, как всеобъемлющий Символ тысячелетней культуры Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Источники позволяют утверждать, что к X-XI вв. искусство Н уже вполне сформировалось. Непосредственными предшественниками Н были печатные картины эпохи Мин с изображением различных мифологических персонажей. К XVII в. китайские печатники освоили технику цветной ксилографической печати. В это время окончательно кристаллизуется стилевое своеобразие, сюжетный репертуар и четкие изобразительные схемы Н. В начале XVII в. сложились и основные центры ее производства. Одним из самых крупных был г. Янлюцин в провинции Хэбэй (близ Тяньцзиня). За рамками настоящего сообщения, остались многие аспекты исторической эволюции, типологии, морфологии и техники исполнения Н.
2. В китайской литературе того времени сложилось достаточно уничижительное отношение к народным картинам. Они именуются “грубыми картинками” (俗畫 су-хуа). И в этом одна из главных причин отсутствия в самом Китае крупных коллекций Н и специальной литературы на эту тему.
3. Из всех перечисленных типов будут рассматриваться только символично-благопожелательные Н.
4. До 1995 г. рыбинская коллекция Н не была описана, не говоря уже об идентификации и расшифровке сюжетов, а сами эстампы были ошибочно отнесены к разделу живописи (акварели), а не графики (ксилографии).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. – М., 1966.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. – М., 1985.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Изд. 2-е – М., 1992.
- Редкие китайские народные картины их советских собраний. / Сост. Б.Л. Рифтин и Ван Шу-цунь. – Л.– Пекин, 1990.

- Сычев Л.П., Сычев В.П.* Китайский костюм. Символика и история. Трактовка в литературе и искусстве. – М., 1975.
- Тресиддер Дж.* Словарь символов. / Пер. с англ. – М., 1999.
- Эберхард В.* Китайские праздники. – М., 1977.
- Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. – М., 1965.
- Williams Ch., Speed A.* Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. – N.Y., 1960.

SUMMARY

The paper is devoted to Chinese New Year folk pictures and their symbolism, based on the play on words (homophones and assonance). In the process of their evolution, folk pictures gradually came to incorporate a number of motifs of Chinese art. These motifs ultimately arranged into a complicated permanent combination. Pictures of this kind fall into three large groups, according to the treatment of the central figures: 1) accompanied by attributes signifying wealth; 2) accompanied by characters and symbols render the ideas of high official position, rank of nobleman, and general prosperity; 3) employed a combination of attributes and symbols which serves to express all these good wishes taken together.

Чжан Цзюньсян, г. Нанкин (КНР)

О ПОНЯТИЯХ “РЕАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ” И “ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ” В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблематика современного китайского языкознания охватывает вопросы фонетики, лексики, грамматики, текстоведения и стилистики китайского языка. Кроме того, внимание исследователей обращено на изучение отношений между языкознанием и его коррелятивными дисциплинами. Известно, что языкознание тесно связано с психологией, социологией, культурологией, информатикой и другими

дисциплинами. Большие успехи были достигнуты учёными в изучении современного китайского языка в определённой степени благодаря заимствованным западным лингвистическим теориям. Тем не менее, стоит отметить, что в настоящее время одними из важнейших проблем китайского языкознания являются неоправданное введение в научный обиход многочисленных терминов из западных лингвистических теорий и осуществление попыток провести теоретическое изучение различных аспектов китайского языка с помощью малоисследованных и непригодных для этого приёмов заимствованных теорий. Это стало серьёзным препятствием для развития китайского языкознания.

В 80–90 годы XX века среди учёных наметилась тенденция к переосмыслению результатов исследований, проведённых китайскими лингвистами в последние десятилетия. Немало сделано в области построения новой системы теории китайского языка, в частности, был введён целый ряд продуктивных понятий. В 1996 году профессор Нанкинского университета Ван Сицзе опубликовал свою научную работу «Общая теория стилистики китайского языка», в которой он предложил новые теоретические понятия – реальное языковое явление (显性语言现象) и потенциальное языковое явление (潜性语言现象) в китайском языке. Эти два понятия привлекают к себе большой исследовательский интерес. Они дают возможность “увидеть целину мира китайского языка, на которую мало обращали внимание, расширяют кругозор учёных и помогают узнавать язык всесторонне” [Юй Гэньюань 2000, с.296].

Профессор Ван Сицзе полагает, что система китайского языка обладает такими особенностями, как «незамкнутость» (开放性) и «динамичное равновесие» (动态平衡性). Языковая система может развиваться только в процессе её обмена информацией с носителями языка и с обществом, где находятся носители языка. Однако наблюдается противоречие между ограниченностью языкового

материала и беспредельным объектным миром, и это заставляет носителей языка непрерывно выявлять скрытые языковые резервы. В результате долгосрочных наблюдений и обобщения обширных фактов языка профессор Ван Сице отметил, что на уровнях фонетики, лексики, грамматики, текстоведения, семантики и стилистики китайского языка существуют реальное и потенциальное языковые явления, благодаря которым китайский язык постоянно обновляется. “Все языковые материалы, которые использовались носителями языка до начала наблюдений, причисляются к реальным языковым явлениям, а те материалы, которые скрываются в системе языка, составляют потенциальные языковые явления.” [Ван Сице 1996, с.219].

Многообразные языковые материалы, являясь элементом повседневного общения, предоставляют широкое пространство для коммуникативной деятельности. Носители китайского языка сознательно выбирают подходящие языковые единицы, совершают коммуникативные операции и достигают коммуникативной цели. С точки зрения синхронии основные языковые материалы, которые накапливаются в языке, передаются из поколения в поколение и регулярно функционируют в настоящее время, и есть реальные языковые явления. Это факты, проверенные временем. В современном китайском языке имеется множество примеров таких явлений. Например, для обозначения замужней женщины в зависимости от ситуации общения употребляют реальные слова “夫人”, “妻子”, “老婆”, “内人”, “太太” и т.д. Другой пример: с целью сделать пожилому человеку комплимент про его (её) молоджавую внешность используют реальные предложения: “您看上去真年轻”, “您看上去起码年轻十岁”, “您根本不像六十岁的人”. Когда речь идёт о языковой конструкции в китайском языке, под этим понятием подразумевается структурный образец предложения, обобщённый из реальных фраз.

Проиллюстрируем реальное семантическое явление примером, приведённым профессором Ван Сицзе. С участием морфемы “齡” образуется две категории слов. Первая категория обозначает возраст, временные ограничения, например, значение реального слова “婚齡” – минимально допустимый возраст для вступления в брак, а “學齡” – начало младшего школьного возраста. Вторая категория слов с морфемой “齡” имеет значение “период, длительность какого-либо действия”, к примеру, “工齡” – это обозначение трудового стажа, а “烟齡” – это период, в течение которого человек является курильщиком. Сочетание морфемы “齡” с другими морфемами складывалось постепенно, и в процессе языкового общения с течением времени оно стало сравнительно устойчивым выражением. Обычно у носителей языка не возникает сомнений в распознавании лексического значения этих слов. Практически не наблюдается случаев неверного понимания людьми слова “學齡” как временной длительности учёбы, а слова “烟齡” как возраста, с которого человеку разрешается курение.

Традиционное лингвистическое исследование основано именно на реальных языковых явлениях. Учёные собирают первоисточники, их сравнивают и классифицируют, чтобы установить языковые нормы и выявить речевые ошибки. При этом надо подчеркнуть, что основными методами в подобных исследованиях являются индукция и сравнение.

По мнению американского профессора психолингвистики Дж.И. Осгуда (G.E. Osgood), языковая семиотика – это айсберг, маленькая часть которого находится на поверхности, а большая часть прячется под водой [Ван Сицзе 1996, с.296]. Профессор Ван Сицзе уделял внимание именно “скрытой” части китайского языка. Он считает, что если мы называем ныне существующий язык реальным, то те языковые материалы, которые существовали и исчезли, и те, которые по языковым законам должны возникнуть, но до сих пор не

появлялись, составляют потенциальный язык [Ван Сицзе 2000, с.296]. Можно подойти к потенциальному языку с точки зрения фонетики, лексики, грамматики, текстоведения, семантики и стилистики.

Приведём примеры потенциальных языковых явлений. Исследование показывает, что в фонетической системе китайского языка существует 419 слогов без учёта тонов, а слогов, которые соответствуют иероглифам, насчитывается 406, у остальных слогов нет соответствующих им иероглифов. Эти 13 слогов можно называть потенциальными иероглифами. В семантике потенциальность китайского языка проявляет себя в двух видах: во-первых, существуют семантические единицы, которые не имеют соответствующих им языковых знаков. Например, мы называем научного руководителя аспирантов “博导”, научного руководителя магистров “硕导”, значит, по логике, научного руководителя бакалавров должны называть “本导”. Но такого слова мы пока не употребляем. На самом деле оно вполне соответствует правилам грамматики, и поэтому оно потенциально существует. Во-вторых, одни значения многозначных языковых единиц понимаются как реальные, а другие как потенциальные. Вернёмся к выше приведенному примеру. Слово “婚龄” имеет реальное значение “минимально допустимый возраст для вступления в брак”, одновременно оно обладает потенциальным значением “временная длительность брака”. Что касается слова “烟龄”, то “период, в течение которого человек является курильщиком” – это его реальное значение, а “минимально допустимый возраст для курения” – это его потенциальное значение. В связи с тем, что потенциальные значения ещё не употребляются в языковой коммуникации, они воспринимаются как непривычные. Но необходимо отметить, что непривычность не может отрицать их существование.

По мнению профессора Ван Сицзе, полная система китайского языка включает в себя и реальные языковые явления и

потенциальные (Ван Сицзе 2000, с.296). Такое суждение углубляет познание языка, расширяет кругозор лингвистов и открывает широкую перспективу для китайского языкознания. Прежде всего, необходимо провести всестороннее изучение таких потенциальных языковых явлений, как потенциальные слова, потенциальные конструкции предложений, потенциальные значения, потенциальные тропы и фигуры и т. д. Приведём некоторые примеры из лексики, так как потенциальные слова – это одна из самых богатых сокровищниц потенциальных языковых ресурсов. В китайском языке существуют реальные слова “国歌”, “国徽”, “国旗”, соответственно, разные административные органы могут иметь “...歌”, “...徽”, “...旗”, если, конечно, это необходимо, например, “院歌”, “院徽”, “院旗”, “校歌”, “校徽”, “校旗”, “所歌”, “所徽”, “所旗”. Возможно обсуждение вопросов о том, какие коммуникативные возможности китайский язык предоставляет носителям языка, какие существуют принципы определения потенциальных языковых явлений, так как с теоретической точки зрения потенциальность китайского языка очень велика, любая комбинация иероглифов может служить основой потенциального языкового явления. Нужно иметь в виду, что главным методом исследования потенциальности языка является дедукция.

Немаловажно и то, что профессор Ван Сицзе изучает основные формы эволюции китайского языка, исходя из реального и потенциального языковых явлений. Превращение реальных явлений в потенциальные – это первая форма эволюции языка. Некоторые реальные языковые явления уходят со сцены языкового спектакля за кулисы. Например, слова и словосочетания “公社”, “粮票”, “忠字舞”, “阶级斗争” прежде были очень популярными языковыми фактами, но в процессе развития общества заметно сократилась сфера их применения, и они, естественно, постепенно вышли из употребления. Это следствие естественного отбора, происходящего в языке. Надо

учесть, что этот отбор языковых средств не является абсолютным, и в случае восстановления соответствующей им среды, отсеянные языковые явления могут вернуться в сферу употребления. Исчезновение и появление слова “当铺” служат этому наглядным подтверждением. Превращение потенциальных явлений в реальные – это вторая форма эволюции языка. Некоторые потенциальные языковые явления выходят на сцену из-за кулис. Освоение и использование языковой потенциальности считаются главными путями развития языка. Приведём примеры. Мы давно используем слово “酒吧”, и в конце XX века возникает ряд слов, как “网吧”, “氧吧”, “茶吧”. В самом деле, поскольку “酒吧” обозначает “помещение, где спиртные напитки входят в стоимость обслуживания”, то вполне логично, что “网吧” обозначает “помещение, где предоставляют доступ в интернет”, а “氧吧” обозначает “помещение, в котором можно принимать воздушные процедуры”. Раньше такие слова как “网吧”, “氧吧” не употреблялись, это не потому что они не существовали, а потому что не было среды для их употребления. До превращения в реальные языковые явления они существовали как потенциальные языковые явления. Очевидно, что языковая среда тесно связана с двумя формами движения и эволюции китайского языка. Обратимся вновь к морфеме “龄”. С возрастанием необходимости обозначать временную длительность брака (в китайском языке не было такого слова), потенциальное значение слова “婚龄” превращается в реальное: ……尽管丈夫深知, 已有5年婚龄的娇妻对他忠贞不渝的, 绝不会假戏真做, 但他还是不愿意。 [«Газета китайской молодёжи», 22.03.1992]. Далее перечислим несколько слов, которые превратились из потенциальных языковых явлений в реальные:

1. 导购、导医、导厕 …… (ср. 导演、导游)
2. 股民、彩民、网民 …… (ср. 烟民)
3. 空嫂、空哥 …… (ср. 空姐)

Профессор Ван Сицзе считает, что во время превращения потенциальных языковых явлений в реальные наблюдается два параллельных процесса. Первый процесс – коллективное движение. Оно удовлетворяет коммуникативную потребность всего общества. Благодаря такому процессу обновляется языковая норма, образуются новые слова, новые выражения, новые конструкции предложений и т.д. Соответственно, исследователи в областях лексикологии, грамматики и семантики должны обращать своё внимание на такой процесс. Хотим подчеркнуть, что вполне необходимо рассмотреть вопрос о языковой нормализации с точки зрения эффекта превращения потенциальных языковых явлений в реальные. Например, в нынешнее время в текстах реклам встречается активное преобразование китайских фразеологизмов, вместо “专心致志” мы видим “专心治痔”, вместо “将心比心” мы видим “将芯比芯”. Такое преобразование украшает язык (положительный эффект, языковое искусство) или ему вредит (отрицательный эффект, речевые ошибки)? Это является одним из основных вопросов культуры китайской речи. Второй процесс – это личное словоупотребление. Оно возникает в процессе языкового общения, и такое словоупотребление часто сопровождается яркая стилистическая окраска. Стилистика, например, исследование стиля писателей и стиля устной речи, уделяет большое внимание такому явлению с целью проанализировать эффективность выражения речи. Стилистический анализ языка с точки зрения соотношений реальных и потенциальных явлений полезен вскрытию закономерности языка.

Прежние междисциплинарные исследования языка были основаны, главным образом, на использовании методики коррелятивных дисциплин для языкового анализа, и очень редко касались сути отношений между языковыми, физическими, культурными и психологическими явлениями. Профессор Ван Сицзе полагает, что в действительности в физическом, культурном и

психологическом мирах также наблюдается большое количество реальных и потенциальных явлений (о понятиях четырёх миров в коммуникации, см. [Ван Сицзе, «Общая теория стилистики китайского языка», с.63–183], Издательство Нанкинского университета, 1996). Учёные разных специальностей рассматривают эти явления с разных сторон. Нужно, чтобы междисциплинарные исследования языка были проведены на основе внутренних связей реальных и потенциальных явлений вышеупомянутых миров.

ЛИТЕРАТУРА

王希杰,《修辞学通论》,南京大学出版社,1996年。(Ван Сицзе. Общая теория стилистики китайского языка. – Нанкин, 1996).

《王希杰修辞学论文集》,何伟棠主编,广东高等教育出版社,2000年。
(Сборник статей Ван Сицзе по стилистике. / Под ред. Хэ Вейтан. – Гуанчжоу, 2000).

王希杰,《修辞学新论》,北京语言学院出版社,1993年。(Ван Сицзе. Новая теория стилистики китайского языка. – Пекин, 1993).

《语言学百题》,王希杰主编,上海教育出版社,1991年。(Сто вопросов по языкознанию. / Под ред. Ван Сицзе. – Шанхай, 1991).

SUMMARY

At present, in the research of Chinese linguistics, there is one misunderstanding that the western linguistic terms are blindly introduced while the theoretical induction and summation from the essence of the Chinese language are neglected. In 1996, Professor Wang Xijie of Nanjing University published his works of General Rhetoric, which is very important for the reconstruction of scientific theory system of Chinese language. In this book, he created one pair of conceptions: realistic phenomenon and potential phenomenon, which incurred widespread attention. This article tries to interpret these conceptions from concrete examples and discusses their influences on the overall development of Chinese language.

Professor Wang Xijie pointed out that the realistic linguistic phenomenon is those phenomena which have existed before our observation while the potential phenomenon is those which do not exist before our observation but should exist according to the linguistic rules. The whole Chinese language is the sum of these two phenomena. The two basic forms of Chinese language evolution are the realistic become potential and the potential become realistic.

The conceptions of realistic and potential phenomena have great influence on the research of Chinese language from the aspects of pronunciation, glossary, grammar, semantic meaning, text and rhetoric, and the inter-research of linguistics with psychology, culture science, information science and sociology.

Н. И. Шевцова, г. Владивосток

О КОНСТРУКЦИИ СОПРЯЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РЕЧИ КИТАЙСКИХ ДЕТЕЙ

Конструкция сопряженных действий (КСД) в современном китайском языке (СКЯ) характеризуется наличием двух и более полнозначных глаголов с зависимыми от них словами или без них, действия которых соотносятся с одним грамматическим субъектом-подлежащим, между которыми отсутствуют соединительные средства связи и знаки пунктуации на письме (2). Относясь к особым грамматическим построениям СКЯ, КСД является объектом изучения со стороны как китайских, так и отечественных исследователей на протяжении ряда лет. Она была описана с точки зрения синтаксической интерпретации, особенностей стилистического употребления, перевода с китайского языка на русский. В данной статье на основе языковых фактов, представленных в работах китайских исследователей (5, 4), и нашего анализа этих фактов будет рассмотрено поэтапное становление этой конструкции в естественной

языковой среде, т.е. в речи китайских детей. Попутно будет рассмотрено формирование некоторых грамматических явлений СКЯ, что позволит не только глубже понять грамматическую сущность СКЯ, но и окажет помощь в обучении этой конструкции и ее овладению в иноязычной среде.

Согласно наблюдениям китайских исследователей предложение с КСД появляется в речи детей в возрасте 1,5 лет. К 3,5 годам дети овладевают всеми основными ее структурными и семантическим разновидностями (5).

Появление, становление конструкции в детской речи идет под воздействием речи взрослых, поэтому объектом анализа явились те ее разновидности, которые характерны для китайской разговорной речи (РР) вообще – главным образом, двуглагольные образования (реже – с тремя глаголами), что отвечает ее количественным характеристикам, присущим разговорному стилю СКЯ (3).

По характеру семантического значения первого глагола (Г1) в речи детей выделяют конструкции с 1) глаголами движения (lai, qu), 2) перемещения (с преобладанием dao, shang), 3) местонахождения (zai, zuo, tang), 4) общего значения “иметь при себе” (dai), при этом в качестве Г2 употребляется gei, 5) распорядительства (huan), 6) прочей семантики (в данной группе глаголов преобладает mai-“покупать”, а в качестве Г2 – gei – “давать”, частота употребления Г1 продиктована, по-видимому, прагматической ценностью, актуальной для ребенка), 7) pa, yong, вводящими орудийное дополнение.

Имя, стоящее в постпозиции к Г1, может иметь значение 1) объектного дополнения, 2) места, 3) орудия и относиться либо только к Г1, либо к двум глаголам одновременно.

Усвоение конструкции идет от простых ее видов к более сложным с точки зрения структуры и значения. Простейшая двуглагольная конструкция без приглагольных имен появляется в речи полуторогодовалого ребенка (Г1-Г2): lai zuo “иди садись!”. В

речи двухгодовалого ребенка в конструкции появляются приглагольные имена как у Г1(Г1-И-Г2): zuo bandeng xie “сяду на стульчик (буду) писать”, zhan shangmian kan “встану наверх и посмотрю (буду смотреть)”, liang ren huan dao wan “вдвоем обменяемся ножичками (и, чтобы) поиграть (поиграем)”, так и Г2 (Г1-Г2-И): lai kan zhe ge “иди посмотри это”, wo lai doudou ta “я хочу завернуть его”, nainai qu dao shui “бабушка, иди налей водички”. Двуглагольная конструкция может усложняться за счет двух приглагольных имен (Г1-И1-Г2-И2): gei ni chi lajiao “дам тебе съесть перец”, na zhi die ge xiao chuan “возьму бумагу (и) сверну кораблик”, а также появления Г3 (Г1-И1-Г2-И2-Г3): die ge xiao fangzi gei ni kan “сверну домик (и) дам тебе посмотреть”, zuo xiao loufang gei shushu zhu “сделаю (из кубиков) домик (и) отдам дяде жить”. Эти вышеотмеченные структурные разновидности конструкций, появившись в два года, активно используются в речи детей последующих возрастных этапов, однако их употребление идет в “глубину” с точки зрения грамматического овладения и оформления. Так, для конструкции (в речи детей 1,5 – 2-х лет) характерны, в основном, односложные и неоформленные глаголы lai, kan, qu, dao, zuo, zhan, fang, gei, wan, mai, na, die, zhu (зафиксированы лишь единичные случаи оформления глаголов резульативной морфемой wo gaohao duo gei ni и употребления в форме удвоения qu wanwan). В речи детей 2,5 лет глаголы оформляются модификаторами со значением направления движения (это свидетельствует о том, что ребенок начинает осознавать пространственные отношения и выражать их в определенной грамматической форме) и употребляются в форме удвоения, грамматическая функция которой – обозначать действие с точки зрения времени (кратности) его совершения: wo lai ba zhe ge tashangqu “я хочу это взять (и) выстроить”, women yiqi chuqu wan “мы вместе пойдем (туда) погулять”, gei ni xiao yezi wan yi wan “дам тебе один листочек

поиграть”. Пространственные отношения, их осознание ребенком в этот возрастной период проявляются и в начальном использовании послелогов: wo dao na ge shan shang qu ba luobo “я поднимусь на гору (и буду) рвать лобу”, ge zai zui li chixiaqla “положил в рот (и) съел”. Обращает на себя внимание тот факт, что модификатор оформляет не только глаголы движения, но и сами глаголы начинают присоединять глагольный суффикс la. Вместе с тем, параллельно с формой удвоения и оформления различного рода модификаторами употребляются и неоформленные односложные глаголы.

Возраст 3-3,5 года – это период, когда дети широко используют эту конструкцию в разных синтаксических вариантах: 1) односложные и чаще неоформленные глаголы употребляются с объектным именем: dai qiang gei ni wan “принесу ружье (и) дам тебе поиграть”, mai shui gei ni chi, gei wo chi “(мама завтра) купит воды (и) даст тебе попить (и) даст мне попить”, ni xie yi ge da laohu gei wo kan “ты нарисуй большого тигра (и) дай мне посмотреть” (интересно, что глагол xie “писать” употреблен в значении “рисовать”), – и с орудийными дополнениями: yong fanpiao mai goubaozi “на талоны купили (используя талоны) пирожок с мясом”; 2) в случаях употребления имени со значением места в основном употребляются оформленные глаголы, при этом имена оформляются послелогам: wo zoudao qianmian qu dai lu hao ma? “я пойду вперед (и буду) показывать дорогу, хорошо?”, dou duo zai dong li shuijiao “все спрятались в пещеры (и) спят”, wo zuo zai ee nainai shen shang kan dianshi “я сяду к бабушке и бабушке на колени смотреть телевизор”, wo jiu zuo zai dengzi shang dengzhe “я (тогда) буду сидеть на скамейке (и) ждать”, houlai xiao shanyagnde mama jiu dai xiao shanyang dao jie shang qu mai wanju после чего мама козленка взяла его пошла (с ним) на улицу и купила игрушку”. Однако в этот период так же наблюдается употребление как оформленных, так и неоформленных глаголов. От трехлетнего ребенка можно услышать wo jiu zuo zai yizi

shang dengzhe “я сижу на месте и жду” и wo jiu zhan menkou kankan “я постою у входа (и) посмотрю”.

Имена в постпозиции к глаголу изначально, как и сама речь ребенка, носят ситуативный характер, что существенно облегчает как их продуцирование, так и их понимание, поэтому в их роли в 2 года выступают указательное местоимение zhe “это” с универсальным классификатором ge и местоимение ta “он, она”, указывающее на неодушевленные существительные и животных. Они могут заменить любой предмет в конкретной ситуации, участником которой является и взрослый (lai kan zhe ge “иди посмотри это”). В дальнейшем послеглагольные имена выражаются лексическими единицами с конкретным значением, обозначая людей, предметы и вещи, окружающие ребенка (например, shushu, shui, dao, xiao chuan, xiao fang, niunai, pingguo). В возрасте 2,5 лет в качестве прямого дополнения начинает употребляться указательное местоимение na “тот” (na ge), которое соотносит с предметом (или объектом), удаленным от ребенка. В возрасте 4,5 лет появляются лексические единицы с абстрактным значением (типа gonganju). Употребление объектных имен ребенком носит осознанный характер, что проявляется в употреблении счетного слова ge, которое выделяет данный объект из множества ему подобных (die ge xiao chuan, die ge xiao fangzi).

Послелогольное имя со значением места появляется в речи детей одновременно с объектным именем (4). При этом в использовании имен со значением места в рамках конструкции прослеживается следующая тенденция: изначально в качестве объекта-места употребляются локативы без послелогов: zuo bandeng xie “сидеть на стульчике (и) писать”, – или двусложные послелого без предшествующего существительного: zhan shangmian kan “встану наверх (и) посмотрю”. В возрасте 2,5 лет глаголы перемещения и положения в пространстве начинают оформляться модификаторами, а

послеглагольные имена-предлогами и послелогоми: wo dao nage shan shang qu ba luobo “я пойду на ту гору рвать лобу”.

В соответствии со стилистическими особенностями РР определения к именам в КСД китайских детей или отсутствуют вообще или выражены односложными прилагательными: da – “большой”, xiao “маленький”, hui – “серый”, xīn- “новый”, re – “горячий”, liang – “прохладный”, – или указательным местоимением na/na ge “та, тот”.

Анализ предложений с конструкцией показал, что первые обстоятельства в препозиции к ней появляются в 2 года. Это наречие mashang (wo mashang na gunzi da zhege da hui lang “я быстро возьму палку (и буду) бить этого большого серого волка”. К наиболее употребимым в возрасте 2,5 лет относятся hai, ye, kuai: kuai lai da gu “быстро иди (будем) бить в барабан”. В 3 года зафиксировано gangcai: mama gangcai dai wo da zhen qu de “мама только что ходила со мной на уколы”. В 3,5 года в детской речи появляются dou, jiu, zai и модальные глаголы: yaoshi ba ganzhe yong liang shui xixi, zai yong re shui tangtang, jiu keyi chi “если, например, взять бамбук и помыть холодной водой, а (потом) еще обдать горячей водой, то (его) можно есть”, wo xiang jie yi ge bingqi yong yi xia “я хочу взять оружие (чтобы, и) воспользоваться (им)”.

В целом необходимо отметить, что КСД в речи китайских детей начинает формироваться с двуглагольной без именных членов в возрасте 1,5 лет. Структурные разновидности отражают морфологосинтаксические особенности, присущие разговорному стилю СКЯ, т.к. овладение РР происходит в контакте со взрослыми носителями. Появление объектного имени (включая орудийный объект) и со значением места происходит одновременно в одинаковый возрастной период (в 2 года) путем простой их постановки в постпозицию к неоформленной глагольной морфеме. Это не противоречит фактам других языков мира, когда двусловные предложения или даже первые

трехсловные комбинации могут состоять из “замороженных” форм, т.е. из таких компонентов предложения, которые первоначально еще не имеют морфологического оформления (1). Изначально в качестве приглагольного имени широко используются местоимения *zhe* и *ta*, что отражает ситуативный характер речи ребенка. Грамматическое оформление имени со значением места идет от беспослеложной к предложно-послеложной форме. Одновременно с этим начинают появляться модификаторы у глагольной морфемы. Форма удвоения глагола предшествует их появлению. В период овладения конструкцией наблюдается употребление как оформленных, так и неформированных глаголов. В 2 года появляются первые обстоятельства в препозиции к конструкции в целом, несколько позже модальные глаголы как показатель единства конструкции. Определения в составе КСД либо отсутствуют, либо выражены односложными прилагательными или указательными местоимениями.

Отличие конструкции в детской речи заключается в качественной характеристике лексических единиц, наполняющих ее, т.к. они отражают соответствующий представлению ребенка окружающий мир.

ЛИТЕРАТУРА

- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. – М., 2000.
- Шевцова Н.И.* Синтаксис глагольного предложения (конструкция сопряженных действий). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991.
- Шевцова Н.И.* Некоторые стилистические особенности конструкции сопряженных действий в современном китайском языке // Китайское языкознание. IX международная конференция. – М., 1998.
- Zhou Guoguang.* Hanyu ertong xide shubin jiegou zhuangkuangde kaocha // Hanyu wenzi yingyong. – 1996, №3.

SUMMARY

Construction with some verbs in Chinese children's speech This article introduces the peculiarities of development the construction with some verbs (*lian dong jiegou*), it's structural variants in Chinese children's speech, analyses post verbal names, their meaning and some grammatical phenomena, connected with the verbs and names in construction.

Ж.В. Шмарова, г. Чита

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОЖНОГО СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(На примере двусложных глаголов, образованных
по атрибутивной модели сложения)

Под структурой значения слова здесь понимаются “семантические компоненты, семы, семантические признаки, выделяемые в отдельном значении слова, у отдельного лексико-семантического варианта, и являющиеся структурными элементами этого значения” [Стернин 1979, с.23].

Понятийное содержание, или сигнификат, сложного слова представляет собой совокупность семантических признаков, обязательных для денотата этого слова. В китайском языке большинство слов образованы словосложением. При образовании сложного слова чаще всего руководствуются принципом достижения наибольшей прозрачности внешней формы и внутреннего семантического содержания, поэтому выбор компонентов неслучаен. Компоненты сложения вступают в определенные семантические отношения, они создают основу для образования так называемого

ядра лексического значения слова, т.е. его сигнификативной стороны. Можно ли в таком случае вывести значение всего слова, зная значения его компонентов? Во многих случаях действительно можно. Но нередко анализ значений морфем, составляющих слово, (значений, которые сложились в современном языке) вообще может завести в тупик и не внесет никакой ясности при определении значения слова.

Китайские ученые Фу Хуайцин [Фу Хуайцин 1985, с.223-224] и Чан Цзиннин [Чан Цзиннин 1996, с.184-186] исследовали отношения между значением слова и значениями компонентов его составляющих. Первый выделил пять типов отношений, у второго представлена более подробная классификация отношений, которая включает 13 типов.

Ван Шаосинь в статье “О внутренней семантической структуре сложного слова в китайском языке” [Ван Шаосинь 1987] также обращает внимание на сложные слова китайского языка, чьи значения трудновыводимы или вообще невыводимы из значений компонентов.

Проанализировав и обобщив точки зрения данных авторов на эту проблему, отношения между значениями компонентов слова и значением слова можно в целом подвести под следующие типы:

- 1) значение слова полностью выводится из значений компонентов;
- 2) значение слова – это сумма значений морфем и дополнительная информация, которая не содержится в значениях компонентов;
- 3) значение слова – результат переосмысления значений компонентов;
- 4) значение слова трудновыводимо из значений компонентов, т.к. их образование связано с древними притчами, сказаниями, крылатыми выражениями;
- 5) значение слова никак не связано со значениями его компонентов (это заимствованные иностранные слова и “ляньмяньцзы” – слитные, нечленимые слова).

В данной статье предметом исследования являются двусложные глаголы с атрибутивным типом отношений между компонентами, чья

структура значения отвечает второму типу отношений в указанной классификации.

Значения таких глаголов включают значения компонентов, а также дополнительную информацию. Дополнительной информацией будем называть все то содержание значения, которое не входит в объем значений морфем, составляющих слово, но неотделимо присутствует в значении самого слова. Мы не разделяем такую дополнительную информацию, как это делает Фу Хуайцин, на: 1) скрытое содержание (词的暗合内容); 2) дополнительное содержание, уточняющее главное (为表述需要而补充的内容); 3) информативное дополнительное содержание (知识性附加内容) [Фу Хуайцин 1985, с.219].

Как нам кажется, нет четких критериев для такого выделения, а отсюда неизбежен субъективизм в результате деления на вышеназванные компоненты смысла.

Дополнительное содержание, присутствующее в определении значения слова, может характеризовать действие с разных сторон. Во всех нижеследующих примерах дополнительная информация подчеркнута. Глаголы и соответствующие им определения значений, приведенные в статье в качестве примеров, отобраны из “Словаря современного китайского языка”.

1. Уточняется субъект действия, выраженного сложным глаголом.

亲征 qīnzhēng “лично отправляться в поход” (сам, лично + идти в поход). Слово имеет значение 指帝王亲自出征 “сам император возглавил армию в поход”.

2. Уточняется объект действия или то, на что обычно направлено действие, выраженное глаголом.

井灌 jǐngguàn “поливать (поля) колодезной водой” (колодец + поливать). Слово имеет значение 用井水灌溉农田 “колодезной водой поливать крестьянские поля”.

诱拐 yòuguǎi “увести обманом, похитить” (завлекать + похитить обманом). Слово имеет значение 用诱骗的方法把别人人家的妇女或儿童弄走 “путем обмана увести чужих детей или женщины”.

3. Уточняется способ совершения действия, в некоторых случаях указывается предмет, с помощью которого совершается действие.

代用 dàiyòng “заменять” (замещать + использовать). Слово имеет значение 用性能相近或相同的东西代替原用的东西 “заменять какую-либо вещь идентичной или подобной по свойствам или характеристике”.

4. Уточняется причина совершения действия.

尘封 chénfēng “покрыться пылью” (пыль + закрывать). Слово имеет значение 搁置以久, 被尘土盖满 “покрылось пылью из-за того, что было оставлено на долгий срок”.

5. Уточняется цель, ради которой совершается действие.

穷忙 qióngmáng “сбиться с ног, гоняться за куском хлеба” (крайне + хлопотать). Слово имеет значение 旧时为了生计而忙碌奔走 “хлопотать, зарабатывая себе на жизнь”.

6. Уточняется место совершения, направленность или источник совершения действия.

截获 jiéhuò “захватить, перехватить” (перерезать + поймать, схватить). Слово имеет значение 中途夺取到或促到 “на середине пути захватить (завладеть)”.

铭记 míngjì “запечатлеть в душе” (вырезать, гравировать + записывать). Слово имеет значение 深深地记在心里 “Глубоко запасть в душу”.

7. Уточняется время совершения действия.

偷袭 tōuxī “нанести внезапный удар” (тайком + совершить преступление). Слово имеет значение 趁敌人不防备时突然袭击 “осуществить внезапное нападение, воспользовавшись тем, что враг не принял мер предосторожности”.

Другие примеры глаголов отличаются от предыдущих тем, что их дополнительная информация уточняет сразу несколько характеристик действия.

1. 强渡 qiángdù “форсировать реку (неприятеля)”. Слово имеет значение 用炮火掩护强行渡过敌人防守的江河 “прикрываясь артиллерийским огнем, яростно форсировать обороняемую неприятелем реку”. Уточняется способ (“прикрываясь артиллерийским огнем”) и объект совершения действия (“река, обороняемая противником”).

2. 上访 shàngfāng “требовать решения проблемы у вышестоящих органов” (верх + навещать). Слово имеет значение 人民群众到上级机关反映问题并要求解释 “народ обращается к вышестоящим органам с проблемой и требует разъяснения”. Уточняется субъект и цель действия.

Все приведенные выше примеры подтверждают то, что значение слова – это всегда нечто большее, чем просто сумма значений компонентов.

Таким образом, дополнительная информация характеризует действие с разных сторон: она указывает на определенный круг субъектов (одушевленных лиц или предметов) или объект действия, уточняет способ совершения действия, указывает причину, цель, а также время, место совершения действия. В структуре значений некоторых сложных слов дополнительная информация характеризует действие сразу с нескольких точек зрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.
- Фу Хуайцин. Сяньдай ханьйюй цыхуй. – Пекин, 1985.
- Чан Цзиннин. Юйюн. Юйи. Юйфа. – Ханчжоу, 1996.
- Ван Шаосинь. Тань ханьйюй фухэци нэйбу дэ юйи гоучэн // Юйянь цзяосюэ юй яньцзю. – 1987, №3. – С.28-42.
- Сяньдай ханьйюй цыдянь. – Пекин, 1996.

SUMMARY

This article is devoted to the structure of meaning of chinese bisyllabic verbs. It is well-known, that the morphemes of compound word very often do not constitute the meaning of the whole word. The relation between the meaning of the compound word itself and the meaning of the morphemes is complex and varied. This work is about with one type of such relations, when the meaning of a bisyllabic verb includes not only the meanings of the morphemes, but also some additional information. This information is not included in the meaning of the morphemes but it is inseparable from the meaning of the whole word. It characterizes the verb from different points of view. It can show the subject or the object of the action, time, place, cause, purpose or the way the action is performed more clearly. In some words additional information qualifies the action expressed by the verb from some different aspects. The problem of the structure of the word meaning needs further scientific investigation.

Е.И. Шутова, г. Москва

ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЕВЕДЕНИИ

1. Категория “части речи” находилась в центре внимания лингвистов-китаеведов в различные периоды развития науки о грамматике китайского языка. В 30–40-е гг. узко-морфологический подход к проблеме приводит западноевропейских синологов (А. Масперо, Б. Карлгрен) не только к выводу об отсутствии в КЯ частей речи, но и к заключению о неразвитости, аморфности его грамматики. Примерно в эти же годы ориентация на морфологические критерии при установлении частей речи выступает определяющим началом и в работах отечественных ученых, развивающих концепцию поступательного исторического развития грамматики КЯ (И.М. Ошанин) или формализации “понятийных категорий” (Н.Н. Коротков). Достаточно сдержанное отношение к

функциональной значимости ЧР в грамматической системе КЯ наблюдается и в работах китайских ученых (ранние Ван Ли, Люй Шусян и др.)

Перелом в подходе к проблеме приходится на 40–50-е гг., когда научные устремления исследователей КЯ обращаются к критериям синтаксического порядка.

2. В китайском языкознании интерес к проблеме ЧР находит свое проявление в широкой дискуссии, осуществленной в 1953-54 гг. на страницах журнала “Чжунго юйвэнь” и частично – в “Вопросах языкознания”.

Дискуссия развивалась в направлении преодоления двух основных научных представлений, сложившихся к тому времени в китайском языкознании. Согласно первому из них ЧР трактовались как категории словоупотребления (а не как разряды, классы слов). Второе научное представление приписывало КЯ отсутствие ЧР.

Представление о китайских ЧР как о категориях словоупотребления восходит к Ма Цзяньчжуну – ученому, с именем которого связано в Китае становление лингвистики как самостоятельной научной дисциплины и начало систематического описания КЯ в терминах европейской грамматической теории. Объектом описания выступает у Ма Цзяньчжуна древнекитайский язык. Представление о ЧР как о категориях словоупотребления носит у Ма Цзяньчжуна сугубо общий характер: речь идет о широком смысловом контексте как определяющем факторе выявления частеречной принадлежности слова в КЯ.

Линию Ма Цзяньчжуна в принципиальной оценке ЧР как категорий словоупотребления, уже на материале современного КЯ, продолжает Ли Цзиньси, автор широко известной в Китае книги “Xin zhu guoyu wenfa” («Новая грамматика китайского национального языка»), вышедшей в свет в 1924 г. и выдержавшей в Китае до 25 изданий. Именно Ли Цзиньси принадлежит знаменитая формула: “Yi

ju bian pin, wu ju wu pin.” (На базе предложения определяем категории частей речи; нет предложения – нет частей речи) .

Если Ма Цзяньчжун исходит при установлении ЧР из общего смыслового контекста, то Ли Цзиньси апеллирует уже к определенной языковой единице – к предложению и его членам. Впервые в китаеведении Ли Цзиньси вводит функционально-синтаксический критерий в качестве основания для выделения частей речи в КЯ.

Другое из отмеченных выше научных представлений (отсутствие в КЯ частей речи), на фоне которых развивалась дискуссия, принадлежит Гао Минкаю – ученому-теоретику, автору капитальной монографии “Нану юфа лун” («Теория грамматики китайского языка») и ряда серьезных статей, в которых ученый обосновывает свое видение принципиальных оснований грамматики. Следующие несколько тезисов характеризуют сущность научных взглядов Гао Минкай по проблеме ЧР:

1) ЧР – это фактор разделения на определенные классы словарного состава (сйхуй) языка.

2) Основанием разделения словарного состава языка на классы, именуемые ЧР, не может явиться чисто семантический фактор. Части речи – это лексико-грамматические классы слов.

3) Грамматический аспект содержания слова должен получить свое проявление и подтверждение в морфологической структуре слова как такового (сиде бэншен хингдай). Ни синтаксическая сочетаемость, ни особенности функционирования не могут явиться грамматическим основанием выделения ЧР.

3. Судя по материалам дискуссии и другим публикациям, развитие китайского языкознания пошло в направлении утверждения концепции существования в КЯ частей речи как классификационных лексико-грамматических категорий. И теория отсутствия в КЯ частей речи (Гао Минкай), и представление о частях речи как о категориях

собственно словоупотребления (Ли Цзиньси) не были приняты. Главный огонь критики был направлен против концепции Гао Минкая. Что же касается Ли Цзиньси, то в ходе многочисленных переизданий своей книги он существенно уточнил суть своего понимания проблемы, сняв тем самым остроту неприятия идеи о частях речи как о категориях употребления.

4. Существенно следующее. Не принимая точки зрения Гао Минкая об отсутствии в КЯ частей речи как лексико-грамматических классов слов, участники дискуссии вместе с тем поддерживали тезис ученого о неправомерности выделения ЧР на чисто семантических основаниях, усматривая в этом “выделение ради выделения” (fen guan fen). Отсюда во главу угла проблемы выделения ЧР был поставлен вопрос о характере грамматической формы в КЯ, о соотношении лексической семантики и грамматики. В русле этих поисков получает поддержку идея грамматической формы в широком смысле (guangyi = de xingtai), в противоположность грамматической форме в узком смысле (xiayi = de xingtai). Убежденные сторонники формального подхода к выделению ЧР Ху Фу и Вэнь Лянь выступили в ходе дискуссии со статьей, в которой в качестве формы в широком смысле рассматривались особенности синтаксической сочетаемости, свойственные тем или иным лексико-семантическим категориям слов. Следует отметить, что феномен синтаксической сочетаемости как фактор определения грамматических свойств различных лексико-семантических категорий слов так или иначе всегда изучался в китаеведении, обретая статус диагностических признаков ЧР. Большое внимание этому аспекту проблемы определения частей речи в КЯ уделяется в “Исследованиях” А.А. Драгунова, основывавшего свое понимание формы на теоретических постулатах Л.В. Щербы.

5. Другим существенно важным предметом рассмотрения в связи с проблемой формального обоснования тезиса о существовании в КЯ частей речи явилось употребление различных лексико-семантических

категорий слов в функции тех или иных членов предложения. Как отмечалось выше, основателем этого направления исследования явился Ли Цзиньси, представивший в своем сочинении концепцию китайской грамматики, последовательно воплотившей наиболее существенные черты европейской грамматической теории: определенное понимание соотношения между центральными грамматическими понятиями – частями речи и членами предложения. В статье, опубликованной в 1953 г. в журнале “Чжунго юйвэнь”, Ли Цзиньси уточняет свое понимание категории ЧР: “Части речи – это выделенные из лексического состава языка существительные, местоимения, глаголы, прилагательные и др. категории слов. Существовая в принципе самостоятельно, вне предложения, они проявляют свою сущность, выступая в функции шести основных членов предложения”. Тезис “единство лексического значения и функции составляет сущность содержания категории частей речи” – кредо ученого в подходе к решению проблемы.

Соотнесение категорий лексической семантики с категориями членов предложения обнаруживает присутствие в КЯ явления асимметрии (в терминах китайских ученых – *maodun* “противоречия”) между содержанием классов слов как носителей тех или иных лексико-семантических значений и содержанием членов предложения как носителей функционально-синтаксических значений (например, употребление слов со значением действия или качества в функционально-синтаксическом значении предметности и, напротив, слов со значением предметности – в функционально-синтаксическом значении действия или качества).

Исходя из европейской грамматической теории, Ли Цзиньси объясняет свойственное КЯ явление асимметрии между категориальными значениями лексико-семантического и функционально-синтаксического планов посредством процедуры межчастеречной транспозиции, или перехода одной части речи в

другую – в целях установления требуемого исходной теорией равновесия между частями речи и членами предложения. В русле методики межчастеречной транспозиции получают широкое распространение в литературе термины типа основная и неосновная, постоянная и временная функция слова, обычное и необычное употребление слова (А.А. Драгунов, Ван Ли и др.)

6. Логическим завершением методики межчастеречной транспозиции как способа объяснения означенного выше явления асимметрии явилось представление о принципиальной возможности вхождения китайского слова в различные лексико-грамматические категории, или части речи. Yi ci -duo lei (одно слово – много категорий); jian lei (совмещение категорий) – формулы китайских ученых, в концентрированном виде выражающие суть указанного научного представления.

Концепция jian lei (совмещение категорий) не получила в китайском языкознании 50–60-х гг. безусловной поддержки. Ряд ученых увидел в таком решении своего рода свидетельство отсутствия в КЯ частей речи. Получает развитие альтернативное направление грамматического анализа, представители которого – Люй Шусян, Чжу Дэси и др. – видели слабость направления Ли Цзиньси прежде всего в неэффективности теоретической базы исследования, опора на которую ведет к отождествлению принципиально различных категорий – частей речи и членов предложения. Методике межчастеречной транспозиции противопоставляется тезис о принципиальной возможности функционирования в качестве одного и того же члена предложения различных частей речи. Отмечалась также несводимость к общему знаменателю результатов синтаксического анализа в плане особенностей синтаксической сочетаемости тех или иных категорий слов, с одной стороны, и в плане особенностей функционирования тех же категорий слов, с другой.

При всех различиях в способах анализа языкового материала, представленных в альтернативных направлениях, конечный результат остается общим: достоверных формальных оснований они не дают, фактически части речи определяются на чисто семантических основаниях. В самом деле, использование тех или иных лексико-семантических категорий, принимаемых за исходную точку анализа, в различных структурно-функциональных позициях приводит к формальному распаду этих категорий, а не к единению лексики и функции, как того требует кредо Ли Цзиньси (см. выше). Что касается альтернативного анализа, то здесь категории, которым придается статус частей речи, остаются в сфере лексической семантики, а не грамматики в силу отсутствия формальных показателей, дифференцирующих употребление различных лексико-семантических категорий в определенных функционально-синтаксических позициях.

7. Современные научные представления китаеведов характеризуются признанием факта существования в КЯ частей речи – с сопутствующим ему явлением *jian lei* (совмещение категорий). Научный поиск продолжается в направлении уточнения понятия *jian lei*, характеристики сопутствующих ему факторов, отграничения от смежных явлений.

Как можно видеть, в споре идей и подходов восторжествовал прагматический, компромиссный, взгляд на вещи, восходящий к направлению Ли Цзиньси, основанному на анализе китайского материала с позиций европейской теории фундаментального соответствия частей речи и членов предложения и вытекающей из нее методики межчастеречной транспозиции.

Решение проблемы требует иных принципиальных подходов.

SUMMARY

The paper deals with the problem of part of speech according to its dividing in Chinese on the base of syntactic criterion. The author analyzes the main methods of approach to the problem represented in literature. It is shown that the functional criterion cannot be considered as the formal base of dividing parts of speech as classes of words in Chinese.

А.А. Щукин, г. Владивосток

РЕФЕРЕНЦИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Референция (Р) – это “отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)” [Н.Д.Арутюнова: БЭС. Языкознание, с. 411].

На уровне текста Р возникает, когда разъяснение слова не может быть получено из самого слова и необходимо получить его из обозначаемого этим словом объекта [Halliday М.К.А., Hasan R. Cohesion in English, 1976, p. 31]. Отсюда Р – это тип семантических отношений элементов, при котором один элемент становится указанием-референтом для другого. В то же время, Р помимо семантических (логико-семантических) отношений определяется так же синтаксическими и семантическими отношениями элементов. Очевидно, что на уровне текста Р – это отношения кореферентности (соотнесенности) в плане смыслоуказания элементов текста. Говоря точнее, Р является отношением взаимоуказательности между указательным элементом (referent item) и объектом указания (referent). Она реализуется через семантические связи, возникающие между референциальными средствами и референтами (денотатами).

Р выполняет в тексте двоякую функцию. Во-первых, позволяя использовать краткие формы повторной номинации для указания на

упомянутые объекты, понятия или ситуации при порождении текста, она обогащает его стилистически. Еще важнее, что, делая содержание текста тематически и структурно более однородным и, следовательно, более связным, Р, тем самым, выполняет свою функцию текстовой связи.

Известно, что с точки зрения применения языковых средств в разных языках в реализации Р участвует примерно одинаковый набор референтных единиц. Специфика Р в каждом языке обусловлена лишь частотностью их применения и наличием специфических для данного языка средств Р, например, артиклей в английском языке. К средствам Р принято относить местоимения (личные, указательные, неопределенные и др.), а также имена (собственные и нарицательные) и именные конструкции. К актуализаторам, оформляющим именные конструкции, относят артикли, прилагательные (притяжательные, указательные, неопределенные) и числительные.

С позиции прагматики Р дает конкретное указание откуда извлекать информацию, необходимую для адекватного восприятия текста. Отсюда и деление Р на “внешнюю” (exophora) и “внутреннюю” (endophora). Ван Янь полагает, что Р, исходя из позиции указываемого объекта в тексте, может быть 3 типов: 1) катафорическая – qian zhaoying (yuzhi), Cataphoric Reference, 2) анафорическая – hou zhaoying (huizhi), (Anaphoric Reference) и 3) экзофорическая – yuwei zhaoying (waizhi), (Exophoric Reference) (См.: [Wang Yan, A Concise Dictionary of Semantics, 1993, p. 267-268]). Катафора – указание на объект, появляющийся в последующем тексте анафора – ссылка на antecedent, появившийся в предыдущем тексте экзофора – указание на объект, находящийся за рамками текста. Катафору и анафору в оппозиции к экзофоре часто именуют “эндофора”. Правда, некоторые ученые (например, К.Л.Бюлер) анафору противопоставляют катафоре. Экзофора же у них при поиске референта ориентирована на наличие общих утилитарных знаний у

участников общения. Кроме того, развивая идеи Халлидэя (Halliday, 1976, 1983), текстлингвисты КНР как частные случаи выделяют “клозальную Р” (xiaojuzhaoying, Clausal R.) (См.: [Huang Guowen, 1988]) и “нулевую Р” (lingshi zhaoying, Zero R.) (См.: [Hu Zhuanglin, 1994]). “Клозальная Р” сигнализирует, что референт, обозначенный словами типа “здесь”, “это”, “то”, может представлять целое словосочетание (“кюз”) или предложение. “Нулевая Р” отражает случаи опущения средства Р, поэтому их иногда относят к случаям эллипсиса (ellipsis, shenglüe) в тексте.

Примеры экзофоры:

[1] Don't go; the train is coming

[2] Baozhigui sange yue. (Срок годности – 3 месяца)

В [1] адресату необходимо привлечь контекст ситуации для понимания Р “the train”. В [2] без привлечения контекста неясно, о каком продукте идет речь, с какого дня считать сроки и т.д. То есть, применительно к экзофоре адресат (получатель) должен распознать в невербальном контексте связь между референтом и средством Р. Следовательно, экзофора участвует в формировании текста через установление связей между текстом и ситуативным контекстом (context of situation). Сама по себе она не может построить отношения связи между фрагментами текста. Лишь эндофора способна создавать текстовые связи. Поэтому в докладе ей будет уделено преимущественное внимание.

Китайские текстлингвисты, находящиеся под большим влиянием концепции – Халлидэя / Хасан [Halliday M.A.K. Hasan R. Cohesion in English, 1976], как прилежные ученики обнаруживают вслед за ними в китайском языке те же 3 типа Р: 1) gencheng zhaoying – “Р лица”, выражается через личные или соответствующие притяжательные местоимения (ЛМ и ПМ); 2) zhishi zhaoying – “указательная Р”, реализуется через указательные местоимения (УМ) и соответствующие детерминативы и актуализаторы (артиккли и др.);

3) *bijiao zhaoying* – “сравнительная Р” – через прилагательные и наречия со значением сопоставления и различения, а также через степени сравнения. Ниже рассмотрим, как “работают” на материале китайского языка эти типы Р и кратко сопоставим их с русскими и китайскими типами Р.

1. *Rencheng zhaoying* – референция лица (РЛ)

РЛ – тип Р, для реализации которой используются личные, неопределенные и притяжательные местоимения соответствующих падежных формах. Главным средством РЛ считаются личные местоимения 3-го лица.

Системы ЛМ в китайском, английском и русском языках при всей их специфике в каждом в плане функционирования Р в принципе схожи. Так, во всех системах ЛМ лишь ЛМ 3-го лица при РЛ имманентно присуща функция текстовой связи, поскольку в основном лишь ЛМ 3-го лица имеют анафорическое употребление. Кроме того, общим местом является то, что местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в тексте обычно лишены этой функции, поскольку выражаемое ими указание относится к экзофоре и т.д.

Различия касаются главным образом специфики употребления конкретных для данного языка лексических форм (так, китаеведам известно, что в разговорном китайском для передачи множественного числа 1-го лица (“мы”) используется 2 ЛМ: “*women*” (включает адресата) и “*zanmen*” (не включает адресата); для выражения уважения во 2-м лице используется форма “*ni*” (“Вы”); для указания неопределенной совокупности людей для передачи различий по признаку пола и одушевленности/неодушевленности – омоним “*ta*” в записи разными иероглифами и т.п.).

Таким образом, хотя между системами ЛМ трех языков нет полного соответствия, но в прагматическом смысле крупных

различий немного. В основном, они проявляются в плане выражения и форме слова и сводятся к следующим:

В английском и русском род, число и падеж большинства ЛМ реализуется через изменение формы слова. В китайском лишь местоимения 3-го лица имеют родовые дефиниции, да и то в письменной фиксации (по иероглифическому ключу); в английском и русском формы множественного числа 3-го лица не различаются ни по роду (ср.: “they” и “они”), ни по полу. А в китайском формы множественного числа в 3-ем лице, различаясь графически, не различаются фонетически: “tamen” звучит одинаково для всех родов. В случае Р мужского и женского рода применяется написание, принятое для мужского рода.

При выражении множественных в китайском языке к форме единственного числа добавляется суффикс “men” (напр.: “women”, “nimen”, “tamen”). Иногда допускается сочетание форм числа ЛМ с актуализатором со значением количества (напр.: “ta liangge”, “ta lia” (“они двое / вдвоем”), “ni erren” (“вы двое”), “women lia” (“мы оба”), “tamen sigе” (“они четверо”). При обозначении совокупности людей к ЛМ во множественном числе добавляется актуализатор “dajia” (“все”): “women dajia” (“мы все”), “nimen dajia” (“вы все”) и т.д. Правда, аналогичные Р-структуры есть и в русском и английском языках.

Касательно грамматической функции ЛМ: в русском и английском они изменяются по падежам (в английском по трем – именительному, родительному и винительному, в русском – по всем шести. Такие изменения у ЛМ в китайском отсутствуют: в функции подлежащего или дополнения их форма неизменна, а значение падежа передается постановкой после него служебного слова “de”, предлогами или позицией слова в предложении.

Помимо различий ЛМ по роду, числу и падежу в английском и русском присутствует разряд так называемых “возвратных”

местоимений (“himself”, “ourselves” т.п. в АЯ, “какой” и “который” в РЯ). Поэтому при переводе случаев Р таких относительных местоимений китайский язык вынужден прибегать к применению адекватных в плане выражения смысла китайских ЛМ. Рассмотрим следующий пример в переводе на три языка:

[3] (КЯ) – Zhe zhang tiaozhi shi Anna liude, ta gangcai dao zher laigu.

(РЯ) – Эту записку оставила Анна, которая (=она) только была здесь.

(АЯ) – This note was left by Anna, who was here a moment ago.

2. Zhishi zhaoying – Указательная референция (УР)

Этот тип Р осуществляется через указательные местоимения (УМ), детерминативы (актуализаторы) и артикли (в АЯ). Английские средства УР представлены УМ “this” (“these”), “that” (“those”), четырьмя наречиями (“here”, “there”, “now”, “then”) как пространственно-временными указателями, артиклем “the” и словами типа “such a”. Та же система (за исключением артиклей) присутствует и в РЯ. УР в КЯ, пожалуй, развита еще более. Во-первых, КЯ по количеству УМ превосходит АЯ и РЯ. Чэнь Аньдин [Chen Anding, 1991] предлагает следующую классификацию УМ в КЯ:

- 1) zhe(xie) (этот (эти)), na(xie) (тот(те)) – Р людей и событий (явления);
- 2) zher, zheli (здесь), na, nali (там) – Р места;
- 3) zhe hur (этот раз), na hur (тот раз) – Р времени;
- 4) zhemo, namo, zheyang, nayang (так, такой в такой степени) – Р качества, состояния и степени.

Сопоставление классификаций основных УМ в КЯ у Ван Ли [Wang Li, 1985], английских у Халилджэ/Хасан и русских [Е.В.Падучева, 1985] показывает, что, во-первых, во всех этих языках они очень похожи, во-вторых, 2 основных УМ в них (this, that, zhe, na, этот, тот) в дейктическом употреблении в тексте образуют

контрастные пары по признаку “ближний/дальний” (по отношению к говорящему). Хотя противопоставление по степени удаленности от субъекта в ряде случаев и несущественно. Здесь же можно ограничиться наблюдением, что “ближние” по значению компоненты этих пар применимы и в анафоре и в катафоре, а “дальние” – обычно употребляются анафористически.

Далее, синтаксическая сфера применения УМ в КЯ шире, чем в АЯ и РЯ: они могут быть подлежащим, сказуемым, определением, обстоятельством и косвенным дополнением. Причем, есть расхождения и в грамматическом употреблении. Например, “zhe” (этот) и “na” (тот) самостоятельно употребляются в основном в позиции подлежащего, как дополнение они обычно комбинируются со счетным словом “ge”: “Wo bu yao zhege, wo yao nage” (Мне не нужно это, мне нужно то). Кроме того, как подлежащие, “zhe” и “na” обычно отсылают к предметам, указывая на лицо; в большинстве случаев через связку “shi” входят в состав связочного сказуемого: “Die! Zhe shi na cunde ke?” (Папа! Это гость из той деревни?), а в качестве дополнения отсылают лишь к предметам: “Xiaohaimen piange na, you shenmo weixian?” (Ребятишки, читайте то, чего боитесь?).

Кроме этих УМ в КЯ как детерминативы (актуализаторы) используются “jin”, “ben”, “ci”, “gai” (с основными значениями “этот” и “данный”), т.е., по логическому составу эта группа шире, чем в АЯ и РЯ.

Выше отмечалось, что по имплицитному смыслу (признаку удаленности) УМ этих языков можно объединить в 2 группы: zhe = this = этот и na = that = тот. Но в плане референциальной функции можно обнаружить и существенные различия. Так, по частоте употребления “that” должно намного уступать “this”, “тот” – уступать “этот”, а “na” – чаще встречаться, чем “zhe”. Однако, по данным “World Frequencies in British & American English” (Longman, 1981), в

функции УМ абсолютная частотность появления "that" выше, чем у "this" примерно в 3 раза. Согласно аналогичному показателю УМ "zhe" и "na" в "Hanyu cihuide tongji yu fenxi" (Waijiaoyanshe, 1985) абсолютная частота употребления "zhe" выше, чем у "na" более чем в 2 раза.

При экзофоре на время и пространство не существует заметных различий между эквивалентами "этот" и "тот" в АЯ и КЯ, т.е., "this" и "zhe" отсылают к близким по времени и месту объектам, ситуациям и т.д., а "that" и "na" – к отдаленным.

Но в случаях эндофоры ситуация с УМ в КЯ усложняется: во-первых, "na" может использоваться для ссылки только на слова и поступки других лиц, тогда как АЯ и РЯ обычно пользуются "that" и "to". Во-вторых, в КЯ "zhe" может отсылать к недавнему (только что случившемуся), тогда как в АЯ требуется употребить "that", а РЯ допускает и "to" и "это". В-третьих, по Сюй Юйлуну (Xu Yulong, 1992) из-за способности жителей Поднебесной обычно превращать далекое в близкое (т.е., в "zhe", понятийно означающее близкое указание), оно применяется для ссылки на отдаленные субъекты и отрезки времени, поскольку это психологически близкий для китайца фактор. В КЯ по нормам "wenyan", когда автор отсылает к описанному выше, принято было употреблять "zhe", а в АЯ – "that". Сравните в переводе знаменитое гамлетовское "to be or not to be: that is the question" (здесь "that" – эндофора изреченного выше "to be or not to be") в китайском переводе замещается на "zhe", более привычное китайской языковой традиции и психологии.

Отдельного разговора заслуживает английский артикль "the" и нулевая анафора в КЯ и РЯ. Ху Чжуанлинь (Hu Zhuanglin, 1994) справедливо замечает, что главное отличие АЯ от КЯ и РЯ в плане УМ в том, что АЯ имеет артикль, который "и не this, и не that". Референт "the" может быть как в тексте, так и "контексте ситуации", за рамками текста в системе УР в АЯ "the" выражает, что его

референт (антецедент) особый и легко опознаваем. В безартиклевых КЯ и РЯ для реализации такого четко фиксированного Р-значения приходится прибегать к собственным средствам, главными из которых являются, по нашему мнению, лексический повтор и УМ "zhe" и "na" (= этот, этим, тот, тем). Лексический повтор как "нулевая анафора" (= нулевая Р) применим при ясности и определенности референта в тексте или контексте. В таких случаях повтор в КЯ не оформляется даже актуализаторами (УМ со счетным словом, а РЯ допускает постановку перед ним УМ либо ОМ. Поскольку в тексте КЯ "zhe" и "na" для выражения однозначности (тождества) референта обычно употребляются вместе с существительными, можно полагать, что в таких случаях эти местоимения функционально адекватны английскому артиклю "the". РЯ зачастую обходится собственно одним лексическим повтором без специальных указательных слов.

3. Bijiao zhaoying – Сравнительная референция (СР)

Говоря в целом, между КЯ и РЯ с АЯ в плане СР значительных различий не наблюдается. С точки зрения передачи смысла базовые понятия СР в них идентичны, а с точки зрения способа выражения значение референциального сравнения в этих языках передается в основном через прилагательные и наречия степени. Основное отличие КЯ от других языков в том, что последние используют и изменения формы прилагательных и наречий. Особенно это характерно для РЯ. КЯ же вынужден прибегать к лексическим и синтаксическим формам выражения СР. Мяо Синвей (Miao Xingwei, 2001) предлагает 3 подтипа СР. Кратко охарактеризуем их:

1. Zongji bijiao (общее сравнение) – ОС.

Такой тип Р – сопоставления в КЯ обычно задействует прилагательные типа "tongyangde", "xiangtonde", "tongdeng (de)", "bu tongde", "biede", "tade/qita" и т.п., образующие отношения

корреферентности с антецедентом. РЯ в ряде случаев при ясности ситуации не требует обязательного оформления относительными прилагательными типа "его", "их" и т.д.

К наречиям, применяемым в КЯ при ОС, обычно относят: "tongdende", "yiyang", "bu tong", "bu gan" и т.п. Кроме того, КЯ использует и некоторые сравнительные конструкции типа: "he (=tu)... yiyang", "he...xiangtong", "...yeshi guci", "meiyou (bu / xiang)... nayang", "he...chabuduo" и др. В следующем примере "Tiankong jimanle huisede yunkuai, daizhi zhide bu dong. Ta lianshangde qise he tiankong chabuduo": значение корреферентности возникает между словосочетаниями "ta lianshangde qise" ("цвет его лица") и "jimanle huisede yunkuaide tiankong" ("небо, заполненное серыми облаками") через конструкцию "he...chabuduo" ("почти как ...").

2. Juti bijiao (конкретное сравнение) – КС.

При КС коренное отличие КЯ от РЯ и АЯ состоит в том, что РЯ и АЯ при его реализации опираются главным образом на степени сравнения прилагательных и наречий. Для КЯ более характерно применение лексических и грамматических средств. К наиболее употребительным относятся наречные слова и выражения типа "geng (gengjia)" (более, еще более), "zai" (еще), "hai" (сверх того, еще), "bijiao" (сравнительно (с)), "zhemo" (так, в такой степени) и др. Рассмотрим пример – цитату из произведений Мао Цзэдуна (May Zedong xuanji, 4 ji):

[4] Di yici dazhan hou, shijie you henda jinbu. Zheyici dazhan hou, shijie yiding hui jinbude geng kuai.

("После первой мировой войны в мире был большой прогресс. После этой войны прогресс будет (идти) еще быстрее).

В [4] сравниваются темпы прогресса после двух мировых войн, и КС реализуется через наречие "geng" ("еще (более)"). Кроме того, благодаря параллелизму конструкций (временных оборотов) "после

первой мировой войны" и "после этой (т.е., "второй") мировой войны", прямому повтору подлежащего первого предложения ("мир") тексте становится тематически и семантически связным целым, причем его связность усиливается лексическим повтором "прогресс". В следующем диалоге Ван Мэна (Wang Meng: "Wanzhu") собеседник путем сравнения, выражаемого репликами "нет интереса" и "тем более неинтересно"), выразил свой отказ как от предложения сыграть в карты, так и в шахматы, что делает связной функцию КС в тексте еще более зримой:

[5] "Hui wan pai ma? Zanmen lia 'wan pai ma?" – Yu Guan tiyi. "Meijing(r)" – hanzi yaoyao tou. "Na xia xiangqi?" "Geng mei jing". ("Можешь играть в карты? Давай сыграем (вдвоем)", – предложил Юй Гуань. "Нет интереса", – парень качнул головой. "Тогда в шахматы?" – "Тем более (неинтересно)").

Следует отметить, что при реализации ОС в КЯ самой употребительной конструкцией является "bi (сравнительно, по сравнению с ...) ... + качественное прилагательное (или наречие)". Для усиления значения сравнения в препозиции к прилагательному или наречию часто ставят служебные наречия "hai", "haiyao", "geng" с общим значением превышения исходного объекта по какому-либо параметру: "bi aiji jinzita hai gao" ("выше египетских пирамид"). Иногда к прилагательному добавляется постфикс "de duo" ("намного"), маркирующий степень превышения по указанному смыслом прилагательного признаку: "ni gezi bi wo dide duo" ("ты ростом намного ниже меня"); иногда допустима постановка в пре-/постпозиции к такому прилагательному/наречию актуализаторов типа "haiyao" (сверх того), а простейшим способом является постановка в препозиции к ним показателей неопределенной множественности "yixie" (немного) и "yidian(r)" (чуть-чуть) для реализации значения "меньше/больше" по количеству или качеству. Для передачи отрицательного значения в КЯ обычно используются

конструкции типа "meiyou/bu gu ... (nayang) + прилагательное/наречие", "bi...+ прилагательное/наречие + bu dao naq qu" и т.п.

Подведем краткие итоги. С точки зрения выделения типов Р КЯ несущественно отличается от АЯ и РЯ. Более или менее значимые различия между ними можно обнаружить в плане употребления конкретных средств и способах компенсации чисто специфических средств (типа артиклей АЯ) собственными средствами языка. Так, РЯ и АЯ гораздо чаще прибегают к применению личных и указательных местоимений. КЯ же в таких случаях намного превосходит их в использовании "нулевой анафоры" и повтора имени (субъекта, денотата), что тесно связано с природой языка – стремлением к повтору формы в РЯ и АЯ и повторению смысла в КЯ. Иначе говоря, когда в КЯ появляется возможность избежать применения референциальных средств, то он к ним и не прибегает.

В АЯ и РЯ строгость грамматических правил диктует четкого выражения референциальных отношений. Это различие играет важную роль при переводе. Так, если все типы Р в АЯ и РЯ механически переложить на КЯ, то это может привести к нивелировке китайского варианта, а иногда даже и к появлению имплицатур (скрытых смыслов), отсутствующих в оригинале. И наоборот, если в процессе перевода с КЯ на РЯ или АЯ не заменять китайские повторы имени на соответствующие личные или указательные (или иные разряды) местоимений, то перевод будет неадекватен традициям и способам выражения в этих языках. Т.е., будет попросту плох. Таким же образом, если случаи "нулевой анафоры" (нулевой Р) в китайском тексте не компенсировать при переводе английскими/русскими местоимениями, в нем могут проявиться грамматические (и, следовательно, смысловые) погрешности.

SUMMARY

In this report reference is considered as one of the compulsory conditions of the coherence in discourse analysis. Main types of Reference, such as Personal R, Demonstrative R and Comparative R, in current Chinese text are described. Brief comparison of the basic types of Reference means, especially pronouns, in Chinese with English and Russian referent items and its referents in a text are given. Importance of usage of concrete referential means of the language in translation is emphasized.

Г. Яковлев, г. Москва

ОБ ОСНОВАНИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ В СВЕТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДИНАМИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ЯЗЫКА

На наш взгляд, обозначение данной проблемы особенно актуально для систематизации китайского и русского языков как частных проявлений общей языковой динамики, определения тенденции их константного изменения (существования).

Вслед за В.А. Курдюмовым мы считаем, что «... язык появляется только там и тогда, где возникает динамика бинарных форм...» [Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М., 1999. – с. 5].

Действительно, представление о языке как статичной структуре позволило лингвистам систематизировать большинство языков (Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, А. и Ф. Шлегели, В. фон Гумбольдт, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.М. Солнцев, Г.П. Мельников), однако же, не позволило обозначить динамику их существования (Е.В. Сидоров, В.А. Курдюмов).

Сущность языка может быть познана только константным «пробыванием» в языке.

Язык объективен (есть единственная реальность, данная исследователю), динамичен (Л. Виттенштейн, Е.В. Сидоров, В.А. Курдюмов), системен (Французская и Пражская лингвистические школы), универсален (Э. Сепир, Б. Уорф).

Более того, в свете концепций, интерпретирующих язык как динамическую сущность, нам представляется возможным говорить о трехсоставной структуре языка, существование которого (постоянное обновление, константная предикация) обеспечивается наличием третьего элемента (адреса).

Подробнее о категории адреса см., например, Яковлев Г.Ю. Предпосылки к созданию универсальной классификации бесконечного множества текстов // Теория перевода и методика подготовки переводчиков (Материалы научно-практической конференции 18 февраля 1999 г.) – М., 1999. – с. 273-277.

Действительно, в языке, кроме эксплицитно выраженных предикационных цепей (диктума), реализуются динамические отношения к конструируемой предикационной цепи (модус) и к означиваемому (адрес).

Модусно-диктумно-адресная структура языка, на наш взгляд, универсальна, поэтому может служить основой (основанием) построения типологической классификации.

Данное предположение обязывает нас рассмотреть три типа реально существующих языков:

- нулевой тип (языки, в которых одновременно проявляются модус, диктум и адрес),
- первый тип (языки, один из элементов системно-динамической организации языка которых «затенен»),

– второй тип (языки, два элемента языковой организации которого находятся в «неударной позиции»).

Дадим общие характеристики трех типов языков.

Язык нулевого типа трехсоставен. Такая организация предполагает статику его существования (нет движения «от» и «к»), что по исходным предпосылкам нашего исследования недопустимо.

Следовательно, трехсоставный язык (предположительно метаязык, универсальный язык) идеален.

Реально существующие языки могут «делать ударение» лишь на одном или двух элементах своей системно-динамической организации.

Преимственность (родственность – неродственность) вышеупомянутых системно-динамических групп языков очевидна.

Характерной чертой языков первого и второго типа являются различные оппозиции адреса, модуса и диктума.

Языки первого типа могут быть представлены тремя подгруппами языков:

- а) языки с модусом и диктумом,
- б) языки с модусом и адресом,
- в) языки с диктумом и адресом.

На наш взгляд, по своим сущностным характеристикам языки первого подтипа (модус – диктум) наиболее близки к языкам эргативного типа.

В «теле» языка реализуется модусно-диктумное отношение, то есть в языке внешнем есть ссылки на модус (в традиционной терминологии – агентив) и диктум (фактив), который фактически выступает комментарием к агентиву.

Языки второго подтипа (модус – адрес) являются представителями языков номинативного строя.

Характерной особенностью инкорпорирующих языков (третий подтип) является экспликация во внешней форме языка диктума и адреса.

Языки второго типа (односоставные) характеризуются наличием в «ударной» позиции лишь одного элемента его структурной организации, что позволяет называть языки этого уровня «модусными», «диктумными» и «адресными» языками соответственно.

Модусные языки отличаются своей однозначной структурированностью, так как в языке «на виду» находится только модус; особенностью которого является «эволюционность». Наиболее близки к языкам такого типа, на наш взгляд, языки агглютинативные.

Характерной чертой диктумных языков является наличие сложной «внешней» составляющей. Языки этого подтипа близки к флективным языкам.

Свойство адресных языков суть топикивость (см., например, определение адреса). На наш взгляд, по своим свойствам языки этого типа наиболее близки к изолирующим языкам (модус и диктум языка находятся «в тени»).

По всей видимости, организация структурных компонентов языка, например, по схеме «модус – диктум» или же «диктум – модус» определяет черты аналитизма и синтетизма в языке, что должно явиться предметом дальнейшего исследования.

Подытожим все вышесказанное:

1. Систематизация языков как частных проявлений общей языковой динамики возможна только на основании универсального системно-динамического отношения.
2. Исходя из представлений о языке как структурно-динамическом целом, нам представляется возможным говорить о модальности как универсальном отношении, составными

элементами которого являются системно-динамические модус, диктум и адрес.

3. Универсализм модальности позволяет нам систематизировать реально существующие языки по возможным формам данного динамического отношения.
4. Ссылки на реализованные в языке модус, диктум, адрес (их сочетания) служат основанием типологической классификации всех языков.
5. Все вышеизложенное позволяет нам выделить шесть типов языков (ряд подтипов).

Хотелось бы надеяться, что вариант типологических исследований в рамках предикационной концепции языка, представленный в данной статье, сможет стать отправной точкой для дальнейшего более детального исследования.

SUMMARY

From our point of view, it is possible to classify the languages as manifestations of the language dynamics on the base of universal systemic&dynamic features. It would be reasonable to consider, that the modality as an universal ratio between systemic&dynamic modus (a stream of binary forms), dictum (a chain of forms, expressed by languages means), address (a dynamic attitude to the signed) is a systemic&dynamic feature of the language. The universal characteristics of the modality allow us to classify the languages. The different combinations of the modus, dictum and address may be a basis of the linguistic typology. This confirms the possibility to divide the languages into six groups, referred to the traditional groups, but systematized by the systemic&dynamic feature (modality).

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
БОЛЬШОГО КИТАЙСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ
(из опыта работы русского редактора)

Существует два главных вида описания языка – грамматика и словарь. В течение длительного времени лишь первый из них считался научным. Однако к началу XXI века окончательно созрела научная лексикография. Сегодня словарь является одновременно и объектом лексикографической деятельности, и предметом изучения лексикографической теории.

Если осмысление его свойств в историческом плане и продвинулось до определенного уровня обобщения, то этого нельзя сказать о разработке оптимальной стратегии создания новых словарей, отвечающих требованиям современного этапа в развитии человеческой цивилизации. Главная проблема такой стратегии – это проблема обоснованности словарей как с точки зрения их состава, так и в плане адекватности подаваемой в них информации. С этой точки зрения словарь должен рассматриваться как когнитивная модель языка, т.е. модель воплощенных в языке знаний.

По мере развития научных основ лексикографического моделирования языка все более пробивает себе дорогу точка зрения, согласно которой словарь может в перспективе стать главным видом лингвистического описания, а грамматика будет приложением к словарю, куда будут выноситься регулярные закономерности функционирования словарных единиц [Городецкий 1983; Вопросы 1991]. Такой подход к методологии описания языка особенно уместен для китайского и других языков изолирующего строя [Солнцев 1995; Солнцева 1985].

В свете сказанного актуальна задача научного осмысления множества созданных словарей и разработка путей совершенство-

вания словарного дела. И этот процесс, быть может, бесконечен. По крылатому выражению великого английского лексикографа Сэмьюэла Джонсона, словари подобны часам: обладать худшими из них лучше, чем не иметь никаких; но и о лучших из них мы не можем утверждать, что они абсолютно точны.

Современная китайская лексикография находится на подъеме. Об этом свидетельствуют богатые прилавки крупнейших книжных магазинов и университетских книжных лавок. Об этом же говорит и поток покупателей, устремляющихся к дворцам книги и с жадностью, но вместе с тем придирчиво, выбирающих для себя те словари и энциклопедии, которые нужны именно им и именно сегодня.

Лексикография в современном Китае представляет собой бурно развивающуюся область прикладной лингвистики. При этом растет количество и разнообразие типов словарей: создаются одноязычные словари китайского языка с учетом национальных традиций и новых структурных принципов; издаются двуязычные словари и справочники – краткие и подробные, общие и специальные, учебные и переводческие, одноаспектные и многоаспектные.

Словарная индустрия сегодня – это показатель культурного прогресса нации. Ведь словарь – это универсальное хранилище знаний народа – знаний о мире, знаний о себе. Но этим культурные функции словаря не ограничиваются: в современном мире он является и активным производителем знаний, ибо он углубляет наше понимание природы, общества, человеческого духа, он осуществляет синтез знаний разных народов, разных культур. К тому же словарь – верное зеркало исторического прогресса: он точно и объективно отражает ход жизни, непрерывное развитие науки и техники, экономики и политики, морали и нравов.

Словари китайского языка создаются и в целом ряде других стран. Среди них России принадлежит особое место. Китайско-русские словари, созданные нашими учеными, как нам известно,

широко используются многими лексикографами других стран, особенно издание [Большой 1983–1984]. В последние годы, правда, наблюдаются тенденции более активного международного взаимодействия в области лексикографической теории и практики.

Все многообразие созданных и планируемых лексикографических продуктов подлежит систематизации с помощью классификационных признаков типологии словарей. Она насчитывает, по меньшей мере, шестьдесят лет: в 1940 году была опубликована статья [Щерба 1974а], где были обоснованы шесть фундаментальных противопоставлений. С тех пор исследования по этой проблеме получили серьезное дальнейшее развитие [Городецкий 1983].

Здесь хотелось бы только упомянуть “простейшее” подразделение всех словарей на три типа: большой, средний и малый (краткий) [Ожегов, 1974]. Тема нашего доклада связана, таким образом, не с анализом конкретного словаря, а с постановкой проблем совершенствования любого словаря, который может быть отнесен к категории “большой”.

Излагаемые соображения вытекают из нашего опыта работы в 1997–2001 гг. в качестве редактора русской части подготавливаемого к печати нового, переработанного и расширенного, шанхайского китайско-русского словаря, предыдущее издание которого вышло в 1992 г. Мне довелось работать над словарем совместно с коллективом высококвалифицированных китайских русистов под руководством профессора Гу Бай-линя. Подготовка словаря осуществляется в отделе лексикографии факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков. Разработка китайской части словаря проведена с опорой на самые авторитетные словарные издания, в том числе новейшие толковые словари китайского языка. Структура словарной статьи и используемый метаязык отличаются

глубокой продуманностью и строго соблюдаются всеми участниками проекта.

Большой двуязычный словарь характеризуется, разумеется, многоцелевым назначением. Но главная его целеустановка одна – переводческая [Городецкий 1994]. Использование словаря для учебных, научных, культурных, информационных и других целей можно отнести к его вторичным функциям. Составители стремятся прежде всего к адекватной передаче семантики китайских слов, выражений, высказываний средствами русского языка. А, как известно, слово всегда есть событие в области мысли. Причем “слово” не вообще, не в препарированном виде, а в контексте, в определенной ситуации общения. И составители большого словаря ежедневно, ежечасно, даже ежеминутно творят эти когнитивно-коммуникативные события, чтобы, закрепив их в словарной статье, передать их пользователям словаря.

Итак, главная содержательная задача составителей – максимально полное отражение когнитивно-коммуникативных потенций китайской словарной единицы средствами русского языка, максимально гибкое соотнесение китайской национально-языковой картины мира – с русской. Практический критерий, которым мы руководствуемся при составлении большого переводческого словаря, – дать пользователю русскоязычные средства для любой возможной ситуации, в которой может встретиться китайское выражение. Но реально ли охватить все такие ситуации? И не в этом ли основной смысл предупреждения Сэмьюэла Джонсона о “самых лучших” словарях?

Одним словом, всегда есть место дальнейшему усовершенствованию. Но, выполняя свою работу в ограниченный срок и в ограниченном объеме, составители стремятся учесть важнейшие китайско-русские соответствия. Какие и как? Частично ответить на эти вопросы мы и пытаемся в настоящем докладе. Но, как

бы там ни было, остается в силе общепринятое мнение (особенно верное для большого словаря), что практическая лексикография – это лишь наполовину наука, а наполовину – искусство.

Возвращаясь к научному обоснованию словарного дела, хотелось бы напомнить о методологическом принципе, который был выдвинут Л.В. Щербой: “Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (которые можно бесконечно множить), применяя это правило”. И далее: “Особенно плодотворен метод экспериментирования в синтаксисе и лексикографии и, конечно, в стилистике... Я бы сказал, что без эксперимента почти невозможно заниматься этими отраслями языкознания... Только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря” [Щерба 1974б: 32].

Под “действительностью” здесь имеется в виду именно та когнитивно-коммуникативная деятельность, которая упоминалась выше. И именно такого рода микроэксперименты фактически осуществляют составители большого словаря, заставляя работать свое языковое чутье и сверяясь с языковыми авторитетами. Другое дело, что экспериментальный метод далеко еще не внедрен в практику как последовательный подход к лексикографии.

Что касается процесса подбора русских переводов “на все случаи жизни”, то русский участник работы каждый раз фактически тоже осуществляет своеобразный эксперимент: отталкиваясь от заданного смысла (от когнитивно-коммуникативной ситуации), он активизирует свою коммуникативную компетенцию (свое языковое сознание и подсознание) и вербализует смысл на русском языке, применяя подходящие ему на ум наиболее частые способы выражения.

Сказанное выше касалось сущности главных содержательных процессов при составлении большого двуязычного словаря. Основная часть доклада будет посвящена иллюстрации ряда лексико-графических проблем, касающихся адекватного словарного моделирования различных явлений китайского языка при передаче их средствами русского языка. Ниже следует перечень некоторых из этих проблем (вначале мы касаемся некоторых общих вопросов построения словаря данного типа, а затем – преимущественно его русской части).

- Принципы подачи сведений об употребительности китайских слов.
- Принципы включения устойчивых словосочетаний (из двух, трех, четырех, пяти первичных лексем) в число основных словарных единиц.
- Принципы подачи композит-комплексов в статусе сложных слов или в статусе словосочетаний [Городецкий 1984; Семенов 1992].
- Принципы характеристики синтагматических свойств китайской лексики в словарной статье [Вопросы 1991].
- Принципы отбора иллюстративных предложений (с хронологической, тематической, коммуникативной точек зрения).
- Принципы характеристики парадигматических свойств китайской лексики с применением методов семантического поля и компонентного анализа. (Ср. [Русский 1998].)
- Принципы отражения в структуре словарной статьи полифункциональности лексики с точки зрения ее частеречной принадлежности [Вопросы 1991].
- Принципы последовательной подачи в переводах при глаголах – отглагольных существительных и прилагательных.
- Принципы последовательной подачи в переводах при прилагательных – соответствующих глаголов, существительных, наречий.
- Подача видов глагола с учетом семантики и структуры китайского глагола.
- Принципы использования приставочных глаголов, выражающих наиболее характерные модификации значения.

- Принципы использования переходных и непереходных, в частности возвратных, русских глаголов с учетом семангико-синтаксических свойств китайских глаголов.
- Полнота подачи синтаксического управления.
- Принципы последовательного использования помет о специальных тематических областях.
- Принципы последовательного использования экспрессивно-стилистических помет, в частности, с точки зрения соответствия стилистических свойств русских переводов стилистическому потенциалу китайского слова.
- Принципы последовательного перевода атрибутивных и предикативных синтагм.
- Принципы подачи информации о служебных словах и значениях.
- Принципы подачи служебных словосочетаний.
- Принципы описания значения при помощи полных и частичных переводных эквивалентов.
- Принципы использования при описании значения толкований на русском языке [Вопросы 1991; Городецкий, Зевахина 1987].
- Принципы упорядочения переводов внутри одного значения.
- Принципы использования энциклопедических пояснений.
- Принципы использования отсылочных описаний значений (от односложного слова к биному, от бинома к биному).
- Принципы подачи структуры полисемии.
- Принципы разграничения полисемии и омонимии.
- Принципы перевода фразеологии, в частности, устойчивых выражений типа “чэньюй”.
- Принципы последовательного перевода примеров с точки зрения грамматической семантики и синтаксической структуры китайского предложения.
- Принципы подачи вариантов, факультативных частей перевода и пояснений в составе перевода примеров.

Приведем несколько фрагментов словарных статей.

- (1) 文 wen² I. I. слово; шрифт; иероглиф; произношение; произнесение; каллиграфия; написание; писание; письмо; правописание; надпись; письмена <Расширенный диапазон первого значения.>

- (2) 拍手 *pai¹shou³* хлопать в ладоши; аплодировать <Композит-комплекс, подаваемый в разных словарях то как сложное слово, то как словосочетание>
- (3) 伪装 *wei³zhuang¹* I. притворяться кем-чем (притворство, притворность, притворный); маскироваться кем-чем, под кого-что (маскировка, маска, маскировочный); симулировать что (симуляция, симулирование, симулянтство, симулянтский); выдавать себя за кого-что; рядиться кем, в кого-что; действовать под маской кого-чего; надеть на себя маску кого-чего; носить маску кого-чего; мнимый; лживый; лже-; псевдо- <Бином, получающий в большом словаре разнообразные русские переводные эквиваленты первого значения и демонстрирующий полифункциональность в плане частей речи.>
- (4) 文从字顺 *wen²cong²zi⁴shun⁴* изложение логичное (последовательное) и выразительное; стиль ясный и выразительный; написано выразительно (гладко, хорошим слогом, ясным языком) <Чэньюй, получающий разнообразную семантическую и функциональную характеристику.>
- (5) 颓风 *tui²feng¹* упадочные нравы; унылое (дурное) настроение; подавленное состояние; дурные (скверные) обычаи; угнетенность; подавленность; удрученность; уныние <Бином, денотативное содержание которого передается разными типами русских существительных и прилагательных.>
- (6) 颓废 *tui²fei⁴* упадочнический (упадочничество); упадочный (упадочность); загнивающий (загнивание); унылый (уныние, унылость); подавленный (подавленность); декадентский (декадентство) <Бином, получающий в переводах подробную экспликацию ситуационных семантических компонентов.>
- (7) 推论 *tui¹lun⁴* умозаключение, вывод; дедукция; заключение; следствие <Бином терминологического характера, полное описание которого требует адекватного отражения соответствующего русского микрополя.>
- (8) 狂轰滥炸 *kuang²hong¹lan⁴zha⁴* бешеный гул и беспорядочные взрывы <Чэньюй, встречающийся в текстах при описании батальных сцен, но обычно отсутствующий в словарях чэньюев.>

- (9) 连说带笑 lian² shuo¹ dai⁴ xiao⁴ непрерывно говорить и смеяться; говорить, непрерывно смеясь <Чэньюй, имеющий в своем составе служебное словосочетание, которое сохраняет семантику исходных первичных лексем.>

ЛИТЕРАТУРА

- Большой китайско-русский словарь. В 4-х томах / Под редакцией И.М. Опанина. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1983–1984.
- Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии (Материалы к семантической типологии) / Отв. ред. Б.Ю. Городецкий, М.Х. Имазов. – Бишкек: Илим, 1991.
- Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983.
- Городецкий Б.Ю. К теории сложного слова // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984.
- Городецкий Б.Ю., Зевахина Т.С. Дунганская лексикография: современное состояние и перспективы // Востоковедение в Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1987.
- Городецкий Б.Ю. Терминоведение и переводоведение // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994.
- Китайско-русский словарь / Гл. ред. Гу Бай-линь. – Шанхай, 1992.
- Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // С.И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. I. / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998.
- Семенов А.Л. Лексикология современного китайского языка / Отв. ред. Б.Ю. Городецкий. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.
- Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. – М.: Наука, 1995.
- Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. – М.: Наука, 1985.
- Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974а.
- Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974б.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ОБЩЕПОНЯТНОГО ИДЕОФОНОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА В ДОЦИНЬСКОМ КИТАЕ

1. В мировой истории письма прослеживается генеральная тенденция постепенного перехода от использования письменных знаков для обозначения целых слов (иероглифы) к использованию их для обозначения звукосочетаний (или слогов) и отдельных звуков (буквы алфавита). Считается, что побудительным мотивом перехода от иероглифического письма к слоговому и буквенному в мировой практике послужил дефицит письменных знаков для обозначения целых слов, обнаружившийся в процессе роста тезауруса древних языков. Исключение, по общему признанию, составляет китайское письмо, где подобного дефицита не было благодаря существованию в нем такой категории иероглифов, как идеофонограммы, дающей возможность создавать практически неограниченное число новых знаков путем различных сочетаний ограниченного числа знаков, уже имеющих в употреблении. Идеофонограммы строятся из так называемых “ключей” и “фонетиков”. И те и другие представляют собой изобразительные знаки, значение которых с большей или меньшей ясностью усматривается из их графики. Но в качестве составных элементов идеофонограмм эти изобразительные знаки приобретают роли, отличные от своих первоначальных ролей, благодаря чему составленное из них целое получает новое значение. Как известно, любой письменный знак, как буква, так и пиктограмма, в отличие от рисунка и орнамента, предназначен для передачи звучания устного языка, в сфере бытования которого звучание знака и определяется. Один и тот же письменный знак, используемый в разных языках, может озвучиваться по-разному. В функции ключей изобразительные знаки теряют связь со звучанием, становясь

фактически всего лишь рисунками, намекающими на область значений идеофонографического знака в целом, в то время как изобразительные знаки, играющие роль фонетиков, теряют присущие им исходные значения, отраженные в их форме, и передают исключительно указание на звучание целых идеофонограмм. Другими словами, две роли, присущие каждому отдельному письменному знаку изобразительного характера, переходят от частей идеофонограммы к ее целому. Идеофонограммы являются, таким образом, сложными составными знаками, передающими звучание слов языка, в то же время область значений их ограничивается (детерминируется) экстралингвистическими изобразительными средствами.

2. Логично предположить, что сложное составное целое идеофонограмм исторически возникло из соединения частей, существовавших ранее самостоятельно и по отдельности. Казалось бы, история китайской письменности факт такого раздельного существования подтверждает. Многие изобразительные знаки, судя по древним текстам на чжоуских ритуальных сосудах, а также по открытым в конце 90-х гг. XX в. в Годяне подлинным памятникам письменности периода Чжаньго, широко употреблялись не в своем первоначальном значении, связанном с их графикой, а исключительно для передачи звучания. В традиционной классификации иероглифов, восходящей к Сюй Шэню, автору словаря “Шо взнь цзе цзы” (100 г. н.э.), такие изобразительные иероглифы называются “заимствованными знаками” (цзя цзе цзы). Однако современная китайская грамматология выдвигает в качестве своего основополагающего тезиса положение о том, что заимствованные знаки, в сущности представляющие собой первую ступень фонетизации иероглифического письма, в истории *китайского* письма составляют второстепенное, побочное явление, а генеральный путь его развития шел не через фонетизацию, а через

постепенное расширение употребления идеофонограмм, которые существовали в нем издревле. Согласно этому тезису, появление идеофонограмм обязано стихийному стремлению к объединению, существовавшему у населения территории древнего Китая, раздробленной вплоть до III в. до н.э. на множество государств. Так как население данной территории говорило на многих диалектах, но пользовалось изобразительным письмом, фонетизация письма могла разобщить китагский народ, а идеофонограммы способствовали единству, поскольку сохраняли свою общепонятность, несмотря на то, что по-разному произносились носителями разных диалектов. Как можно заметить, обоснование генерального пути развития китайского письма обеспечивается идеологическими, а не лингвистическими средствами, хотя видимость лингвистического обоснования присутствует. Ответ на вопрос, каким же образом обеспечивалось единообразное понимание значений идеофонограмм в разных регионах, если передача звучания обозначаемых слов языка является важнейшей функцией идеофонограмм, а в разных диалектах древнекитайского языка идеофонограммы произносились по-разному, мы приводим из книги М.В.Крюкова, М.В.Софронова и Н.Н.Чебоксарова "Древние китайцы. Проблема этногенеза" (Москва, 1978), авторы которой являются последователями китайских взглядов на проблемы грамматики. Вот что в ней сказано: "Лингвистической основой единства системы иероглифов фонетической категории (в терминологии нашей статьи — идеофонограмм — Л.Г.) в значительной степени являются *закономерные соответствия* (курсив здесь и далее мой,—Л.Г.) между отдельными диалектами китайского языка того времени. В сущности, *даже не зная ничего относительно реального произношения иероглифов в разных частях Китая того времени*, можно сказать, что и тогда древнекитайские диалекты были связаны *некоторыми соответствиями*, поэтому связи между членами класса

иероглифов с одинаковыми фонетическими частями оставались постоянными, независимо от того, как они реально произносились” (с.225). Каковы были эти “некоторые закономерные соответствия” между диалектами “разных частей Китая того времени” (притом, что это были разные, хотя часто и родственные, языки множества разных и очень слабо культурно связанных государств), чем обеспечивалось “постоянство связи” между идеофонограммами с одинаковыми фонетическими частями, в книге не раскрывается. Положение приходится принимать на веру, поскольку высказано оно авторитетными учеными, за спиной которых предполагается глубина почти двух тысячелетий трудов китайских грамматологов. Однако, ведь существует же все-таки единство понимания идеофонограмм в действительности? Повсеместно в трудах грамматологов встречаются ссылки на то, что идеофонографическая система письма обеспечивает в современном Китае общепонятность письменных текстов в условиях многодиалектности. Потому и нельзя Китаю перейти сейчас на фонетическое письмо, утверждают они, что тогда взаимопонимание между носителями разных диалектов разрушится. Государство не может пожертвовать таким взаимопониманием, и Китай и поныне остается при своей громоздкой, но общепонятной системе письма. Это положение современные грамматологи экстраполируют на древность, с удивительной легкостью игнорируя тот факт, что в современном Китае существует общеупотребительный устный наддиалектный язык *путунхуа*, поддерживаемый авторитетом и средствами единого государства, и что именно слова этого языка являются десигнатами идеофонограмм. Несмотря на то, что идеофонограммы могут по-разному озвучиваться носителями разных местных языков и диалектов, их правильные значения задаются исключительно словарями общеупотребительного языка. Идеофонограммы понятны не всем носителям китайских диалектов, а тем из них, кто знает общеупотребительный язык.

Общеупотребительный наддиалектный язык начал складываться в Китае со времени образования в нем единого государства, его лексика и масштабы распространения исторически изменялись, что отразилось и в масштабах употребления для письма идеофонограмм. Без создания словарей обеспечить унифицированное употребление идеофонографического письма невозможно, чем и объясняются масштабы лексикографической деятельности в китайском государстве, начиная с периода Цинь, когда были созданы первые обязательные прописи письменных знаков. Государство в Китае регулирует употребление письменных знаков и в настоящее время, когда политика открытости приводит к вхождению в современный китайский язык огромного количества иностранных слов. Такие слова стихийно записываются сначала заимствованными знаками, но затем специальные редакционные комиссии унифицируют их написание, подбирая для этого идеофонограммы, подходящие не только по звучанию, но и по значению, которые позже и предписываются для употребления. Если бы такая деятельность государством не велась, процесс фонетизации китайского письма мог бы стать необратимым.

3. Попробуем провести рассуждение на тему о возможности существования общепонятного идеофонографического письма в условиях отсутствия общеупотребительного наддиалектного языка, задающего десигнаты идеофонограмм. Предположим сначала, что в одной отдельно взятой человеческой общности А с местным языком А используется изобразительное письмо, которое уже не в состоянии удовлетворить нужды развивающейся письменности. Такое могло произойти совсем не только из-за дефицита знаков для выражения слов, значение которых невозможно изобразить графически. Причина могла быть и совершенно обратной – существовало уже слишком много знаков, их было трудно запомнить и трудно ими пользоваться. Выход из положения и в том и в другом случае мог быть найден в

том, чтобы изобразительные знаки, предназначенные для записи одних слов, использовать для записи омонимичных им слов, если они не имели собственных письменных знаков или если эти знаки не были известны пишущему. Такое превращение первых знаков в фонетические транскрипции для вторых происходило стихийно во всех культурах, использовавших иероглифическое письмо, и нет никаких оснований утверждать, что в древнем Китае не возникло подобной идеи, проистекающей из принципа экономии письменных средств, или, что, возникнув, она не получила распространения. “Создание новых значений без создания новых знаков” – явление, хорошо известное в древнем Китае под именем “заимствованных знаков”.

Новая функция номинации звучания приводит к тому, что у “заимствованных знаков” появляется много новых значений, а если язык А еще и омонимичен, постепенно обнаруживается перегруженность “заимствованных знаков” этими значениями. Возникают трудности в понимании письменных текстов. Их можно преодолеть несколькими разными способами, в том числе и путем использования особых знаков (“ключей”) для ограничения области значений “заимствованных знаков”. При таком способе “заимствованный знак” превращается в “фонетик” и происходит регрессивный процесс – возвращение от фонетического (транскрипционного) письма к его частичной изобразительности, в результате чего образуются идеофонограммы, отдельные знаки для каждого значения омонимичных слов языка А. Но проблемы на этом не кончаются. Во-первых, ключи всего лишь графически разделяют значения омонимов. Если употребление ключей не унифицировано, то для обозначения одного и того же слова может быть использовано несколько ключей, что создает путаницу. Во-вторых, одно и то же слово могло прежде записываться разными “заимствованными знаками”, поэтому при прибавлении к ним ключей для одного слова

может быть образована не одна, а много идеофонограмм. И тут опять возможна путаница, не меньшая, чем при употреблении заимствованных знаков. Чтобы единообразно понимался текст, записанный идеофонограммами, у каждого слова должна быть только одна идеофонограмма, состоящая совсем не из любых, а вполне определенных ключа и фонетика. Другими словами, она должна быть единственной в своем роде, исключаяющей другие, и ее употребление должно быть унифицировано, а для унификации необходим авторитет власти или авторитет государства, который может подкрепляться, но может и не подкрепляться авторитетом известных личностей. Только благодаря авторитету государственной власти могут войти в употребление идеофонограммы, общепонятные в ареале распространения данного языка. Число письменных знаков при этом многократно возрастет, что, с одной стороны, может снять дефицит знаков, если причина кризиса письма именно в нем, но, с другой, противоречит принципу экономии средств письма. При отсутствии прессинга со стороны государства идеофонограммы снова могут превращаться в заимствованные знаки, то есть в знаки фонетической транскрипции. Другими словами, устранив дефицит знаков как причину кризиса системы письма, мы опять оказываемся перед кризисом системы в результате переизбытка знаков. А это значит, что идеофонограммы не могут дать окончательного выхода из кризиса и он будет периодически возобновляться даже в условиях государственного регулирования письма. Тем не менее, если государственное регулирование производится, идеофонограммы могут быть общепонятными на всей территории А.

Посмотрим, будет ли идеофонографическое письмо А понятным для членов других общностей. Предположим, что наряду с общностью А существует общность Б с местным языком, сходным с родственным языком А, в том числе и по грамматическим нормам, в письменности которого употребляются те же, что и в А,

изобразительные знаки, но слова языка Б, которые ими обозначаются, имеют отличное от слов языка А звучание (скажем, “сиденье длиной в один метр и шириной в 30 сантиметров” называется в А “скамейкой”, а в Б – “лавкой”). Возможно, общность Б когда-то представляла собой часть общности А, а потом мигрировала в отдаленную от А местность с аборигенами, говорящими на другом языке. Если между общностями А и Б нет постоянных и всесторонних контактов, создающих единообразие их жизни и нивелирующих языковые различия, то при вторичном использовании изобразительных знаков в качестве “заимствованных” в Б ими будут обозначаться звуки, отличные от звуков языка А, и одним и тем же знаком будут транскрибироваться разные звукосочетания. Соответственно у одних и тех же знаков в А и Б появятся неодинаковые вторичные значения. Это и имеет ввиду традиционная грамматология, говоря о невозможности существования общепонятных “заимствованных знаков”. Предположим, что процесс продолжается и в Б тоже вводятся “ключи” и образуются общепонятные для языка Б идеофонограммы. Мы можем даже предположить, что “ключи” в Б будут тождественны “ключам” в А. Но даже это не сделает идеофонограммы языка А понятными в Б и наоборот, поскольку круг десигнатов идеофонограмм уже определен их фонетическими частями как различный.

И если мы перейдем от идеализированной схемы к реальности, то должны будем признать, что общепонятное идеофонографическое письмо не могло существовать в условиях отсутствия общности жизни в разрозненных государствах древнего Китая и при отсутствии единого общеупотребительного языка. А это значит, что общепонятные идеофонограммы не могли получить распространения раньше, чем Китай стал единым государством и был введен общеупотребительный язык на основе диалекта царства Цинь, который насаждался централизованно.

汉语配价语法研究浅议

价，原为化学术语，由法国特斯尼埃尔(L.Tesniere)引入语言学，并成为依存语法的一个重要概念，指句法结构中动词与直接依存于该动词的名词短语之间形成组配的种类和数目(《语言学百科词典》)。

按照配价语法的观点，语法研究的基本单位是句子，语法研究的主要内容是句子成分之间的关联(connection)。从结构关联的立场出发，在词与词之间建立起从属关系。从属关系由位居上项的支配词与位居下项的从属词组成，其规则是“支配词控制或支配从属词”，由此形成的配价语法是一个以关联为核心概念的结构层次体系。(冯志伟 1983，扬宁 1990，沈阳等 1995)

中国配价语法的研究发端于吕叔湘先生成书于四十年代初期的《中国文法要略》。该书 32 页：“许多动作只和一个人或物发生关系，因此可以说是有起无止(也不妨说是无所谓起和止)。例如水的流，花的开和谢，以及行、止、坐、卧、来、去等等动作，都是只有一个方向，没有两个方向的。”据此吕先生将动词分为内动词和外动词。真正把配价语法理论导入现代汉语语法研究的则是朱德熙先生。陆俭明《现代汉语配价语法研究》(北京大学出版社，沈阳、郑定欧主编)序：“在我国，率先将“价”的概念引入汉语语法研究的是朱德熙先生(当时他用的是“向”这个术语)。朱先生于 1978 年发表的《“的”字结构和判断句》一文中第一次运用配价理论发现并总结了“动词性成分+的”形成的“的”字结构的歧义指数，在此基础上深入细致地分析、描写了由动词性成分+的”形成的“的”字结构所组成的判断句，为汉语语法研究开拓了一个新领域。”

80年代以来，汉语配价语法研究成为汉语语法研究的一个热点；而汉语配价语法研究的热点之一就是如何确定动词、形容词的配价。配价的确定这一问题，不仅与配价的性质、配价的基础等问题密切相关，而且也直接关系到动词、形容词的配价描写。如何确定动词、形容词的配价？我国语言学者对这个问题的观点并不一致。

朱德熙（1978）首先提出**根据能和多少名词性成分发生联系来确定动词的向（价）**，“只能跟一个名词性成分发生联系的动词叫单向动词”，“能够跟两个名词性成分发生联系的动词叫双向动词”，“能够跟三个名词性成分发生联系的动词叫三向动词”。不过，朱德熙先生没有明确说明动词和名词性成分之间的联系是句法上的还是语义上的。从朱先生的举例来看，他所指的动词能联系的名词性成分包括主语、宾语和介词宾语，而且朱先生还指出，“对单向动词来说，只能有潜主语。对双向动词来说，可以有潜主语，也可以有潜宾语。对三向动词来说，可以有潜主语、潜直接主语、潜间接主语、潜宾语、潜直接宾语、潜间接宾语”。从朱先生的举例来看，朱先生所说的潜主语、潜宾语等大约相当于以后所说的施事、受事、与事等。由此可见，朱先生所说的动词和名词性成分之间的联系更多的指的是语义上的联系。

文炼（1982）指出，与动词发生联系的名词性成分有两种：一种是强制性的，如果没有语境的帮助，一定要在句中出现；一种是非强制性的，根据表达的需要，在句中或出现或不出现。然后他指出：“单向动词要求一个强制性名词成分与它同现”，“双向动词要求两个强制性名词成分与它同现”。后来，文炼、袁杰（1990）又进一步讨论了这个问题。他们认为动词所联系的成分不限于名词性成分，也可以是谓词性成分；与谓语动词在句中同现的成分可分为三种：必有

行动元(或称必有补足语),可有行动元(或称可有补足语),自由说明语。这三种成分可以通过省略法(也称消元法)来区分。所谓省略法(消元法),就是删去句中某一成分,看余下的结构是否符合语法,如符合,那么删去的成分是可有补足语或自由说明语;如不符合,删去的是必有补足语。文炼、袁杰认为,决定动词“向”(价)的是必有补足语和可有补足语。但是他们没有说明如何区分可有补足语和自由说明语。

张国宪(1994)基本上同意文炼、袁杰(1990)的观点,同时进一步指出:可有补足语和自由说明语可以用隐含测试来确定,因为隐含与配价有关。从认知角度看,含有隐含成分的句子在结构上是完整的,但在语义上却是不自足的。理解一个句子的意义,特别是理解其内容,常常需要“找回”隐含成分。根据“可找回”原则,隐含成分必须是可以确认的,因为补足语可以充当隐含成分,而自由说明语的隐现只依赖于交际环境,它的有无是无法测定的,所以自由说明语不能充当隐含成分。这样,他根据隐含测试和“可找回”原则把可有补足语和自由说明语区别开来。

吴为章(1987)认为,决定汉语动词“向”的是一个句子中与它同时出现的必有的成分。吴为章(1993)又进一步限定:“决定汉语动词‘向’的因素,是在一个简单句中与动词同现的必有成分”。她所说的简单句是一个最小的主谓结构,它在结构、语义上都是自足的;简单句所代表的句式是基本式,同省略式、扩展式、变换式相对应。她所说的同现限制包括语义限制和句法限制。语义限制指词与词的组合必须是有意义的,并且这些组合是动词的含义中所固有因而可以推导出来的。句法限制包括一致原则、透视约束以及移动、提升、降格、消除等原则,动词所联系的语义向(价)通过这些限制后进入

基本式。她所说的“必有成分”包括两项限制，即位置的限制和意义的限制。位置的限制指必有成分能够占据主语、宾语位置并同动词有显性语法关系的成分；语义的限制指必有成分能进入主语、宾语位置并同动词有显性语义关系。归纳起来，吴为章先生所认为的决定动词“向”的因素就是在最小的主谓结构所构成的简单句（基本式）中与谓语动词同现的主、宾语成分，并且与动词有显性的语法关系和语义关系。

朱景松（1992）认为，确定动词的价，首先要分清动词与名词性成分在语义上和语法上这两类不同的联系；分清动词在语法上联系若干名词性成分的功能（可能的）和在具体用例中实际出现的名词性成分的数目（现实的）。动词的价应该是指形式上能跟这个动词直接组合（不必借助于介词）的名词性成分的数目，不是指语义上能联系的名词的数目，能够确定一个动词价的名词性成分，是指以这个动词为中心的述宾结构的直接宾语/间接宾语，以及出现在这个动词之前的大主语/小主语。

范晓（1991）认为，动词所联系的语义成分有两种：支配成分（或称配角成分）和说明成分（或称外围成分）。动词联系的支配成分是构成动核结构（述谓结构）所必须的语义成分，具有强制性，可称为动元。一个动词所结合的动元的总和，称为这个动词的价。他提出定价的四条标准：1. 按主谓结构里动词所联系的强制性句法成分的数目定价，或说按最小的意义自足的主谓结构里动词所联系的句法成分来定价。2. 按主谓结构里动词所联系的强制性名词性成分的数目定价。3. 借助动元的标记（介词）定价。4. 利用提问形式定价，主要是利用“谁V”“什么V”“V谁”“V什么”等形式提问来测定。

在上述四个标准中，1，既是定价的必要条件，也是充足条件，2、3、4只是充足条件或参考条件，而不是必要条件。

袁毓林(1993)认为，应当在动词出现的所有句法结构中，选取与之同现的名词最多的结构，在这个句法结构中提取“向”的指数。也就是说，“向”是动词在所有句法结构中与之同现的名词性成分的最大值。这是提取“向”的指数的总原则。同时提取动词“向”的指数的句法结构必须是脱离了语境的理想形式(即离境化了的句子)，不考虑在具体语境中某些名词性成分的省略。也就是说，这些与动词同现的名词性成分都是必须出现的，它们与动词之间的联系具有句法强制性。不过，时地名词、工具名词等不计入向的指数。

沈阳(1994)确定动词价的方法是这样的：他首先构造一个形式化的汉语动词的句位系统，该系统如下：

SP1 → [NP1 V1]

SP2 → [NP1 V2 NP2]

SP3 → [NP1 V3 NP2 NP3]

建立这个句位系统的三个原则是：1. NP 原则。凡能进入 SP 中 NP 位置的名词性成分，且不违背原则 2、3，都可以充当 SP 中的 NP。2. V 前 NP 原则。V 前必须有 NP，V 前的 NP 不能加上介词(表被动的“被”、“给”等除外)。3. V 后 NP 原则。排除所有能出现在 V 前的 NP，所有能在 V 后充任宾语的名词性成分(单独出现或同时出现)，都属于 V 后 NP。这样，根据一个动词在句位 SP 规定的位置上最大限度可能支配几个 NP 就可以判定该动词的价。上述句位系统中的 V1 可看作一价动词，V2 可看作二价动词，V3 可看作三价动词。沈阳所说的价是根据较严格的形式标准来确定的，他这种方法具有较强的可操作性。不过他没讨论动词联系谓词性成分时价如何确定这类情况。

周国光《确定配价的原则与方法》一文认为，配价语法是一种结构语法。它主要研究以谓词为中心而造句时由深层语义结构映现为表层句法结构的状况及条件，谓词与体词之间的同现关系，并据此划分谓词的次类。这是因为以谓词为中心造句的条件及状况和谓体同现的状况正是谓词自身特征的部分体现。应选取与谓词同现成分最多的句法结构来提取配价指数，因为此时谓词的价全部显示出来。由于谓体同现首先受到的是语义上的制约，在谓体同现的句法结构里确定谓词的价，首先必须进行语义分析。在与谓词有语义联系的成分中，有的是谓词的词义中所蕴涵的，是在深层语义结构中就有的；有的则是根据结构或表达需要临时进入句法结构的。因此，在选取与谓词同现成分最多的句法结构之后，还必须进行谓词的词汇意义的分析。这样才能排除非配价成分。

综上所述，在研究汉语配价语法的过程中，许多学者做了艰苦探索，借鉴和发展了不同的定价标准和测试方法。但是，由于配价现象的复杂性，没有哪一种方法能做到既是简便易行、可操作性强的，又是涵盖面广、适应全部相关的语言现象的。设想，如果首先从谓词的意义出发，运用语义蕴涵测试来估计某个谓词可能带几个从属成分，再通过谓词抽象来考察谓词的伴随成分跟谓词有无语义选择关系；进一步从句法形式上考察，通过消元测试、提问测试、介词标志、转指测试方法，来审核哪些从属成分是必有的、哪些从属成分是可有的；那么就可以把人们对于不同的谓词的配价情况的直觉，转化为一种有一定形式依据的、可以在一定程度上进行验证的、相对客观的知识。

价反映了动词、形容词和有配价要求的名词对其他词项的支配能力，通过描写这些词语的价（包括价数和价质）可以对它们的句

法、语义组合能力作出简洁的刻划。因此，配价语法成为对语言的结构方式的一种有效的研究途径和关于语言知识的一种有效的组织体系。配价语法注重同一句子中不同成分的支配和从属关系，成为反映句法和语义之间的映射关系的一种直接而有效的研究手段。事实上，语法（语义）分析要求能描述语言中任意两个成分的搭配关系。宽泛的讲，配价应该是任意两个成分之间的搭配，而不仅仅是局限在动词跟名词之间，尽管人们一开始认识到配价问题是从动名关系开始的。特别是在汉语这样无形态变化的语言中，不同词之间的搭配关系更显得重要，而且描写起来也更困难，比如动词跟动词、动词跟副词之间的搭配关系就不好描述。

汉语配价语法的研究成果对计算机自动理解汉语、对教外国入学汉语都有直接的应用价值。目前，北京大学的一些学者正是基于配价理论研究、开发汉语语义词典(Valency-based Chinese Semantic Dictionary, 简称 VCSD)。这部机器可读(machine-readable)的汉语语义词典目前包括六个数据库：动词、形容词、名词各一个，另外还有三个成语库。目前动词、形容词、名词和成语的记录数分别为10788、2640、27828、7002，总共48258条记录。动词库中0价动词9个（如“例如”“变天”等）；1价动词4782个（如“拔河”“降生”等）；2价动词6882个（如“罢免”“陷入”等）；3价动词115个（如“拜托”“赠送”等）。这部词典的研究人员认为，基于配价理论的汉语语义词典“对提高汉英机器翻译系统的水平确有明显的帮助作用。”实践的进一步开发也必定会推动配价语法理论的更深入的研究。

参考文献

- 朱德熙. “的”字结构和判断句, 1978。
文炼. 词语之间的搭配关系, 1982。
吴为章. “X得”及其句型—兼谈动词的向, 1991。
范晓. 动词的“价”分类 // 语法研究与探索(五), 1991。
朱景松. 与工具成分有关的几种句法格式 // 安徽师大学报, 1992, 第3期。
袁毓林. 准双向动词研究 // 现代汉语祈使句研究, 北京, 1993。
沈阳. 动词的句位和句位变体结构中的空语类 // 中国语文, 1994, 第2期。
周国光. 确定配价的原则与方法 // 现代汉语配价语法研究, 北京, 1994。
詹卫东. 基于配价的汉语语义词典 // 语言文字应用, 2001。

易洪川, 中国

汉字笔形类错误分析及复合笔形的教学

笔形指笔画的形式, 当代中国的文字学家、辞书编纂专家和以形码为编码方式的汉字信息处理专家通常把汉字的笔形粗略归纳为五种: 横、竖、撇、点、折, 选用“扎”字为代表, 并且, “扎”字的笔顺, 还是笔画数相同的汉字依照对应笔排列时应该遵循的先后次序。例如同样是五画字的“正、旧、禾、主、司”等字, 在《现代汉语常用字表》(中国国家语言文字工作委员会、国家教育委员会1988年1月26日发布)中排列的先后次序, 就是依照其第一笔笔形在“扎”字中的顺序给出的。五种笔形中, 前四种为基本笔形, 最后一种为复合笔形。

学生尤其是小学生、留学生在汉字应用过程中, 常常会出现笔形方面的错误。笔形类错误表现在识字、写字、查字、说字中。

识字方面，由于对笔形的细微差别不敏感，导致认错字。例如，忽视“竖”与“竖钩”的区别，把“于”字认作“干”，或者反过来把“干”字认作“于”；又如忽视复合笔形“横折钩”与“横折折折钩”的区别，把“乃”字认作了“刀”。写字方面，不能区别相近的笔形，常常导致写错字。例如，不少学生把“离”字下方两笔构成的“厶”写成三笔，而把“属、遇”两字中相应部分即本来是三笔构成的“厶”写成两笔。“专”字的复合笔形“竖折撇”和“与”字的复合笔形“竖折折钩”也经常被学生混为一体，写出形似而实非的错字。类似的还有“杂、朵”一类字下一部件的混淆：不是都被写成“竖”或者“竖钩”，就是在该写“竖钩”的时候却错成了“竖”，该写“竖”时却错成了“竖钩”。查字方面，由于错把某两个相对简单笔形当成某一个相对复杂的笔形，或者相反，错把某个相对复杂笔形当成某两个相对简单的笔形，导致不能正确计算笔画，影响到检索辞书时的速度。例如“了”字由“横撇”和“竖钩”构成，是两笔而不是一笔，是二画字。“队”字左边的部件由“横撇弯钩”和“竖”构成，是两笔而不是三笔，是四画字。掌握好了笔形，才知道“辽、疗”和“那、阳”等字的准确笔画数，才能正确而快速地检索。“说字”指说出某个字，是相对于写出某个字而言的。它是用口头描述的方式给出汉字字形，如把“文”字依照笔顺口头描述为“点、横、撇、捺”，把“章”字口头描述为“‘立’字下面加一个‘早’字”。不过，前一种在笔形层面说字，是本文关注的内容；后一种是在部件层面说字，本文将略而不论。说字方面，不知道或搞错复合笔形名称，常导致不能正确给出某个汉字。如“扰”中的“尤”，最后一笔被错误地称作“捺钩”，“乃”字被错误地称作“有两个弯的”“刀”。

考察上述各类笔形方面的错误，不难看出，没有熟练掌握汉字的复合笔形，是造成字形错误的重要原因。长期的观察中，我们已经注意到使用不同体系文字的人们，常常有不同的辨字能力与构字能力，并曾经据此而认为笔形类错误主要出现在留学生身上，是留学生容易犯的错误，要纠正就必须加强复合笔形的教学，并进而在字形教学中要求学生记牢复合笔形的名称及形式特征。但是收效甚微。后来，我们对某大学中文系一年级的全体大学生共 122 人的复合笔形知识作了一个调查，通过调查我们发现，这些大学生对复合笔形的名称及其形式特征同样不甚了了，只不过错误程度较轻罢了。

调查表孤立地给出了三种复合笔形（“几、与、又”中的折笔）和三个笔形名称（竖折撇、横折折撇、横折撇弯钩）。“专、几、及、与”等四个字中的复合笔形“竖折撇、横折弯钩、横折折撇、竖折折钩”，其名称与多数汉字学著作中附录的“汉字笔画表”所载一致：“又”字中的复合笔形，有“横撇、横折撇”两种说法；表中还列了一种常见的错误名称“横折撇弯钩”，它是一些学生想当然而生造出的复合笔形名称，用来指“队”字中的“横撇弯钩”。调查结果如下：

笔形及例字	正确人数及百分比	错误人数及百分比
几(横折弯钩)	86(70.5%)	36(29.5%)
与(竖折折钩)	79(64.1%)	43(35.9%)
又(横折撇/横撇)	96(横撇)(78.6%)	11(9.1%)
	15(横折撇)(12.3%)	
笔形名称及例字	正确人数及百分比	错误人数及百分比
竖折撇(专)	77(63.1%)	45(36.9%)
横折折撇(及)	110(90.1%)	12(9.9%)

虽然汉字没有“横折撇弯钩”这一复合笔形名称，一些学生仍然给出了它的笔形，122 中有 92 人用它来指“队”字中复合笔形，约占 75% 强，21 人用它指另外的复合笔形，约占 17%，还有 9 人制造出错误笔形，约占 8%。

当我们进一步给判断孤立笔形时出错的中国大学生做用笔画说字的测试时，他们都不再出错。例如要求他们写出由“竖、竖折、竖、横、竖折折钩、横”构成的字和由“横、竖、横、撇、横折折撇、捺”构成的字，他们经过尝试后，最后都能给出正确的答案“屿”和“圾”。而留学生通常难以完成这样的测试，这值得我们深思。

就笔形错误这一点对上述情形进行分析，我们有如下认识：

- 1、不熟悉复合笔形是造成汉字笔形类错误的主要原因。
- 2、建立复合笔形的名称与其形式特征的联系是字形学习的重要内容。
- 3、不同文字社群的人建立这种联系的方式不同。
- 4、需要一种便于不同文字社群的人建立这种联系的教学法。

再从复合笔形自身的特点看，它不像基本笔形即横、竖、撇、点那样简单、明确，而是复杂多变、形式多样，难以记忆。下面列举一些复合笔形名称为例：

横折 撇折 横折折 横折折折 横折折撇 横折折折钩

横折折 横折提 横折弯 横折钩 横折撇 竖折撇

横折弯钩 横撇弯钩

竖折 竖折折 竖折折钩

繁杂、含混，简直令人头昏眼花，其相互之间示差性极弱，不能顾名思义，和基本笔形也难以融为一体，念起来还诘屈聱牙，不容易记全、记牢。

复合笔形通常也被总括地称作“折笔”，《汉字笔画表》中列有 20 多项不同的折，可以分为无钩折、带钩二合折、带钩多合折三种情况。

1、无钩折。无钩折是由横、竖、撇、捺、点、提等基本笔形二合或者多合的复合笔形。例如“厶”字中的“厶”是撇笔、横笔二合而成，“专”字中的“乚”是竖笔、横笔、撇笔三合而成，“冈”字中的第二笔即横折，由横笔、竖笔二合而成等等。

2、带钩二合折。钩不是独立的笔形，而是粘着在基本笔形和无钩折尾部的附带性短线段或者说是连带笔形。例如“买”字的横笔即第一笔笔尾后的粘着性短线段，又如“丁”字的第二笔、“弋”字的第二笔笔尾的粘着性短线段。“以”字中的第一笔竖提，也可以归于此类。

3、带钩多合折。带钩多合折，是无钩折粘上了钩，实际上也就是基本笔形的组合后粘上了钩。例如“扎、司、仍、马、队、九”等字中的折笔，都是有钩粘着的折。横折提如“认”字中的第二笔，也可以归于此类。带钩多合折，算上钩就至少是三合笔形。

我们不难发现，三种情况的复合笔形的所有构成成分中，只有钩是特有的，其余成分与基本笔形一致。因此，复合笔形可以用描写基本笔形所用的术语来描写。

复合笔形的现有名称示差性弱、不能顾名思义、没有和基本笔形合为一体等等不足之处，加大了其学习难度。中国的一些学者提出了改变复合笔形的叫名以减小其学习难度的办法。提出现行《汉字笔

画表》上称为折笔的无论哪种笔形，其叫名都由构成折笔的基本笔形的名称连读构成。如“乃”字中的折笔，就直截了当地称为“横撇横撇钩”，“与”字中的折笔，直截了当地称呼为“竖横竖钩”，它们显然比叫“横折折钩”、“竖折折钩”简明、易懂、易记甚至不需要专门去记，读如笔形就可以了。做到了见笔形就能够知道叫名，知道叫名就能够给出笔形，不假思索。

下面是汉字某些复合笔形新旧名称对照表，所举例字中的头一个复合笔形，就是该名称指称的复合笔形。

含复合笔形的例字	推荐用名称	现用名称
又	横撇	横折撇
讠	横竖提	横折提
丑	横竖	横折
山	竖横	竖折
凹	横竖横	竖折折
凸	横竖横竖	横折折折
司	横竖钩	横折钩

其它复合笔形的名称也可以据此推定。两相比较，孰优孰劣，一眼就可以看出来。本文推荐用的复合笔形名称，其示差性比较强，能顾名思义，又和基本笔形浑然一体。因此，学这样的名称，其难度必然降低，建立复合笔形的名称与其形式特征的联系当然也就比较容易，对于不熟悉汉字字形的西方学生尤其如此。

主要参考文献

- 傅永和. 汉字的笔画 // 语文建设, 1992, 第1期。
 费锦昌. 现代汉字笔画规范刍议 // 世界汉语教学, 1997, 第2期。
 易洪川. 折笔的研究与教学 // 语言文字应用, 2001, 第4期。

中国乡土小说的崛起

中国乡土小说的崛起是二十年代中国文学的一个突出现象。二十世纪二十年代，在鲁迅乡土小说的开拓下，在国外文学的滋润中，在乡土小说作家的耕耘后，在中国新文学的艺苑里，出现了重要的乡土文学流派。

文化的冲突使作家选择了乡土小说。一批在古老封建乡村文化熏陶下、祖居偏远闭塞乡村的文学青年，在“五四”新文化运动的感召下，步入北京、上海等都市，在现代文化勃兴、开放的异地，他们他们经受了城市现代文化的种种冲击，吸取城市文化的营养，理性地批判封闭落后的乡村文化，同时怀着对记忆中的乡土的依恋，不断做着遥远而深沉的故乡的梦，创作出了描写乡村生活，审视乡村文化的乡土文学。

鲁迅的一些小说，如《故乡》等作品，取材于故乡农村或小市镇，用现实主义的表现手法描绘人们渺小、卑微、苦痛的人生，具有浓郁的地方色彩和乡土气息，为中国乡土小说开创了先河。台静农、许钦文、许杰、王鲁彦、蹇先艾、彭家煌等一大批青年创作了许多乡土小说，使乡土小说形成一个流派。具备强烈的现代意识是这一批作家及其作品得以产生影响及具有持久艺术生命力的重要基因。

乡土小说在近代小说史上第一次提供了当时中国乡土社会经济、政治、思想、文化各方面宽广而真实的图画。基本主题是：描述了农民的不幸命运，勾画了地主阶级的贪婪凶残，抨击了封建的土地制度，如台静农的《井》《蚯蚓们》等；描写乡村妇女在旧伦理道德压迫的不幸命运，从不同的角度抨击着封建的伦理道德，喊出了妇女

解放的心声，如彭家煌的《喜期》；从人物生活境遇揭露人们的悲剧命运，而且力图从国民性病态深处寻找民族悲剧的根源，如鲁迅的《阿Q正传》，蹇先艾的《水葬》等；描写了农人们从个人蒙胧的反抗到群体性的自发斗争，并走向有组织的自觉斗争，对民族解放道路作了初步的探索。

对于人物命运悲剧的把握以及悲剧氛围的营造是乡土文学的一种艺术风尚；在国外现代主义艺术手法的影响下，乡土小说采用了许多象征、荒诞、心理分析等现代主义艺术方法，小说形态由传统的情节故事型向现代的情绪生活型，乡土小说作家把现实主义和现代主义小说技巧加以融合，创作出了绚丽多姿的乡土小说。中国二十年崛起的乡土小说在三十年代、四十年代得到了长足的发展，并走向成熟，对三十年代、四十年代以至新时期的中国文学产生了深远的影响。

木仕华, 中国

论纳西语的语法化

从语序类型学角度而言，纳西语属于 SOV 型。就动词位置而言是“动居句末(Verbal-final)”型。与其它汉藏语一样，语序和虚词是纳西语作为分析型语言表达意义的基本手段。纳西语形态变化相对较弱，形态的简化促成了纳西语在语言类型上较突出的分析型语言的特点。这型特点的产生与语法化休戚相关。故本文试对纳西语实词语法化的途径、类型、外在条件和内在动因作探讨。

SOV 型语序和分析型的特点使纳西语早期阶段由形态承担的语法功能转由许多动词后附加的词类充当。而这些词类中，绝大多数虚词是来自实词，特别是副词、介词、连词这三类都是从实词语法化而来。而从实词的角度来说，动词产生语法化现象的机率最高。有些动词经语法化变成了介词和连词；有些动词经语法化后只充当介词；也有的动词只变成连词；有些动词则经语法化后变成介词、连词和辅助动词。形容词语法化后主要变成副词。名词语法化也是副词的产生的途径之一。代词经语法化后，主要变成副词、连词、助词。上述的语法化类型可称之为实词变成虚词型。此外，纳西语中还有由较虚的词类经语法化后向更虚的词类转化的情形。如副词和介词仍具有他们充当形容词和动词时的语义，即仍含有一定的词汇意义。如果他们转化成连词，此时，他们的词汇意义更虚；而由介词和连词经语法化后转化为助词的（或称小品词）词汇意义已彻底丧失。因此，除去由实词经语法化后变成虚词的语法化类别之外，尚有由较虚的词类向更虚的词类转化的语法化现象，这一过程中，往往伴随着词汇意义的逐步消失；语音的弱化；语用的淡化，这些现象与虚词的语法功能的叠加，强化和更新并存。从形式上看语法化的历程为：“实—（实/虚）虚”的序列。探究实词的语法化，要以意义为依据，以句法地位为途径。一种实词词类经语法化后转化为虚词词类，其变化的动因是由于他们经常出现在一些适于表现某种特定语法关系的位置上，导致词义的丧失，使其句法功能得以形成并强化和固定，最终变成虚词。一个实词由表示词汇意义向表示语法意义的转化，最终其功能以表示语法意义为主的转化。这种转化与词义引中的途径相当，符合从具体到抽象的演绎规律。

关于纳西语中实词词类经语法化变成虚词后，随着其句法地位的确立。我们可以分析语法化现象在句法中不同语法成分位置上的变异情况。

在纳西语中，语法化现象主要出现在定语、状语、补语的位置上。因为，主语、谓语、宾语是句子的主要意义和基本构成单位，所以，实词发生语法化往往与实词在句中特殊的语法关系的位置相关。往往在固定的语序构成的语法位置中实现。其中状语和补语的位置最变异出现实词语法化。这与充当状语和定语自身的语法功能相关，因为这两种成分往往与时间、程度、范围、原因、对象及处所、工具的词语相关。

多数形容词和动词经语法化后充当状语；而多数动词经语法化后变成介词，往往是由于他们后带宾语相关。而动词的语法化往往在谓语的位置上完成，由动词经语法化转为辅助动词，从而引发意义重心的移位，形成动词加辅助动词的并用状态，逐步的向虚的方向过渡，同时其语法功能逐步增强。定语的位置很少发现语法化，因为他们有修饰限制名词的职能，而虚词无法充当这种职能。另有一些实词的虚化是在复合句中的两个关系小句之间完成的，关系连词经语法化后，最终变成语缀。

纳西语中语法化现象出现频率最高的语法成分位置首推句尾词。随着动词自身形态的萎缩、简化，句尾词（或称动词后附加成分）的语法功能趋发达起来。因此，纳西语早期发展阶段由动词形态表达的时、体、式、使动与自动、动作的趋向、行为的自主与非自主、施事亲见与非亲见等诸多语法意义，在现代纳西语中改由句尾词承担。实现语言类型由屈折型向分析型的转化。而动词、形容词、副

词等词类经语法化后主要变为句尾词，出现这些词类语法功能的增强和语词意义的弱化，这些方式成为句尾词产生的主要途径。

总之，语法化现象在纳西语中的出现，其发展轨迹总是由实变虚，虚的变得更虚，这是从词汇意义而言，因而导致语义的重新调配，促成虚词语法功能的强化和叠加，其结果是在共时平面上并存同一语法功能的多种变异形式，分属不同的历史层次。语法化现象与词序的关系，语法化现象在纳西语中产生的动因也是需要继续深入研究的专题。正如 Givón 所言“今天的词法就是昨天的句法”（Givón, 1971），许多“形式比它的概念内容活得长久”（A.Meillet, 1972）。因此，对纳西语语法化现象的研究要求我们把历时研究和共时研究结合起来，由历时的演变来解释共时的变异。并认识到语言的结构和语言的使用之间是互相依存的关系。而语言结构的演变除了语言内部的动因外，语序类型、认知模式语言接触，语用条件等诸多因素密切相关。

Содержание

<i>Андреева В.А.</i> К вопросу о неологизмах вьетнамского языка	3
<i>Antonian K.V.</i> Complements of direction in Chinese: problems of categorization	13
<i>Баландюк Ю.В.</i> К проблеме словесного ударения в корейском языке	20
<i>Бауман Э.С.</i> Особенности языкового сдвига у пекинских маньчжуров	27
<i>Бобрышева И.Е.</i> Традиции китайской лингводидактической системы	29
<i>Боровский В.В.</i> Опыт перевода книги: Ли Ч.Н., Томпсон С.А. «Пекинский диалект китайского языка: функциональная описательная грамматика»	35
<i>Воропаев Н.Н.</i> О структуре слов-редупликатов в современном китайском языке	39
<i>Готтлиб О.М.</i> Китайская логограмма как знак	47
<i>Демина Н.А.</i> Требования, предъявляемые к обучению китайскому языку в XXI веке	56
<i>Долотин К.И., Романенко Д.В., Бархударова Е.Л.</i> Сравнительный анализ темпа речи и характера выделения слогов в русском и китайском звучащем тексте	60
<i>Elovkov D.I.</i> Grammatical meanings expressed in Khmer	67
<i>Журавлева Я.А.</i> Многозначность чэньюй в китайском языке	72
<i>Зевахина Т.С.</i> Когнитивные механизмы образности в китайском и дунганском языках	82
<i>Имазов М.Х.</i> К вопросу о дунганских родовых фамилиях	99
<i>Каримов А.А.</i> Категория множественности в китайском и узбекском языках	104
<i>Касевич В.Б., Каплун М.И.</i> Некоторые проблемы анализа китайской ритмики в сопоставлении с ритмикой йоруба	109
<i>Кожжевников И.Р.</i> Структурная организация привычных выражений	118
<i>Козлов В.К.</i> История и генезис общих представлений о природе и структуре предикативных конструкций в китайском языкознании	123
<i>Kotarova I.N.</i> Synthetism in the verbal domain in the Tibetan language	132
<i>Кондратьева Е.Б.</i> Некоторые грамматические особенности танских новелл	138
<i>Кочергин И.В.</i> К вопросу о лексическом минимуме китайского языка	143
<i>Krylov Y.</i> What are the "quasi-syllabic" languages?	149

<i>Krylov Y.</i> Re-syllabification as a classificatory base of phonological typology	154
<i>Курдюмов В.А.</i> Можно ли называть китайский язык корнеизолирующим?	159
<i>Лытова Г.А.</i> Проблема выделения вводных слов в современном китайском языке.	166
<i>Мазо О.М.</i> Суффикс *-t в древнекитайском языке.	171
<i>Михайлова Т.В.</i> Особенности употребления дополнений с глаголами дачения-отнимания в диалектах сянь.	175
<i>Морев Л.Н.</i> Тайские языки с позиции китайских лингвистов	180
<i>Погибенко Т.Г.</i> Каузальные, аффективные и оценочные предикаты в кхмерском	187
<i>Рахимбекова Л.Ш.</i> К вопросу о дивергентном удвоении в китайском языке (путунхуа)	199
<i>Романенко Д.В.</i> Восприятие интонации в языках различного строя ..	205
<i>Руководельникова М.Б.</i> К проблеме глагольных повторов в китайских предложениях	212
<i>Савуляк В.А.</i> Проблема автоматической сегментации китайского текста	215
<i>Семенов А.Л.</i> О гонконгском словаре иностранных заимствований ...	223
<i>Скороспелов Н.Б.</i> Русская разговорная речь: тенденция к «китайзации»?	228
<i>Солнцева Н.В.</i> Некоторые вопросы неологизмов.	231
<i>Софронов М.</i> Порядок слов и служебные морфемы в тангутском языке	235
<i>Тихонова Е.Ф.</i> Научная и педагогическая деятельность В. П. Васильева	248
<i>Уланова Э.Э.</i> Звукоподражания, звукоподражательные слова и словоподобные звукоподражательные комплексы в китайском языке.	260
<i>Хабибулин В.А.</i> Категория залога в современном китайском языке ...	265
<i>Хорошкина А.С.</i> К описанию китайских результативных конструкций	269
<i>Хохлов А.Н.</i> Харбинский китаист Г.А. Софоклов и его метод преподавания китайского языка	274
<i>Хохлов А.Н.</i> Китаист И. М. Ошанин и его служба на дипломатическом поприще в Китае	288
<i>Ху Шисюн.</i> Каламбур: форма и семантика	301
<i>Цешинская Е.</i> Китайская народная новогодняя картина (нянь-хуа) и ее символика, основанная на языковой игре	311

<i>Чжан Цзюньсян.</i> О понятиях “реальное языковое явление” и “потенциальное языковое явление” в китайском языке	318
<i>Шевцова Н.И.</i> О конструкции сопряженных действий в речи китайских детей	327
<i>Шмарова Ж.В.</i> К вопросу о структуре значения сложного слова в китайском языке	334
<i>Шутова Е.И.</i> Проблема частей речи в китаеведении	339
<i>Шукин А.А.</i> Референция в китайском языке	346
<i>Яковлев Г.</i> Об основаниях лингвистической типологии в свете представлений о динамической природе языка	358
<i>Городецкий Б.Ю.</i> Пути совершенствования большого китайско-русского словаря	363
<i>Головачева Л.И.</i> О возникновении общепонятного идеофонографического письма в доциньском Китае	372
<i>姚晓琳</i> 汉语配价语法研究浅议	380
<i>易洪川</i> 汉字笔形类错误分析及复合笔形的教学	387
<i>武俊明</i> 中国乡土小说的崛起	393
<i>木仕华</i> 论纳西语的语法化	394